Agatha Christie

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Агата Кристи

Каникулы в Лимстоке
Объявлено убийство

Каникулы в Лимстоке. Объявлено убийство

Агата Кристи

Аннотация
Agata Cristie. ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ. Агата. Кристи. Каникулы в Лимстоке. Объявлено убийство
КАНИКУЛЫ. В ЛИМСТОКЕ
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8

ОБЪЯВЛЕНО. УБИЙСТВО
- Глава 1. Необычное объявление
- Глава 2. Завтрак в «Литтл-Пэддоксе»
- Глава 3. В половине седьмого
- Глава 4. Отель «Ройал Спа»
- Глава 5. Мисс Блэклок и мисс Баннер
- Глава 6. Джулия, Мици и Патрик
- Глава 7. … и другие
- Глава 8. На сцену выходит мисс Марпл

Глава 9. Немного о двери
Глава 10. Пип и Эмма
Глава 11. Мисс Марпл приходит к чаю
Глава 12. Утренние хлопоты в Чиппинг-Клеорне
Глава 13. Утренние хлопоты в Чиппинг-Клеорне. (продолжение)
Глава 14. Экскурс в прошлое
Глава 15. «Сладкая смерть»
Глава 16. Возвращение инспектора Краддока
Глава 17. Альбом
Глава 18. Письма
Глава 19. Воссоздание преступления
Глава 20. Мисс Марпл исчезла
Глава 21. Три женщины
Глава 22. Правда
Глава 23. Вечер у пастора

Аннотация

Где еще после госпиталя отдохнуть летчику, выжившему в авиакатастрофе, как не в маленькой, тихой деревеньке вдали от цивилизации? Но покой ему только снился – приходят анонимные письма, по деревне прокатывается серия загадочных убийств. Распутать клубок событий способна лишь гениальная мисс Марпл!

Agata Cristie

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Агата
Кристи

Каникулы в Лимстоке
Объявлено убийство

КАНИКУЛЫ В ЛИМСТОКЕ

Глава 1

Я часто вспоминаю то утро, когда пришло первое анонимное письмо.

Его принесли перед завтраком. Я лениво перевернул его, как это делают, когда время течет медленно и любое событие приобретает значение. Это было, как я обнаружил, «местное» письмо с отпечатанным на машинке адресом. Я вскрыл его первым, отложив пару писем с лондонскими штемпелями, поскольку в одном из них явно был счет, а на другом я узнал почерк одной из моих наискучнейших кузин.

Теперь странно вспоминать, что Джоанну и меня это письмо только развлекло. У нас и мысли не возникло, что с ним придут кровь и насилие, недоверие и страх.

Просто невозможно связать такого рода вещи с Лимстоком.

Я вижу, я неверно начал. Я не объяснил, что такое Лимсток.

После авиакатастрофы, в которую я угодил, долгое время я был уверен, вопреки утешительным словам врачей и сиделок, что приговорен к тому, чтобы всю оставшуюся жизнь провести

в инвалидной коляске. Но в конце концов меня извлекли из гипса, и я начал осторожно учиться пользоваться своим телом, а затем Маркус Кент, мой врач, хлопнул меня по спине и заявил, что все в порядке, но я должен поехать в деревню и по крайней мере полгода вести растительную жизнь.

— Найдите такую часть света, где у вас нет никаких друзей. Удерите от всего, интересуйтесь местной политикой, деревенскими сплетнями, поглощайте все местные скандалы. И немножко пива — вот предписание для вас. Абсолютный покой и тишина.

Покой и тишина! Смешно об этом думать теперь.

Итак, Лимсток — и вилла «Литтл Фюрц».

Лимсток был большим городом во времена завоевания норманнов. В двадцатом же веке это было место незначительное во всех отношениях. Лимсток расположился в трех милях от железнодорожной магистрали — крохотный провинциальный городок, почти деревня, в котором часто устраивались базары; городок, окруженный бесконечными вересковыми пустошами. Вилла «Литтл Фюрц» располагалась на холме, у дороги, уходящей в вереск. Это был чопорный,

унылый дом с покосившейся викторианской верандой блекло-зеленого цвета.

Моя сестра Джоанна, едва завидя его, решила, что это идеальное место для выздоравливающего. Владелица дома была под стать ему — очаровательная маленькая старая леди, невообразимо викторианская. Она объяснила Джоанне, что ей бы и не приснилось такое — сдавать дом, но все так изменилось в нынешние времена… И эти ужасные налоги!

Итак, все было улажено, и договор подписан, и должным образом Джоанна и я прибыли и обосновались в доме. Сама же мисс Эмили Бэртон перебралась в Лимсток, в комнаты, которые содержала ее бывшая горничная («моя преданная Флоренс»), оставив нас под присмотром нынешней горничной мисс Бэртон — Патридж, мрачной, но весьма квалифицированной личности, которой помогала приходящая «девушка».

Через несколько дней после того, как мы поселились в «Литтл Фюрц», Лимсток начал наносить торжественные визиты. Каждый в Лимстоке имел какой-то свой отличительный признак, и все семьи выглядели «вполне счастливыми», как сказала Джоанна. Это были: мистер Симмингтон, адвокат, тонкий и сухой, с раздражительной, лю-

бящей бридж женой; доктор Гриффитс, мрачный, меланхолический врач, и его сестра — большая и радушная; викарий, образованный, забывчивый пожилой человек, и его жена — с энергичным лицом и блуждающим взглядом; богатый дилетант мистер Пай из виллы «Прайорз Лодж»; и наконец, мисс Эмили Бэртон собственной персоной, безупречная деревенская старая дева.

Джоанна дотрагивалась до карт с чем-то похожим на благоговейный трепет.

— Я не знала, — как-то сказала она голосом, полным непонимания, — что есть люди, которые действительно приходят *в гости*, чтобы играть *в карты!*

— Это потому, — объяснил я, — что ты ничего не знаешь о деревне.

Моя сестра Джоанна очень хорошенькая и очень веселая, она обожает танцы и коктейли, любовные романы и гонки на скоростных автомобилях. Она — законченная горожанка.

— Во всяком случае, — заявила Джоанна, — я смотрюсь в деревне неплохо.

Я критически оглядел ее и не счел возможным согласиться.

— Нет, — сказал я, — ты одета неправильно. Ты должна носить старую причудливую твидовую

юбку с хорошеньким кашемировым джемпером, подобрав их под пару… но, может быть, предпочтительнее мешковатое вязаное пальто… И ты должна надеть фетровую шляпу и толстые чулки, и еще — старые, хорошо разношенные уличные ботинки. И лицо у тебя неправильное, — добавил я.

— Что в нем неправильного?! Я наложила «деревенский тон номер два»!

— Вот именно, — сказал я. — А если бы ты жила здесь, ты бы лишь чуть-чуть пудрилась, не высовывая носа на солнце, и ты, конечно же, носила бы свои брови целиком, вместо того чтобы оставлять от них четверть.

Джоанна рассмеялась и сказала, что переезд в деревню обещает новые впечатления и она намерена всем наслаждаться.

— Боюсь, ты будешь ужасно скучать, — предположил я, испытывая угрызения совести.

— Нет, не буду. Я сыта по горло всеми моими компаниями, и хотя ты не желаешь мне сочувствовать, я действительно была очень огорчена из-за Пауля. Теперь у меня будет время все забыть.

Я отнесся к сказанному скептически. Любовные истории Джоанны всегда двигались по одному

и тому же пути. Она влюблялась сумасшедшим образом в какого-нибудь совершенно бесхарактерного молодого человека, непризнанного гения. Она выслушивала его бесконечные жалобы и делала все, чтобы его заметили. Затем, когда он оказывался неблагодарным, она бывала глубоко ранена и утверждала, что ее сердце разбито, — до тех пор, пока не появлялся очередной унылый молодой человек, что обычно случалось недельки через три.

Я не слишком серьезно относился к разбитому сердцу Джоанны, но видел, что жизнь в деревне — нечто вроде новой забавы для моей милой сестры. Она с интересом предалась веселой игре в нанесение визитов. Мы должным порядком получали приглашения на чай и бридж, принимали их и рассылали ответные приглашения.

Для нас обоих все это было как увлекательная книга — совершенно новая книга!

И, как я уже сказал, когда пришло анонимное письмо, оно всего лишь позабавило меня.

Вскрыв письмо, я минуту или две пребывал в недоумении. Печатные слова, вырезанные из книги и наклеенные на лист бумаги…

В письме в довольно грубых выражениях сообщалось мнение отправителя насчет того, что мы

с Джоанной не были братом и сестрой.

— Эй, что это такое? — спросила Джоанна.

— Это очень грязное анонимное письмо, — ответил я.

Я ощутил легкую душевную боль. Кто бы предположил, что подобное может случиться в тихом болоте Лимстока?

Джоанна мгновенно проявила живейший интерес:

— Да ну? И что в этом письме говорится?

Должен заметить, что в романах анонимные письма — грубые, внушающие отвращение — по возможности не показывают дамам. Подразумевается, что дам следует во что бы то ни стало защитить от потрясения, в которое подобное письмо повергнет их нежную нервную систему.

Очень жаль, но я должен сказать, что мне бы и в голову не пришло скрыть письмо от Джоанны. Я немедленно протянул ей лист.

Джоанна подтвердила мою веру в нее тем, что не проявила никаких чувств, кроме веселого удивления.

— Какая жуткая гадость! Я слыхала об анонимных письмах, но мне никогда не приходилось их видеть. Они что, все такие?

— Не могу сказать, — ответил я. — Для меня это

тоже впервые.

Джоанна захихикала.

— Похоже, ты был прав, говоря о моей косметике, Джерри. Наверное, они тут решили, что я просто обязана быть распутной женщиной!

— К тому же, — сказал я, — нужно учесть тот факт, что наш отец был высоким смуглым человеком с длинным худым лицом, а наша матушка — очаровательное маленькое создание, голубоглазое, с прекрасными волосами, и что я похож на отца, а ты — на маму.

Джоанна задумчиво кивнула.

— Да, мы ничуть не похожи. Никто и не подумает, что мы брат и сестра.

— Кто-то и не подумал, — сказал я с чувством.

Джоанна заявила, что она считает все это просто забавным. Она помахала письмом, держа его осторожно за уголок, и спросила, что мы с *этим* сделаем.

— Я полагаю, будет наиболее верным, — предложил я, — сунуть его в огонь, энергично выразив свое отвращение.

Я подкрепил свои слова действием, и Джоанна зааплодировала.

— Ты это проделал великолепно, — сказала она. — Тебе просто необходимо пойти на сце-

ну. Какое счастье, что у нас все еще есть огонь, правда?

— Корзинка для бумаг не была бы столь драматична, — согласился я. — Хотя, конечно, я мог поджечь листок спичкой и понаблюдать, как он медленно сгорает.

— Когда тебе нужно что-то сжечь, оно ни за что не загорается, — сказала Джоанна. — Оно гаснет. Тебе наверняка пришлось бы чиркать спичку за спичкой.

Она встала и подошла к окну. Потом, стоя там, вдруг резко обернулась.

— Удивляюсь, — сказала она, — кто мог написать такое?

— Вероятно, мы никогда этого не узнаем, — предположил я.

— Я тоже так думаю. — Она помолчала немного и продолжила: — И тем не менее, не знаю уж почему, мне все это кажется забавным. Видишь ли, я думала, они… я думала, нас здесь полюбят.

— Так оно и есть, — сказал я. — Просто тут живет какой-то наполовину свихнувшийся тип.

— Надеюсь, что это так. Фу, гадко!

Джоанна ушла наружу, на солнышко, а я, закуривая положенную после завтрака сигарету, решил, что сестра права. Это действительно гад-

ко. Кого-то возмутил наш приезд сюда… кого-то возмутила юная, яркая красота Джоанны… кто-то хотел причинить боль. Возможно, лучшим выходом было посмеяться над всем этим.

Тем утром к нам зашел доктор Гриффитс. Я договорился с ним о еженедельных осмотрах. Мне нравился Оуэн Гриффитс. Он был смуглый, нескладный, с неловкими манерами и мягкими, искусными руками. Говорил он отрывисто и был слегка застенчив:

— Вы не хуже чувствуете себя сегодня, а? Или это мое воображение, или с утра на вас немножко действует погода.

— Не то, — сказал я. — Вместе с утренним кофе пришло довольно грубое анонимное письмо, и оно оставило достаточно гадкий привкус во рту.

Доктор уронил свой портфель на пол. На его тощем, темном лице отразилось возбуждение.

— Вы хотите сказать, что и *вы* получили одно из них?

Я заинтересовался:

— А что, здесь такое случается?

— Да. С некоторых пор.

— О, — сказал я, — понятно. А я-то решил, что лишь присутствие столь странных личностей, как мы, вызвало чье-то негодование.

— Нет-нет, ваш приезд ни при чем. Это просто… — Он помолчал и спросил: — О чем там говорилось? По крайней мере… — Он внезапно покраснел и смутился. — Возможно, я не должен был спрашивать?

— Я с удовольствием отвечу вам, — сказал я. — Там всего лишь сообщалось, что экстравагантная девица, которую я привез с собой, вовсе мне не сестра. И это, добавлю, кратчайшее изложение.

Смуглое лицо доктора налилось гневом.

— Проклятье! Ваша сестра… надеюсь, она не слишком расстроилась?

— Джоанна, — пояснил я, — не очень-то похожа на ангелочка с рождественской елки, она более чем современна и достаточно крепка. Она нашла это в высшей степени забавным. Ей не приходилось прежде сталкиваться с чем-либо подобным.

— Да уж надеюсь, что не приходилось, — сказал Гриффитс.

— И в любом случае, — сказал я уверенно, — здесь ничего не остается, кроме как посмеяться. Как над чем-то чрезвычайно нелепым!

— Да, — сказал Оуэн Гриффитс, — всего лишь…

Он замолчал, и я быстро подхватил:

— Совершенно верно. Всего лишь слова.

— Беда в том, — сказал он, — что такого рода

вещи, однажды начавшись, сами по себе не заканчиваются.

— Могу вообразить.

— Безусловно, это патология.

Я кивнул.

— У вас есть какие-нибудь соображения об авторе? — спросил я.

— Нет, лишь желание узнать. Видите ли, причин к сочинению анонимных писем может быть две. Если это единичное письмо — отправленное одному человеку или группе лиц, — то можно сказать, что оно мотивировано. То есть его написал некто, имеющий причины для недовольства (или полагающий, что имеет) и выбирающий грязный, тайный путь к проявлению этого недовольства. Это дурно, и это вызывает отвращение, но такой человек не обязательно сумасшедший, и обычно довольно легко определить автора — уволенный слуга, ревнивая женщина и так далее. Но если это не единичный случай, а принцип действия личности, то это уже куда серьезнее. Письма рассылаются беспорядочно, и они служат одной цели — заменить какие-то разрушенные надежды в воображении пишущего. Как я уже сказал, это, безусловно, патология. И безумие прогрессирует. В конце концов, конечно, автора анонимок

выследят и поймают (часто это, кстати, оказывается человек, о котором просто невозможно подумать подобное), и тем все и кончится. Был подобный инцидент, на другом конце графства, в прошлом году — когда уволили заведующую отделом дамских шляп в большом универмаге. Тихая, изысканная женщина, работала там много лет. Я припоминаю несколько случаев и из моей практики. Но это были несчастные, озлобленные, уволенные люди. Однако, как я сказал, я уже видывал подобное, и это, совершенно искренне, пугает меня!

— И давно это продолжается? — спросил я.

— Не знаю точно. Безусловно, это трудно определить, потому что люди, получившие подобные письма, не рекламируют этот факт. Они бросают письма в огонь.

Он помолчал.

— Я тоже получил одно. И Симмингтон, адвокат. И один или двое из моих небогатых пациентов говорили мне об этом.

— И все письма похожи одно на другое?

— О да. Во всех повторяется одна и та же тема секса, это их обычная черта. — Он усмехнулся. — Симмингтона обвинили в преступных отношениях с его служащей, бедной мисс Гинч.

А ей по меньшей мере сорок, она носит пенсне, и зубы у нее, как у кролика. Меня обвинили в нарушении профессиональной этики в отношениях с пациентками и усердно налегали на подробности. Эти письма весьма инфантильны и абсурдны, но жутко язвительны. — Лицо доктора стало серьезным. — И тем не менее я *напуган*. Такие вещи могут быть *ужасны,* знаете ли.

— Полагаю, что действительно могут.

— Понимаете, — сказал он, — хотя письма грубы и полны детской злобы, рано или поздно *одно из них может попасть в цель.* А тогда — бог знает, что может случиться! И еще я боюсь влияния анонимок на неповоротливые, подозрительные, невоспитанные умы. Ведь когда они видят нечто *написанным*, они верят, что это правда. Тут возможны любые осложнения.

— Это было малограмотное письмо, надо сказать, — заметил я задумчиво. — Сочиненное кем-то практически необразованным.

— Так ли это? — сказал Оуэн и ушел.

Раздумывая позже обо всем этом, я нашел докторское «так ли это?» несколько тревожащим.

Я не намерен утверждать, что наша анонимка не оставила гадкого привкуса во рту. Это было. Но в то же время — она скоро забылась. Видите

ли, в тот момент я не отнесся к письму всерьез. Думаю, я внушил себе, что подобное случается нередко в глухих провинциальных городках. Причиной тому — истеричные женщины, склонные все драматизировать. Во всяком случае, если все анонимки такие же детские и глупые, как та, что получили мы, вряд ли они принесут много вреда.

Следующий *инцидент*, если это можно так назвать, произошел неделей позже, когда Патридж, поджав губы, сообщила, что Беатриса, наша приходящая служанка, сегодня не явится.

— Я полагаю, сэр, — сказала Патридж, — у девушки сильное расстройство.

Я не слишком понял, что имеет в виду Патридж, но отметил (ошибочно), что Патридж как бы смакует намек на нечто слишком щекотливое, чтобы сказать об этом прямо. Я ответил, что не вижу в этом ничего страшного и надеюсь, что Беатрисе скоро станет лучше.

— Девушка здорова, — пояснила Патридж. — Но ее чувства в расстройстве.

— О! — произнес я в недоумении.

— Это, — продолжила Патридж, — из-за письма, которое она получила. Насколько я поняла, весьма лживое письмо.

Жесткое выражение глаз Патридж натолкнуло меня на мысль, что ложь в письме относилась ко мне. Поскольку я с трудом узнал бы Беатрису, встреть я ее в городе, и вообще мало догадывался о ее существовании, я почувствовал чудовищную досаду. Инвалид, передвигающийся на двух костылях, очень уж мало годился на роль соблазнителя деревенских девиц.

Я сказал раздраженно:

— Что за чушь!

— То же самое сказала я матери девушки, — доложила Патридж. — Ничего подобного не могло быть в этом доме, сказала я ей, и ничего подобного не будет, пока этот дом под моим присмотром. Что касается Беатрисы, сказала я, то девушки в наши дни очень разные и я ничего не могу сказать о ее поведении где-нибудь в другом месте. Но верно и то, сэр, что приятель Беатрисы, из гаража, тот, с которым она гуляет, тоже получил одно из этих скверных писем. И нельзя сказать, чтобы он отнесся ко всему этому благоразумно.

— В жизни не слышал ничего более нелепого, — сердито сказал я.

— И я того же мнения, сэр, — сообщила Патридж. — И нам лучше бы избавиться от этой девушки. Я ведь что говорю: она бы не получила

письма, если бы не было чего-то *такого*, что она хотела бы скрыть. «Нет дыма без огня» — вот что я сказала.

Я и не догадывался, как сильно надоест мне вскоре эта простенькая фраза.

Тем утром в поисках приключений я решил спуститься в городок. Светило солнце, воздух, прохладный и живительный, был полон весенней прелести. Я собрал свои костыли и отправился, твердо отказавшись от предложения Джоанны сопровождать меня.

Мы договорились, что сестра приедет за мной на автомобиле и привезет обратно на холм к обеду.

— У тебя масса времени уйдет лишь на то, чтобы поздороваться с каждым в Лимстоке.

— Не сомневаюсь, — сказал я, — что меня там ни один не пропустит.

Мне бы не следовало, конечно, — после того, что со мной произошло, — спускаться в городок без сопровождающего. Я прошел около двухсот ярдов, когда услышал позади велосипедный звонок, потом скрип тормоза, а потом Меган Хантер с треском уложила свою машину к моим ногам.

— Привет, — выдохнула она, поднимаясь на ноги и отряхиваясь.

Мне, в общем, нравилась Меган, но я постоянно испытывал перед ней странное чувство вины.

Меган была падчерицей адвоката Симмингтона. Дочь миссис Симмингтон от первого брака. О мистере (или капитане) Хантере старались упоминать пореже, и я сделал вывод, что ему следует быть забытым. О нем ходили слухи, что он очень плохо обращался с миссис Симмингтон. Она развелась с ним через год или два после свадьбы. Миссис Симмингтон была женщиной со средствами, и — вместе со своей маленькой дочкой — поселилась в Лимстоке, «чтобы все забыть», и здесь нашла подходящую партию, единственного на все местечко холостяка Ричарда Симмингтона.

От второго брака родились два мальчика, которым родители посвятили себя полностью. И я представлял себе, что Меган, пожалуй, иной раз ощущает себя лишней в доме. Она вовсе не похожа была на мать, маленькую анемичную женщину, совсем поблекшую, которая нежным меланхоличным голосом рассуждала о сложностях обращения с прислугой и о собственном здоровье.

Меган была высокой неуклюжей девушкой, и хотя ей было почти двадцать лет, она куда больше

походила на шестнадцатилетнюю школьницу. Меган обладала копной растрепанных каштановых волос, орехово-зелеными глазами, тонким сухим лицом и неожиданно чарующей, чуть кривоватой улыбкой. Одежда ее имела вид скучный и непривлекательный, и не было случая, чтобы на фильдекосовых чулках Меган не оказалось дырок.

Я решил, что этим утром она гораздо больше похожа на лошадь, чем на человеческое существо. Но надо признать, что она была бы симпатичной лошадкой, только очень уж неухоженной.

Меган заговорила как обычно — словно задыхаясь от спешки.

— Я была на ферме — вы знаете, у Лашеров, — чтобы спросить, нет ли у них утиных яиц. А у них куча милых малюсеньких поросят! Прелесть! Вы любите поросят? Я — очень. Мне даже их запах нравится.

— Если свиней хорошо содержать, они не должны бы пахнуть, — предположил я.

— Не должны? Да они же под себя ходят! А вы в город? Я увидела, что вы один, вот и решила остановиться и пойти с вами, только я остановилась слишком уж резко.

— Вы порвали чулки, — сказал я.

Меган печально посмотрела на свою правую ногу.

— Да, действительно. Но там уже есть две дырки, так что это не имеет особого значения, правда?

— Вы что же, Меган, никогда не чините чулки?

— Изредка. Когда мамуля заставляет. Но она не слишком-то ко мне цепляется — так что с этим все в порядке, да?

— Вы, похоже, не понимаете, что вы уже взрослая, — сказал я.

— Вы хотите сказать, что мне бы следовало быть похожей на вашу сестру? Расфуфыренной?

Меня слегка обидело подобное определение Джоанны.

— Она всегда выглядит чистой и аккуратной, и на нее приятно взглянуть, — сказал я.

— Она прехорошенькая, — сказала Меган. — И ничуть на вас не похожа, правда? А почему?

— Братья и сестры не всегда похожи.

— Да. Конечно, я не слишком похожа на Брайана и Колина. И Брайан с Колином друг на друга не очень похожи… — Она помолчала и добавила: — Это очень чудно, правда?

— Что именно?

Меган кратко бросила:

— Семьи.

Я произнес глубокомысленно:

— Полагаю, это так.

Хотел бы я знать, что было у нее на уме. Мы шли в молчании минуту или две, потом Меган спросила робко:

— Вы летаете, да?

— Да.

— И из-за этого пострадали?

— Да, я разбился.

Меган сообщила:

— Здесь никто не летает.

— Да, — сказал я, — наверное, это так. Вам нравится летать?

— Мне? — Меган казалась удивленной. — Бог мой, нет. Меня бы тошнило. Меня даже в поезде тошнит.

Она помолчала и затем спросила с той непосредственностью, которая обычно присуща детям:

— А вы поправитесь и будете снова летать или так и останетесь такой вот развалиной?

— Мой врач уверяет, что я буду в полном порядке.

— А он не из тех, кто любит приврать?

— Не думаю, — сказал я. — Я в нем вполне

уверен.

— Тогда все в порядке. Но большинство людей врет.

Я принял это категорическое утверждение молча.

Меган произнесла независимо и беспристрастно:

— Рада за вас. А то я боялась, что вы выглядите таким мрачным из-за того, что потерпели крах в жизни; но если вы вообще такой, это другое дело.

— Я не мрачный, — сказал я холодно.

— Ну, раздражительный.

— Я раздражителен потому, что мне хочется поскорее вернуться к норме; но такие дела не делаются быстро.

— Тогда к чему суетиться?

Я рассмеялся:

— Дорогая девочка, разве вам никогда не хотелось, чтобы что-то случилось поскорее?

Меган обдумала вопрос. И доложила:

— Нет. Чего бы мне могло хотеться? Здесь не из-за чего спешить. Ничего никогда не случается.

Я был поражен отчаянием, прозвучавшим в ее словах. И мягко спросил:

— А чем вообще вы здесь занимаетесь?

Она пожала плечами:

— Да чем здесь можно заняться?

— У вас нет никаких увлечений? Вы ни во что не играете? У вас нет друзей?

— Я ничего не понимаю в играх. А девушек вокруг много, но они все мне не нравятся. Они считают меня ужасной.

— Чушь. Почему?

Меган тряхнула головой в ответ.

Мы уже добрались до Верхней улицы.

Меган язвительно сказала:

— Мисс Гриффитс идет. Ненавистная тетка. Вечно пристает, чтобы я вступила в команду этих вонючих скаутов. Ненавижу скаутов. Зачем наряжаться, и ходить везде кучей, и носить значки, если все равно ничего не умеешь делать как следует? Я думаю, это все вздор.

В целом я, пожалуй, был согласен с Меган. Но мисс Гриффитс обрушилась на нас прежде, чем я успел высказать свое согласие.

Сестра доктора обладала странным и не подходящим ей именем Айми и всей той самоуверенностью, которой так не хватало ее брату. Это была весьма самостоятельная, энергичная женщина с низким голосом.

— Привет обоим, — сказала она нам. — Велико-

лепное утро, не так ли? Меган, я как раз хотела вас видеть. Мне нужна небольшая помощь. Надписать конверты для Ассоциации консерваторов.

Меган что-то уклончиво пробормотала, приткнула свой велосипед у обочины и целеустремленно направилась к универмагу.

— Необычное дитя, — сообщила мисс Гриффитс, провожая ее взглядом. — Костлявая лентяйка. Только и делает, что бродит, как во сне. Должно быть, это нелегкое испытание для бедной миссис Симмингтон. Я знаю, что она не раз пыталась заставить девчонку заняться хоть чем-то — стенографией, знаете ли, или кулинарией, предлагала ей завести ангорских кроликов… Ей *необходимо* какое-то занятие в жизни.

Я подумал, что это вполне может быть и правдой, но на месте Меган я бы тоже, пожалуй, твердо сопротивлялся любым предложениям Айми Гриффитс по той простой причине, что агрессивность этой личности всегда вынуждала меня быстренько ретироваться.

— Я никогда не бездельничаю, — продолжала мисс Гриффитс. — И уж конечно, нельзя допускать, чтобы бездельничала молодежь. И если бы Меган была хоть хорошенькой, привлекательной или что-то в этом роде! Иногда я думаю, что де-

вочка слабоумна. Ее отец, знаете ли, — она слегка понизила голос, — был определенно дурным человеком. Боюсь, что дитя пошло в него. Это мучительно для ее матушки. Ну, впрочем, мало ли как можно устроиться в жизни, я так считаю.

— К счастью, — отозвался я.

Айми Гриффитс издала «прелестный» смешок.

— Да, невозможно всем жить по одному образцу. Но я не могу видеть, когда кто-то не берет от жизни всего, что возможно. Мне говорят, что, должно быть, до смерти скучно круглый год жить в деревне. Ничуть, отвечаю я! Я всегда занята, всегда счастлива! И в таком крохотном городишке всегда что-то происходит. Мое время заполнено — у меня есть скауты, Женский институт, всякие комитеты, не говоря уж о том, что нужно присматривать за Оуэном.

В эту минуту мисс Гриффитс увидела знакомого на другой стороне улицы и, издав одобрительный лай, поскакала через дорогу, позволив мне свободно продолжить путь в банк.

Я всегда считал мисс Гриффитс сокрушительной личностью.

Мои дела в банке завершились успешно, и я отправился в контору «Гэлбрайт, Гэлбрайт и Симмингтон». Я не знаю, существовали ли когда-

либо какие-то Гэлбрайты. Я их не видел. Меня проводили к ныне здравствующему владельцу Ричарду Симмингтону. В его кабинете ощущался запах пыли и ни с чем не сравнимый аромат давным-давно основанной юридической фирмы.

Огромное количество ящиков с документами, украшенных наклейками: «Леди Хоуп», «Сэр Эверард Карр», «Вильям Ятсби-Хоурз, эскв.», «Скончавшиеся» и т. д., создавало впечатление благопристойности клиентуры и признанного, устоявшегося дела.

Пока мистер Симмингтон рассматривал бумаги, которые я принес, я рассматривал его, и мне пришло в голову, что если миссис Симмингтон и бедствовала в первом браке, то второе замужество было игрой наверняка. Ричард Симмингтон был высшим проявлением спокойной респектабельности, тем типом человека, который не доставит своей жене никаких тревог. Длинная шея с кадыком, невыразительное, бледное, как у покойника, лицо и длинный тонкий нос… Милейший человек, без сомнения, но не из тех, кто заставляет сердца бешено колотиться.

Вскоре мистер Симмингтон заговорил. Он говорил четко и медленно, выказывая доброжелательность ко мне и хитроумную проницатель-

ность в делах. Мы ударили по рукам, и я поднялся, чтобы идти, заметив попутно:

— С холма я шел вместе с вашей приемной дочерью.

Какое-то мгновение мистер Симмингтон выглядел так, словно понятия не имел, кто такая его приемная дочь, потом улыбнулся.

— О да, конечно… Меган. Она… э-э… недавно вернулась из школы. Мы подумываем о том, чтобы пристроить ее к какому-нибудь делу… да, к делу. Но, конечно, она еще слишком молода. И немножко неразвита для своего возраста, говорят. Да, мне так говорили.

Я вышел. В соседней комнате находились очень старый человек, сидящий на табурете и медленно и тщательно пишущий что-то, маленький нахального вида мальчишка и женщина средних лет с завитыми волосами и в пенсне, которая с бешеной скоростью печатала на машинке.

Если это и была мисс Гинч, то я бы согласился с Оуэном Гриффитсом, что нежные отношения между ней и ее работодателем абсолютно невозможны.

Я зашел в пекарню и выложил монетку за булку с изюмом. Но, увидев эту булку, я выразил протест и недоверие, совершенно справедливые в

данном случае, и тут же получил взамен другую, «совершенно свежую, только что из печки!». И, судя по тому, как она обожгла мою грудную клетку, когда я прижал ее к себе, это было правдой.

Я вышел из лавки и посмотрел направо и налево, надеясь увидеть Джоанну и автомобиль. Прогулка сильно утомила меня, и было неудобно идти на костылях, держа булку.

Но Джоанна еще не появилась.

Внезапно мои глаза обнаружили нечто радостное и невероятное. По тротуару ко мне приближалась, словно плыла, богиня. Тут действительно не подобрать было другого слова. Прекрасные черты лица, вьющиеся золотые волосы, стройная, изысканных очертаний фигура… И походка у нее была легкая, как у богини, и казалось — девушка подплывает все ближе и ближе. Великолепная, невероятная, сногсшибательная девушка!

Весьма взволновавшись, я попытался шагнуть. Но что действительно при этом сдвинулось с места, так это булка. Она выскользнула из моих пальцев. Я попытался пикировать за ней — и уронил костыль, с грохотом полетевший на тротуар, а я поскользнулся и чуть не упал.

Сильная рука богини поймала и поддержала меня. Заикаясь, я заговорил:

— Уж-жасно вам благодарен, я ж-жутко виноват…

Она подобрала булку и вручила ее мне вместе с костылем. Затем она очаровательно улыбнулась и сказала бодро:

— Не стоит благодарности. Ничего особенного, уверяю вас.

И магия полностью растаяла от звуков категоричного, уверенного голоса. Добрая, хорошо сложенная, приятно выглядящая девушка, только и всего.

Я ударился в размышления о том, что случилось бы, если бы боги наделили Елену Троянскую точно такой же категоричной манерой говорить. Как это странно, что девушка могла растревожить вашу душу до самой глубины, пока помалкивала, но в тот самый момент, когда она заговорила, чары исчезли, будто их и не было вовсе.

Я знавал, однако, и счастливые несоответствия: одну маленькую печальную женщину с обезьяньим личиком, на которую никто не захотел бы оглянуться, чтобы увидеть ее еще раз. Но вот она открывала рот — и внезапно возникало и расцветало обаяние, словно Клеопатра поделилась с ней своим искусством очаровывать мужчин.

Джоанна остановилась у обочины рядом со

мной, но я не заметил ее. Она спросила, не случилось ли чего-нибудь.

— Ничего, — сказал я, беря себя в руки. — Я размышлял о Елене Прекрасной и прочих.

— Миленькое местечко ты для этого выбрал, — сказала Джоанна. — Ты выглядишь *очень* странно, стоя здесь с широко открытым ртом и вцепившись в булку с изюмом.

— Я потрясен, — объяснил я. — Я перенесся в «Илиаду» и вернулся обратно.

И добавил, указывая на удаляющуюся, словно плывущую спину:

— Ты не знаешь, кто это?

Всмотревшись в девушку, Джоанна сказала, что это Элси Холланд, гувернантка Симмингтонов.

— Так вот что заставило тебя окаменеть! — сообразила Джоанна. — Она неплохо выглядит, но немножко похожа на рыбу.

— Понятно, — сказал я. — Очень милая и добрая девушка. Я было принял ее за Афродиту.

Джоанна открыла дверцу автомобиля, и я уселся.

— Она прелестна, не так ли? — сказала Джоанна. — Есть люди с блестящей внешностью, но с полным отсутствием сексапильности. Она как раз такая. Какая жалость!

Я сказал, что если она гувернантка, то это как раз может быть к лучшему.

В тот день нас пригласил к чаю мистер Пай.

Мистер Пай был крайне женственным, пухлым маленьким человечком, полностью посвятившим себя своим крохотным стульям, дрезденским пастушкам и коллекции стильной мебели разных эпох. Он жил на вилле «Прайорз Лодж». На прилегающих к ней землях сохранились руины старого монастыря, разрушенного во времена Реформации.

Вилла с трудом могла сойти за человеческое жилье. Шторы и диванные подушки здесь были из очень дорогого шелка пастельных тонов.

Маленькие пухлые ручки мистера Пая дрожали от возбуждения, когда он описывал и демонстрировал свои сокровища, а голос мистера Пая срывался на тонкий писк, когда он повествовал о волнующих обстоятельствах, при которых приобрел итальянскую кровать в Вероне.

Мы с Джоанной, оба любящие антиквариат, внимали с одобрением.

— Это действительно удовольствие, огромное удовольствие — такое пополнение нашей маленькой общины. Здесь живут милые, добрые люди, вы знаете, но они мучительно буколичны

— чтобы не сказать *провинциальны*. Вандалы, абсолютные вандалы! А обстановка их домов — она заставит вас плакать, дорогая леди, уверяю, она заставит вас плакать! Разве не так?

Джоанна согласилась, что ничего подобного тому, что она видит здесь, ей встречать не приходилось.

— Дом, который вы снимаете, — продолжал мистер Пай, — дом мисс Эмили Бэртон. Он просто очарователен, и у нее там есть кое-какие прелестные вещицы. Весьма прелестные. Одна или две из них просто первоклассные. И у нее есть вкус; хотя я не вполне уверен, что сделал бы так же. Боюсь, что иной раз — мне так кажется — это просто сентиментальность. Ей нравится держать вещи там, где они были всегда, но не там, где им лучше всего быть, не там, где они выглядели бы лучше всего, и лишь по той причине, что ее матушка ставила их именно на это место.

Он перенес свое внимание на меня, и его голос изменился. Это уже был голос не восхищенного художника, а прирожденного сплетника.

— Вы ничего не знаете об этой семье? О, конечно, нет, — только то, что услышали от агента по найму. Но, мой дорогой, вы *должны* иметь представление об этой семье! Когда я приехал

сюда, старая мамаша была еще жива. Невероятная особа, совершенно невероятная! *Монстр*, если вы понимаете, что я имею в виду. Совершенный монстр. Монстр в викторианских платьях, пожирающий своих дочерей. Да, иначе и не скажешь. Она была монументальна, знаете ли, в ней, должно быть, было стоунов семнадцать, и все пять дочерей крутились возле нее. «Девочки!» — она всегда звала их только так. «Эти глупые девчонки!» — иной раз называла она их. Черные рабы — вот кем они были; на них она ездила, и они же с ней всегда соглашались. В десять вечера они отправлялись в постель и не смели зажигать света в спальнях, а уж чтобы они пригласили в дом кого-то из своих друзей — это неслыханно. Она презирала их, знаете ли, за то, что они не выходят замуж, но ведь они не могли устроить свою жизнь, потому что у них не было возможности встречаться с кем-либо. Мне кажется, Эмили, а возможно, это была Агнес, завела какие-то отношения с помощником приходского священника. Но его семья оказалась недостаточно хороша, и мамаша пресекла *все это*.

— Звучит как роман, — сказала Джоанна.

— О, моя дорогая, все так и было. А потом ужасная старая женщина умерла, но, конечно, было

уже слишком поздно. Они продолжали жить там и тихими голосами говорили о том, чего бы могло захотеться бедной матушке. Даже переклейку обоев в ее спальне они восприняли бы как святотатство. Однако они делали много хорошего в церковном приходе, тихо и незаметно… Но ни одна из них не обладала большим запасом жизненных сил, и они поумирали одна за другой. Эдит скончалась от инфлюэнцы, Минни сделали операцию — и она не оправилась после нее, а бедную Мэйбл хватил удар — Эмили ухаживала за ней со всей преданностью. Последние десять лет она только тем и занимается, что ухаживает за больными. Прелестное создание, вам не кажется? Похожа на дрезденскую статуэтку. Как печально, что у нее сейчас финансовые затруднения… Впрочем, нынче все обесценилось.

— Это ужасно, что мы живем в ее доме, — сказала Джоанна.

— Нет-нет, дорогая юная леди. Вы не должны чувствовать ничего в этом роде. Ее добрая Флоренс весьма предана ей, и Эмили сама мне говорила, что счастлива обрести таких арендаторов. — Тут мистер Пай слегка поклонился. — Она считает, что ей с вами решительно повезло!

— В этом доме, — сказал я, — утешающая ат-

мосфера.

Мистер Пай бросил на меня быстрый взгляд.

— В самом деле? Вы это почувствовали? Да, это очень интересно. Я удивлен, знаете ли. Да, я удивлен.

— Что вы имеете в виду, мистер Пай? — спросила Джоанна.

Мистер Пай развел пухлыми ручками.

— Ничего, ничего. Удивлен, и только. Я верю в атмосферу, знаете ли. Люди думают и чувствуют. На них оказывают воздействие стены и мебель.

На пару мгновений я онемел. Я осматривался вокруг и соображал, как бы я описал атмосферу «Прайорз Лодж». Мне как раз казалось очень странным, что здесь нет никакой атмосферы! Это было и в самом деле примечательно.

Я задумался над этим настолько, что совершенно не слышал разговора, продолжавшегося между Джоанной и хозяином. Я очнулся, однако, услышав, что Джоанна начинает прощаться. Я оставил свои фантазии и присоединился к компании.

Мы отправились в холл. Когда мы подошли к парадной двери, в почтовую щель вползло письмо и упало на циновку.

— Дневная почта, — прошептал мистер Пай,

поднимая его. — Ну, дорогие молодые люди, вы ведь придете еще, не так ли? Как приятно встретить столь свободные умы, если вы меня понимаете, в этом мирном болоте, где никогда ничего не случается!

Пожав нам обоим руки, он с преувеличенной заботливостью помог мне сесть в машину. Джоанна взялась за руль, проехала достаточно осторожно по круговой дорожке вокруг безупречной зеленой лужайки и, выехав на прямую, подняла руку, чтобы помахать гостеприимному хозяину, стоявшему на ступенях у входа. Я наклонился вперед, чтобы сделать то же самое.

Но наш прощальный жест остался незамеченным. Мистер Пай вскрыл почту. Он стоял, изумленно глядя на развернутое письмо.

Джоанна как-то назвала его пухлым розовым херувимчиком. Он, конечно, оставался пухлым, но сейчас совсем не был похож на херувима. Его лицо налилось темным пурпуром, исказилось от гнева и изумления. И от страха.

В этот момент я взглянул на конверт. Он мне что-то напомнил. Я ничего не понял тогда — потому что это была одна из тех вещей, которые мы подмечаем неосознанно, даже не догадываясь об этом.

— Боже мой, — сказала Джоанна, — кто стукнул бедного малыша?

— Думаю, — сказал я, — что это снова Таинственная Рука.

Сестра повернула ко мне изумленное лицо, и автомобиль вильнул.

— Внимательнее, девушка, — предостерег я.

Джоанна сосредоточилась на дороге. Она недовольно хмурилась.

— Ты имеешь в виду письмо вроде того, что мы получили?

— Это лишь догадка.

— Что же это за местечко? — спросила Джоанна. — Ведь оно выглядит самым невинным, сонным, безвредным кусочком Англии, какой только можно представить…

— И где, цитируя мистера Пая, никогда ничего не случается, — перебил я. — Он выбрал дурную минуту, чтобы сказать это. Что-то случилось.

— Джерри! — сказала Джоанна. — Я… я думаю, что мне это не нравится. — Впервые в ее голосе прозвучала нотка страха.

Я ничего не ответил, потому что мне это тоже не нравилось. Такой мирный, улыбчивый, счастливый сельский уголок, над которым нависло нечто злое. И именно с этого момента у меня в

душе поселилось предчувствие беды…

Прошло несколько дней. Мы явились на бридж к Симмингтонам, и миссис Симмингтон надоела мне до крайности, постоянно упоминая Меган.

— Бедная деточка так неуклюжа. Она в таком возрасте, когда уже заканчивают школу, но еще продолжают расти.

Джоанна заметила сладко:

— Но ведь Меган уже двадцать, не так ли?

— О, да, да. Но она, конечно, моложава для своих лет. Совсем еще как ребенок. А неплохо было бы, я думаю, если бы девочки не росли так быстро. — Она засмеялась. — Я уверена, любая мать хотела бы, чтобы ее ребенок оставался вечным младенцем.

— С чего бы им этого хотеть? — сказала Джоанна. — К тому же, должно быть, это очень затруднительно — иметь ребенка, который умственно остается шестилеткой, когда его тело становится взрослым.

Миссис Симмингтон глянула с досадой и сказала, что мисс Бартон не должна воспринимать все слишком буквально.

Я был доволен Джоанной, и мне пришло в голову, что я был невнимателен к миссис Симмингтон. Эта анемичная прелесть среднего

возраста скрывает, подумал я, эгоистичную, хваткую натуру.

Джоанна коварно спросила, не намерена ли миссис Симмингтон учить Меган танцам.

— Танцам? — Миссис Симмингтон, казалось, удивилась и позабавилась. — О нет, здесь такое не принято.

— Вижу. А заодно теннис и прочее в этом роде.

— Наш теннисный корт годами пустует. Ни Ричард, ни я не играем. Я полагаю, позже, когда мальчики подрастут… О, Меган найдет массу занятий. Она, знаете ли, вполне счастлива, впустую проводя время. Позвольте взглянуть, я сдаю?

Когда мы поехали домой, Джоанна, злобно нажав на акселератор, так, что машина прыгнула вперед, сказала:

— Я чувствую себя ужасно виноватой перед этой девочкой.

— Меган?

— Да. Ее мать не любит ее.

— Ну, Джоанна, бывают вещи и похуже.

— Да, конечно. Множество мамаш не любят собственных детей. А Меган — могу представить! Держать дома такое существо весьма неудобно. Она вносит разлад в их образ жизни — образ жизни Симмингтонов. Без нее они — завершенное

семейство, и они должны ощущать себя крайне несчастными из-за того, что среди них такое чувствительное создание, — а она *действительно* чувствительна!

— Да, — согласился я, — думаю, она такая.

Джоанна внезапно весело рассмеялась:

— Невезуха тебе с этой гувернанткой!

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — сказал я с достоинством.

— Ерунда. Каждый раз, когда ты смотрел на нее, на твоем лице вырисовывалась мужская досада. Я согласна с тобой, это бесполезная трата времени. И я не вижу, кто еще здесь мог бы тебе подойти. Но ты произвел огромное впечатление на Айми Гриффитс.

— Избави бог! — воскликнул я с содроганием. — И кстати, — добавил я, — почему так много интереса к моей интимной жизни? А как насчет тебя, девочка? Ты нуждаешься в небольшом развлечении, насколько я тебя знаю. Но здесь нет непризнанных гениев, болтающихся вокруг. Тебе нужно покорить Оуэна Гриффитса. Он единственный неженатый мужчина в местечке.

Джоанна вскинула голову:

— Доктору Гриффитсу я не нравлюсь.

— Он мало тебя видел.

— Он видел достаточно для того, чтобы переходить на другую сторону, встречая меня на Верхней улице!

— Весьма необычная реакция, — сказал я с сочувствием. — Ты к такому не привыкла.

Джоанна в молчании проехала в ворота «Литтл Фюрц» и к гаражу. Потом сказала:

— Возможно, в твоей идее что-то есть. Я не понимаю, почему бы кому-то переходить на другую сторону улицы, чтобы избежать встречи со мной. Это уж слишком бросается в глаза.

— Я вижу, — сказал я, — ты намерена устроить хладнокровную охоту на него.

— Ну, мне не нравится, когда меня сторонятся.

Я медленно и осторожно выбрался из автомобиля и установил костыли. Потом дал сестре маленький совет:

— Позволь сказать тебе, девочка. Оуэн Гриффитс — не из тех твоих ручных, скулящих, артистичных молодых людей. Если ты не будешь осторожна, ты можешь разворошить осиное гнездо. Этот человек может быть опасным.

— Ты действительно так думаешь? — спросила Джоанна, проявляя все признаки удовольствия от такой перспективы.

— Оставь беднягу в покое, — сказал я настой-

чиво.

— Как он смеет переходить через улицу, когда видит меня?

— Все вы, женщины, одинаковы. Вечно повторяете одно и то же. Сестрица Айми тоже устроит охоту с ружьем — на тебя, если я не ошибаюсь.

— Она уже меня ненавидит, — сказала Джоанна. Она говорила задумчиво, но с оттенком злорадства.

— Мы приехали сюда, — сказал я строго, — в мирный и тихий уголок, и я надеюсь, что мы не нарушим его покой.

Но если чего и не было впереди, так это мира и тишины.

Глава 2

Примерно через неделю я, вернувшись домой, обнаружил Меган, которая сидела на ступенях веранды, уткнув подбородок в колени.

Она встретила меня со своей обычной бесцеремонностью.

— Привет! — сказала она. — Вы, наверное, думаете, что я явилась к обеду?

— Конечно, — сказал я.

— Если там отбивные или что-нибудь подобное и на всех их не хватит, вы мне скажите сразу, — предупредила Меган, пока я огибал дом, чтобы известить Патридж, что за столом нас будет трое.

Мне показалось, что Патридж фыркнула. Она, по обыкновению, без слов умудрилась выразить, что не слишком-то высокого мнения об этой мисс Меган.

Я вернулся на веранду.

— Все в порядке? — озабоченно спросила Меган.

— Вполне в порядке, — ответил я. — Ирландское рагу.

— О, это вроде кормежки для собак, да? Я хочу

сказать, что это в основном картошка и приятный запах.

— В этом роде, — согласился я.

Мы молчали, пока я курил свою трубку. Это была в высшей степени приятельская тишина.

Меган разрушила ее внезапно и эгоистично:

— Я полагаю, вы думаете, я такая же ужасная, как все.

Я был настолько поражен, что у меня трубка вывалилась изо рта. Это была пенковая трубка, весьма приятного цвета, — и она разбилась.

Я сердито сказал Меган:

— Смотрите, что вы натворили!

Это странное дитя, вместо того чтобы расстроиться, откровенно усмехнулось:

— Я поступаю, как вы.

Ответ ее прозвучал яростно. Можно вообразить, что так ответила бы собака, умеющая говорить, — хотя это может оказаться заблуждением относительно собак. Мне пришло в голову, что Меган, несмотря на свое сходство с лошадью, имеет собачий характер. И уж конечно, она была не вполне человеком.

— Что вы сказали перед тем, как она разбилась? — спросил я, тщательно собирая осколки заветной трубки.

— Я сказала, что полагаю — вы считаете меня ужасной, — повторила Меган, но уже совсем другим тоном.

— Почему бы я должен так считать?

Меган серьезно объяснила:

— Потому что я ужасная.

Я резко сказал:

— Не будьте дурочкой.

Меган тряхнула головой:

— Все точно. Я не дурочка. Хотя многие так обо мне думают. Они не знают, что я прекрасно понимаю, чего они хотят, и что я постоянно ненавижу их.

– *Ненавидите* их?

— Да, — отрезала Меган.

Ее глаза — недетские грустные глаза — смотрели на меня пристально, не мигая. Это был долгий, внимательный взгляд.

— Вы бы тоже ненавидели людей, если бы были похожи на меня, — сказала она. — Если бы вы были нежеланны.

— Вам не кажется, что вы слегка нездоровы? — спросил я.

— Да, — сказала Меган. — Это самое говорят все, когда слышат правду. А это правда. Меня не хотят видеть в доме, и я понимаю почему. Мамуля

ничуть не любит меня. Я думаю, я напоминаю ей отца, а он был жесток с ней, ужасно жесток, судя по тому, что я слышала. Только матери не могут сказать, что им не нужны их дети, и сбежать от них. Или съесть их. Кошки ведь съедают тех котят, которых не любят. Мне кажется, это благоразумно. Ни пустой траты времени, ни неприятностей. А вот человеческие матери не оставляют своих детей, даже присматривают за ними. Пока я жила в школе, все было не так уж плохо, но вы же видите, что мамуле хотелось бы остаться с моим приемным отцом и мальчиками.

Я медленно произнес:

— Мне все же кажется, что вы нездоровы, Меган, но если допустить, что кое-что из того, что вы говорите, — правда, то почему вы не уедете и не начнете жить самостоятельно?

Она улыбнулась мне странно, не по-детски.

— Вы хотите сказать, заняться делом? Зарабатывать на жизнь?

— Да.

— Чем?

— Я полагаю, вы могли бы чему-нибудь научиться. Стенографии, машинописи, книжной торговле…

— Не уверена, что могу. Я мало понимаю в делах. Зато…

— Ну?

Она перед этим отвернулась от меня, а сейчас медленно повернула голову. Ее лицо покраснело, на глазах были слезы. И когда она заговорила, детство вновь звучало в ее голосе:

— Почему я не уезжаю? Или хотя бы не попытаюсь это сделать? Они меня не хотят, но я останусь. Я *останусь*, и пусть они об этом пожалеют. Пусть они все об этом пожалеют! Ненавистные свиньи! Я ненавижу всех в Лимстоке! Они все думают, что я глупая и безобразная. Я им покажу! Я им покажу! Я…

Это был детский, необычайно трогательный гнев.

Я услышал шаги по гравию за углом дома.

— Быстро! — свирепо рявкнул я. — Бегите в дом через гостиную! Пойдите в ванную. Умойтесь. Быстро!

Она неловко вскочила на ноги и мгновенно забралась в дом через окно, пока Джоанна огибала угол.

Я сказал ей, что к обеду пришла Меган.

— Хорошо, — кивнула Джоанна. — Мне нравится Меган, хотя я все-таки думаю, что она

немножко слабоумная. Ребенок, подброшенный на порог феями. Но она интересная.

Похоже, я до сих пор не уделил внимания преподобному Дан-Кэлтропу и миссис Дан-Кэлтроп.

А ведь оба они, викарий и его жена, были оригинальными персонами. Дан-Кэлтроп, наверное, был самым далеким от жизни человеком, какого я когда-либо знал. Его существование заключалось в его книгах и ученых штудиях. Его жена, напротив, отличалась тем, что всегда все знала. Хотя она редко давала советы и никогда ни во что не вмешивалась, она все же взывала к совести жителей деревни, словно олицетворяя самого Господа.

Миссис Дан-Кэлтроп остановила меня на Верхней улице на другой день после того, как Меган приходила к обеду. Я, как обычно, изумился — потому что миссис Дан-Кэлтроп двигалась так, словно она не гуляла, а гналась за кем-то, и оттого приобретала потрясающее сходство с борзой; а поскольку ее взгляд был постоянно сосредоточен на горизонте, вы были уверены, что ее цель находится в полутора милях отсюда.

— О! — сказала она. — Мистер Бартон!

Она произнесла это немного торжествующе, тоном человека, разрешившего особо хитрую

загадку. Я подтвердил, что я действительно мистер Бартон, и миссис Дан-Кэлтроп, оставив в покое горизонт, попыталась сосредоточить свое внимание на мне.

— Для чего, — спросила она, — я хотела вас увидеть?

Я ничем не мог ей помочь. Она стояла, хмуря брови, пребывая в глубоком замешательстве.

— Что-то очень гадкое, — сказала она.

— Прошу меня извинить за это, — пораженный, сказал я.

— А! — вскрикнула миссис Дан-Кэлтроп. — *Анонимные письма!* Что за историю с анонимными письмами вы привезли к нам?

— Я не привозил ее, — возразил я. — Это здесь уже было.

— Никто ничего подобного не получал, пока вы не приехали, — сказала миссис Дан-Кэлтроп обвиняюще.

— Письма приходили и до нас, миссис Дан-Кэлтроп. Этот ужас начался давно.

— О боже! — сказала миссис Дан-Кэлтроп. — Мне это не нравится.

Она помолчала, и ее взгляд вновь убежал вдаль. Потом она сообщила:

— Я не могу избавиться от чувства, что это

нечто *дурное*. Мы не такие здесь. Зависть, конечно, и злоба, и мелкие стычки с давних пор, — но я не думала, что есть некто, способный на такое. Да, никогда не думала. И это огорчает меня, видите ли, потому что *я* должна была бы знать.

Ее прекрасные глаза вернулись с горизонта и нашли меня. Во взгляде было беспокойство и искреннее замешательство.

— Почему вы должны были бы знать? — спросил я.

— Я всегда все знаю. Я просто чувствую, что это моя обязанность. Кэйлеб проповедует правильные идеи и отправляет требы. Это обязанность священника, но я думаю, что обязанность его жены — знать, что думают и чувствуют люди, даже если жена ничего не может сделать. А я не имею ни малейшего представления, чей ум оказался…

Она внезапно прервала свою речь, уклончиво добавив:

— К тому же это очень глупые письма.

— А вы… э-э… вы тоже что-то получили?

Я задал вопрос с известной долей робости, но миссис Дан-Кэлтроп ответила совершенно естественным тоном, лишь ее глаза стали чуть шире:

— О да, два… нет, три. Я забыла, что именно в

них говорилось. Что-то очень глупое о Кэйлебе и школьной учительнице, так, кажется. Совершенная ерунда, потому что Кэйлеб не имеет склонности к флирту. Он никогда этим не занимался. Он вполне доволен церковной работой.

— Конечно, — сказал я. — О, конечно.

— Кэйлеб стал бы святым, — сказала миссис Дан-Кэлтроп, — если бы не был слишком уж умным.

Я оказался не в состоянии подобрать ответ на подобную критику, но это было и ни к чему, так как миссис Дан-Кэлтроп продолжала говорить, непостижимым образом вновь перескочив от своего мужа к письмам:

— Существует ведь множество вещей, о которых могло бы говориться в этих письмах, но этого нет. И это весьма странно.

— Я бы вряд ли сказал, что они страдают избытком сдержанности, — бросил я резко.

— Да, но не похоже, чтобы автор *знал* что-нибудь. Что-нибудь реальное.

— Вы полагаете?

Прекрасные блуждающие глаза обнаружили меня.

— Да, конечно, ведь у всех нас есть множество прегрешений, какие-то постыдные секреты. По-

чему этот сочинитель не использует их? — Она помолчала, а потом внезапно спросила: — Что говорилось в вашем письме?

— Там утверждалось, что моя сестра мне не сестра.

— А она вам сестра?

Миссис Дан-Кэлтроп задала вопрос с непринужденным, дружеским интересом.

— Конечно, Джоанна мне сестра.

Миссис Дан-Кэлтроп кивнула.

— Это как раз и подтверждает то, что я имела в виду. Осмелюсь сказать, существует другое…

Ее чистые, нелюбопытные глаза смотрели на меня задумчиво, и я внезапно понял, почему весь Лимсток побаивается миссис Дан-Кэлтроп.

В жизни каждого есть нечто тайное, и каждый надеется, что об этом никто никогда не узнает. Но я почувствовал, что миссис Дан-Кэлтроп действительно знает все.

И в этот раз я испытал истинное наслаждение, когда сердечный голос Айми Гриффитс прогудел:

— Привет, Мод! Рада, что наконец-то вас встретила. Я хочу предложить изменить день распродажи рукоделий. Доброе утро, мистер Бартон.

Она продолжала:

— Я должна сейчас заскочить к бакалейщику,

оставить заказ, потом я пойду в институт, вам это подходит?

— Да-да, это будет просто замечательно, — ответила миссис Дан-Кэлтроп.

Айми Гриффитс вошла в лавку.

Миссис Дан-Кэлтроп сказала:

— Бедняжка!

Я был в недоумении. Неужели она жалеет Айми?

Она тем временем продолжила:

— Знаете, мистер Бартон, я действительно боюсь…

— Вы об этих письмах?

— Да, видите ли, в них есть намерение… в них должно быть намерение… — Она замолчала, сбившись с мысли, прищурилась. Потом заговорила медленно, словно решая загадку: — Слепая ненависть… да, слепая ненависть. Но даже слепой человек может попасть кинжалом в сердце, если ему выпадет шанс… И что случится тогда, мистер Бартон?

Мы узнали это еще до того, как закончился следующий день.

…Патридж, которая просто-таки наслаждалась разного рода трагедиями, в очень ранний утренний час вошла в комнату Джоанны и со

всеми подробностями сообщила, что миссис Симмингтон накануне днем покончила жизнь самоубийством…

Джоанна, стряхнув остатки сна, села в постели, мгновенно и окончательно проснувшись.

— О Патридж, какой ужас!

— Действительно ужас, мисс. Безнравственно лишать себя жизни. Хотя тут, конечно, не без того, что ее довели до этого, бедняжку.

Джоанна поняла намек. Ее едва не затошнило.

— Нет… — Ее глаза задавали Патридж вопрос, и Патридж кивнула.

— Именно так, мисс. Одно из этих грязных писем.

— Как это отвратительно! — сказала Джоанна. — До жути отвратительно! И все-таки я не понимаю, почему она должна убивать себя из-за подобного письма.

— Если только написанное в нем не было правдой, мисс.

— А что в нем было?

Но этого Патридж не могла или не хотела сказать. Джоанна вошла ко мне, бледная и потрясенная. Все это казалось тем более страшным, что мистер Симмингтон был не тем человеком, с которым хоть как-то можно связать представле-

ние о трагедии.

Джоанна высказала мысль, что мы должны предложить Меган переехать к нам на день-два. Элси Холланд, сказала Джоанна, может быть, и хороша для детей, но это такая особа, которая почти наверняка доведет Меган до сумасшествия.

Я согласился. Я представил Элси Холланд, произносящую пошлость за пошлостью и предлагающую бесчисленные чашки чая. Доброе создание, но совсем не то, что нужно Меган.

Мы поехали к Симмингтонам после завтрака. Мы оба немножко нервничали. Наш приход мог выглядеть как явное и отвратительное любопытство. К счастью, мы встретили Оуэна Гриффитса, возвращавшегося от Симмингтонов. Он приветствовал меня вполне сердечно, и его обеспокоенное лицо прояснилось.

— О, привет, Бартон, рад вас видеть. Я боялся, что это произойдет рано или поздно. И вот это случилось. Проклятое дело!

— Доброе утро, доктор Гриффитс, — сказала Джоанна тем голосом, каким она обычно говорила с нашими глухими тетушками.

Гриффитс подскочил от испуга и покраснел.

— О… о, доброе утро, мисс Бартон.

— Я подумала, — пояснила Джоанна, — что,

может быть, вы меня не заметили.

Оуэн Гриффитс покраснел еще гуще. Его охватило отчаянное смущение.

— Я… извините… я сосредоточился… нет, это не так.

Джоанна безжалостно продолжила:

— В конце концов, это *я*, собственной персоной.

— Ну просто несносная кошка, — рассерженно бросил я в ее сторону. И сказал, обращаясь к Гриффитсу: — Мы с сестрой, Гриффитс, хотели бы знать, хорошо ли будет, если Меган переберется к нам на пару дней. Как вы думаете? Мне бы не хотелось бесцеремонно вмешиваться в чужие дела — но все это чересчур мрачно для бедного ребенка. Как Симмингтон к этому отнесется, вы не знаете?

Гриффитс минуту или две обдумывал услышанное.

— Полагаю, это было бы превосходно, — произнес он наконец. — Она странная, нервная девочка, и для нее было бы неплохо отвлечься от всего этого. Мисс Холланд творит чудеса, у нее прекрасная голова на плечах, но у нее больше чем достаточно дел с двумя детьми и с самим Симмингтоном. Он совершенно разбит… сбит

с толку.

— Это было… — я колебался, — самоубийство?

Гриффитс кивнул.

— О да. Никаких сомнений. Она написала: «Я не смогу…» — на клочке бумаги. То письмо, должно быть, пришло вчера, с дневной почтой. Конверт валялся на полу возле ее стула, а само письмо было смято в комок и заброшено в камин.

— Что… — Я замолчал, ужаснувшись собственной бестактности. — Извините, — сказал я.

Гриффитс печально улыбнулся.

— Не стесняйтесь спрашивать. То письмо будет прочитано при дознании. Оно не вызывает ничего, кроме сожалений. Оно такое же, как все прочие, и составлено в таких же отвратительных выражениях. В нем в особенности нажимается на то, что второй мальчик, Колин, — не сын Симмингтона.

— Вы думаете, это правда? — воскликнул я недоверчиво.

Гриффитс пожал плечами.

— Я не имею никаких оснований для выводов. Все то время, что я их знал, Симмингтоны были безмятежной, счастливой парой, людьми, преданными друг другу и своим детям. Верно лишь то, что мальчик действительно не похож

на родителей — у него яркие рыжие волосы, например, — но ведь дети часто бывают похожи на дедушку или бабушку.

— Но как раз отсутствие сходства и могло породить это обвинение. Подлый и внезапный удар наугад.

— Но он попал в цель, — сказала Джоанна. — В конце концов, иначе-то она бы не стала убивать себя, правда?

Гриффитс сказал с сомнением в голосе:

— Я не совсем в этом уверен. Миссис Симмингтон очень беспокоило здоровье в последнее время — нервы, истеричность. Я лечил ее, старался привести ее нервы в порядок. Я думаю, это возможно: потрясение от письма, составленного в подобных выражениях, могло привести ее в состояние паники, упадка духа, и она решилась покончить с жизнью. Она могла разжечь в себе уверенность, что муж ни за что не поверит ей, если она начнет отрицать написанное, и стыд и возмущение могли нахлынуть на нее с такой силой, что она впала в умопомешательство.

— Самоубийство как результат больного воображения, — сказала Джоанна.

— Совершенно верно. Я думаю, именно эту точку зрения я изложу на дознании.

Мы с Джоанной вошли в дом.

Входная дверь была открыта, и просто войти показалось нам проще, чем звонить, тем более что мы слышали внутри голос Элси Холланд.

Она говорила с мистером Симмингтоном, который, лежа в кресле, выглядел совершенно ошеломленным.

— Нет, в самом деле, мистер Симмингтон, вы должны проглотить хоть что-то. Вы ничего не ели утром, уж не говоря о настоящем, плотном завтраке, и вы ничего не ели вчера вечером, и из-за этого потрясения и всего остального вы сами заболеете, а вам понадобятся все ваши силы. Доктор тоже так говорил перед уходом.

Симмингтон ответил монотонным голосом:

— Вы очень добры, мисс Холланд, но…

— Выпейте горячего чая, — сказала Элси Холланд, настойчиво протягивая ему чашку с напитком.

Лично я дал бы бедняге крепкого виски с содовой. Он выглядел так, словно сильно нуждался в выпивке. Как бы то ни было, он согласился на чай и взглянул снизу на Элси Холланд.

— Я не в силах отблагодарить вас за все, что вы сделали и делаете, мисс Холланд. Вы действительно великолепны.

Девушка покраснела; она выглядела польщенной.

— Вы очень добры, говоря так, мистер Симмингтон. Вы должны мне позволить делать все, что я могу, чтобы помочь вам. Не беспокойтесь о детях — я за ними присмотрю, и я успокоила слуг, и если есть еще что-нибудь, что я могла бы сделать — отпечатать письмо или позвонить, — непременно скажите мне.

— Вы очень добры, — сказал Симмингтон.

Элси Холланд, обернувшись, заметила нас и торопливо вышла в холл.

— Разве это не ужасно? — сказала она чуть слышным шепотом.

Я, глядя на нее, подумал, что она и в самом деле очень милая девушка. Добрая, образованная, практичная в критической ситуации. Веки ее великолепных голубых глаз покраснели, подтверждая, что она настолько отзывчива, что проливает слезы из-за смерти хозяйки.

— Можем мы с вами поговорить минутку? — спросила Джоанна. — Мы не хотели бы беспокоить мистера Симмингтона.

Элси Холланд понимающе кивнула и повела нас в столовую, по другую сторону холла.

— Для него это ужасно, — сказала она. — Такое

потрясение! Кто бы мог подумать о чем-либо подобном? Но, конечно, я теперь понимаю, что в последнее время миссис Симмингтон выглядела подозрительно. Ужасно нервная и слезливая. Я думала, это из-за нездоровья, хотя доктор Гриффитс часто говорил, что у нее нет ничего серьезного. Но она была взвинченной и раздражительной, и в иные дни невозможно было понять, как с ней обращаться.

— Мы, собственно, зашли затем, — мягко перебила Элси Джоанна, — чтобы узнать, не можем ли мы пригласить к себе Меган на несколько дней — если, конечно, она этого захочет.

Элси Холланд выглядела сильно удивленной.

— Меган… — произнесла она с сомнением. — Не знаю, право. Я хочу сказать, это очень мило с вашей стороны, но она очень странная девочка. Никогда нельзя угадать, что она скажет или о чем она думает.

Джоанна сказала весьма нейтральным тоном:

— Мы подумали — а вдруг это как-то поможет?

— О, конечно, если она согласится. Я имею в виду, что мне надо смотреть за мальчиками (они сейчас с кухаркой) и за бедным мистером Симмингтоном — он нуждается в присмотре, как никто, — и столько всего нужно сделать и за

стольким присмотреть! У меня действительно нет времени, чтобы уделить его Меган. Я думаю, она наверху, в старой детской. Она, похоже, никого не хочет видеть. Я не знаю, как…

Я быстро выскользнул из столовой и пошел по лестнице.

Старая детская была на верхнем этаже. Я открыл дверь и вошел. В комнатах нижнего этажа, выходящих окнами в сад за домом, шторы никогда не задергивали. Но в этой комнате, выходящей окнами на дорогу, шторы были благопристойным образом закрыты.

В тусклом сером полумраке я увидел Меган. Она скорчилась на диване, стоявшем у дальней стены, и я сразу вспомнил прячущихся испуганных зверюшек. Меган окаменела от страха.

— Меган! — окликнул ее я.

Я шагнул вперед, и совершенно бессознательно мой голос приобрел тот тон, которым говорят, желая успокоить напуганное животное. И я всерьез удивился тому, что у меня в руках нет морковки или кусочка сахара. Мои чувства требовали чего-то в этом роде.

Она пристально взглянула на меня, но не шевельнулась, и выражение ее лица не изменилось.

— Меган! — повторил я. — Джоанна и я интересуемся, не хотите ли вы побыть у нас немного.

Ее голос прозвучал глухо в мутных сумерках.

— Побыть у вас? В вашем доме?

— Да.

— Вы хотите сказать, что заберете меня отсюда?

— Да, моя дорогая.

Внезапно она задрожала. Это выглядело пугающе и очень трогательно.

— О, заберите меня отсюда! Пожалуйста, заберите! Это так ужасно — быть здесь и чувствовать себя злой!

Я подошел к ней, и ее руки вцепились в рукав моего плаща.

— Я трусиха. Я и не знала, что я такая трусиха.

— Все в порядке, малышка, — сказал я. — Такие события расшатывают нервы. Пойдемте.

— Мы можем уйти сейчас же? Немедленно?

— Конечно, только вы должны взять кое-какие вещи, я полагаю.

— Какие вещи? Почему?

— Дорогая девочка, — сказал я, — мы можем предоставить вам кровать, и ванну, и отдых ото всех этих дел, но будь я проклят, если я одолжу вам свою зубную щетку!

Она робко, чуть слышно хихикнула, будто всхлипнула.

— Я поняла. Я думаю, я очень глупая сегодня. Вы не должны обращать на это внимания. Я пойду и соберу вещи. Вы… вы не уйдете? Подождете меня?

— Я получу хорошую трепку, если не дождусь вас.

— Спасибо. Огромное вам спасибо! Извините, что я такая дурочка. Но это так страшно, когда мама умирает…

— Я знаю, — сказал я.

Я ласково похлопал ее по плечу, она одарила меня благодарным взглядом и исчезла в спальне. Я спустился вниз.

— Я нашел Меган, — сказал я. — Она собирается.

— О, как это хорошо! — воскликнула Элси Холланд. — Это отвлечет ее. Она действительно нервная девочка, вы знаете. Трудная. Для меня большое облегчение — знать, что нет необходимости помнить еще и о ней, как обо всем прочем. Вы очень добры, мисс Бартон, я надеюсь, она не доставит вам неприятностей. О боже, телефон! Я должна ответить. Мистер Симмингтон не в состоянии…

Она торопливо вышла из комнаты.

Джоанна сказала:

— Какой заботливый ангел!

— Ты говоришь слишком зло, — заметил я. — Она хорошая, добрая девушка и, конечно, очень чувствительная.

— Очень. И сама это знает.

— Это недостойно тебя, Джоанна, — сказал я.

— Хочешь сказать: почему бы ей не делать свое дело?

— Именно так.

— Я никогда не могла спокойно смотреть на самодовольных людей, — сказала Джоанна. — Они пробуждают во мне самые худшие инстинкты. Как тебе показалась Меган?

— Сжалась в комок в темной комнате и была похожа на побитую газель.

— Бедное дитя. Она сразу согласилась перебраться к нам?

— Она подпрыгнула от радости.

Глухие удары тяжелого предмета об пол и о стену донеслись из холла, возвещая о приближении Меган и ее чемодана. Я пошел навстречу девушке и забрал ее ношу.

Джоанна настойчиво произнесла мне в спину:

— Уходим! Я не в состоянии дважды отказы-

ваться от хорошей чашки горячего чая.

Мы вышли наружу. Меня раздражало то, что чемодан к машине вытащила Джоанна. Я уже мог передвигаться с помощью лишь одного костыля, но еще не был способен к атлетическим подвигам.

— Садитесь, — сказал я Меган.

Она забралась в машину, я — следом за ней. Джоанна завела мотор, и мы уехали.

Мы прибыли в «Литтл Фюрц» и вошли в гостиную.

Меган упала на стул и залилась слезами. Она плакала, как ребенок, — всхлипывала и ревела во весь голос. Я вышел из комнаты в поисках лекарства. Когда дело касается чувствительных сцен, подумал я, от Джоанны проку больше, чем от меня.

Вскоре я услышал хриплый, задыхающийся голос Меган:

— Извините меня. Это выглядит по-идиотски.

Джоанна мягко успокаивала ее:

— Ничуть. Возьмите другой носовой платок.

Я пришел к выводу, что Меган нуждается совсем в иной поддержке. Я вернулся в комнату и протянул девушке наполненный до краев стакан.

— Что это?

— Коктейль.

— Коктейль? В самом деле? — Слезы Меган мгновенно высохли. — Я никогда не пила коктейлей.

— Всем нам приходится когда-то начинать, — сказал я.

Меган очень осторожно, маленькими глоточками попробовала напиток, потом лучезарная улыбка озарила ее лицо, она запрокинула голову и одним глотком проглотила все.

— Мне это нравится, — сказала она. — А можно мне еще?

— Нельзя, — ответил я.

— Почему?

— Минут через десять поймете.

— О!

Меган перенесла внимание на Джоанну:

— Я виновата, устроила тут такой рев. Я даже не понимаю почему. Это выглядит ужасно глупо, потому что я так рада очутиться здесь!

— Все в порядке, — сказала Джоанна. — И мы тоже очень рады, что вы у нас.

— Вам-то чему радоваться? Вы просто очень добры и участливы. Но я вам благодарна.

— Пожалуйста, не надо благодарности, — ска-

зала Джоанна. — Это меня весьма стесняет. Вы наш друг, и мы рады, что вы здесь. Все, что вам нужно…

И она повела Меган наверх — устраиваться.

Вошла Патридж — с весьма кислым выражением лица — и сообщила, что она приготовила только две чашки заварного крема к обеду, и что ей теперь прикажете делать?

Дознание провели тремя днями позже.

Время смерти миссис Симмингтон было установлено: между тремя и четырьмя часами. Она была в доме одна; Симмингтон находился в конторе, у обеих служанок был выходной, Элси Холланд гуляла с детьми, а Меган где-то каталась на велосипеде.

Письмо должно было прийти с дневной почтой. Миссис Симмингтон, видимо, забрала его из почтового ящика, прочла и затем, в состоянии сильного возбуждения, взяла глиняный флакон, в котором держали цианид для уничтожения осиных гнезд, растворила таблетку в воде и выпила, написав лишь несколько взволнованных слов: «Я не смогу…»

Оуэн Гриффитс дал медицинское заключение и отстаивал то мнение, которое уже излагал нам, — о состоянии нервов миссис Симмингтон и

о ее психической неустойчивости. Коронер был учтив и осмотрителен. Он говорил с горечью, осуждая людей, которые пишут такие подлости в анонимных письмах. Кто бы их ни написал, это безнравственно, и отправивший письмо несет моральную ответственность за убийство, сказал коронер. Он выразил надежду, что полиция скоро отыщет преступника и примет против него или нее меры. Подобный трусливый и подлый поступок заслуживает наказания по всей строгости закона.

Под руководством коронера присяжные вынесли неизбежный вердикт: самоубийство в результате временного умопомешательства.

Коронер сделал все, что мог, и Оуэн Гриффитс тоже, но чуть позже я, зажатый в толпе возбужденных деревенских женщин, услышал свистящий шепот, с ненавистью произносящий уже хорошо знакомые мне слова: «Не бывает дыма без огня, вот что я говорю!» и «Что-то в этом непременно есть. Иначе она ни за что бы не сделала этого…»

На какой-то момент я возненавидел весь Лимсток и всех этих сплетничающих женщин.

Когда мы вышли наружу, Айми Гриффитс сказала значительно:

— Ну вот и все. Не везет Дику Симмингтону, трудно все это вынести. Хотела бы я знать, есть ли у него какие-нибудь подозрения.

Я был поражен.

— Но вы же слышали, как он говорил, и очень горячо, что в этом лживом письме нет ни слова правды?

— Конечно, он сказал так. Совершенно верно. Мужчина должен защищать свою жену. И Дик будет защищать. — Она помолчала и затем объяснила: — Видите ли, я знаю Дика Симмингтона очень давно.

— В самом деле? — удивился я. — Я понял из слов вашего брата, что он лишь несколько лет назад купил здесь практику.

— Да, но Дик Симмингтон бывал в наших краях, на севере. Я знаю его много лет.

Я взглянул на Айми с удивлением. Она продолжала, тон ее стал мягким:

— Я знаю Дика очень хорошо… Он гордый человек и очень сдержанный. Но он из тех, кто может быть очень ревнивым.

— Это объясняет, — сказал я осторожно, — почему миссис Симмингтон побоялась показать ему письмо или рассказать о нем. Она испугалась, что он, будучи ревнивцем, не поверит ее

объяснениям.

Мисс Гриффитс взглянула на меня сердито и презрительно.

— Великий боже! — воскликнула она. — Вы что же, думаете, есть такие женщины, которые пойдут и наглотаются цианистого калия из-за лживого обвинения?

— Коронер, похоже, решил, что это возможно. Ваш брат — тоже…

Айми перебила меня:

— Мужчины все одинаковы: все сделают для того, чтобы соблюсти приличия. Но вам не удастся заставить *меня* поверить в эту чушь. Когда невиновная женщина получает подобное письмо, она только смеется и выбрасывает его. Именно это я и… — Она неожиданно запнулась и потом закончила: — Сделала бы.

Но я заметил паузу. Я был уверен, что она чуть не сказала: «Я сделала», без всяких там «бы».

И я решил, что объявлю войну враждебной деревне.

— Я понимаю, — сказал я вежливо. — Значит, вы тоже получили письмо?

Айми Гриффитс принадлежала к тем женщинам, которые презирают ложь. Она помолчала немного, порозовела — и сказала:

— Да. Но я не позволила себе обеспокоиться.

— Такое же грязное? — Я спрашивал сочувствующе, как сострадающий друг.

— Естественно. Письма такого рода всегда грязные. Бред сумасшедшего! Я прочла несколько слов, поняла, что это такое, и тут же бросила письмо в корзинку для мусора.

— А вы не подумали о том, чтобы отнести его в полицию?

— Тогда — нет. Чем меньше слухов, тем лучше, подумала я тогда.

Что-то внутри меня подмывало сказать: «Нет дыма без огня!» — но я сдержался.

Я спросил Айми, не знает ли она, как смерть матери отразится на финансовых делах Меган. Не окажется ли девушка вынуждена зарабатывать на жизнь?

— По-моему, ей кое-что оставила бабушка, и уж конечно, Дик не выгонит ее из дома. Но для нее было бы гораздо лучше чем-нибудь заняться, а не вести растительную жизнь, как сейчас.

— Ну, я бы сказал, что Меган сейчас в таком возрасте, когда девушкам хочется радоваться жизни, а не работать.

Айми покраснела и резко сказала:

— Вы — как все мужчины: вам противна мысль

о работающих женщинах. Вам кажется невозможным, чтобы женщине хотелось заняться делом. Это казалось невозможным и моим родителям. Я так хотела выучиться на врача! Они отказались платить за мое учение. Но они с готовностью платили за Оуэна. А еще неизвестно — может быть, я стала бы лучшим врачом, чем брат…

— Простите, — сказал я. — Все зависело от вашего упорства. Когда кто-то хочет добиться чего-то…

Она быстро перебила меня:

— О, я всем довольна сейчас. У меня масса возможностей приложить силы. Моя жизнь полна дел. Я одна из самых счастливых в Лимстоке. Есть чем заняться. Но я сражаюсь с глупым старомодным предрассудком, что место женщины — в доме.

— Простите, если я вас чем-то обидел, — сказал я. Я и не предполагал в Айми Гриффитс подобного неистовства.

Глава 3

Симмингтона я встретил в городке в тот же день, позже.

— Ничего, если Меган побудет у нас немного? — спросил я. — Джоанне нужна компания — ей очень одиноко иной раз без всех ее старых друзей.

— О… э… Меган? О да, это очень мило с вашей стороны.

Я почувствовал к Симмингтону отвращение, которое потом не мог уже преодолеть. Совершенно очевидно было, что он начисто забыл о Меган. Я бы еще мог понять, если бы он не любил девушку, — мужчины частенько ревниво относятся к детям своих жен от предыдущих браков, — но этого не было; он просто с трудом замечал ее. Он думал о ней даже меньше, чем обычно думают о собаке, живущей в доме. То есть собаку замечают хотя бы тогда, когда о нее спотыкаются, и тут же принимаются ругать ее и проклинать или же погладят ее — когда она окажется достаточно близко для этого. Меня очень раздражало полное равнодушие Симмингтона к приемной дочери.

Я спросил:

— Какие у вас планы относительно Меган?

— Меган? — Он выглядел весьма озадаченным. — Ну, она будет жить дома. Я хочу сказать — естественно, это же ее дом.

Моя бабушка, очень меня любившая, частенько напевала под гитару старомодные песенки. Одна из них, как я помнил, заканчивалась так:

Девица моя, не забудь меня,
Без дома и доли я,
Нет места мне и в краю родном,
Живу лишь в сердце твоем.

Я пошел домой, напевая эту песню.

Эмили Бэртон пришла сразу после того, как стол прибрали после чая. Она хотела поговорить о саде. Мы гуляли в саду с полчаса. Затем вернулись в дом.

Войдя, она спросила, понизив голос:

— Я надеюсь, что это дитя… что она не слишком *потрясена* всем этим?

— Смертью ее матери, вы хотите сказать?

— Да, конечно. Но я скорее имела в виду то… то нехорошее, что произошло *прежде*.

Я был озадачен. Мне хотелось понять чувства мисс Бэртон.

— Что вы думаете обо всем этом? Что это — правда?

— О, нет, нет, безусловно, нет. Я совершенно уверена, что миссис Симмингтон никогда… что она не могла… — Маленькая Эмили Бэртон порозовела и сконфузилась. — Совершеннейшая неправда — хотя, конечно, это может быть карой.

— Карой? — изумленно переспросил я.

Эмили Бэртон была такая розовая, так похожа на дрезденскую пастушку…

— Я не могу избавиться от чувства, что все эти страшные письма, все горе и страдание, которые они приносят, могут быть посланы с определенной *целью*.

— Конечно, их посылают с определенной целью, — мрачно сказал я.

— Нет-нет, мистер Бартон, вы меня неправильно поняли. Я говорю не о том заблуждающемся создании, которое их пишет, — это, должно быть, кто-то ужасно одинокий. Я имею в виду, что это допущено Провидением! Чтобы пробудить в нас ощущение нашего несовершенства.

— Наверное, — сказал я, — Всемогущий мог бы выбрать более привлекательное орудие.

Мисс Эмили прошептала, что пути Господни неисповедимы.

— Нет, — сказал я. — Слишком уж сильна в нас склонность приписывать Господу то зло, которое человек творит по своей воле. Я могу еще допустить, что это дьявол. Богу нет необходимости наказывать нас, мисс Бэртон. Мы так часто наказываем себя сами.

— Я не в состоянии понять: *почему* люди хотят совершать подобные поступки?

Я пожал плечами:

— Уродливый склад ума.

— Это кажется весьма печальным.

— Это не кажется мне печальным. Это кажется мне истинным проклятьем. И я не намерен извиняться за это слово. Я хотел сказать именно это.

Краска отлила от щек мисс Бэртон. Они побелели.

— Но почему, мистер Бартон, *почему*? Что за удовольствие может кто бы то ни было получить от такого?

— Ни вам, ни мне тут ничего не понять, и слава богу.

Эмили Бэртон понизила голос:

— Ничего подобного здесь никогда прежде не случалось — никогда на моей памяти. Здесь всегда было такое счастливое маленькое селение. Что бы сказала моя дорогая матушка? Да, следует

быть благодарной богу, что она избежала всего этого.

Я подумал, что, судя по тому, что я слышал, старая миссис Бэртон была достаточно крепкой и вполне способной наслаждаться подобной сенсацией.

Эмили продолжала:

— Все это глубоко огорчает меня.

— А вы не… э-э… вы сами не получали писем?

Она густо покраснела.

— О нет… о нет, конечно. О! Это было бы ужасно!

Я поспешно извинился, но все же она ушла очень расстроенной.

Я проводил ее и вернулся в дом. Джоанна стояла в столовой, возле камина, который только что разожгли, поскольку вечера были все еще холодноваты. Она держала в руках вскрытое письмо.

Когда я вошел, сестра быстро обернулась.

— Джерри! Я нашла это в почтовом ящике — его кто-то принес, не почтальон. Оно начинается так: «Ты, раскрашенная проститутка…»

— И что там еще говорится?

Джоанна состроила гримасу.

— Все те же старые мерзости.

Она бросила письмо в огонь. Быстро, хотя это

могло повредить моей спине, я выхватил бумагу из камина, прежде чем она успела загореться.

— Не надо, — сказал я. — Нам оно пригодится.

— Пригодится?

— Для полиции.

...Лейтенант Нэш прочел письмо от начала до конца. Затем поднял глаза и спросил:

— Оно выглядит так же, как предыдущее?

— Думаю, да... насколько я помню.

— Те же различия между надписью на конверте и собственно текстом?

— Да, — сказал я. — Адрес был отпечатан на машинке. А само письмо составлено из типографских слов, наклеенных на лист бумаги.

Нэш кивнул и сунул письмо в карман. Затем сказал:

— Я надеюсь, мистер Бартон, вы не откажетесь пойти со мной в полицейский участок? Мы могли бы устроить небольшое совещание, а в результате сэкономить довольно много времени.

— Конечно, — сказал я. — Вы хотите, чтобы я пошел прямо сейчас?

— Если не возражаете.

Полицейский автомобиль стоял у дверей. Мы поехали на нем.

Я спросил:

— Вы полагаете, вам удастся отыскать автора?

Нэш кивнул со спокойной уверенностью:

— О да, мы найдем автора. Это вопрос времени и техники. Такие дела расследуются медленно, но почти наверняка. Весь смысл в том, чтобы сузить круг подозреваемых.

— Отсекая их одного за другим?

— Да. Шаблонное занятие.

— И наблюдение за почтовыми ящиками, да? И проверка пишущих машинок и отпечатков пальцев, и все такое?

Он улыбнулся.

— Все так, как вы говорите.

В полицейском участке я обнаружил Симмингтона и Гриффитса. Меня представили высокому человеку с худым лицом, в штатском костюме — инспектору Грэйвсу.

— Инспектор Грэйвс, — объяснил Нэш, — прибыл из Лондона к нам на помощь. Он специалист по делам с анонимными письмами.

Инспектор печально улыбнулся. Я пришел к выводу, что жизнь, посвященная поиску авторов анонимных писем, должна быть своеобразной и унылой. Тем не менее инспектор Грэйвс проявлял признаки меланхолического энтузиазма.

— Они все похожи, эти дела, — сказал он низ-

ким, мрачным голосом, похожим на ворчание грустной ищейки. — Вы бы не поверили. И слова этих писем, и то, о чем в них говорится.

— У нас был подобный случай около двух лет назад, — сказал Нэш. — Инспектор Грэйвс нам тогда очень помог.

Я заметил, что на столе перед Грэйвсом лежат несколько писем. Похоже, он исследовал их.

— Трудность в том, — сказал Нэш, — чтобы раздобыть эти письма. Люди или сжигают их, или не признаются в том, что получали нечто в этом роде. Видите ли, они боятся связываться с полицией. Люди здесь очень отсталые.

— Однако мы собрали вполне достаточно, — сказал Грэйвс.

Нэш достал из кармана то письмо, которое отдал ему я, и бросил его на стол перед Грэйвсом.

Письмо было внимательно осмотрено и присоединено к остальным. Действие сопровождалось замечанием:

— Очень хорошо… в самом деле, очень хорошо…

Я вряд ли выбрал бы такие слова для определения подобного послания, но у специалиста, я полагаю, особый взгляд на вещи. И я был рад, что эти многословные непристойные ругательства

и оскорбления хоть *кому-то* могут доставить удовольствие.

— Я думаю, этого достаточно для работы, — сказал инспектор Грэйвс, — но я хотел бы попросить вас, господа, если вы получите еще письма, принести их сюда сразу же. И если вы услышите, что кто-либо получил такое письмо (в особенности вы, доктор, вы можете это узнать у пациентов), прошу вас приложить все усилия, чтобы убедить человека прийти к нам. Я имею, — он проворно перебрал вещественные доказательства, — одно к мистеру Симмингтону, полученное около двух месяцев назад, одно адресованное миссис Мьюг, жене мясника, одно к мисс Гинч, одно — Дженнифер Кларк, официантке из «Трех корон», еще одно — полученное миссис Симмингтон, и теперь вот — письмо мисс Бартон. Ах да, еще одно — директору банка.

— Весьма представительная коллекция, — заметил я.

— И ни одного не похожего на какой-либо из предыдущих случаев в моей практике! Вот это, например, невероятно похоже на письмо, написанное той модисткой. Вот это — точная копия тех писем, что вдруг начали приходить в Нортумберленде, их писала школьница. Я должен вам

сказать, господа, мне нравится иной раз обнаруживать что-то *новенькое* вместо одних и тех же знакомых мотивов.

— Нет ничего нового под луной, — пробормотал я.

— Совершенно верно, сэр. Вы бы это знали особенно хорошо, занимайся вы нашим делом.

Нэш вздохнул и сказал:

— Да, действительно.

Симмингтон спросил:

— У вас уже есть определенное мнение об авторе?

Грэйвс откашлялся и прочел небольшую лекцию:

— Во всех письмах есть нечто общее. Я сообщу вам, господа, на какие соображения они наводят. Текст писем составлен из слов, вырезанных из частной переписки, опубликованной в книге. Это старая книга, изданная, как я предполагаю, около 1830 года. Совершенно очевидно, что автор таким образом стремился избежать риска быть узнанным, что неизбежно, когда письмо пишется от руки, — всем нынче известно, что это очень легко… так называемый измененный почерк не может обмануть, если есть образец для сравнения. На письмах и конвертах нет четких

отпечатков пальцев. Нужно сказать, что письма побывали во многих руках — у почтовых работников, у тех, кто получал эти конверты, — и случайных отпечатков на них довольно много, но все они нечеткие, смазанные… и это говорит о том, что человек, отправлявший письма, надевал перчатки.

Адреса на конвертах отпечатаны на машинке «Виндзор-7», неновой, буквы «а» и «т» отпечатываются плохо. Большинство писем отправлены местной почтой, а некоторые просто брошены самим автором в почтовые ящики. Это также доказывает, что мы имеем дело с местным жителем. Письма написаны женщиной, и я уверен, что это женщина средних лет или даже старше, и, возможно, хотя и необязательно, — незамужняя.

Мы хранили почтительное молчание минуту или две. Потом я сказал:

— Пишущая машинка — ваша главная ставка, не так ли? Ее нетрудно, должно быть, найти в таком маленьком поселке, как этот.

Инспектор Грэйвс печально покачал головой и сказал:

— Вы ошибаетесь, сэр.

— Машинку, — сказал лейтенант Нэш, — к несчастью, мы нашли слишком легко. Это старая

машинка из конторы мистера Симмингтона, которую он передал Женскому институту; и я могу сказать, что она более чем доступна любому. А местные дамы очень часто бывают в институте.

— Но разве вы не можете сказать что-то более определенное по… э-э… стилю, манере работы, кажется, это так называется?

Снова Грэйвс кивнул.

— Да, такое возможно — но адреса отпечатаны кем-то, кто пользовался для работы только *одним* пальцем.

— Следовательно, это кто-то, не умеющий печатать?

— Нет, я бы так не сказал. Скорее некто, кто умеет печатать, но не хочет, чтобы мы об этом знали.

— Кем бы она ни была, она достаточно хитра, — медленно произнес я.

— Да, сэр, да, — подтвердил Грэйвс. — Она знает все профессиональные штучки.

— Никогда бы не подумал, что у какой-то из этих буколических дам в здешних краях могли оказаться мозги, — сказал я.

Грэйвс кашлянул.

— Похоже, я высказался недостаточно ясно. Эти письма написаны образованной женщиной.

— Что?! Она — леди?!

Это выскочило у меня непроизвольно. Я не произносил слова «леди» уже много лет. Но сейчас оно само собой сорвалось с моих губ, откликнувшись эхом давних дней, и в глубине сознания чуть слышно прозвучал голос бабушки, высокомерно говорящей: «Уж конечно, она *не леди*, дорогой мой».

Нэш мгновенно понял меня. Для него слово «леди» до сих пор значило многое.

— Не обязательно леди, — сказал он. — Но, безусловно, и не сельская работница. Они здесь в общем-то малограмотны, не могут толком написать что-либо, и, уж безусловно, неспособны к связному выражению мыслей.

Я промолчал, поскольку был потрясен. Городок такой крохотный. Бессознательно я представлял автора писем кем-то вроде миссис Клит, местной колдуньи и знахарки, — человеком злобным, хитрым и полоумным.

Симмингтон выразил мою мысль в словах. Он резко сказал:

— Но это сокращает область поисков до полудюжины или дюжины человек во всем городишке! Я не могу в это поверить.

Потом, глядя прямо перед собой, с некоторым

усилием — словно бы звуки собственных слов были ему противны, — он добавил:

— Вы слышали, что я говорил на дознании. Возможно, вы подумали, что я говорил так, защищая честь супруги. Я бы хотел повторить сейчас: я твердо убежден, что все, что говорилось в письме, полученном моей женой, — абсолютная ложь. Я *знаю*, что это ложь. Моя жена была очень чувствительной женщиной, и… э-э… ну, вы назвали бы ее в каком-то смысле жеманной. Подобное письмо стало для нее огромным потрясением, да еще у нее было слабое здоровье.

Грэйвс немедленно отозвался:

— Это очень похоже на правду, сэр. Ни одно из писем не показывает действительного знания каких-то интимных подробностей. Это всё слепые обвинения. Это и не попытки шантажа. И не похоже на религиозный фанатизм, как это иной раз бывает. Здесь только секс и злоба! И это дает нам хорошую отправную точку для поисков автора.

Симмингтон поднялся. Хотя он заговорил сухо и холодно, его губы дрожали:

— Я надеюсь, вы скоро найдете дьяволицу, писавшую эти письма. Она убила мою жену, точно так же, как если бы ударила ее ножом. — Он помолчал. — Хотел бы я знать, как она чувствует

себя теперь.

И вышел, не дождавшись ответа.

— Как она себя теперь чувствует, Гриффитс? — спросил я. Мне показалось, что ответ на такой вопрос — в его компетенции.

— Бог знает. Может быть, испытывает угрызения совести. С другой стороны, вполне может наслаждаться своей силой. Смерть миссис Симмингтон могла дать новую пищу ее мании.

— Надеюсь, что нет, — сказал я с некоторым содроганием. — Потому что, если это так, она…

Я замолчал, и Нэш закончил за меня:

— Она возьмется за свое снова? Это, мистер Бартон, было бы так плохо, что хуже некуда. Повадился кувшин по воду ходить.

— Она может оказаться достаточно сумасшедшей для этого! — воскликнул я.

— Она будет продолжать, — сказал Грэйвс. — Они всегда продолжают. Это, знаете ли, такой порок, от которого они уже не способны отказаться.

Я с ужасом встряхнул головой. Я спросил, нужен ли я здесь еще; мне хотелось выйти на воздух. Атмосфера казалась пропитанной злом.

— Нет, мистер Бартон, — сказал Нэш. — Только смотрите вокруг повнимательнее и сделайте

все возможное, убеждая всех приносить к нам письма, если их кто-либо получит.

Я кивнул.

— Я полагаю, что уже каждый в городке получил подобное грязное послание, — сказал я.

— Хотел бы я быть уверенным в том, — пробормотал Грэйвс. Он немного склонил набок свою печальную голову и спросил: — Не знаете ли вы кого-нибудь, кто *наверняка* не получал письма?

— Что за странный вопрос! Местные жители не посвящают меня в свои тайны.

— Нет-нет, мистер Бартон, я не это имел в виду. Я только хотел спросить, не знаете ли вы кого-нибудь одного, конкретного, кто, по вашему убеждению, анонимок не получал?

— А в самом деле. — Я колебался. — Я знаю, в некотором смысле.

И я пересказал свой разговор с Эмили Бэртон и все, что она говорила мне.

Грэйвс выслушал информацию с каменным лицом и сказал:

— Да, это может пригодиться. Я это учту.

Мы с Гриффитсом вышли наружу, под полуденное солнце. Очутившись на улице, я негромко чертыхнулся:

— Какое прелестное местечко для челове-

ка, приехавшего поваляться на солнышке и подлечить свои раны! Оно полно отравы, это местечко, — а выглядит мирным и невинным, как Эдемский сад!

— Даже там, — сухо сказал Оуэн, — нашлась одна змея.

— Послушайте, Гриффитс, они что-нибудь знают? У них есть уже какие-то идеи?

— Понятия не имею. Полицейские всегда выглядят такими искренними и при этом ничего вам не говорят.

— Да. Нэш — хороший человек.

— И очень способный.

— Если тут в городке есть кто-то совершенно спятивший, *вы-то* должны знать, — сказал я обвиняющим тоном.

Гриффитс покачал головой. Он выглядел обескураженным. И хуже того — он казался очень обеспокоенным. Хотел бы я знать, подозревает ли он кого-то.

— Я полагаю, второй взнос арендной платы я должен сделать авансом. Но мне очень хочется, заплатив, тут же уехать отсюда вместе с Джоанной. Избавиться от отдыха в арендованных владениях.

— Не уезжайте, — сказал Оуэн.

— Почему бы это?

Он не ответил. Помедлив минуту-другую, он сказал:

— Конечно, после всего… осмелюсь сказать, вы правы. Лимсток нынче нездоров. Это… это может повредить вам… или вашей сестре.

— Ничто не может повредить Джоанне, — возразил я. — Она крепкая. Это я слабак. Когда-нибудь штучки с письмами доведут меня до болезни.

— Они *меня* доведут до болезни, — сказал Оуэн.

Я приоткрыл дверь агентства.

— Но я не уеду, — заявил я. — Вульгарное любопытство сильнее малодушия. Я хочу знать, чем все это кончится.

Я вошел в агентство.

Женщина, печатавшая на машинке, встала и шагнула навстречу мне. У нее были завитые волосы и фальшивая улыбка, но я нашел ее куда более интеллигентной, чем те очкастые девицы, которые обычно распоряжаются в провинциальных конторах.

Секундой позже я осознал, что уже встречался с ней. Это была мисс Гинч, бывшая служащая Симмингтона.

Я отметил этот факт.

— Вы работали у «Гэлбрайта, Гэлбрайта и Симмингтона», не так ли? — спросил я.

— Да. Да, конечно. Но я решила, что лучше уйти оттуда. Здесь вполне хорошее место, хотя и меньше платят. Но есть вещи, которые не измерить деньгами, вам не кажется?

— Несомненно, — подтвердил я.

— Эти жуткие письма, — произнесла мисс Гинч свистящим шепотом. — Я получила одно такое. Обо мне и мистере Симмингтоне. О, это было ужасно, там говорились такие *кошмарные* вещи! Я знаю свои обязанности, и я отнесла его в полицию, хотя, уж конечно, не слишком-то это для меня *приятно*, а?

— Да-да, это очень неприятно.

— Они поблагодарили меня и сказали, что я поступила правильно. Но я подумала потом: раз уж люди говорят такое — а ясно, они *должны* были говорить, иначе откуда бы этот «писатель» подцепил такую идею? — я обязана уйти подальше даже от намеков на что-либо в этом роде, потому что ничего никогда не было между мной и мистером Симмингтоном.

Я был более чем смущен.

— О, конечно, конечно, нет…

— Но люди так несправедливы! Да, увы, так

несправедливы!

Я, несколько нервно пытаясь обойти мисс Гинч, тем не менее успел взглянуть в ее глаза и сделал при этом весьма неприятное открытие. Мисс Гинч искренне наслаждалась собой. Однажды в этот день я уже встретился с человеком, который получал удовольствие от анонимных писем. Но энтузиазм инспектора Грэйвса был профессиональным. А наслаждение мисс Гинч показалось мне просто подозрительным и внушающим отвращение.

Странная мысль мелькнула у меня: *а не сама ли мисс Гинч написала эти письма?*

Вернувшись домой, я обнаружил там миссис Дан-Кэлтроп, беседующую с Джоанной. Мне подумалось, что супруга викария выглядит бледной и больной.

— Это было для меня ужасным потрясением, мистер Бартон, — сказала она. — Бедняжка, бедняжка!

— Да, — сказал я. — Это ужасно — думать, что человека довели до того, что он лишил себя жизни.

— О, вы имеете в виду миссис Симмингтон?

— А разве вы не о ней?

Миссис Дан-Кэлтроп покачала головой.

— Конечно, кто-то в этом виноват, но это должно было произойти во всяком случае, не так ли?

— Должно было произойти? — произнесла Джоанна сухо.

Миссис Дан-Кэлтроп повернулась к ней:

— О, я думаю так, дорогая. Если вы считаете самоубийство способом избежать хлопот, то становится не особенно важно, что именно вы считаете хлопотами. И при любой серьезной неприятности, столкнись миссис Симмингтон с ней лицом к лицу, она сделала бы то же самое. И все, что тут можно утверждать, — что она была женщиной, склонной к такому поступку. Никто не мог бы этого предположить. Она всегда казалась мне эгоистичной до глупости, с твердой линией в жизни. Нет повода к беспокойству, могли бы вы подумать, — но я начинаю понимать, как мало я в действительности знаю о каждом.

— Мне любопытно, о ком же вы сказали «бедняжка», — заметил я.

Она уставилась на меня.

— Разумеется, о той женщине, которая пишет письма.

— Не думаю, — холодно сказал я, — чтобы я стал за нее переживать.

Миссис Дан-Кэлтроп наклонилась вперед, по-

ложила руку мне на колено.

— Но неужели вы действительно… неужели вы не *чувствуете*? Вы только вообразите! Подумайте, как отчаянно, безнадежно несчастен должен быть человек, пишущий такие вещи! Как он одинок, оторван от человеческих радостей! Насквозь отравленный, до краев наполненный заразой, ищущей выхода. Поэтому я чувствую угрызения совести. Некто в этом городе мучается от такого ужасного несчастья, а я об этом не догадывалась. Тут нельзя помочь действием — я никогда этого не делаю. Но этот душевный порок — вроде нарыва на руке, черного и распухшего. Если его вскрыть, гной вытечет, и опасность минует. Да, бедняжка, бедняжка…

Она встала, собираясь уходить.

Я не мог согласиться с ней. Я ни в коем случае не испытывал сочувствия к сочинителю анонимных писем. Но я спросил с любопытством:

— А вы не догадываетесь, кто эта женщина?

Миссис Дан-Кэлтроп перевела на меня взгляд — в ее чудесных глазах отражалось замешательство.

— Ну, я могу предположить, — сказала она. — Но ведь я могу и ошибиться, не так ли?

Она быстро вышла наружу и, внезапно повер-

нув ко мне лицо, спросила:

— Можете вы ответить, почему вы до сих пор не женаты, мистер Бартон?

В любом другом случае подобный вопрос показался бы дерзким, но когда вы говорили с миссис Дан-Кэлтроп, у вас возникало ощущение, что данная мысль внезапно пришла ей в голову и что она действительно хочет знать — почему?

— Да позволительно мне будет сказать, — ответил я, иронизируя, — что до сих пор не довелось встретить правильную женщину!

— Вы можете так сказать, — откликнулась миссис Дан-Кэлтроп. — Но вряд ли это будет очень удачный ответ, потому что слишком многие женятся на откровенно неправильных женщинах.

После этого она уже и в самом деле ушла.

Джоанна сказала:

— Знаешь, я действительно думаю, что она сумасшедшая. Но она мне нравится. Здесь, в деревне, люди ее боятся.

— И я боюсь, немножко.

— Потому что ты никогда не знаешь, что она скажет в следующее мгновение.

— Да. А с какой великолепной небрежностью она сообщила о своих догадках!

Джоанна медленно произнесла:

— Ты тоже думаешь, что тот, кто пишет эти письма, очень несчастен?

— Я не знаю, что думает или чувствует эта проклятая ведьма! И не желаю знать. Ее жертвы — вот кого мне жаль.

Теперь мне кажется странным, что в наших размышлениях о настроениях Ядовитого Пера мы упустили нечто абсолютно очевидное. Гриффитс воображал, что эта женщина, возможно, очень экзальтированна. Я предполагал, что она полна раскаяния, напуганная результатом дела своих рук. Миссис Дан-Кэлтроп видела ее страдающей.

Но, очевидно, мы не приняли в расчет неизбежную реакцию этой особы, или, возможно, я должен бы сказать: *я* не принял в расчет. Этой реакцией был Страх.

Со смертью миссис Симмингтон письма стали оцениваться иначе, нежели прежде. Не знаю, какова была официальная версия, — это, я полагаю, было известно Симмингтону, — но было совершенно ясно, что, поскольку письмо привело к смерти человека, положение автора писем теперь куда как более серьезно. Уже не могло быть речи о том, чтобы расценить письма как шутку, если их автор будет обнаружен. Полиция действовала энергично, вызвав эксперта Скотланд-Ярда.

Теперь для автора анонимок стало жизненно важным по-прежнему оставаться неизвестным.

И все последующее объяснялось, если допустить, что Страх был основным движущим мотивом. Но этого я не заметил. Хотя, конечно, все было вполне очевидно.

Джоанна и я довольно поздно вышли к завтраку на следующее утро. То есть, надо заметить, поздно по правилам Лимстока. Было половина десятого — в Лондоне в это время Джоанна едва разлепляет веки, а мои глаза, скорее всего, еще плотно закрыты.

Тем не менее, когда Патридж спросила: «Завтрак в половине девятого или в девять?» — ни Джоанна, ни я не решились предложить более позднее время.

К моей досаде, я обнаружил, что на пороге стоит Айми Гриффитс и болтает с Меган.

Увидев нас, она громко сказала в своей обычной задушевной манере:

— Привет, лодыри! Я поднялась несколько часов назад.

Это, безусловно, было ее личное дело. Доктор, без сомнения, обычно завтракает рано, и заботливая сестра подает ему чай или кофе. Но это отнюдь не значит, что можно являться чуть

свет к дремлющим соседям. Половина десятого — неподходящее время для утреннего визита.

Меган проскользнула обратно в дом и отправилась в столовую, чтобы, как я понял, продолжить прерванный завтрак.

— Я не буду входить, — сказала Айми Гриффитс, хотя я не понимаю, почему приличнее вызывать людей наружу и говорить с ними на крыльце, вместо того чтобы разговаривать в доме. — Я лишь хотела спросить у мисс Бартон, нет ли у нее лишних овощей для нашей палатки на ярмарке в Ред-Кросс. Если есть, то я попрошу Оуэна заехать за ними на машине.

— Вы, похоже, выходите из дома очень рано, — сказал я.

— Кто рано встает, тому бог подает, — ответила Айми. — В такое время гораздо больше шансов застать людей дома. Отсюда я пойду к мистеру Паю. И я должна быть в Брентоне днем. Скауты.

— Ваша энергия меня подавляет, — сказал я; в этот момент зазвонил телефон, и я вернулся в холл, чтобы взять трубку, покинув Джоанну, бормочущую что-то весьма сомнительное о ревене и французских бобах и демонстрирующую полное незнание огорода.

— Да? — сказал я в телефонную трубку.

На другом конце послышался глубокий вздох, смущенное сопение, и нерешительный женский голос произнес:

— О!

— Да? — повторил я ободряюще.

— О! — вновь произнес голос, а затем гнусаво спросил: — Это… это, я надеюсь… это «Литтл Фюрц»?

— Это «Литтл Фюрц».

— О! — Очевидно, с этого восклицания начиналось любое предложение. Голос спросил осторожно: — Могу я поговорить прямо сейчас с мисс Патридж?

— Конечно, — сказал я. — Кто ее спрашивает?

— О! Скажите ей, это Агнес, ладно? Агнес Вадл.

— Агнес Вадл?

— Да, так.

Подавив в себе желание выругаться, я положил телефонную трубку на стол и, подойдя к лестнице, ведущей на второй этаж, окликнул Патридж, звуки деятельности которой доносились сверху:

— Патридж! Патридж!

Патридж возникла на верхней ступеньке, держа в руке длинную метелку и выглядя как «Ну, что *еще?*», что слишком явственно отличалось от ее обычных респектабельных манер.

— Да, сэр?

— Агнес Вадл хочет поговорить с вами по телефону.

— Простите, сэр?

Я повысил голос:

— Агнес Вадл!

Я произнес фамилию так, как расслышал ее. Но мне пришлось выслушать и точный вариант:

— Агнес Вуддел… Что ей могло понадобиться?

В сильном смущении Патридж бросила свою метелку и мгновенно сбежала вниз, треща платьем из набивного ситца.

Чтобы не показаться Патридж навязчивым, я вышел в столовую, где Меган, как голодный волчонок, уминала почки и бекон. Меган, в отличие от Айми Гриффитс, не делала «великолепное утреннее лицо». Она грубовато ответила на мое приветствие и продолжала есть в молчании.

Я развернул утреннюю газету, а минутой или двумя позже вошла Джоанна, выглядевшая довольно расстроенной.

— Вот так так! — сказала она. — Я очень устала. И думаю, что я продемонстрировала полное невежество относительно того, когда что растет. Разве молодых бобов нет в это время года?

— Август, — буркнула Меган.

— Да, но в Лондоне они есть всегда, — сказала Джоанна, защищаясь.

— Консервы, милая дурочка, — сказал я. — Их привозят в кораблях-холодильниках из колоний.

— Как слоновую кость, обезьян и павлинов? — спросила Джоанна.

— Разумеется.

— Я бы предпочла павлинов, — сообщила Джоанна глубокомысленно.

— А мне больше всех нравятся обезьянки, — сказала Меган.

Задумчиво обдирая кожицу с апельсина, Джоанна проговорила:

— Хотела бы я знать, что чувствуют люди вроде Айми Гриффитс, которые прямо лопаются от здоровья, избытка энергии и наслаждения жизнью… Как вы думаете, она когда-нибудь устает, или бывает в плохом настроении, или… или грустит?

Я сказал, что совершенно уверен в том, что Айми Гриффитс никогда не грустит, и вслед за Меган вышел через открытое французское окно на веранду.

Стоя там и куря трубку, я слышал, как Патридж вошла в столовую из холла и произнесла мрачным голосом:

— Могу я поговорить с вами, мисс?

«Черт побери, — подумал я, — надеюсь, Патридж не намерена уведомить нас о своем уходе. Эмили Бэртон будет весьма раздосадована, случись такое».

Патридж продолжила:

— Я должна извиниться, мисс, за этот звонок. Надо сказать, та юная особа, которая звонила мне, могла бы и разбираться в таких вещах. У меня никогда не было обыкновения пользоваться телефоном или позволять моим приятелям звонить мне, и я действительно чувствую себя виноватой из-за того, что такое могло случиться и что хозяину пришлось ответить на звонок, ну и вообще…

— Но все в порядке, Патридж, — сказала Джоанна мягко. — Почему бы вашим друзьям и не воспользоваться телефоном, если им хочется поговорить с вами?

Хоть я и не видел лица Патридж, но почувствовал, что оно было мрачнее обыкновенного, когда она холодно ответила:

— Ничего подобного никогда не случалось в этом доме. Мисс Эмили никогда не допустила бы этого. Я уже сказала, я прошу меня извинить за то, что произошло, но Агнес Вуддел — девушка, которая звонила, — очень расстроена, и она

слишком молода, чтобы понимать, что можно, а чего нельзя в доме джентльмена.

«Вот это как раз для Джоанны», — подумал я, развеселившись.

— Агнес, мисс, — продолжала Патридж, — здесь служила под моим началом. Ей было всего шестнадцать, когда она сюда пришла прямо из приюта. Видите ли, у нее нет ни дома, ни матери, ни каких-либо родственников, кто мог бы ей дать совет, и она привыкла обращаться ко мне. Я могу ей объяснить, что к чему, видите ли.

— Да? — произнесла Джоанна и замолчала, ожидая. Очевидно, должно было следовать продолжение.

— Поэтому я позволила себе спросить вас, мисс: не разрешите ли вы Агнес прийти сегодня днем к чаю на кухне? У нее выходной, видите ли, и она хочет о чем-то со мной посоветоваться. Мне кажется, это что-то из ряда вон выходящее.

Джоанна смущенно сказала:

— Но почему же и не прийти кому-то к вам на чай?

Джоанна потом сказала мне, что при этих словах Патридж выпрямилась, и вид у нее был весьма грозный, когда она ответила:

— Ничего подобного нет в правилах этого дома,

мисс. Старая миссис Бэртон никогда не позволяла визиты на кухню, исключая наши собственные выходные дни, — тогда нам разрешалось приглашать наших приятелей, вместо того чтобы самим ходить куда-то, но в других случаях, в обычные дни, — никогда. И мисс Эмили придерживается прежнего.

Джоанна всегда очень добра к слугам, и большинство из них ее любят, но ей никак не удавалось растопить лед в отношениях с Патридж.

— Нехорошо, моя девочка, — сказал я, когда Патридж ушла и Джоанна вышла ко мне. — Твои симпатии и мягкость не оценены. Для Патридж хороша лишь старая добрая властность и то, что прилично в доме джентльмена.

— Я никогда не слышала о такой тирании, чтобы запрещалось даже пригласить друзей, — сказала Джоанна. — Все это очень мило, Джерри, но не может же им нравиться, что с ними обращаются, как с черными рабами?

— Очевидно, им нравится, — сказал я. — По крайней мере, нравится женщинам типа Патридж в этом мирке.

— Не представляю, почему она меня не любит. Большинство людей относятся ко мне хорошо.

— Возможно, она презирает тебя из-за того,

что ты не настоящая домохозяйка. Ты никогда не возлагаешь руки на полки и не устраиваешь проверок на предмет наличия следов пыли. Ты никогда не заглядываешь под половики. Ты никогда не спрашиваешь, куда подевались остатки шоколадного суфле, и ты никогда не заказываешь хороший хлебный пудинг.

— Ух! — воскликнула Джоанна. И печально продолжила: — У меня весь день неудачи. Наша Айми презирает меня за незнание огородных дел. Патридж относится ко мне пренебрежительно за то, что я отношусь к ней по-человечески. Я сейчас пойду в сад и буду есть червяков.

— Меган уже там, — сказал я.

Действительно, Меган несколько минут назад проскользнула мимо нас и теперь стояла бесцельно посреди маленькой лужайки, похожая на задумчивую птичку, ожидающую корма.

Но вот она обернулась к нам и резко сказала:

— Мне кажется, я должна сегодня вернуться домой.

— Что? — обеспокоенно переспросил я.

Покраснев, она продолжила нервно и убежденно:

— Вы были ужасно добры, пригласив меня, и я полагаю, что я страшно вам досаждала, мне у вас

нравится, но теперь я должна вернуться, потому что… ну, все-таки это мой дом, и никто не может надолго уходить из дома, и потому, я думаю, я отправлюсь обратно сегодня.

Оба мы, Джоанна и я, пытались заставить ее переменить решение, но она оказалась тверже алмаза, и в конце концов Джоанна вывела автомобиль, и Меган через несколько минут спустилась по ступенькам со своим вновь упакованным багажом.

Единственным человеком, выглядевшим довольным, была Патридж, и на ее мрачном лице даже появилось нечто вроде улыбки. Ей никогда не нравилась Меган.

Когда Джоанна вернулась, я стоял в центре лужайки.

Джоанна спросила, не думаю ли я, что я — солнечные часы.

— Почему?

— Ты стоишь тут как садовое украшение. Кто-нибудь вполне мог бы написать на тебе девиз, как на солнечных часах. Ты мрачен как гроза!

— Я не расположен шутить. Сначала Айми Гриффитс…

— Помилуйте! — прошептала Джоанна. — Я же должна поговорить об этих овощах!..

— ...потом эта выходка Меган. Я-то думал о том, чтобы пригласить ее на прогулку в Лег-Тор.

— При ошейнике и поводке, полагаю? — заметила Джоанна.

— Что?

Джоанна, огибая угол дома и направляясь к огороду возле кухни, повторила громко и четко:

— Я сказала: «При ошейнике и поводке, полагаю?» Ты потерял свою собачку, вот что с тобой случилось!

Глава 4

Должен признаться, у меня вызывала досаду та резкость, с которой Меган покинула нас. Но, возможно, мы ей просто наскучили.

В конце концов, в «Литтл Фюрц» была не слишком веселая жизнь для девушки. А дома были мальчишки и Элси Холланд.

Я услышал, что возвращается Джоанна, и поспешно перешел на другое место, чтобы не давать ей повода повторить нахальное замечание насчет солнечных часов.

Незадолго до обеда приехал Оуэн Гриффитс; садовник уже ждал его со всей необходимой огородной продукцией.

Пока старый Адамс загружал овощи в автомобиль, я пригласил Оуэна в дом — выпить. Остаться к обеду доктор не мог.

Войдя в гостиную с шерри, я обнаружил, что Джоанна вновь принялась за свои дрянные проделки. Теперь в ней не было ни малейших признаков враждебности. Она съежилась в уголке дивана и, чуть ли не мурлыкая, задавала Оуэну вопросы о его работе: нравится ли ему быть врачом общего профиля и не предпочитает ли он

какую-либо специализацию? Она думает, что врачебное дело — одно из лучших в мире.

Вы бы сказали, что Джоанна — очаровательная, божественная слушательница. Но после выслушивания такого множества будущих гениев, рассказывавших ей о своей непонятости, слушать Оуэна Гриффитса было для нее плевым делом. К тому времени, как мы принялись за третий стаканчик шерри, Гриффитс рассказал ей о нескольких непонятных случаях и ранениях в таких научных терминах, что никто не понял бы ни слова, кроме его коллег-медиков.

Джоанна выглядела понимающей и крайне заинтересованной.

Я на какое-то мгновение засомневался. Это было очень дурно со стороны Джоанны. Гриффитс был слишком хорошим малым, чтобы играть с ним так легкомысленно и небрежно. Женщины действительно дьяволы.

Впоследствии я оценил осторожный взгляд Гриффитса, его длинный, волевой подбородок и твердые, упрямо сжатые губы, и моя уверенность в том, что Джоанна сможет вертеть этим человеком, поугасла. Ну и в любом случае это дело личное — позволять женщине делать из вас дурачка. Пусть доктор сам поостережется.

Потом Джоанна сказала:

— Может быть, вы измените решение и останетесь у нас на обед, доктор Гриффитс?

Гриффитс слегка покраснел и сказал, что он бы с удовольствием, но сестра будет ждать его возвращения…

— Мы ей позвоним и предупредим, — быстро предложила Джоанна, тут же вышла в холл и позвонила по телефону.

Вернулась она улыбаясь и сообщила, что все в порядке.

И Оуэн Гриффитс остался на обед и выглядел вполне довольным. Мы говорили о книгах и пьесах, о мировой политике и о музыке, о живописи, о современной архитектуре.

Мы ни слова не сказали о Лимстоке, или об анонимных письмах, или о самоубийстве миссис Симмингтон.

Мы отбросили все это, и, я думаю, Оуэн Гриффитс был счастлив. Его темное, печальное лицо осветилось, и он высказывал интересные мысли.

Когда он ушел, я сказал Джоанне:

— Этот парень слишком хорош для твоих фокусов.

— Это *ты* так считаешь! — воскликнула Джоанна. — Все вы, мужчины, поддерживаете друг

друга!

— А почему ты охотишься за его шкурой, Джоанна? Задетое тщеславие?

— Возможно, — сказала моя сестра.

В тот день мы были приглашены на чай к мисс Эмили Бэртон в ее комнаты в деревне.

Мы решили прогуляться пешком, поскольку я чувствовал себя достаточно сильным для того, чтобы на обратном пути самостоятельно вскарабкаться на холм.

Мы вышли с таким расчетом, чтобы иметь запас времени, пришли слишком рано, и открывшая нам дверь высокая, костлявая женщина со свирепым лицом сказала, что мисс Бэртон еще нет.

— Но она вас ожидает, я знаю, так что, пожалуйста, входите и подождите немного.

Очевидно, это и была преданная Флоренс.

Мы проследовали за ней вверх по лестнице; распахнув дверь, она провела нас в некое подобие уютной гостиной, хотя, возможно, бедновато меблированной. Некоторые из вещей, как я заподозрил, были доставлены сюда из «Литтл Фюрц».

Женщина явно гордилась комнатой.

— Здесь мило, не так ли? — требовательно спросила она.

— Очень мило, — мягко сказала Джоанна.

— Я устроила все так уютно, как сумела. Не совсем то, чего бы мне хотелось, и, уж конечно, не то, что мисс Эмили должна бы иметь. Она должна жить в собственном доме, как полагается, а не болтаться по комнатам. Я у нее девять лет была горничной.

Флоренс, весьма смахивающая на дракона, по очереди осмотрела нас обоих укоряющим взглядом. Я утвердился в мысли, что сегодня у нас несчастливый день. Джоанне досталось от Айми Гриффитс и от Патридж, а теперь нам обоим влетело от драконши Флоренс.

Джоанна, раздраженная несправедливостью, сказала:

— Ну, мисс Бэртон хотела сдать дом. Она сама обратилась к агенту по недвижимости.

— Она была вынуждена, — сказала Флоренс. — И она живет так экономно и осторожно. Но даже теперь правительство не хочет оставить ее в покое. Безжалостно требует одного и того же!

Я печально покачал головой.

— Во времена старой леди денег хватало, — продолжала Флоренс. — А потом все эти бедняжки умерли одна за другой. Мисс Эмили ухаживала за всеми по очереди. Она надорвалась на этой

работе. Она всегда была такой терпеливой и безропотной. Но на нее всякое наговаривали, да еще и беспокойство из-за денег в довершение ко всему! Акции не приносят того дохода, который должны бы приносить, так она говорит; и почему я не должна ей верить, хотела бы я знать? Люди должны бы стыдиться самих себя. Обманывать леди вроде нее, которая ничего не понимает в цифрах и не может разобраться во всех этих фокусах!

— В общем-то любой может в этом разобраться, — сказал я, но Флоренс не смягчилась.

— Это верно для тех, кто вполне самостоятелен, но не для *нее*. Она нуждается в присмотре, и пока она со мной — я намерена следить, чтобы никто не обманул ее и не огорчил как бы то ни было. Я все сделаю для мисс Эмили!

И, вперив в нас долгий пристальный взгляд, чтобы ее мысль проникла в наше сознание, преданная Флоренс вышла из комнаты, осторожно закрыв за собой дверь.

— Ты не чувствуешь себя кровопийцей, Джерри? — спросила Джоанна. — Я чувствую. Что с нами происходит?

— Мы, кажется, здесь не слишком-то к месту, — сказал я. — Меган от нас устала, Патридж не

одобряет тебя, преданная Флоренс не одобряет нас обоих.

Джоанна прошептала:

— Хотела бы я знать, *почему* Меган уехала?

— Мы ей наскучили.

— Не думаю. Хотела бы я знать… Как ты думаешь, Джерри, может быть, это из-за того, что ей сказала *что-то* Айми Гриффитс?

— Ты имеешь в виду — сегодня утром, когда они говорили на крыльце?

— Да. Конечно, времени у нее было немного, но…

Я закончил фразу:

— Но эта женщина действует, как слониха! Она могла…

Открылась дверь, и вошла мисс Эмили. Она была розовая, немного задыхалась и выглядела возбужденной. Глаза ее были очень синими и сияющими.

Она смущенно прощебетала:

— О, дорогие, извините, я опоздала. Я делала покупки в городе, и пирожные в «Голубой розе» показались мне недостаточно свежими, поэтому я пошла к мистеру Лигону. Я предпочитаю покупать их в последнюю очередь, тогда можно получить свежайшую порцию, только что из

печи, и не следует покупать их днем раньше. Но я так огорчена, что заставила вас ждать, — вот уж беспардонность…

Джоанна прервала ее:

— Это наша вина, мисс Бэртон. Мы пришли слишком рано. Мы пошли пешком, а Джерри теперь шагает так быстро, что мы приходим всюду слишком рано.

— Ничуть не рано. Не говорите так. Чего-либо хорошего не бывает слишком много, знаете ли.

И старая леди нежно похлопала Джоанну по плечу.

Джоанна оживилась. Наконец-то, кажется, она имела успех. Эмили Бэртон обратила свою улыбку и ко мне, но с легким признаком робости, как бы обращаясь к тигру-людоеду в тот момент, когда можно ручаться за его безвредность.

— Очень мило с вашей стороны принять участие в таком дамском занятии, как чаепитие.

Эмили Бэртон, я думаю, представляла мужчин бесконечно поглощающими виски с содовой и курящими сигары, а в перерывах исчезающими для того, чтобы соблазнять деревенских девиц либо заводить интрижки с замужними дамами.

Когда я позже сказал об этом Джоанне, она заметила, что, возможно, мне хочется думать,

будто Эмили Бэртон такого мнения о мужчинах, но, увы, это не так.

Тем временем мисс Эмили суетилась в комнате, устраивая Джоанну и меня возле небольшого столика и осторожно обеспечивая нас пепельницами, а минутой позже дверь открылась и вошла Флоренс, держа поднос с чаем и очаровательными фарфоровыми чашками «Корона Дерби», которые, как я догадался, мисс Эмили привезла с собой. Чай был китайский, высшего сорта, и еще была масса тарелок с сэндвичами, тонкими кусочками хлеба с маслом и множеством маленьких пирожных.

Флоренс теперь сияла и смотрела на мисс Эмили с почти материнской нежностью, как на любимое дитя, играющее в «гости».

Джоанна и я съели гораздо больше, чем нам хотелось, — хозяйка так старательно угощала нас. Маленькая леди действительно наслаждалась тем, что она принимает гостей, и я чувствовал, что для Эмили Бэртон Джоанна и я представляем огромное приключение — два человека из таинственного мира Лондона.

Естественно, наша беседа вскоре перешла на местные темы. Мисс Бэртон тепло говорила о докторе Гриффитсе, о его доброте и высокой меди-

цинской квалификации. И мистер Симмингтон — очень умный адвокат, он помог мисс Бэртон вернуть деньги из «Инком Такс», о чем она сама никогда и не думала. И он так добр к своим детям, предан им и своей жене… Тут она перебила сама себя:

— Бедная миссис Симмингтон, это так печально, когда маленькие дети остаются сиротами. Возможно, она никогда не была слишком сильной женщиной, да еще и здоровье ее недавно ухудшилось. Мозговая горячка — вот что это, должно быть, было. Я читала о подобных вещах в газетах. В таких случаях люди совершенно не понимают, что творят. И она тоже не понимала, иначе бы вспомнила о мистере Симмингтоне и детях.

— Это анонимное письмо, должно быть, слишком сильно потрясло ее, — сказала Джоанна.

Мисс Бэртон покраснела. С оттенком порицания в голосе она произнесла:

— Не слишком приятные вещи для обсуждения, вы не находите, дорогая? Я знаю, что там были… э-э… письма, но мы не должны говорить об этом. Гадкие вещи. Я думаю, лучше их просто игнорировать.

Конечно, мисс Бэртон могла себе позволить

игнорировать письма, но для некоторых людей это не было так уж просто. Как бы то ни было, я послушно сменил тему беседы, и мы принялись обсуждать Айми Гриффитс.

— Она прелестна, она просто прелестна! — сказала Эмили Бэртон. — Ее энергия и организаторские способности великолепны. Она так добра к девочкам. Она так практична и современна во всех делах. Воистину она управляет нашим местечком. И абсолютно предана своему брату. Так приятно видеть подобную преданность между братом и сестрой.

— Неужели он никогда не ощущает, что она несколько давит на него? — спросила Джоанна.

Эмили Бэртон уставилась на нее с испуганным видом.

— Она принесла ради него огромную жертву, — сказала она с ноткой оскорбленного достоинства в голосе.

Я заметил нечто вроде «ах вот как?» в глазах Джоанны и поспешил перевести разговор на мистера Пая.

Эмили Бэртон несколько сомневалась относительно мистера Пая.

Все, что она могла сказать, повторяя это с некоторым подозрением, — что он очень добр, да,

очень добр. Благороден, разумеется, и более чем великодушен. У него иной раз бывают странные посетители, но это, конечно, из-за того, что он много путешествовал.

Мы согласились, что путешествия не только развивают широту ума, но иной раз и способствуют появлению очень странных знакомств.

— Я частенько думаю, что мне и самой хотелось бы отправиться в путешествие, — задумчиво сказала Эмили Бэртон. — Читаешь о них в газетах, и все это звучит так привлекательно…

— А почему бы вам и не поехать? — спросила Джоанна.

Такой поворот от мечты к реальности, похоже, переполошил мисс Эмили.

— О нет, нет, это *совершенно* невозможно.

— Но почему? Это достаточно дешево.

— О, дело не в стоимости. Но я бы не смогла поехать одна. Путешествие в одиночестве выглядело бы довольно странно, вам не кажется?

— Нет, — сказала Джоанна.

Мисс Эмили взглянула на нее с подозрением.

— И я не знаю, как бы я управилась с багажом… и высаживалась бы в иностранных портах… и все эти сложности с обменом валюты…

Казалось, перед испуганным взором малень-

кой леди встали вдруг бесчисленные ловушки, и Джоанна поспешила успокоить ее вопросом о приближающемся празднике урожая и распродаже рукоделий. Это естественным образом привело нас к миссис Дан-Кэлтроп.

Нечто вроде легкой судороги исказило на мгновение лицо мисс Бэртон.

— Знаете, дорогая, — сказала она, — миссис Дан-Кэлтроп всегда казалась мне очень *странной* женщиной. Такие вещи говорит иной раз…

Я спросил, какие именно.

— О, я не знаю. Весьма *неожиданные* вещи. И эта ее манера смотреть на вас так, будто вы не здесь, а где-то далеко… Я неточно формулирую, но очень трудно выразить то впечатление, которое я имею в виду. И она не должна бы… ну, *вмешиваться* во все. Так много случаев, когда жена викария может дать совет… или даже предостеречь. Но она лишь останавливает людей, вы знаете, даже на улице, и требует, чтобы они вели себя лучше. Поскольку всем приходится ее выслушивать — я уверена, ее боятся. Но она утверждает, что всегда держится в стороне, и при этом имеет странную привычку стыдиться за наиболее недостойных людей.

— Это интересно, — сказал я, обмениваясь

быстрым взглядом с Джоанной.

— И тем не менее она очень хорошо воспитанная женщина. Ее девичья фамилия — Фэрроуэй, из Белпота, очень приличная семья, но все эти старые семьи немножко странные, я уверена. Но она предана своему мужу, человеку исключительного интеллекта, — иной раз я думаю, что такой интеллект ни к чему в нашем деревенском кругу. Хороший человек и весьма искренний, но меня смущает его привычка постоянно цитировать латинские тексты.

— Слышал, слышал! — горячо воскликнул я.

— Джерри получил дорогое школьное образование, поэтому он способен узнать латынь, когда ее слышит, — сообщила Джоанна.

Это замечание подсказало мисс Бэртон новую тему.

— Здешняя школьная учительница — весьма неприятная молодая особа, — сказала она. — Совершенно *красная*, я уверена! — На слове «красная» мисс Бэртон понизила голос.

Позже, когда мы поднимались на холм, идя домой, Джоанна сказала мне:

— Она просто прелесть!

За ужином в этот вечер Джоанна выразила надежду, что вечеринка с чаем у Патридж имела

успех.

Патридж слегка покраснела и с трудом взяла себя в руки.

— Спасибо, мисс, но Агнес так и не появилась после всего.

— О, извините.

– *Меня* это не беспокоит, — отрезала Патридж.

Но ее настолько переполняла обида, что Патридж позволила ей выплеснуться на нас:

— Это не я додумалась позвать ее! Она сама позвонила, сказала, что у нее что-то эдакое на уме и нельзя ли ей прийти, у нее ведь был выходной. И я сказала — да, потому что вы разрешили. И после этого — ни звука, ни вздоха от нее! Хоть бы слово в извинение, хотя я надеюсь, что завтра утром все же получу от нее открытку. Эти нынешние девчонки ни своего места не знают, ни понятия у них, как себя вести!

Джоанна попыталась успокоить оскорбленные чувства Патридж:

— Вдруг она плохо себя почувствовала. Вы могли бы позвонить и узнать.

Патридж выпрямилась во весь рост:

– *Нет*, мисс! Конечно, нет. Если Агнес хочется вести себя безобразно, это ее дело, но я ей кое-что выскажу, когда мы встретимся.

Патридж вышла из комнаты, ледяная от охватившего ее негодования, и мы с Джоанной рассмеялись.

— Почти случай из «Советов тетушки Нэнси»[1], — сказал я. — «*Мой мальчик так холодно держится со мной, что мне делать?*» За неимением тетушки Нэнси за советом хотели обратиться к Патридж, но вместо того произошло примирение, я полагаю, и теперь Агнес и ее кавалер безмолвно держатся за руки, как все те парочки, на которые натыкаешься в темноте у живых изгородей. Они тебя смущают ужасно, но ты их смутить не можешь.

Джоанна засмеялась и сказала, что она предположила то же самое.

Мы заговорили об анонимных письмах и принялись гадать о том, какие успехи сделали Нэш и меланхоличный Грэйвс.

— Сегодня ровно неделя, — сказала Джоанна, — со дня самоубийства миссис Симмингтон. Мне кажется, они уже должны были что-нибудь отыскать к этому времени. Отпечатки пальцев, или образец почерка, или *хоть что-то*.

Я отвечал ей рассеянно. Где-то на грани созна-

---

[1] Примечания: 1
Газетная колонка, где даются советы на все случаи жизни.

ния возникло странное беспокойство. Каким-то образом оно было связано с фразой Джоанны — «ровно неделя».

Я бы должен был, осмелюсь утверждать, сложить два и два раньше. Возможно, бессознательно во мне давно уже зародилось подозрение.

И теперь эта закваска действовала. Тревога росла, заполняя мою голову.

Джоанна внезапно заметила, что я не слушаю ее, мысленно оценивая деревенские события.

— Что случилось, Джерри?

Я не ответил, поскольку мой мозг был занят сведением фактов воедино.

Самоубийство миссис Симмингтон… Она была одна в доме в тот день… *Одна в доме, потому что у прислуги был выходной…* Ровно неделю назад…

— Джерри, что…

Я перебил сестру:

— Джоанна, у прислуги один выходной в неделю, не так ли?

— И кроме того, в воскресенье, — сказала Джоанна. — К чему…

— Не обращай внимания на воскресенья. Они отдыхают каждую неделю в один и тот же день?

— Да. Обычно так бывает.

Джоанна уставилась на меня с любопытством.

Она не могла проследить ход моей мысли.

Я прошел через комнату и позвонил в колокольчик. Явилась Патридж.

— Скажите мне, — спросил я, — эта Агнес Вудделл — она прислуга?

— Да, сэр. У Симмингтонов. У мистера Симмингтона теперь.

Я глубоко вздохнул. Посмотрел на часы. Было половина одиннадцатого.

— Она должна бы вернуться домой к этому времени, как вы думаете?

Патридж всем своим видом выразила неодобрение.

— Да, сэр. В том доме прислуга должна возвращаться к десяти. Там придерживаются старых обычаев.

Я сказал:

— Я хочу позвонить им.

Я вышел в холл. Джоанна и Патридж последовали за мной. Патридж явно была в бешенстве. Джоанна пребывала в недоумении. Она спросила, пока я набирал номер:

— Что ты собираешься делать, Джерри?

— Я бы хотел быть уверен, что девочка благополучно вернулась домой.

Патридж фыркнула. Только фыркнула, ничего

больше. Я не обратил внимания на фырканье Патридж.

На другом конце к телефону подошла Элси Холланд.

— Извините, что звоню вам, — сказал я. — Это говорит Джерри Бартон. Э… а… ваша горничная, Агнес, вернулась?

И лишь после того, как я произнес это, я вдруг почувствовал себя немножечко дураком. Потому что, если девушка вернулась и все в порядке, каким образом я собираюсь объяснить свой звонок и вопрос? Было бы лучше, если бы я предоставил спрашивать Джоанне, хотя бы потому, что этому нашлось бы какое-то минимальное объяснение. Я предвидел новую волну сплетен, которая прокатится по Лимстоку, — насчет меня и небезызвестной Агнес Вуддел.

Элси Холланд откликнулась с неестественно сильным изумлением:

— Агнес? О, она должна бы уже спать сейчас.

Я чувствовал себя дураком, но продолжил:

— Вы не отказались бы взглянуть, пришла ли она, мисс Холланд?

Следует отдать должное гувернантке: она всегда делала то, о чем ее просили. Не ее забота — зачем! Элси Холланд положила трубку и по-

слушно ушла.

Двумя минутами позже я услышал ее голос:

— Мистер Бартон?

— Да!

— Агнес нет дома, это точно.

Теперь я знал, что мои подозрения верны.

Я услышал неясный шум голосов в трубке, затем со мной заговорил сам Симмингтон:

— Хэлло, Бартон, что случилось?

— Ваша горничная Агнес не вернулась до сих пор?

— Нет. Мисс Холланд только что посмотрела. Ведь не было никакого несчастного случая, не так ли?

— Никакого *несчастного случая,* — подтвердил я.

— Вы хотите сказать, что имеете основания предположить, будто с девушкой что-то произошло?

Я сказал мрачно:

— Я бы не удивился.

…Я плохо спал в ту ночь.

Я думаю, что даже во сне кусочки головоломки вертелись в моем уме. Я уверен, что, если бы я приложил к этому усилия, я мог бы разрешить все проблемы тогда же и там же. Иначе почему все

эти фрагменты так упорно преследовали меня?

Что мы знали к этому времени? Достаточно много, или, я могу утверждать, мы знали то, что знали. Но почему мы не могли проложить путь к этому подспудному знанию? Все было на виду, а мы не могли до всего этого дотянуться.

Я лежал в постели, беспокойно ворочаясь.

Ведь была же какая-то схема; и если бы только я сумел уловить ее! Я должен знать, кто писал эти чертовы письма. Там был след, куда-то ведущий, и если бы я сумел пройти по нему…

В то время, как я засыпал, в дремлющем мозгу раздражающе вертелись слова: «Нет дыма без огня. Нет дыма без огня. Дым… Дым? Дымовая завеса… Нет, это было во время войны… Военная фраза. Война. Клочок бумаги… Всего лишь клочок бумаги. Бельгия — Германия…»

Я уснул. Я видел во сне, что вывожу на прогулку миссис Дан-Кэлтроп, превратившуюся в борзую, — на прогулку, на поводке и в ошейнике.

Меня разбудил настойчивый телефонный звонок.

Я сел в постели, взглянул на часы. Было половина восьмого. Мне еще не могли звонить. Но телефон дребезжал в холле внизу.

Я выскочил из кровати, набросил халат и по-

мчался вниз. Я столкнулся с Патридж, выходящей из задней двери, от кухни.

Я поднял трубку.

— Алло?

— О… — Я услышал облегченное всхлипывание. — Это *вы*!

Голос Меган. Голос Меган, неописуемо жалкий и испуганный.

— О, пожалуйста, приходите… *придите*. Пожалуйста! Вы придете?

— Я иду немедленно, — сказал я. — Вы слышите? *Немедленно!*

Я помчался наверх, перескакивая через две ступеньки сразу, и ворвался к Джоанне.

— Слушай, Джо, я бегу к Симмингтонам.

Джоанна подняла с подушки светлую кудрявую головку и потерла глаза, как маленький ребенок.

— Почему?.. Что случилось?

— Я не знаю. Звонила эта малышка — Меган. Она вне себя.

— Что это, как ты думаешь?

— Что-то с Агнес, или я очень крупно ошибаюсь.

Когда я выходил из двери, Джоанна окликнула меня:

— Подожди! Я встану и отвезу тебя.

— Не надо. Я поеду сам.

— Ты не можешь водить автомобиль.

— Могу.

Я действительно мог. Мне это было вредно, но не слишком. Я умылся, побрился, оделся, вывел автомобиль и уже через полчаса был у Симмингтонов. Недурно.

Меган, должно быть, ждала меня. Она бегом выскочила из дома и вцепилась в меня. Ее несчастное маленькое личико было бледно и искажено судорогой.

— О, вы пришли… вы *пришли*!

— Возьмите себя в руки, малышка, — сказал я. — Да, я пришел. И что дальше?

Она вдруг задрожала. Я обхватил ее рукой.

— Я… я нашла ее.

— Вы нашли Агнес? Где?

Дрожь усилилась.

— Под лестницей. Там чулан. Там держат удочки, и клюшки для гольфа, и всякое такое. Вы знаете.

Я кивнул. Это был обычный чулан.

Меган продолжала:

— Она была там… и все свалено в кучу… и холодная… ужасно холодная. Она была… она была *мертвая*, понимаете!

Я с любопытством спросил:

— Что вы там искали?

— Я… я не знаю. Вы позвонили вчера вечером. И мы все стали гадать, где же Агнес. Мы ждали какое-то время, но она не возвращалась, и в конце концов мы легли спать. Я не могла толком уснуть, и я рано встала. Все еще спали, кроме Розы (это кухарка, вы знаете). Она была очень сердита из-за того, что Агнес не вернулась домой. Она сказала, что это не к добру, когда девушка резвится подобным образом. Я позавтракала в кухне — молоко и хлеб с маслом, и вдруг Роза вошла и сказала, что все вещи Агнес — в ее комнате! Ну, тот ее лучший наряд, в котором она выходит погулять. И я предположила: а что, если она и не выходила из дома, и начала везде заглядывать, и я открыла чулан под лестницей… а она была там…

— Кто-нибудь позвонил в полицию, я полагаю?

— Да, они уже здесь. Отчим сразу же вызвал их. А потом… я почувствовала, что не могу все это вынести, и я позвонила *вам*. Вы ничего не имеете против?

— Нет, — сказал я. — Я ничего не имею против.

Я взглянул на нее с любопытством.

— А кто-нибудь дал вам немножко бренди, или кофе, или хотя бы чаю после… после того, как вы

нашли ее?

Меган покачала головой.

Я проклял *весь дом* Симмингтона. Это чванливое ничтожество Симмингтон не подумал ни о чем, кроме полиции. И ни Элси Холланд, ни кухарка, похоже, не сообразили, какое впечатление произвело на чувствительного ребенка ужасное открытие.

— Пойдемте, Меган, — сказал я. — Нам нужно на кухню.

Мы обошли дом и через заднюю дверь вошли на кухню. Роза, сорокалетняя женщина с пухлым лицом, похожим на пудинг, пила крепкий чай, сидя у кухонного очага. Она приветствовала нас, прижав руки к сердцу и разразившись потоком слов.

Она так странно себя чувствует, заявила она мне, она вся дрожит от страха! Только подумать обо всем этом, ведь могли убить и *ее саму*, любой из них мог быть убитым во сне, в постели!

— Налейте-ка для Меган чая, в чашку побольше, — сказал я. — Она испытала сильное потрясение, вы же знаете. Не забывайте, что это именно она нашла тело.

Простое упоминание о трупе чуть было не вернуло Розу к прежней теме, но я сокрушил

кухарку суровым взглядом, и она налила в чашку чернильной жидкости.

— Это для вас, юное существо, — сказал я Меган. — Выпейте это. Роза, я полагаю, у вас найдется капелька бренди?

Роза ответила с некоторым сомнением, что у нее оставалась капля бренди от рождественского пудинга…

— То, что надо, — сказал я и влил в чашку Меган изрядную порцию спиртного.

Я сказал Меган, чтобы она оставалась у Розы.

— Надеюсь, вы присмотрите за мисс Меган? — спросил я, и Роза ответила с удовлетворением в голосе:

— О да, сэр.

Я пошел в комнаты. Насколько я знал Розу и ее натуру, ей вскоре захочется подкрепить свои силы едой, а это и для Меган будет полезно. Черт бы побрал этих людей, почему они не позаботились о ребенке?!

Кипя негодованием, я отыскал Элси Холланд в гостиной. Она не удивилась, завидя меня. Я полагаю, что после ужасного открытия всех здесь охватило такое волнение, что они и не соображали, кто приходил в дом, кто уходил. К тому же у парадной двери стоял констебль Берт Рандл.

Элси Холланд, задыхаясь, воскликнула:

— О, мистер Бартон, разве это не *ужасно?!* Кто мог совершить такое жуткое дело?

— Это было *убийство*, так?

— О да! Ее ударили сзади по голове. Все волосы в крови… о, это *ужасно*!.. и затолкали в чулан. Кто мог оказаться таким безнравственным? и *почему?* Бедняжка Агнес, я уверена, она никогда никому не причинила зла!

— Конечно, — сказал я. — Но кто-то взглянул на это иначе.

Она уставилась на меня. «Нет, — подумал я, — она не слишком сообразительная девочка». Но зато у нее были крепкие нервы. Цвет ее лица был обычным, лишь чуть более ярким от возбуждения, и я даже представил, что, по-своему ужасаясь и вопреки действительно доброму сердцу, она все же наслаждается драмой.

Элси сказала извиняющимся тоном:

— Я должна подняться к мальчикам. Мистер Симмингтон весьма озабочен, что все это их слишком взволнует. Он просил меня увести их.

— Я слышал, что тело обнаружила Меган, — сказал я. — Надеюсь, кто-нибудь присматривает за ней?

Должен признать, что Элси Холланд выглядела

как человек, внезапно ощутивший угрызения совести.

— Ох, дорогая! — воскликнула она. — Я о ней забыла! Надеюсь, с ней все в порядке. Знаете, столько всего нахлынуло, полиция и все остальное… Но это небрежность с моей стороны. Бедная девочка, она должна чувствовать себя очень плохо. Я сейчас же пойду взглянуть, как она там.

Я смягчился.

— С ней все в порядке, — сказал я. — За ней присматривает Роза. Вы можете заняться детьми.

Она поблагодарила меня белозубой печальной улыбкой и поспешила наверх. В конце концов, ее делом были мальчики, а Меган… Элси платили, чтобы она присматривала за чертовыми братцами Симмингтонами. Вряд ли можно было порицать ее за внимание к ним.

Когда она исчезла за поворотом лестницы, у меня перехватило дыхание. На мгновение мне почудилось, что это мелькнула Ника Самофракийская, бессмертная и невероятно прекрасная, а вовсе не добросовестная гувернантка.

Затем открылась дверь, и в холл прошествовал лейтенант Нэш, сопровождаемый Симмингтоном.

— О, мистер Бартон! — сказал он. — Я как раз

собирался звонить вам. Рад, что вы уже здесь.

Он не спросил — в тот момент, — почему я уже здесь.

Он обернулся к Симмингтону:

— Я бы занял ту комнату, если можно.

То была маленькая дневная гостиная с окном, выходящим на улицу.

— Конечно, можно.

Выдержка у Симмингтона была недурной, однако он выглядел безнадежно усталым. Лейтенант Нэш сказал вежливо:

— На вашем месте я бы позавтракал, мистер Симмингтон. Вы, и мисс Холланд, и мисс Меган почувствуете себя гораздо лучше после кофе и яиц с беконом. Убийство на голодный желудок — гадкое дело.

Он говорил тоном доброго домашнего врача. Симмингтон сделал слабую попытку улыбнуться и сказал:

— Благодарю вас, лейтенант, я последую вашему совету.

Я следом за Нэшем вошел в гостиную, и он закрыл дверь. Потом он сказал:

— Вы оказались здесь очень быстро! Как вы узнали?

Я объяснил, что мне позвонила Меган. Я чув-

ствовал расположение к лейтенанту Нэшу. Он, во всяком случае, не забыл, что и Меган нуждается в завтраке.

— Я слышал, вы звонили вчера вечером, мистер Бартон, и справлялись об этой девочке. Почему бы это?

Я догадывался, что это выглядит странно. Я рассказал ему о телефонном звонке Агнес и о том, что она не явилась к Патридж. Лейтенант сказал:

— Да, понимаю…

Он протянул это медленно и задумчиво, потирая подбородок. Потом лейтенант вздохнул.

— Н-да, — сказал он. — Это убийство, совершенно ясно. Непосредственное физическое воздействие. Вопрос в том, что именно знала девушка? Сказала ли она что-нибудь этой Патридж? Что-то определенное.

— Не думаю. Но вы можете спросить сами.

— Да, я зайду повидать ее, когда закончу здесь.

— Что именно произошло? — спросил я. — Или вы еще не знаете?

— Кое-что знаем. У прислуги был выходной…

— У обеих женщин сразу?

— Да; здесь, кажется, прежде служили две сестры, и они любили отдыхать вместе, а миссис Симмингтон устраивал такой порядок. Потом

прислуга сменилась, но порядок остался прежним. Девушки только заранее готовили холодный ужин и сервировали его в столовой, а мисс Холланд обычно готовила чай.

— Понятно.

— Здесь все вполне ясно на первый взгляд. Повариха Роза приехала сюда из Нижнего Микфорда, и для того, чтобы съездить туда в выходной, она должна попасть на автобус в половине третьего. Поэтому Агнес всегда заканчивала мытье посуды после обеда сама. Роза обычно перемывала посуду после ужина, чтобы рассчитаться. В этот день было так: Роза ушла к автобусу на 2.25, Симмингтон отправился в свою контору от 2.25 до 3.00. Элси Холланд и дети вышли без четверти три. Меган Хантер уехала на велосипеде минут на пять позже. Агнес после этого оставалась в доме одна. Насколько я разобрался, она обычно выходила из дома между тремя часами и половиной четвертого.

— А дом оставался пустым?

— О, здесь на этот счет не беспокоятся. В этих краях не особо запирают дома. Как я сказал, без десяти три Агнес была в доме одна. И ясно, что она никуда не выходила, поскольку она была в чепчике и переднике, когда нашли ее тело.

— Я полагаю, вы можете приблизительно определить время ее смерти?

— Доктор Гриффитс не захотел компрометировать себя излишней точностью. Между двумя часами и половиной пятого — таково официальное медицинское заключение.

— Как ее убили?

— Сначала ее оглушили ударом по затылку. После этого обычный кухонный вертел, очень остро заточенный, вонзили в основание черепа, мгновенно убив ее.

Я раскурил сигарету. Это не было приятной картиной.

— Очаровательное хладнокровие, — сказал я.

— О да, это очень характерно.

Я глубоко вздохнул.

— Кто это сделал? — пробормотал я. — И зачем?

— Я не думаю, — медленно сказал Нэш, — что мы когда-либо узнаем совершенно точно — почему. Но мы можем догадываться.

— Она что-то знала?

— Она что-то знала.

— Она никому здесь не намекнула ни о чем?

— Насколько я мог выяснить, нет. Повариха говорит, что девушка была расстроена со дня

смерти миссис Симмингтон, и, по словам этой Розы, она все сильнее и сильнее о чем-то беспокоилась и часто повторяла, что не знает, что она должна делать.

Нэш раздраженно хмыкнул:

— Это частенько бывает. Они не хотят идти к нам. Они не хотят «быть замешанными в полицейские дела», это глубоко засевшее предубеждение. Если бы она пришла и рассказала о том, что ее тревожит, она бы сегодня была жива.

— Неужели она *ни о чем* не намекнула товарке?

— Нет. Роза так говорит, и я склонен ей верить. Потому что, если бы Агнес что-то сказала, Роза уж разболтала бы это мгновенно, да еще бы и от себя немало добавила.

— Это с ума свести может, — сказал я. — Ничего не знать…

— Мы можем только гадать, мистер Бартон. Начнем с того, что это должно быть нечто совершенно простое. Это должно быть нечто такое, о чем вы постоянно размышляете, и в то время как вы об этом размышляете, ваша тревога растет. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Да.

— Теперь, думаю, я знаю, что это было.

Я взглянул на него с уважением:

— Неплохая работа, лейтенант.

— Ну, видите ли, мистер Бартон, я знаю кое-что такое, чего вы не знаете. Предполагалось, что в тот день, когда миссис Симмингтон покончила с собой, обеих служанок не было дома. У них был выходной. Но в действительности Агнес вернулась домой.

— Вы точно знаете?

— Да. У Агнес есть кавалер — молодой Рэнделл из рыбной лавки. В среду они закрываются рано, и парень отправлялся на свидание с Агнес, они шли гулять или в кино, если шел дождь. В ту среду они поссорились сразу, как только встретились. Наш сочинитель писем проявил активность, намекая, что у Агнес есть приятели поважнее, и молодой Фред Рэнделл был очень возбужден. Они сильно повздорили, и Агнес убежала домой, сказав, что не выйдет до тех пор, пока Фред не извинится.

— Ну, и?..

— Ну, мистер Бартон, кухонные окна выходят на задний двор дома, но из окошка кладовой видно то же, что и из окна вот этой комнаты. То есть видна калитка. Вы проходите через нее и идете или к парадной двери, или по тропинке вокруг

дома, к черному ходу.

Он помолчал.

— Теперь я вам еще кое-что скажу. Письмо, что пришло миссис Симмингтон в тот день, *не было послано по почте.* На нем была погашенная марка, и почтовый штемпель подделан весьма убедительно с помощью ламповой сажи, так что оно выглядело так, будто было доставлено почтальоном с дневными письмами. Но в действительности *оно не проходило через почту*. Вы понимаете, что это значит?

— Это значит, — медленно сказал я, — что кто-то принес его *собственноручно*, опустил в почтовый ящик перед тем, как разносили дневную почту, чтобы оно очутилось среди других писем…

— Вот именно. В тот день почта пришла почти без четверти четыре. Моя мысль такова: девушка находилась в кладовке и смотрела в окно (оно снаружи закрыто кустами, но через него достаточно хорошо видно), ожидая, когда ее молодой человек вернется и попросит прощения.

Я сказал:

– И она видела, кто принес это письмо?

— Это мое предположение, мистер Бартон. Конечно, я могу ошибаться.

— Не думаю, что вы ошибаетесь. Это же ясно — и убедительно… и это значит, что Агнес знала, *кто автор анонимных писем.*

Глава 5

— Да, — сказал Нэш, — Агнес знала, кто писал эти письма.

— Но тогда почему она?.. — Я замолчал, нахмурясь.

Нэш быстро сказал:

— Я себе это представляю так: девушка *не поняла, что именно она увидела.* Не сразу поняла. Кто-то принес письмо в дом, да, но этот «кто-то» был не таким человеком, которого она могла бы в мыслях связать с анонимными письмами. Это был некто, с подобной точки совершенно вне подозрений. Но чем больше она об этом думала, тем больше тревожилась. Возможно, она должна кому-нибудь рассказать об этом? В замешательстве она подумала о прислуге мисс Бэртон, Патридж, которая, как я понимаю, для Агнес весьма значительная особа, на чье суждение она положилась бы без колебаний. Она решила спросить у Патридж, что должна делать.

— Да, — сказал я задумчиво, — это подходит. И, так или иначе, Ядовитое Перо об этом узнала. Как она узнала, лейтенант?

— Вы никогда не жили в деревне, мистер Бар-

тон. Это нечто вроде чуда — как здесь обо всем узнают. Но прежде всего вспомним о телефонном звонке. Кто слышал разговор у вас?

Я сосредоточился.

— Я сам взял трубку. И позвал Патридж.

— Вы упомянули имя девушки?

— Да… да.

— Кто-нибудь слышал вас?

— Моя сестра или мисс Гриффитс вполне могли услышать.

— Ах, мисс Гриффитс! Что она там делала?

Я объяснил.

— Она потом вернулась в деревню?

— Сначала она собиралась зайти к мистеру Паю.

Лейтенант Нэш вздохнул.

— Тут два варианта, каким образом все это стало всем известно.

Я недоверчиво спросил:

— Вы полагаете, что мисс Гриффитс или мистер Пай стали бы беспокоиться о том, чтобы повторять столь незначащую новость?

— В местечке вроде этого все что угодно является новостью. Вас это может удивить. Если матушка портнихи купила плохую солонину — об этом знают все! И в этом доме тоже мно-

гие слышали. Мисс Холланд, Роза вполне могли слышать то, что говорила Агнес. Да еще Фред Рэнделл. Он мог рассказать, что Агнес вернулась домой в тот день.

Я слегка вздрогнул. Посмотрел в окно. Прямо передо мной были чистенькая зеленая лужайка, и тропинка, и низкая аккуратная калитка…

Кто-то открыл калитку, тихо подошел к дому и опустил письмо в почтовый ящик. Я смутно видел в воображении неясную женскую фигуру. Вместо лица была пустота — но это должно было быть лицо, которое я знал…

Лейтенант Нэш продолжал говорить:

— Все-таки круг поисков довольно узок. Обычно таким путем мы и добираемся до конца. Неторопливый, настойчивый отбор. Не так уж много людей могло здесь оказаться в нужный момент.

— Вы хотите сказать…

— Нужно отсечь тех служащих женщин, которые были на работе в тот день. Отсечь школьную учительницу. Она вела уроки. И окружную медсестру. Я знаю, где она была вчера. Не то чтобы я думал, будто это кто-то из них, но в данном случае мы *уверены*. Видите ли, мистер Бартон, у нас имеются две определяющие точки во времени, на которых мы сосредоточены, — вчерашний день и

день на прошлой неделе. Что касается дня смерти миссис Симмингтон, мы говорим о времени между четвертью четвертого (раньше Агнес не могла вернуться домой после ссоры) и четырьмя часами, когда могли доставить почту (но это я намерен еще уточнить у почтальона). А вчера — начинаем без десяти минут три (когда мисс Меган Хантер вышла из дома) и до половины четвертого или, возможно, до четверти четвертого, поскольку Агнес еще не начала переодеваться.

— Как вы думаете, что случилось вчера?

Нэш поморщился.

— Я думаю, что некая леди подошла к парадной двери и позвонила, очень спокойная и улыбающаяся, обычный дневной визит… Может быть, она спросила мисс Холланд или мисс Меган, или, возможно, она принесла какой-то пакет. В любом случае Агнес повернулась к ней спиной, чтобы взять поднос для карточек или чтобы положить принесенный пакет, и леди, явившаяся с визитом, ударила ее сзади по доверчивой головке.

— Чем?

Нэш сказал:

— Дамы в этих местах имеют привычку носить в сумках разные тяжелые вещи. Никогда нельзя сказать, что там у них найдется.

— А потом она проткнула Агнес насквозь вертелом и затолкала в чулан? Не слишком ли тяжелая работа для женщины?

Лейтенант Нэш взглянул на меня с несколько странным выражением.

— Женщина, которую мы ищем, ненормальна; не так чтобы уж слишком заметно, но такой тип расстройства психики отличается внезапными приливами силы. Агнес не была крупной девушкой! — Он помолчал и спросил: — Как мисс Меган Хантер объясняет то, что она заглянула в чулан?

— Просто инстинктивно, — сказал я.

Потом я спросил:

— Почему убийца спрятала тело? Из каких соображений?

— Чем дольше тело не найдено, тем труднее точно установить время смерти. Если бы, например, мисс Холланд обнаружила труп сразу, как только вернулась, врач смог бы установить время смерти с точностью до десяти минут или около того, а это поставило бы нашу подружку в затруднительное положение.

Я сказал, хмурясь:

— Но если у Агнес были подозрения относительно этой особы…

Нэш перебил меня:

— Она не подозревала. Точнее, не до такой степени. Она просто думала, что это «странно», скажем так. Я предполагаю, что она была тугодумкой и она лишь смутно ощущала что-то «неправильное». Она, конечно же, не могла заподозрить, что стоит напротив женщины, способной на убийство.

— У вас есть конкретные подозрения? — спросил я.

Нэш покачал головой и сказал с чувством:

— Я должен узнать. Этот случай с самоубийством, видите ли, напугал Ядовитое Перо. Она взвинчена. Страх, мистер Бартон, приводит к непредсказуемым последствиям.

Да, страх. Это было как раз то, что мы обязаны были предвидеть. Страх — в безумном мозгу…

— Понимаете, — сказал лейтенант Нэш, и от его слов все стало вдруг невыносимо ужасным, — мы ведь подозреваем человека высокоуважаемого, о котором очень хорошо думают, человека, который занимает высокое социальное положение!

После этого Нэш сказал, что хотел бы немедленно поговорить с Розой. Я спросил — не совсем уверенно, — могу ли я при этом присутствовать. К моему удивлению, я услышал любезнейшее разрешение.

— Я очень рад вашему сотрудничеству, мистер Бартон, если мне позволено это сказать.

— Это звучит подозрительно, — заявил я. — В детективных романах тот, кого приглашают помочь, обычно и оказывается убийцей.

Нэш коротко рассмеялся. Потом сказал:

— Вас едва ли можно принять за человека, пишущего анонимные письма, мистер Бартон. — И добавил: — Совершенно искренне, вы можете быть нам полезны.

— Я очень рад, но не понимаю, каким образом.

— Вы здесь чужак, вот в чем дело. И ваше мнение о местных жителях непредвзятое. Но в то же время для вас это удобный случай участвовать в том, что я назвал бы социальным исследованием.

— Убийца занимает высокое социальное положение, — пробормотал я.

— Именно.

— Я буду шпионом в своей команде?

— У вас есть какие-то возражения?

Я обдумал это.

— Нет, — сказал я наконец. — Откровенно говоря, нет, поскольку речь идет об опасной ненормальной, доводящей безобидных женщин до самоубийства и колотящей маленьких служа-

нок по голове. Вдобавок я не питаю отвращения к тому, чтобы выполнить небольшую грязную работу — ради того, чтобы эту ненормальную остановить.

— Весьма благоразумно с вашей стороны, сэр. И позвольте сказать: особа, которую мы ищем, опасна. Она почти так же опасна, как гремучая змея, или кобра, или черная мамба[2], подкрадывающаяся к кому-то.

Я слегка содрогнулся. И сказал:

— В самом деле, не следует ли поспешить?

— Это верно. Но не думайте, что мы бездействуем. Это не так. Мы работаем в нескольких разных направлениях.

Он произнес это весьма зловеще.

Мне привиделась прекрасная, широко растянутая паутина…

Нэш хотел еще раз послушать историю Розы — потому, объяснил он мне, что она уже рассказала ему две разные версии, и чем больше версий он от нее услышит, тем лучше, потому что в таком случае можно будет выудить зерно истины.

Мы нашли Розу моющей посуду после завтрака, и она тут же бросила работу, и вытаращила глаза,

---

[2] Примечания: 2

Черная мамба — африканская ядовитая змея.

и схватилась за сердце, и объяснила еще раз, что она ужасно себя чувствует все утро.

Нэш обращался с Розой терпеливо, но твердо. Он уже объяснял мне, что сначала с ней нужно говорить тоном утешающим, потом повелительным, и сейчас он использовал смесь этих двух вариантов.

Роза с удовольствием принялась распространяться обо всех деталях прошедшей недели, о том, как смертельно напугана была Агнес и как она дрожала и говорила: «Не спрашивай меня», когда Роза убеждала ее рассказать, что же случилось.

— «Я умру, если она мне расскажет» — вот что она сказала! — закончила Роза.

— Агнес никак не намекнула, что именно ее испугало?

— Нет, она ничего не говорила, кроме того, что боится за свою жизнь.

Лейтенант Нэш вздохнул и сменил тему, вынужденный удовлетвориться выяснением точных сведений о собственных делах Розы в течение вчерашнего дня.

С трудом выяснилось, что Роза села на автобус в 2.30 и провела день и вечер со своей семьей, вернувшись из Нижнего Микфорда автобусом в 8.40. Повествование было насыщено яркими

описаниями дурных предчувствий, которые Роза испытывала весь день, и подробным рассказом о том, как сестра Розы комментировала эти предчувствия и как Роза была не в состоянии дотронуться даже до кусочка булки с тмином…

Из кухни мы отправились на поиски Элси Холланд, которая присматривала за детьми.

Как обычно, Элси Холланд была деловита и услужлива. Она встала и произнесла:

— Сейчас Колин и вы, Брайан, решите эти три примера, и вы должны быть готовы ответить, когда я вернусь.

Затем она провела нас в детскую спальню.

— Мы можем поговорить здесь? Я думаю, это лучше, чем вести беседу при детях.

— Спасибо, мисс Холланд. А теперь скажите мне еще раз: *вполне* ли вы уверены, что Агнес никогда не упоминала при вас о том, что ее что-то беспокоит, — я имею в виду, с момента смерти миссис Симмингтон?

— Нет, она ничего такого не говорила. Она была очень тихая девушка, вы знаете, и говорила мало.

— Ну да, в отличие от второй прислуги!

— Да, Роза говорит слишком много. Иной раз я вынуждена пресекать ее неуместные выска-

зывания.

— И еще, вы не могли бы рассказать мне точно, что произошло вчера днем? Все, что сможете вспомнить.

— Ну, мы обедали, как обычно, в час. И мы немножко спешили. Я не могу позволить, чтобы мальчики бездельничали. Так, погодите… Мистер Симмингтон вернулся в контору, и я помогла Агнес накрыть стол к ужину. Мальчики убежали в сад, потом я их забрала оттуда.

— Куда вы пошли?

— В направлении к Комб-Экру, тропинкой через луг, — мальчики намеревались ловить рыбу. Я забыла их приманки и вернулась за ними.

— Во сколько это было?

— Дайте подумать… Мы вышли около трех, примерно без двадцати или чуть позже. Меган собиралась пойти с нами, но передумала. Она уехала на своем велосипеде. Она просто помешалась на велосипедных прогулках.

— Я имел в виду, в какое время вы вернулись за приманками? Вы входили в дом?

— Нет, я забыла их в оранжерее, за домом. Я не знаю, во сколько это было. Возможно, без десяти три.

— Вы видели Меган или Агнес?

— Меган должна была уже уехать, я думаю. Нет, я не видела Агнес. Я никого не видела.

— А после этого вы отправились удить рыбу?

— Да, мы пошли вдоль реки. Мы ничего не поймали. Мы редко что-либо ловим, но мальчикам сам процесс рыбной ловли доставляет большое удовольствие. Брайан немного промок. Я переодела его, когда мы вернулись.

— Вы готовите чай по средам?

— Да. В гостиной все бывало готово для мистера Симмингтона. Мне нужно было только заварить чай, когда он приходил. Дети и я пили чай в классной комнате, и Меган, конечно. Там у меня было все, что нужно, — в буфете.

— Во сколько вы этим занялись?

— Без десяти пять. Я забрала детей наверх и начала готовить чай. Потом, в пять часов, когда пришел мистер Симмингтон, я спустилась, чтобы заварить чай ему, но он сказал, что будет пить чай с нами, в классной комнате. Мальчики были просто счастливы. Потом мы играли в «Поймай зверя». Сейчас об этом подумать — так просто ужасно, ведь бедная девочка все это время лежала в чулане!

— Этим чуланом обычно кто-нибудь пользовался?

— О нет, его использовали только для того, чтобы складывать всякое тряпье. Шляпы и пальто висят в маленькой гардеробной, справа от входной двери. В тот чулан могли не заглядывать месяцами.

— Понятно. И вы не заметили ничего необычного, ничего ненормального, совсем ничего, когда вернулись?

Голубые глаза широко распахнулись.

— О нет, инспектор, совершенно ничего! Все было так, как обычно. Это как раз самое ужасное!

— А неделей раньше?

— Вы имеете в виду день, когда миссис Симмингтон…

— Да.

— О, это было ужасно… ужасно!

— Да-да, я понимаю. Тогда вы тоже днем выходили?

— О да, я всегда вывожу детей днем на прогулку — если погода достаточно хорошая. Утром мы делаем уроки. Мы в тот день ходили на вересковую пустошь, я помню… довольно далеко. Я испугалась тогда, что вернулась слишком поздно, потому что, когда я проходила через калитку, я увидела мистера Симмингтона, идущего из конторы, — на другой стороне улицы, а я ведь

еще не поставила чайник, но было только без десяти пять…

— Вы не поднялись к миссис Симмингтон?

— О нет. Я никогда этого не делала. Она обычно отдыхала после обеда. У нее были частые приступы невралгии, и, как правило, они начинались после еды. Доктор Гриффитс прописал ей какие-то порошки. Она обычно ложилась и пыталась заснуть.

Нэш небрежно спросил:

— Значит, никто не приносил ей почту?

— Дневную почту? Нет, я заглядывала в почтовый ящик и складывала письма на столик в холле, когда возвращалась. Но частенько миссис Симмингтон спускалась и забирала их сама. Она же не спала весь день. Она обычно просыпалась к четырем.

— Вас не обеспокоило, что в тот день она не проснулась к этому времени?

— О нет, я ни о чем таком и не подумала. Мистер Симмингтон как раз вешал свое пальто в холле, и я сказала: «Чай еще не совсем готов, но чайник уже закипает», и он кивнул и позвал: «Мона, Мона!» А поскольку миссис Симмингтон не ответила, он поднялся в ее спальню, и это, должно быть, было для него ужасным потрясением. Он

позвал меня, и я прибежала, и он сказал: «Уведите детей», а потом позвонил доктору Гриффитсу, и мы все забыли про чайник, и у него прогорело дно. О боже, это было страшно, ведь она была такая веселая и бодрая за обедом!

Нэш резко спросил:

— Мисс Холланд, каково ваше мнение о том письме, что она получила?

Элси Холланд вспыхнула:

— О, я думаю, это безнравственно… безнравственно!

— Я не это имел в виду. Как вы думаете, это правда?

Элси Холланд твердо заявила:

— Нет, разумеется, я так не думаю. Миссис Симмингтон была очень чувствительна… по-настоящему чувствительна. Она все принимала близко к сердцу. И она была очень… ну, *щепетильна*. — Элси порозовела. — Что-либо в таком роде — *грязное*, я имею в виду, — могло довести ее до сильного потрясения.

Нэш помолчал немного, потом спросил:

— А вы не получали таких писем, мисс Холланд?

— Нет. Нет, я не получала.

— Вы уверены? Пожалуйста, — он поднял

руку, — не спешите с ответом. Не слишком-то приятно получать такое, я понимаю. И иногда люди не хотят в этом признаваться. Но в данном случае очень важно, чтобы мы узнали. Мы прекрасно осведомлены, что все, что утверждается в этих письмах, — лишь наглая ложь, так что ни к чему смущаться.

— Но я их не получала, лейтенант. Действительно не получала! Ничего в этом роде!

Она негодовала, почти плакала, и ее запирательство выглядело совершенно искренним.

Когда она вернулась к детям, Нэш встал у окна, глядя наружу.

— Ну, — сказал он, — вот так дела! Она говорит, что не получала таких писем. И так говорит, словно это правда.

— Конечно. Я уверен, что она не врет.

— Хм-м, — протянул Нэш. — В таком случае я хотел бы знать, почему этот черт ее не зацепил?

Я уставился на него, и он продолжил нетерпеливо:

— Она ведь хорошенькая девушка, не так ли?

— Гораздо больше, чем просто хорошенькая.

— Вот именно. В сущности говоря, она необыкновенно хороша. И она молода. Лакомый кусочек для сочинителя анонимок. Тогда почему ее про-

пустили?

Я покачал головой.

— Это интересно, знаете ли. Я должен сообщить об этом Грэйвсу. Он ведь спрашивал, не знаем ли мы кого-то, кто совершенно точно не получал таких писем.

— Она вторая, — сказал я. — Вспомните, есть еще Эмили Бэртон.

Нэш издал короткий смешок.

— Вы не должны верить всему, что вам говорят, мистер Бартон. Мисс Бэртон одно-то наверняка получила… да и побольше, чем одно.

— Откуда вы знаете?

— Эта преданная драконша, у которой мисс Бэртон теперь квартирует, рассказала мне, — прежняя прислуга, или повариха, Флоренс Элфорд. Весьма негодует по этому поводу. Жаждет крови «писателя».

— Почему же мисс Эмили говорила, что она их не получала?

— Робость. Язык этих писем не слишком хорош. Маленькая мисс Бэртон всегда жила, сторонясь всего грубого и неотшлифованного.

— И о чем же говорилось в этих письмах?

— Как обычно. В случае мисс Бэртон это особенно нелепо. И между прочим, там намеки на

то, что она отравила свою старую матушку и большинство сестер!

Я спросил недоверчиво:

— Вы хотите сказать, что эта жуткая ненормальная действительно бывает в обществе — и мы не можем ее вычислить?

— Мы ее вычислим, — сказал Нэш, и в его голосе прозвучала неумолимость. — Пусть только напишет еще одно письмо.

— Но, боже ж ты мой, она же не будет больше писать эти штуки… не теперь же!

Он взглянул на меня:

— Э, нет, она будет. Видите ли, *она уже не способна остановиться.* Это болезненная жажда. Письма будут приходить, в этом не может быть ошибки.

Я вышел наружу и, перед тем как уйти совсем, нашел Меган. Она была в саду и, похоже, почти уже вернулась к своему обычному состоянию. Меня она приветствовала вполне бодро. Я предложил ей снова перебраться к нам на некоторое время, но после некоторого раздумья она покачала головой:

— Это очень любезно с вашей стороны, но, я думаю, я останусь здесь. В конце концов, это… ну, я полагаю, это мой дом. И, осмелюсь предположить,

я могу быть немножко полезна мальчикам.

— Ну, — сказал я, — это уж как вам захочется.

— Тогда, я думаю, я останусь. Я… я…

— Вы?..

— Если… если случится что-нибудь ужасное, я ведь могу позвонить вам, не так ли, и вы придете?

Я был тронут.

— Конечно. Но что такое ужасное может случиться, как вы думаете?

— О, я не знаю. — Вид у нее был рассеянный. — Что-нибудь вроде того, что сейчас происходит, разве этого не может быть?

— Стоп! — сказал я. — Довольно болтать о трупах. Вам это не слишком полезно.

Она сверкнула короткой улыбкой.

— Нет, конечно. Я от этого чувствую себя почти что больной.

Мне не очень хотелось оставлять ее здесь, но, в конце концов, как она сказала, это был ее дом. И я склонен был думать, что теперь Элси Холланд будет чувствовать больше ответственности за Меган.

Мы с Нэшем вместе пришли в «Литтл Фюрц». Пока я представлял Джоанне подробный отчет об утренних делах, Нэш взялся за Патридж. Когда

он присоединился к нам, он выглядел обескураженным.

— Не слишком много толку. По словам этой женщины, девушка только и сказала, что она о чем-то беспокоится, не знает, что делать, и хотела бы услышать совет мисс Патридж.

— Патридж при ком-нибудь об этом упоминала? — спросила Джоанна.

Нэш кивнул; вид у него был хмурый.

— Да, она рассказала миссис Эмори — вашей приходящей прислуге; насколько я мог разобраться, она говорила в том смысле, что есть же *такие* молодые особы, которые требуют совета от старших и даже не помышляют о том, с какой же вдруг стати эти старшие должны решать их проблемы, ничего о них не зная. Может быть, Агнес и не была слишком сообразительна, но она была очень почтительной и имела хорошие манеры…

— Патридж гордится собой, это уж точно, — пробормотала Джоанна. — А миссис Эмори могла разнести это по всему городу?

— Именно так, мисс Бартон.

— Есть одна вещь, которая меня очень удивляет, — сказал я. — Почему и мы с сестрой оказались в этой истории? Мы здесь чужие, никто не может иметь зуб против нас.

— Вы недостаточно принимаете в расчет склад ума Ядовитого Пера. Все годится для этой мельницы. Вы могли бы сказать, что у нее зуб против рода человеческого.

— Полагаю, — задумчиво сказала Джоанна, — это как раз то, что имела в виду миссис Дан-Кэлтроп.

Нэш вопросительно глянул на нее, но Джоанна не стала ничего пояснять.

Лейтенант сказал:

— Я не знаю, может быть, случайно вы рассмотрели конверт того письма, что получили, мисс Бартон. Если так, вы могли заметить, что на самом деле оно было адресовано мисс Бэртон, а потом «э» исправлено на «а».

Это замечание, верно истолкованное, должно было дать нам путеводную нить ко всему этому делу. Но так вышло, что ни один из нас не обратил на это внимания.

Нэш ушел, и мы с Джоанной остались одни. Она тут же сказала:

— Ты не думаешь, что письмо и в самом деле было написано для мисс Эмили, а?

— Вряд ли тогда оно могло начинаться со слов «ты, раскрашенная проститутка», — заметил я, и Джоанна согласилась со мной.

Затем она намекнула, что неплохо бы мне спуститься в городок.

— Ты должен послушать, что там говорят. У них есть *тема* сегодня!

Я предположил, что и она пойдет тоже, но, к моему удивлению, Джоанна отказалась. Она заявила, что намеревается навести порядок в саду.

Я задержался в дверях и сказал, понизив голос:

— Я надеюсь, с Патридж все в порядке…

— Патридж!

Изумление, прозвучавшее в голосе Джоанны, дало мне понять, что сестра стыдится моей мысли.

Я сказал извиняющимся тоном:

— Я только хотел бы разобраться. Она до некоторой степени «странная»… мрачная старая дева… Тот тип человека, который может страдать религиозной манией.

— Это не религиозная мания… это то, что объяснял Грэйвс.

— Ну, сексуальная мания. Они очень тесно смыкаются, это ясно. Патридж подавленна и чопорна, и ее заставит заткнуться большинство женщин старше ее годами…

— Что натолкнуло тебя на такую мысль?

— Ну, — сказал я медленно, — мы ведь знаем

только с ее слов, что ей говорила Агнес, не так ли? Предположи, что Агнес попросила Патридж рассказать, почему та пришла и опустила записку в тот день, а Патридж сказала, что зайдет днем и объяснит.

— А потом, чтобы это замаскировать, пришла к нам и спросила, можно ли девушке прийти сюда?

— Да.

— Но она совсем не выходила в тот день.

— Ты этого не знаешь. Вспомни, нас обоих не было дома.

— Да, верно. Я полагаю, это возможно. — Джоанна все это провернула в уме. — Но тем не менее я сомневаюсь. В смысле я не думаю, чтобы у Патридж хватило ума скрыть свои следы на письмах. Стереть отпечатки пальцев и все такое. Это ведь не то чтобы недостаток хитрости — это нужно знать. Я не думаю, чтобы она такое знала. — Джоанна поколебалась, потом медленно произнесла: — Они уверены, что это женщина, так?

— Не думаешь же ты, что это мужчина? — воскликнул я изумленно.

— Нет… не обычный мужчина… но определенный тип мужчины. В самом деле, я подумала о

мистере Пае.

— Итак, ты избрала мистера Пая?

— А ты сам не чувствуешь, что это возможно? Он принадлежит к тому сорту людей, которым свойственно жить в уединении… быть несчастными… и злобными. Ты знаешь, над ним все смеются. Разве ты не замечаешь в нем тайной ненависти ко всем нормальным счастливым людям и что он получает удовольствие от всего странного, извращенного, театрального?

— Грэйвс говорил — старая дева средних лет.

— Мистер Пай, — заявила Джоанна, — и *есть* старая дева средних лет.

— Неудачник, — медленно сказал я.

— Более чем неудачник. Он богат, но деньги не могут ему помочь. И я чувствую, что он может иметь неустойчивую психику. Он действительно слегка *пугающий* маленький человек.

— Вспомни, он и сам получил письмо.

— Мы этого не знаем, — подчеркнуто сказала Джоанна. — Мы только так думаем. И в любом случае он мог все это просто разыграть.

— Специально для нас?

— Да. Он достаточно умен, чтобы подумать об этом — и в то же время не пересолить.

— Он должен быть тогда первоклассным ак-

тером.

— Ну конечно же, Джерри, тот, кто вытворяет такие вещи, *должен* быть первоклассным актером. Отчасти он и от этого получает удовольствие.

— Ради бога, Джоанна, не говори таким понимающим тоном! Ты будишь во мне такое чувство, словно ты… словно ты слишком хорошо понимаешь подобный склад ума.

— Я думаю, я действительно понимаю. Я могу… вот именно — проникнуться этим настроением. Как будто я не Джоанна Бартон, как будто я не молода, достаточно привлекательна и могу неплохо проводить время, а будто бы я… как это выразить?.. где-то за забором, в стороне, наблюдаю за остальными людьми, которые наслаждаются жизнью, — и тогда как бы черный, дурной прилив поднимается во мне, заставляя меня причинять боль, мучить… и даже уничтожать!

— Джоанна! — Я схватил ее за плечи и встряхнул. Она судорожно вздохнула, слегка вздрогнула и улыбнулась.

— Я тебя напугала, да, Джерри? Но у меня было такое ощущение, что это — самый верный путь для решения всей проблемы. Ты должен как бы воплотиться в такого человека, чтобы понять

его чувства и что заставляет его действовать… И тогда, возможно, ты поймешь, что он собирается делать дальше.

— Ох, здорово! — сказал я. — А я-то приехал сюда, чтобы питаться овощами и развлекаться милыми мелкими местными скандальчиками. Милый мелкий местный скандальчик! Клевета, обливание грязью, непристойности и убийство!

Джоанна оказалась абсолютно права. Верхняя улица была полна людей. Мое появление было отмечено лишь мельком.

Первым я встретил Гриффитса. Он выглядел жутко больным и усталым. Настолько, что я удивился. Конечно, убийство не является для врача делом привычным, но все же его профессия заставляет сталкиваться со множеством вещей, включая страдание, безобразнейшие стороны человеческой натуры и смерть.

— Вы выглядите совсем больным, — сказал я.

— Правда? — Он был рассеян. — О, у меня за последнее время было несколько сложных случаев.

— Включая бродящего на свободе сумасшедшего?

— И это, конечно.

Он взглянул мимо меня на другую сторону улицы. Я заметил, что у него нервно дернулось веко.

— А у вас нет подозрений насчет того… *кто* это?

— Нет. Нет. Но я хотел бы знать.

Он коротко осведомился о Джоанне и добавил нерешительно, что у него есть несколько фотоснимков, которые она хотела видеть.

Я предложил передать их ей.

— О, это неважно. Я, видимо, буду проходить мимо вашего дома позже, днем.

Я начал побаиваться, что Гриффитс сильно влип. Проклятая Джоанна! Гриффитс был слишком хорошим человеком, чтобы с ним мошенничать.

Я дал ему уйти, поскольку заметил, что приближается его сестра, а я хотел на этот раз (в виде исключения) поговорить с ней.

Айми Гриффитс начала, как обычно, сразу с середины темы.

— Совершенно потрясающе! — прогудела она. — Я слышала, вы там были — очень рано?

Так прозвучал вопрос на словах, но глаза ее сверкали и нажимали на слово «рано». Я не собирался докладывать, что Меган позвонила мне. Вместо этого я сказал:

— Видите ли, я был немного встревожен вчера вечером. Девушка должна была прийти в наш

дом на чай, но не пришла.

— И потому вы опасались худшего? Весьма умно с вашей стороны!

— Да, — сказал я, — я хорошая ищейка.

— Это впервые — убийство в Лимстоке. Ужасающее потрясение. Надеюсь, полиция сможет с этим справиться.

— Я бы на этот счет не беспокоился, — сказал я. — Там очень квалифицированная команда.

— Я даже никак не могу вспомнить, как эта девочка выглядела, хотя, полагаю, она открывала мне двери десятки раз. Тихая, незаметная бедняжка. Ударили по голове, а потом проткнули сзади вертелом, так Оуэн мне сказал. Мне кажется, похоже на то, что это ее кавалер сделал.

— Вы объясняете это так?

— Это кажется наиболее вероятным. Они поссорились, я предполагаю. Они все здесь выродки, у большинства очень плохая наследственность. — Она помолчала, потом продолжила: — Я слышала, труп нашла Меган Хантер? Для нее это должно быть серьезным потрясением.

Я коротко подтвердил:

— Так и было.

— Не слишком-то ей полезно, смею предположить. По моему мнению, она не очень крепка

головой, а подобные вещи могут заставить ее и вовсе потерять голову.

Я внезапно решился. Я должен был кое-что узнать.

— Скажите мне, мисс Гриффитс, это вы вчера убедили Меган вернуться домой?

— Ну не то чтобы я ее убедила…

Я стоял на своем:

— Но вы ей что-то сказали?

Айми Гриффитс переступила с ноги на ногу и пристально посмотрела мне в глаза, явно уходя в глухую оборону. Она сказала:

— Это нехорошо, когда молодая женщина увиливает от ответственности. Она молода, и она не знает, как длинны языки, поэтому я чувствовала, что моя обязанность — намекнуть ей.

— Языки?… — Я оборвал себя на полуслове, поскольку был слишком зол, чтобы продолжать.

Айми Гриффитс, как и всегда, говорила с доводящей до бешенства самодовольной уверенностью в себе.

— О, я осмелюсь сказать, *вы* просто не слышали тех сплетен, что ходят вокруг. А я слышала! Я знаю, *что* говорят люди. Уверяю вас, я и на минуту бы не подумала, что во всем этом что-то есть, — ни на минуту! Но вы знаете, каковы люди:

если уж они могут сказать гадость — они непременно скажут. А это плохо отразится на девушке, когда ей придется зарабатывать себе на жизнь.

— Зарабатывать на жизнь? — переспросил я в замешательстве.

Айми продолжала:

— Естественно, она в очень трудном положении. Но я думаю, она поступит верно. Я имею в виду, она не сбежит в такой ответственный момент и не оставит детей без присмотра. Она ведет себя великолепно, просто великолепно! Я это всем говорю! Но есть тут кое-что такое, что вызывает недоброжелательность, и люди будут сплетничать.

— О ком это вы говорите? — спросил я.

— Об Элси Холланд, конечно, — нетерпеливо откликнулась Айми Гриффитс. — По моему мнению, она старательная, милая девушка и всего лишь выполняет свои обязанности.

— А что же говорят люди?

Айми Гриффитс рассмеялась. Это был, подумал я, весьма неприятный смех.

— Они говорят, что она уже подумывает о возможности стать миссис Симмингтон номер два, что она вся ушла в утешение вдовца и делает все, чтобы стать совершенно необходимой.

— Но, — воскликнул я, потрясенный, — миссис Симмингтон умерла всего неделю назад!

Айми Гриффитс пожала плечами:

— Разумеется. Это абсурд! Но вы знаете, каковы люди. Барышня Холланд молода и хороша собой — и этого достаточно. И, обратите внимание, должность гувернантки — это не перспектива для девушки. Я бы не осудила ее за желание обзавестись домом и мужем и соответственно этому вести игру. Конечно, — продолжала она, — бедный Дик Симмингтон об этом и не догадывается! Он еще не справился до конца с потрясением от смерти Моны. Но вы же знаете, каковы люди! Если девушка все еще там, заботится о нем, создает ему условия, будучи при этом весьма предана детям, — ну, значит, он попадет в зависимость от нее.

Я сказал спокойно:

— То есть вы думаете, что Элси Холланд — грязная интриганка?

Айми Гриффитс вспыхнула:

— Ничуть! Я жалею девушку — потому что люди говорят гадкие вещи! Именно поэтому я более или менее объяснила Меган, что она должна вернуться домой. Это все-таки выглядит лучше, чем если бы Дик Симмингтон и девушка оставались

одни в доме.

Я начал кое-что понимать.

Айми Гриффитс издала оживленный смешок.

— Вы потрясены, мистер Бартон, слыша о том, что думают сплетники в нашем маленьком городишке. Я могу добавить еще вот что: они всегда думают о самом плохом!

Она рассмеялась и размашисто зашагала прочь.

Мистера Пая я настиг возле церкви. Он рассказывал что-то Эмили Бэртон, и та выглядела смущенной и одновременно возбужденной.

Мистер Пай приветствовал меня с очевидным восторгом:

— Ах, мистер Бартон, доброе утро, доброе утро! Как поживает ваша очаровательная сестра?

Я сообщил ему, что Джоанна поживает неплохо.

— Но не присоединяется к нашему сельскому парламенту? Мы все здесь — в напряженном ожидании новостей. Убийство! Убийство среди нас — совсем как в воскресной газете! Боюсь только, что это — не из самых интересных преступлений. Нечто подлое. Жестокое убийство маленькой прислуги. Никаких подробностей о преступлении.

Мисс Бэртон сказала дрожащим голосом:

— Это шокирует… совершенно шокирует.

Мистер Пай повернулся к ней:

— Но вам это нравится, дорогая леди, вам это нравится, признайте это. Вы это не одобряете, вы находите это предосудительным, но это же сенсация! Я настаиваю, это *действительно* сенсация!

— Такая милая девушка, — сказала Эмили Бэртон. — Она пришла ко мне из монастыря Святой Клотильды. Совершенно неопытная девочка. Но очень способная. Она превратилась в такую милую маленькую прислугу. Патридж была ею очень довольна.

Я сказал быстро:

— Она собиралась на чай к Патридж вчера днем. — Я повернулся к Паю: — Я полагаю, Айми Гриффитс рассказала вам.

Я говорил небрежным тоном. Пай отреагировал явно безо всяких подозрений:

— Она упоминала об этом, да. Она говорила, я помню, что это что-то новенькое — чтобы слуги пользовались телефонами хозяев.

— Патридж никогда бы и не подумала о чем-либо подобном, — сказала мисс Эмили. — И я очень удивлена, что Агнес так поступила.

— Вы отстаете от времени, дорогая леди, —

сказал мистер Пай. — Мои двое слуг постоянно терзают телефон и курят по всему дому до тех пор, пока я не сделаю им замечание. Но этого не следует делать часто. Прескотт — божественный повар, хотя излишне темпераментный, а миссис Прескотт — восхитительная горничная.

— Да, в самом деле, мы все думаем, что вы счастливчик.

Я вмешался, поскольку не хотел, чтобы беседа свелась к домашним проблемам.

— Известие об убийстве разнеслось очень быстро, — сказал я.

— Конечно, конечно, — согласился мистер Пай. — Мясник, булочник, продавец подсвечников… Шествует Молва, изукрашенная множеством языков! Лимсток, увы! — пойди он прахом. Анонимные письма, убийства, масса уголовных склонностей.

Эмили Бэртон нервно сказала:

— Никто не думает… нет же такой мысли… что… что это между собой связано.

Мистер Пай на лету подхватил идею:

— Интересное предположение! Девушка что-то знала, и из-за этого ее убили. Да, да, весьма многообещающе! Как умно с вашей стороны догадаться об этом!

— Я… я не могу этого вынести!

Эмили Бэртон резко оборвала разговор и пошла прочь, шагая очень быстро.

Пай посмотрел ей вслед. Его ангельское личико насмешливо сморщилось. Он вновь повернулся ко мне и осторожно покачал головой:

— Чувствительная душа. Очаровательное создание, вам не кажется? Как старинное произведение искусства. Она, знаете, не принадлежит к своему собственному поколению, она — из поколения предыдущего. Ее мать, должно быть, имела очень сильный характер. Я бы сказал, она словно накрыла семью чехлом, остановив время около 1870 года. Целая семья, упрятанная под стеклянным колпаком. Мне нравится наталкиваться на такие явления.

Мне не хотелось говорить о старинных произведениях искусства.

— А что вы вообще думаете обо всем этом деле? — спросил я.

— Что вы имеете в виду?

— Анонимные письма, убийство…

— Наш местный рост преступности? А вы?

— Я спросил вас первым, — сказал я любезно.

Мистер Пай сказал осторожно:

— Знаете ли, я изучаю всякие отклонения.

Мне это интересно. Люди, которые очевидно несчастливы, делают иной раз совершенно фантастические вещи. Возьмите случай с Лиззи Борден. Этому нет разумного объяснения. А в нашем случае я бы посоветовал полиции — изучайте *характер*. Оставьте эти ваши отпечатки пальцев, и измерения почерка, и микроскопы. Наблюдайте вместо этого, что люди делают со своими руками, и отмечайте малейшие особенности их поведения, и как они едят, и не смеются ли они иной раз без видимых резонов…

Я вздернул брови.

— Сумасшедший? — произнес я.

— Совершенно, совершенно сумасшедший, — подтвердил мистер Пай и добавил: — Но вам никогда об этом не догадаться!

— Кто?

Его глаза встретились с моими. Он улыбался.

— Нет-нет, Бартон, это будет сплетня. Мы не можем добавить еще одну сплетню к тем, что уже есть.

И он грациозно поскакал по улице.

Глава 6

Пока я стоял, изумленно глядя вслед мистеру Паю, открылась церковная дверь и вышел преподобный Кэйлеб Дан-Кэлтроп.

Он неопределенно улыбнулся мне.

— Доброе… доброе утро, мистер… э… э…

Я помог ему:

— Бартон.

— Конечно, конечно, вы не должны думать, будто я вас не помню. Просто ваше имя на мгновение выскользнуло из моей памяти. Прекрасный день.

— Да. — Я ответил слишком коротко.

Он всмотрелся в меня:

— Но что-то… что-то… ах да, это бедное, несчастное дитя, которое служило у Симмингтонов. В это трудно поверить, но я должен признать, что среди нас есть убийца, мистер… э… Бартон.

— Это выглядит немножко фантастичным, — сказал я.

— И еще кое-что мне сказали. — Он наклонился ко мне. — Я узнал, что здесь появились анонимные письма. До вас доходил слух о чем-либо подобном?

— Доходил, — сказал я.

— Подлые и трусливые дела. — Он помолчал и излил огромный поток латыни. — Эти слова Горация весьма здесь применимы, вы согласны? — спросил он.

— Абсолютно, — ответил я.

Больше мне не встретился никто, с кем бы я мог поговорить с пользой для себя, поэтому я отправился домой, заглянув еще за табаком и бутылкой шерри — чтобы узнать мнение простого торговца о преступлении.

«Грязный бродяга» — таков был приговор.

— Подошел к двери — они часто так делают — и пожаловался да попросил денег. А если девочка дома одна была, он и тюкнул ее. Моя сестра Дора, она в Комб-Экре, она видела такого, по своему опыту знает, — пьяный, конечно, и стишки продавал, маленькие такие, отпечатанные…

История была долгой и заканчивалась тем, что неустрашимая Дора храбро захлопнула дверь перед лицом этого человека и спряталась и забаррикадировалась в некоем таинственном убежище, которое, как я понял из тонких намеков, было не чем иным, как уборной. «И там она и оставалась, пока ее хозяйка не вернулась!»

Я добрался до «Литтл Фюрц» лишь за несколько

минут до обеда.

Джоанна стояла у окна гостиной, совершенно ничем не занятая, и выглядела так, словно мысли ее блуждали невероятно далеко.

— Что с тобой происходит? — спросил я.

— О, не знаю. Ничего особенного.

Я вышел на веранду. Два стула были придвинуты к черному столику, и там стояли два пустых стакана из-под шерри. На одном из стульев находился предмет, на который я смотрел некоторое время в замешательстве.

— Что это за куча земли?

— О, — сказала Джоанна, — я думаю, это фотография больной селезенки или чего-то в этом роде. Доктору Гриффитсу показалось, что мне будет интересно на это взглянуть.

Я посмотрел на фотографию с некоторым любопытством. У каждого мужчины свои способы искать расположения женщины. Лично я не стал бы этого делать при помощи снимка селезенки, больной или еще какой-то. Однако нет сомнений, что Джоанна о ней что-то спрашивала!

— Не слишком аппетитно, — сказал я.

Джоанна согласилась, что это, пожалуй, так.

— Как там Гриффитс? — спросил я.

— Он выглядит усталым и очень несчастным. Я

думаю, у него что-то особое на уме.

— Селезенка, не поддающаяся лечению?

— Не будь дураком. Я имею в виду что-то серьезное.

— Я бы сказал, что у него *ты* на уме. Я бы хотел, чтобы ты оставила его в покое, Джоанна.

— Ой, заткнись. Я ничего такого не делаю.

— Женщины всегда так говорят.

Джоанна, разозлившись, вихрем вылетела из комнаты.

Больная селезенка начала сморщиваться под солнечными лучами. Я взял ее за уголок и унес в гостиную. Меня она не трогала, но я осмелился предположить, что это одно из сокровищ Гриффитса.

Я остановился и оглядел нижнюю часть книжной полки в поисках книги потяжелее, чтобы использовать ее как пресс и заложить фотографию между страницами. Там нашелся увесистый том чьих-то проповедей.

Книга в моих руках неожиданно раскрылась сама. В следующую минуту я понял почему. *Часть страниц в ее середине была аккуратно вырезана.*

Я застыл, уставившись на книгу. Потом взглянул на титул. Книга была издана в 1840 году.

Тут не могло быть никаких сомнений. Я смотрел

на книгу, из страниц которой были составлены анонимные письма. Кто вырезал их?

Ну, для начала это могла быть сама Эмили Бэртон. Она была, быть может, наиболее очевидной кандидатурой. Или же это могла быть Патридж.

Но были и другие возможности. Страницы мог вырезать некто, остававшийся один в этой комнате, некий гость, например, сидевший здесь и ожидавший мисс Эмили. Или любой человек, пришедший по делу.

Нет, это не годилось. Я заметил однажды, что клерка из банка, пришедшего ко мне, Патридж провела в маленький кабинет в задней части дома. Очевидно, это было здесь в обычае.

Итак, гость?.. Некто «с хорошим социальным положением». Мистер Пай? Айми Гриффитс? Миссис Дан-Кэлтроп?

Прозвенел гонг, и я пошел обедать. Позже, в гостиной, я продемонстрировал Джоанне мою находку.

Мы обсуждали это с разных сторон. Потом я отнес книгу в полицейский участок.

Там по поводу находки возликовали, и меня хлопали по спине, выражая таким образом беспредельный восторг.

Грэйвса не было в тот момент, но был Нэш, и он

тут же позвонил Грэйвсу. Они должны были исследовать книгу на предмет наличия отпечатков пальцев, хотя Нэш и не надеялся их найти. Я мог бы и сразу сказать, что искать нечего. Там могли быть отпечатки лишь мои и Патридж, и ничьи больше, что прекрасно продемонстрировало бы добросовестность Патридж при вытирании пыли.

Я спросил Нэша, как идут дела.

— Мы сужаем круг поисков, мистер Бартон. Мы исключаем тех людей, которые не могли быть в том месте.

— А-а, — сказал я. — И кто же остается?

— Мисс Гинч. У нее вчера была назначена встреча с клиентом на дому. Тот дом расположен недалеко от дороги на Комб-Экр, а эта дорога идет мимо дома Симмингтонов. Проходя там, она могла как миновать дом, так и войти в него… Неделей раньше, в тот день, когда пришло анонимное письмо и миссис Симмингтон покончила с собой, она последний день работала в конторе Симмингтона. Мистер Симмингтон сначала полагал, что она не выходила из помещения в тот день. У него весь день был сэр Генри Лашингтон, и они время от времени звонили мисс Гинч. Я, однако, выяснил, что она выходила между тре-

мя и четырьмя. В конторе иссяк запас дорогих марок, и она выходила, чтобы их купить. Мог бы сбегать и рассыльный, но мисс Гинч предпочла пойти сама, сказав, что у нее болит голова и ей нужно выйти на воздух. Она отсутствовала не слишком долго.

— Но достаточно долго?

— Да, достаточно долго для того, чтобы быстро пройти в другой конец городка, опустить письмо в ящик и поспешить обратно. Я должен сказать тем не менее, что я не нашел никого, кто видел бы ее неподалеку от дома Симмингтонов.

— А ее должны были заметить?

— Могли заметить, а могли и не заметить.

— Кто же еще в вашем списке?

Нэш как-то странно смотрел прямо перед собой.

— Вы же понимаете, мы не можем исключить никого — вообще никого…

— Конечно, — сказал я. — Я это понимаю.

Нэш очень серьезно произнес:

— Мисс Гриффитс вчера ездила в Бентон на встречу скаутов. Она вернулась очень поздно.

— Не думаете же вы…

— Нет, я не думаю. Но я *не знаю*. Мисс Гриффитс кажется на редкость нормальной, здравомысля-

щей женщиной, но, повторяю, я *не знаю.*

— А как насчет предыдущей недели? Она могла бросить письмо в ящик?

— Это возможно. Она ходила по магазинам в тот день. — Он помолчал. — То же относится и к мисс Эмили Бэртон. Она вчера с утра ушла по магазинам; и она навещала кого-то из своих друзей, проходя как раз мимо дома Симмингтонов, неделей раньше.

Я недоверчиво покачал головой. Я понимал, что обнаружение изрезанной книги в «Литтл Фюрц» привлекает внимание к владелице этого дома, но когда я вспоминал мисс Эмили, входящую вчера, — такую сияющую, и счастливую, и взволнованную…

Черт побери… взволнованную… Да, взволнованную — розовые щеки… сверкающие глаза… уж не потому ли?.. не потому ли?..

Я тупо сказал:

— Это дело для меня вредно! Что-то видеть… что-то воображать…

Нэш сочувствующе кивнул:

— Да, это не слишком приятно — рассматривать хороших знакомых как возможных безумных преступников.

Он помедлил минуту, затем продолжил:

— Следующий — мистер Пай…

Я живо воскликнул:

— Так вы и его учли?!

Нэш улыбнулся.

— О да, мы и его учли. Очень любопытный характер… нет, я бы сказал, очень милый характер. У него нет алиби. В обоих случаях он был в саду, совершенно один.

— Значит, вы подозреваете не только женщин?

— Я не думаю, что письма писал мужчина, я даже уверен, и Грэйвс тоже; пусть даже этот мужчина — мистер Пай, о котором говорят, что он имеет в характере ненормальные, женские черты. Но мы проверяем *всех*, имея в виду вчерашний день. Это убийство, видите ли. *Вы* вне подозрений, — усмехнулся он, — и ваша сестра тоже, и мистер Симмингтон не выходил из конторы, и доктор Гриффитс был на обходе в другом конце города, а я проверил все его визиты.

Он снова помолчал, снова улыбнулся и сказал:

— Как видите, мы скрупулезны.

Я медленно произнес:

— Таким образом, ваша задача — выбрать из этих троих? Мистер Пай, мисс Гриффитс, маленькая мисс Бэртон?

— О, нет, нет, у нас есть еще кое-кто, включая и супругу викария.

— Вы подозреваете *ее*?

— Мы подозреваем *всех*, а миссис Дан-Кэлтроп заметно ненормальна, если вы понимаете, что я имею в виду. В общем, она *могла* это сделать. Вчера днем она была в лесу, любовалась на птичек, — но птички не могут этого подтвердить.

Он внезапно замолчал, так как в полицейский участок вошел Оуэн Гриффитс.

— Привет, Нэш. Я слышал, вы везде искали меня утром. Что-нибудь важное?

— Дознание в пятницу, если это вас устроит, доктор.

— Хорошо. Мы с Морсби произведем вскрытие вечером.

Нэш сказал:

— Тут есть еще одна штука, доктор Гриффитс. Миссис Симмингтон говорила о каких-то порошках или о чем-то в этом роде, которые вы ей прописывали…

Он замолчал.

Оуэн Гриффитс произнес вопросительно:

— Да?

— Не могла ли передозировка этих порошков быть фатальной?

— Конечно, нет, — сухо ответил Гриффитс. — Ничего бы не случилось, даже если бы она проглотила их штук двадцать пять!

— Но вы однажды предупреждали ее, чтобы она не превышала дозу, так мне говорила мисс Холланд.

— О, это — да. Миссис Симмингтон была женщиной того типа, которые все принимают с излишком, — они воображают, что двойной прием лекарства вдвое улучшит их состояние, а этого нельзя проделывать ни с каким лекарством, даже с фенацетином и аспирином, — это вредно для сердца. Но в любом случае об этом не следует думать как о причине смерти. Там был цианид.

— Ох, да я знаю. Вы просто не поняли, что я имел в виду. Я лишь думал, что, совершая самоубийство, люди скорее выбирают приличную дозу снотворного, чем наедаются синильной кислоты.

— Ну да. Но, с другой стороны, синильная кислота более драматична и более чем достаточна для такого фокуса. С барбитуратами, напротив, жертву можно привести в чувство, если прошло не слишком много времени.

— Понятно; спасибо, доктор Гриффитс.

Гриффитс откланялся, и я попрощался с Нэшем.

Я медленно направился на холм, домой. Джоанна отсутствовала или, по крайней мере, не подавала знака о присутствии, а на телефонной подставке красовался загадочный меморандум, нацарапанный то ли для Патридж, то ли для меня:

«Если позвонит доктор Гриффитс, то я не смогу пойти в четверг, но ухитрюсь, пожалуй, в среду или в пятницу».

Я вздернул брови и прошел в гостиную. Я уселся в самое удобное кресло (по-настоящему удобным не было ни одно из них, все они имели слишком прямые спинки и напоминали о покойной миссис Бэртон), вытянул ноги и попытался обдумать все как следует.

С внезапным раздражением я вспомнил, что приход Оуэна прервал мою беседу с инспектором и что тот упоминал о других возможных подозреваемых.

Я хотел знать, кто они такие.

Возможно, одна из них — Патридж? В конце концов, изрезанная книга найдена в этом доме. И Агнес, ничего не подозревая, могла быть сражена своей руководительницей и наставницей. Нет, исключить Патридж нельзя.

Я закрыл глаза. Я, сосредоточившись, размышлял. Кроткая, хрупкая маленькая Эмили Бэртон?

Что в действительности имеется против нее? Загубленная жизнь? С детства жестко руководимая и подавленная? Слишком многих жертв требовали от нее?.. Ее странное отвращение к обсуждению чего-либо «не слишком красивого»? А вдруг это в действительности означает, что она крайне озабочена подобными темами… Не слишком ли я увлекаюсь фрейдизмом? Я вспомнил, как однажды врач рассказывал мне, что бормочут кроткие старые девы под наркозом, — для врача это было открытием! «Вы бы и не подумали, что они знают подобные слова!..»

Айми Гриффитс?

Ее, конечно, ничто не подавляет и не «сдерживает». Бодрая, мужеподобная, удачливая. Ее жизнь полна и насыщенна. Но миссис Дан-Кэлтроп сказала: «Бедняжка!»

И было что-то… что-то… какое-то воспоминание… А! Вспомнил. Оуэн Гриффитс говорил что-то такое: «Была краткая эпидемия анонимных писем на севере, где я имел практику».

Уж не была ли это работа Айми Гриффитс? Конечно, возможно и совпадение. Две вспышки той же болезни.

Минутку. Там же нашли автора писем. Гриффитс говорил об этом. Школьница.

Внезапно стало холодно — должно быть, сквозняк от открытого окна. Я неловко повернулся в кресле. Почему вдруг я ощутил головокружение и тревогу?..

Продолжим размышления. Айми Гриффитс? Возможно, именно она, а не та, другая, девушка писала письма? И Айми переехала сюда и снова взялась за свои фокусы. И именно поэтому Оуэн Гриффитс выглядит столь несчастным и заезженным. Он подозревает. Да, он подозревает…

Мистер Пай? Нет, как бы то ни было, очень милый маленький человечек. И все же я мог представить его устраивающим все это дело, смеющимся…

Та записка на подставке для телефона в холле — почему я упорно думаю о ней? Гриффитс и Джоанна — он сражен ею. Нет, не потому записка тревожит меня. Там было что-то еще…

Ощущения мои расплылись, я почти засыпал. Я по-идиотски повторял про себя: «Нет дыма без огня. Нет дыма без огня… Это… это все связано между собой…»

А потом я шел по улице с Меган, а навстречу шла Элси Холланд. Она была в наряде невесты, и люди шептали: «Она собирается наконец-то замуж за доктора Гриффитса. Конечно, они годами

встречались тайно…»

Затем мы оказались в церкви, и Дан-Кэлтроп читал службу на латыни.

А в середине ее миссис Дан-Кэлтроп вскочила и энергично закричала: «Это нужно прекратить, я вам говорю! Это нужно прекратить!»

Минуту или две я не мог понять, то ли я еще сплю, то ли уже проснулся. Потом мои мозги прояснились, и я обнаружил, что нахожусь в гостиной «Литтл Фюрц» и что миссис Дан-Кэлтроп, вошедшая через окно, стоит передо мной, произнося с нервным напором:

— Это нужно прекратить, я вам говорю!

Я вскочил.

— Прошу прощения, — сказал я. — Боюсь, я задремал. Что вы сказали?

Миссис Дан-Кэлтроп свирепо хлопнула кулаком по ладони другой руки.

— Это должно быть прекращено. Эти письма! Убийство! Нельзя допустить, чтобы невинных детей вроде Агнес Вуддел *убивали*!

— Вы совершенно правы, — сказал я. — Но как вы предполагаете это остановить?

Миссис Дан-Кэлтроп заявила:

— Мы должны что-то сделать!

Я улыбнулся — возможно, несколько снисхо-

дительно.

— И что мы должны сделать, что вы предлагаете?

— Нужно все выяснить! Я утверждала, что в нашем местечке нет безнравственности. Я ошибалась. Она есть.

Во мне вспыхнула досада.

— Да, дорогая, — сказал я не слишком вежливо. — Но что вы намерены *делать*?

Миссис Дан-Кэлтроп сказала:

— Положить конец всему этому, разумеется.

— Полиция сделает это лучше.

— Если Агнес смогли вчера убить, их действия недостаточно хороши.

— Значит, вы лучше их знаете, что делать?

— Ничуть. *Я* не знаю вообще ничего. Именно поэтому я намерена вызвать специалиста.

Я покачал головой:

— Вы не можете этого сделать. Скотленд-Ярд уже взялся за дело по запросу начальника полиции округа. В настоящий момент они прислали Грэйвса.

— Я совсем не имею в виду такого специалиста. Я не имею в виду тех, кто разбирается в анонимных письмах или даже в убийствах. Я говорю о таком человеке, который знает *людей*. Вы пони-

маете? Мы должны пригласить того, кто очень хорошо понимает, что такое *порок*!

Это была странная точка зрения. Но тем не менее очень любопытная.

Прежде чем я смог что-либо сказать, миссис Дан-Кэлтроп кивнула мне и заявила деловым, уверенным тоном:

— Я намерена позаботиться об этом немедленно.

И вышла через окно.

Следующая неделя, я уверен, была самым странным периодом в моей жизни. Все напоминало сон. Ничто не казалось реальным.

Состоялось дознание по делу Агнес Вуддел, и любопытствующий Лимсток присутствовал на нем в полном составе. Никаких новых фактов не появилось, и единственно возможный вердикт гласил: «Убита неизвестным или неизвестными».

Итак, бедняжка Агнес Вуддел, получив свою долю внимания, была должным образом похоронена на тихом кладбище у церкви, и жизнь в Лимстоке потекла как прежде.

Нет, последнее утверждение неверно. Не так, как прежде…

Полуиспуг-полулюбопытство светилось в каж-

дом взгляде. Соседи косились друг на друга. Одно стало совершенно ясно на дознании: что абсолютно неправдоподобна версия о том, что Агнес Вуддел убил бродяга. Никаких бродяг или просто неизвестных людей никто не замечал в округе. И, таким образом, в Лимстоке ходил по Верхней улице, делал покупки, проводя время, человек, треснувший беззащитную девочку по черепу и проткнувший остроконечным вертелом ее мозг.

И никто не знал, кем был этот человек.

Как я уже сказал, дни проходили как дурной сон. Я смотрел на каждого встречного в новом свете — как на возможного убийцу. Это не было приятным ощущением!

А по вечерам, опустив шторы, мы с Джоанной сидели и говорили, говорили, споря, перебирая различные варианты, казавшиеся фантастичными и невероятными.

Джоанна твердо придерживалась гипотезы о мистере Пае. Я же, после некоторых колебаний, вернулся к своему первоначальному подозрению — мисс Гинч. Но мы при этом снова и снова перебирали все возможные имена.

Мистер Пай?

Мисс Гинч?

Миссис Дан-Кэлтроп?

Айми Гриффитс?

Эмили Бэртон?

Патридж?

И все это время, нервничая, опасаясь, мы ожидали новых событий.

Но ничего не случалось. Никто, насколько мы знали, не получал больше писем. Нэш совершал регулярные вылазки в городок, но что он делал и какие ловушки ставила полиция, я не догадывался. Грэйвс приехал снова.

Эмили Бэртон приходила на чай. Меган приходила на обед. Оуэн Гриффитс продолжал практиковать. Мы навестили мистера Пая и пили с ним шерри. И еще мы пили чай в доме викария.

Я был рад, что миссис Дан-Кэлтроп больше не обнаруживает боевой свирепости, которую она проявила при нашей последней встрече. Я подумал, что она обо всем этом забыла.

Теперь ее, кажется, главным образом интересовали бабочки-белянки и как уберечь от них цветную и обычную капусту.

Тот день в доме викария был одним из самых мирных. Дом был старый и милый, с большой, ветхой, удобной гостиной, обитой поблекшим кретоном в розах. У Дан-Кэлтропов была гостья — любезная пожилая леди, постоянно вязавшая

что-то из белой пушистой шерсти. К чаю были замечательные горячие лепешки; пришел викарий и лучезарно и безмятежно улыбался нам, ведя вежливую, умную беседу. Это было чудесно.

Но я не рассчитывал, что мы избегнем темы убийства, мы просто не могли ее обойти.

Мисс Марпл, гостья, была, естественно, взволнована таким разговором. Поэтому она сказала извиняющимся тоном:

— В деревне совершенно не о чем говорить!

Она вообразила, что погибшая девушка должна была быть похожа на ее Эдит.

— Такая же милая маленькая горничная и такая услужливая, но иной раз, пожалуй, немножко *копуша*.

У мисс Марпл также была кузина, сводная сестра племянницы которой была весьма раздражена и напугана анонимными письмами, — в общем, похоже, все это очень интересовало очаровательную старую леди.

— Но скажите мне, дорогая, — обратилась она к миссис Дан-Кэлтроп, — что деревенский люд, то есть я хотела сказать горожане, говорят об этом? Что *они* думают?

— Они считают, что это миссис Клит, по-моему, — сказала Джоанна.

— Ох нет, — пробормотала миссис Дан-Кэлтроп. — Не *теперь*.

Мисс Марпл поинтересовалась, кто такая миссис Клит.

Джоанна объяснила, что это деревенская ворожея.

— Ведь это действительно так, да, миссис Дан-Кэлтроп?

Викарий изрек длинную латинскую цитату, я думаю, о дурном влиянии ворожей, и мы все выслушали ее в почтительном молчании, ничего не поняв.

— Она очень глупая женщина, — сказала его жена. — Любит пускать пыль в глаза. Ходит в полнолуние собирать травы и старается, чтобы все в округе об этом знали.

— А глупые девочки бегают к ней за советами, я полагаю? — спросила мисс Марпл.

Я заметил, что викарий готов обрушить на нас очередную порцию латыни, и торопливо спросил:

— Но почему бы людям и не заподозрить ее в убийстве теперь? Они же думали, что письма — ее рук дело.

Мисс Марпл сказала решительно:

— О! Но девочку убили *вертелом*, так я слы-

шала. Весьма неприятно. Ну, естественно, это отводит *все* подозрения от этой миссис Клит. Потому что, видите ли, она же могла наворожить болезнь, и девушка зачахла бы и умерла обычным образом.

— Странно, как живучи эти старые верования, — сказал викарий. — Во времена раннего христианства местные суеверия были мудро объединены в христианские доктрины, и их наиболее неприятные атрибуты постепенно элиминированы.

— То, с чем нам здесь приходится иметь дело, — не суеверие, а *факт*, — сказала миссис Дан-Кэлтроп.

— И весьма неприятный факт, — добавил я.

— Совершенно верно, мистер Бартон, — подтвердила мисс Марпл. — Но вот *вы*— извините меня, если я чересчур конкретна, — вы здесь чужак, и вы знаете мир и разные стороны жизни. Мне кажется, вы должны быть в состоянии найти решение этой неприятной проблемы.

Я улыбнулся:

— Наилучшее решение я нашел во сне. Во сне все прекрасно улеглось и совпало. К сожалению, когда я проснулся, все это оказалось чепухой.

— Как интересно! — воскликнула мисс

Марпл. — Расскажите мне, как вы додумались до этой чепухи.

— О, все началось с глупой фразы: «Нет дыма без огня». Это все повторяли без конца. А потом я спутал это с военным временем. Дымовая завеса, клочок бумаги, записка у телефона… Нет, это был другой сон.

— А что это был за сон?

Старая леди спрашивала настолько нетерпеливо, что я ощутил уверенность в том, что она тайно читает «Книгу снов Наполеона», бывшую, помнится, величайшей жизненной опорой моей старой няньки.

— О, там была Элси Холланд — гувернантка Симмингтонов, вы знаете, — и она собиралась замуж за доктора Гриффитса, а викарий читал службу на латыни («Весьма недурно», — прошептала миссис Дан-Кэлтроп своему супругу), а потом миссис Дан-Кэлтроп встала и запретила оглашать предстоящее бракосочетание, заявив, что все это должно быть прекращено. Но эта часть, — добавил я с улыбкой, — была реальностью. Я проснулся и обнаружил вас стоящею передо мной именно с этими словами.

— И я была совершенно права, — сказала миссис Дан-Кэлтроп. — И я очень мягко выразилась,

рада заметить.

— Но где появляется записка у телефона? — спросила мисс Марпл, вздернув брови.

— Боюсь, тут я сглупил. Это не было во сне. Это было как раз перед ним. Я проходил через холл и заметил, что Джоанна оставила записку насчет того, что отвечать, если позвонит один человек.

Мисс Марпл наклонилась вперед. На ее щеках вспыхнул румянец.

— Не подумаете ли вы, что я *чересчур* назойлива и *чересчур* бесцеремонна, если я спрошу вас, что говорилось в этой записке?

Джоанну, напротив, это сильно развлекло.

— О, я не помню, — заверила она старую леди. — Я сама ничего не могу сказать, но, может быть, Джерри?.. Должно быть, что-то совершенно заурядное.

Я торжественно повторил текст записки, насколько мог его вспомнить, и получил огромное удовольствие от того, с каким вниманием выслушала меня старая леди.

Я боялся, что текст разочарует ее, но, возможно, у нее возникла какая-то сентиментальная мысль о любовной истории, поскольку она кивала, и улыбалась, и выглядела довольной.

— Понятно, — сказала она. — Я так и думала,

что там было нечто в этом роде.

Миссис Дан-Кэлтроп живо спросила:

— В каком роде, Джейн?

— Что-то совсем заурядное, — пояснила мисс Марпл.

Она задумчиво смотрела на меня мгновение-другое, а потом неожиданно сказала:

— Я вижу, вы очень умный молодой человек, но вам не хватает уверенности в себе. Вы должны быть более уверенным!

Джоанна громко присвистнула.

— Ради бога, не пробуждайте в нем подобных чувств! Он вполне доволен собой и так.

— Потише, Джоанна, — сказал я. — Мисс Марпл меня понимает.

Мисс Марпл вновь принялась за свое вязанье.

— Знаете, — задумчиво заметила она, — совершение удачного убийства должно быть сродни успешному выполнению фокуса.

— Ловкость рук, обманывающая глаз?

— Не только это. Вы должны заставить людей смотреть не на ту вещь и не на то место — это называется «направить по ложному пути», насколько я знаю.

— Ну, — сказал я, — тогда, кажется, все ищут нашего лунатика не там, где надо.

— Я бы и сама ошиблась, — сказала мисс Марпл, — отыскивая кого-то весьма здравомыслящего.

— Да, — задумчиво проговорил я, — как раз это и сказал Нэш. Я помню, он особо подчеркивал добропорядочность убийцы.

— Да, — согласилась мисс Марпл. — Это *очень* важно.

С этим, кажется, были согласны все.

Я обратился к миссис Дан-Кэлтроп.

— Нэш думает, — сказал я, — что должны быть еще анонимные письма. А ваше мнение?

— Это возможно, я полагаю, — медленно произнесла она.

— Если в полиции так думают, так и будет, не сомневайтесь, — сказала мисс Марпл.

Я упорно продолжал приставать к миссис Дан-Кэлтроп:

— Вы все еще жалеете этого сочинителя?

Она порозовела:

— Почему бы и нет?

— Я не думаю, что могу с вами согласиться, дорогая, — сказала мисс Марпл. — Не в этом случае.

Я горячо заявил:

— Письма довели женщину до самоубийства, они были причиной огромной беды!

— Вы получали такие письма, мисс Бартон? — спросила мисс Марпл Джоанну.

Джоанна прожурчала:

— О да! Там говорились совершенно жуткие вещи!

— Я уверена, — сказала мисс Марпл, — что молодые и очаровательные леди в первую очередь должны были привлечь внимание сочинителя.

— Как раз поэтому я и думаю: очень странно, что Элси Холланд не получила такого письма, — сказал я.

— Позвольте, — сказала мисс Марпл, — это гувернантка Симмингтонов — из тех, кто приснился вам, мистер Бартон?

— Да.

— Может, она и получила письмо, да не хочет признаваться, — предположила Джоанна.

— Нет, — сказал я. — Я ей верю. И Нэш тоже.

— Боже мой! — воскликнула мисс Марпл. — Тогда это *очень* интересно! Это самое интересное из всего, что я услышала!

Когда мы шли домой, Джоанна сказала, что я не должен был повторять слова Нэша о том, что письма будут приходить еще.

— Почему?

— Потому что миссис Дан-Кэлтроп может ока-

заться Этим Человеком.

— Ну ты же сама в это не веришь!

— Я не уверена. Она странная женщина.

И мы вновь принялись перебирать возможные варианты.

Двумя днями позже я возвращался в автомобиле из Эксамптона. Там я поужинал и потом отправился назад; к тому времени, как я доехал до Лимстока, почти стемнело.

Что-то не ладилось в автомобильных фарах, и, немного помедлив, пытаясь включать и выключать их, я вышел из машины, чтобы взглянуть, не могу ли я что-то исправить. Потратив какое-то время на эту возню, я все-таки ухитрился в конце концов заставить их работать.

Дорога была пустынна. Никто в Лимстоке не выходит из дома после наступления темноты. Первые дома были прямо передо мной, и среди них безобразно торчало здание Женского института. Оно смутно вырисовывалось в слабом свете звезд, и что-то побудило меня подойти и взглянуть на него. Не знаю, возможно, я уловил мельком неясное движение, словно бы какая-то фигура проскользнула в калитку; если так, то движение это было настолько неопределенно, что не отложилось в моем сознании, однако я

внезапно ощутил нечто вроде непреодолимого любопытства к этому месту.

Калитка была слегка приоткрыта; я распахнул ее и пошел во двор. Короткая тропинка и четыре ступеньки вели к двери.

Я постоял мгновение в нерешительности. В самом деле, зачем я здесь? Я не знал; но тут внезапно, совсем рядом, я услышал шелест. Как от шелкового дамского платья.

Я резко повернулся и обогнул угол здания, направляясь туда, откуда донесся звук.

Я никого не увидел. Я пошел дальше и обогнул следующий угол. Теперь я был позади дома. И вдруг, в двух футах от себя, я увидел открытое окно.

Я подкрался к нему и прислушался. Я ничего не услышал, но то ли почувствовал, то ли угадал, что внутри кто-то есть.

Моя спина еще не окрепла настолько, чтобы заниматься акробатикой, но я ухитрился подтянуться и перевалиться через подоконник. К сожалению, я изрядно нашумел.

Я постоял внутри, у окна, вслушиваясь. Потом шагнул, вытянув перед собой руки. И тут же услышал слабый звук впереди, справа.

В кармане у меня был фонарик, и я включил

его.

Мгновенно прозвучал низкий, отчетливый голос:

— Уберите это!

Я тут же повиновался, поскольку мне и секунды не понадобилось, чтобы узнать лейтенанта Нэша.

Он взял меня за руку и провел через дверь в коридор. Здесь, где не было окон и никто снаружи не мог заметить наше присутствие, он включил свет и посмотрел на меня скорее печально, нежели сердито.

— Вы *могли* получить по голове в ту минуту, мистер Бартон.

— Простите, — сказал я виноватым тоном, — но у меня возникло подозрение, что здесь что-то неладно.

— Возможно. Вы что-то видели?

Я колебался.

— Я не уверен, — сказал я наконец. — У меня было смутное ощущение, что я видел кого-то, крадущегося к калитке, но я не могу сказать, что я *действительно* видел кого-то. Потом я услышал шорох за углом, с этой стороны здания.

Нэш кивнул.

— Все верно. Кто-то прошел вокруг дома перед

вами. Он — или она — остановился возле окна, потом быстро ушел. *Вас* услышал, я полагаю.

Я еще раз извинился.

— А вы здесь с какой целью? — спросил я.

Нэш ответил:

— Я основываюсь на мысли, что сочинитель анонимок не может прекратить писать эти письма. Она знает, что это опасно, но будет продолжать. Это вроде жажды пьяницы или наркомана.

Я согласился.

— Видите ли, мистер Бартон, я предполагаю, что она захочет, чтобы письма выглядели как можно более одинаковыми. У нее есть вырезанные страницы из книги, и можно продолжать составлять письма из тех слов. Но конверты представляют сложность. Она захочет отпечатать адрес на той же самой машинке. Она не может рисковать и использовать другую машинку или написать адрес от руки.

— Вы всерьез думаете, что она будет продолжать с прежним энтузиазмом? — спросил я недоверчиво.

— Да. И могу держать пари на что вам будет угодно — она полна уверенности. Они же всегда тщеславны, как дьявол, эти люди! Ну вот, я и

вычислил, что эта особа явится в институт после наступления темноты, чтобы добраться до машинки.

— Мисс Гинч, — сказал я.

— Возможно.

— Вы все еще не знаете?

— Я не *знаю*.

— Но подозреваете?

— Да. Но кто-то очень хитер, мистер Бартон. Кто-то знает все правила этой игры.

Я мог представить ту сеть, которую Нэш раскинул вокруг. Я не сомневался, что каждое письмо, написанное любым из подозреваемых, отправленное по почте или доставленное вне ее, немедленно исследуется. Рано или поздно преступника накроют, допусти он хоть малейший просчет.

В третий раз я извинился за свое усердие и нежелательное присутствие.

— Да ну, — философски бросил Нэш, — в другой раз повезет.

Я вышел в ночь. За моей машиной смутно виднелась чья-то фигура. К моему изумлению, я узнал Меган.

— Привет! — сказала она. — Я так и думала, что это ваша машина. А что вы здесь делаете?

— А вы что здесь делаете? Это куда интереснее, — сказал я.

— Я гуляю. Я люблю гулять по вечерам. Никто тебя не останавливает и не говорит глупостей, и я люблю звезды, и все как-то лучше пахнет, и обычные вещи так странно выглядят.

— Это все я, безусловно, допускаю, — сказал я. — Но только кошки и колдуньи бродят в темноте. О вас беспокоятся дома.

— Нет. Они никогда не беспокоятся о том, где я или *что я делаю*.

— А как вообще ваши дела? — спросил я.

— Все в порядке, похоже.

— Мисс Холланд присматривает за вами после всего этого?

— Элси в норме. Ничто не поможет ей перестать быть полной дурой.

— Жестоко… но похоже на правду, — сказал я. — Забирайтесь в машину, я отвезу вас.

Меган ошиблась, сказав, что ее отсутствия никогда не замечают.

Симмингтон стоял на крыльце, когда мы подъезжали. Он всмотрелся в машину.

— Эй, Меган тут?

— Да, — сказал я. — Я доставил ее домой.

Симмингтон сказал резко:

— Ты не должна уходить таким образом, ничего не сказав нам, Меган. Мисс Холланд очень о тебе беспокоилась.

Меган что-то невнятно пробормотала и прошествовала мимо него в дом. Симмингтон вздохнул:

— Взрослая девушка — большая ответственность, особенно когда нет матери, чтобы присмотреть за ней. А школу она уже переросла, мне кажется.

Он посмотрел на меня как-то подозрительно.

— Полагаю, вы учили ее водить машину?

Я рассудил, что лучше оставить его с этой мыслью.

Глава 7

На следующий день я продолжал сходить с ума. Оглядываясь теперь назад, я действительно не могу найти другого объяснения.

Я должен был отправиться с ежемесячным визитом к Маркусу Кенту. Я решил ехать поездом. К моему огромному изумлению, Джоанна осталась в Лимстоке. Как правило, она предпочитала путешествия сидению на одном месте. Но не в этот раз.

Поэтому я решил вернуться в тот же день, вечерним поездом, до такой степени меня удивила Джоанна. Она просто сказала загадочным тоном, что, конечно, неплохо бы съездить, но зачем проводить часы в грязном, душном поезде, когда в деревне такой чудесный день?

Это, конечно, было неоспоримо, но уж слишком это было не похоже на Джоанну.

Она сказала, что автомобиль ей не нужен и я могу припарковать его у станции до моего возвращения.

По каким-то неясным соображениям, известным только железнодорожной компании, вокзал Лимстока располагался в трех милях от собствен-

но Лимстока. На полпути к железной дороге я нагнал Меган, волочащую ноги с бесцельным видом. Я остановился.

— Привет, чем вы заняты?

— Я просто гуляю.

— Это не назовешь веселой прогулкой, как я вижу. Вы тащитесь, словно удрученный краб.

— Ну, я же не иду куда-то определенно.

— Тогда вам лучше проводить меня до станции.

Я открыл дверцу машины, и Меган запрыгнула внутрь.

— Куда это вы собираетесь? — спросила она.

— В Лондон. К моему врачу.

— А с вашей спиной теперь уже неплохо, а?

— Да, практически уже все в порядке. Я надеюсь, ему это очень понравится.

Меган кивнула.

Мы подъехали к вокзалу. Я припарковал автомобиль, потом купил в кассе билет. На платформе было очень мало людей, и ни одного знакомого.

— Вы мне не дадите взаймы пенни, а? — спросила Меган. — Я бы купила немного шоколада в автомате.

— Пожалуйста, дитя, — сказал я, протягивая ей монету, о которой шла речь. — А почему бы вам

не купить заодно немного жевательной резинки или мятных лепешек?

— Я больше люблю шоколад, — ответила Меган, не заметив сарказма.

Она отправилась к торговому автомату, а я смотрел ей вслед, чувствуя растущее раздражение.

На ней были чрезмерно разношенные ботинки и толстые, темные носки, какие-то бесформенные свитер и юбка. Не знаю, почему все это привело меня в ярость, но тем не менее это было так.

Я смотрел на нее со злостью, пока она возвращалась.

— Почему вы носите такие жуткие носки?

Меган взглянула на меня, удивленная.

— Что с ними случилось?

— С ними случилось все сразу. Они отвратительны. И почему вы носите свитер, похожий на развалившийся кочан капусты?

— Нормальный свитер, по-моему. Я его уже несколько лет ношу.

— Воображаю. А почему вы…

В эту минуту подошел поезд и прервал мою злобную лекцию.

Я вошел в пустой вагон первого класса, опустил окно и высунулся наружу, чтобы продолжить

беседу.

Меган стояла напротив и меланхолично жевала шоколад. Она спросила, почему я такой сердитый.

— Я не сердитый, — ответил я лживо. — Просто меня приводит в бешенство ваша расхлябанность и то, что вы совсем не обращаете внимания на свою внешность.

— Я все равно не могу выглядеть красивой, так что какая разница?

— Прекратите! — рявкнул я. — Я хочу видеть вас одетой как следует. Я хочу взять вас в Лондон и обмундировать от галстука до туфель.

— Хотела бы я, чтобы вы это сделали, — заметила Меган.

Поезд тронулся. Я смотрел в расстроенное, грустное лицо Меган.

И вот тут, как я уже говорил, на меня напало безумие. Я распахнул дверь, схватил Меган за руку и резко втащил ее в вагон.

Носильщик, стоявший рядом, возмущенно завопил от такого нарушения правил, но все, что он мог сделать, — так это проворно захлопнуть дверь купе. Я поднял Меган с пола, куда ее бросила моя стремительная акция.

— С какой стати вы это сделали? — возмутилась

она, потирая коленку.

— Заткнитесь, — сказал я. — Вы едете со мной в Лондон, а там я вам покажу, как вы можете выглядеть, если постараетесь. Мне надоело видеть, как вы слоняетесь по холмам и все такое.

— О! — воскликнула Меган восторженным шепотом.

По вагону проходил контролер, и я купил для Меган билет. Она уселась в углу купе, глядя на меня с благоговейным страхом.

— Я понимаю, — сказала она, когда контролер ушел. — Вы очень вспыльчивый, да?

— Очень, — ответил я. — Это у нас семейное.

Как объяснить Меган тот порыв, что одолел меня?.. Она выглядела печально, как собака, которую бросают. На ее лице и сейчас было выражение недоверчивой признательности — как у собаки, которую в конце концов взяли на прогулку.

— Я полагаю, вы не слишком хорошо знаете Лондон? — спросил я.

— Нет, я знаю, — откликнулась Меган. — Я всегда проезжала через Лондон в школу. И я туда ездила к дантисту и смотреть пантомимы.

— Это, — мрачно сказал я, — должно быть, другой Лондон.

Мы приехали за полчаса до времени моего визита на Харлей-стрит.

Я взял такси, и мы отправились прямиком к «Миротину», где одевалась Джоанна. «Миротин» во плоти был весьма нестандартной и живой женщиной сорока пяти лет, Мэри Грэй. Она была умной и очень общительной. Мне она всегда нравилась.

Я сказал Меган:

— Вы — моя кузина.

— Почему?

— Не спорьте, — приказал я.

Мэри Грэй была занята с толстой дамой, которая восхищалась темно-голубым вечерним платьем в обтяжку. Я отозвал Мэри в сторонку.

— Послушайте, — сказал я, — я тут привез свою маленькую кузину. Джоанна сегодня хотела приехать, но не смогла. Но она сказала, что я могу все это доверить вам. Видите, на что эта девочка похожа сейчас?

— Кажется, я поняла, что от меня потребуется! — воскликнула Мэри Грэй с энтузиазмом.

— Отлично. Я хочу, чтобы ее полностью переодели, с головы до ног. Я вам даю полную свободу действий. Носки, туфли, белье, абсолютно все! Кстати, тот парикмахер, у которого Джоанна

причесывается, он ведь где-то рядом, так?

— Энтони? За углом. Я присмотрю и за этим.

— Вы исключительная женщина.

— О, мне это доставит удовольствие — даже если не вспоминать о деньгах… хотя и на это не наплевать в наше время, а половина моих чертовых клиенток не хочет платить по счетам. Но я уже сказала, мне это доставит удовольствие.

Она бросила на Меган, стоящую чуть в стороне, короткий профессиональный взгляд.

— У нее чудесная фигурка.

— У вас, должно быть, в глазах рентген, — сказал я. — Мне она кажется совершенно бесформенной.

Мэри Грэй рассмеялась.

— Уж эти школы! — сказала она. — Они, похоже, гордятся тем, что воспитывают девочек, которым нравится выглядеть замарашками. Это называется простотой и безыскусностью. Иной раз целый сезон потратишь, прежде чем девушка возьмется за себя и начнет выглядеть по-человечески. Не беспокойтесь, оставьте ее мне.

— Хорошо, — сказал я. — Я вернусь и заберу ее около шести.

Маркус Кент был рад мне. Он сообщил, что я превзошел его самые фантастические ожидания.

— Вы должны обладать конституцией слона, — сказал он, — чтобы так скоро окрепнуть. Ну конечно, прекрасный деревенский воздух, ранний сон, отсутствие волнений — это помогает.

— Я согласен с вами по двум первым пунктам, — сказал я. — Но не думайте, что в деревне отсутствуют волнения. Мне таки пришлось поволноваться.

— А что случилось?

— Убийство, — сообщил я.

Маркус Кент поджал губы и присвистнул.

— Какая-то буколическая любовная драма? Деревенский парень убил подружку?

— Ничуть. Хитрейшее убийство, совершенное сумасшедшим.

— А я ничего не читал об этом! Когда его поймали?

— Его не поймали, и потом, это — женщина.

— Фью! Я не уверен, что этот Лимсток — подходящее для вас место, старина.

Я сказал твердо:

— Очень подходящее. И не пытайтесь заставить меня уехать оттуда.

Маркус Кент обладал вульгарным умом. Он тут же спросил:

— Вот оно что! Обнаружили блондинку?

— Ни в коем случае, — сказал я, виновато подумав об Элси Холланд. — Просто сильный интерес к психологии преступления.

— О, хорошо. Это не может причинить вам особого вреда, но только если есть уверенность, что этот сумасшедший убийца не доберется до *вас*.

— Об этом не тревожьтесь, — сказал я.

— Как насчет того, чтобы пообедать вместе? Вы могли бы рассказать мне об этом отвратительном убийстве.

— Извините. Я уже договорился.

— Свидание с леди… а? Да, вы определенно поправляетесь.

— Думаю, это можно и так назвать, — сказал я, с некоторым удовольствием представив Меган в роли леди.

Я приехал в «Миротин» в шесть, когда это учреждение официально уже было закрыто. Мэри Грэй вышла из примерочной и стояла на верхней ступеньке рядом с дверью, встречая меня.

Она приложила палец к губам.

— Вы будете потрясены! Если мне позволено похвастать — скажу, что пришлось здорово поработать.

Я вошел в большую примерочную. Меган стояла, оглядывая себя в высоком зеркале. Я могу

поклясться, что с трудом узнал ее! На мгновение я просто задохнулся. Высокая и изящная, как ива, со стройными ножками, просвечивающими сквозь шелковые чулки, в сильно открытых туфельках… Да, прелестнейшие руки и ноги, хрупкое сложение… достоинство и оригинальность в каждой черте. Ее волосы были подстрижены и уложены, и они блестели, как глянцевитый каштан. Она не была подкрашена, или же косметику наложили столь тонко, что ее было не заметить. Губы Меган не нуждались в помаде.

Кроме того, в девушке появилось нечто новое, чего я никогда прежде не замечал, — какая-то невинная гордость в изгибе шеи… Она взглянула на меня серьезно, со слабой, застенчивой улыбкой.

— Я выгляжу… в общем, неплохо, а? — сказала Меган.

— Неплохо? — возразил я. — Неплохо — это не то слово. Идемте ужинать, и если каждый второй мужчина не обернется, чтобы взглянуть на вас, я буду удивлен. Вы всех девушек заткнете за пояс.

Меган не была красавицей, но она была необыкновенной и поражала. В ней была индивидуальность. Она вошла в ресторан впереди меня, и я волновался и ощущал идиотскую гор-

дость человека, обладающего чем-то совершенно необычным.

Сначала мы выпили по коктейлю, и мы не спешили с этим. Потом мы ужинали. А потом мы танцевали. Меган очень хотела танцевать, и я не мог обмануть ее ожидания, но, по тем или иным причинам, я не думал, что она танцует хорошо. Но она танцевала очень хорошо. В моих руках она была легкой, как перышко, и ее тело и ноги безупречно следовали за ритмом музыки.

— Черт побери! — воскликнул я. — Вы умеете танцевать!

Она казалась немного удивленной.

— Ну конечно умею. У нас в школе каждую неделю был урок танцев.

— Это не то, чему могут научить на уроке танцев, — возразил я.

Мы вернулись к нашему столику.

— Правда, здесь кормят чудесно? — сказала Меган. — Здесь все чудесно!

В ее взгляде светился восторг.

— Именно это я и чувствую, — сказал я.

Это был бредовый вечер. Я продолжал безумствовать. Меган вернула меня на землю, спросив с сомнением:

— А мы не должны уже ехать домой?

Моя челюсть отвалилась. Да, определенно, я сошел с ума. Я забыл обо всем! Я очутился в мире, далеком от реальности, я наслаждался творением своих рук.

— Боже мой! — воскликнул я.

Я обнаружил, что последний поезд уже ушел.

— Подождите здесь, — сказал я. — Мне нужно позвонить.

Я позвонил в «Левеллин Хай» и заказал самый большой и самый быстрый автомобиль — и чтобы пришел как можно скорее.

Я вернулся к Меган.

— Последний поезд уже ушел, — сказал я. — Поэтому мы поедем домой на машине.

— На машине? Какая прелесть!

«Какое милое дитя! — подумал я. — Так благодарна за все, так ненавязчива и принимает все мои предложения без суеты и беспокойства».

Автомобиль прибыл, и он был большим и быстрым, но тем не менее было уже очень-очень поздно, когда мы приехали в Лимсток.

Ощутив внезапный укол совести, я сказал:

— За вами, наверное, уже выслали поисковые партии!

Но Меган пребывала в благодушном настроении.

— Ну нет, не думаю, — сказала она небрежно. — Я часто ухожу и не возвращаюсь домой к обеду.

— Да, мое милое дитя, но вы не были и за чаем, и за ужином тоже.

Но, похоже, взошла счастливая звезда Меган. Дом был темным и тихим. По совету Меган мы обошли дом вокруг и бросили камешек в окно Розы.

Как и следовало ожидать, Роза выглянула и с тихими восклицаниями, вся трепеща, вышла встретить нас.

— Ну, наконец-то, а я сказала, что вы уже давно спите. Хозяин и мисс Холланд (легкое фырканье после имени «мисс Холланд») рано поужинали и отправились на прогулку. Я сказала: я присмотрю за мальчиками. Мне показалось, я слышала, как вы вернулись, когда я была в детской и пыталась утихомирить Колина — он уж очень разыгрался, — но вас не было, когда я вышла оттуда, и я подумала, что вы легли спать. И так я и сказала, когда хозяин вернулся и спросил про вас.

Я прервал беседу замечанием, что Меган лучше войти в дом.

— Спокойной ночи, — сказала Меган. — И *ужасное* вам спасибо. Это был самый прекрасный день в моей жизни.

Я поехал домой, все еще пребывая в несколько легкомысленном настроении, отвалил шоферу изрядные чаевые и предложил переночевать у нас, если он захочет. Но он предпочел уехать обратно во тьму.

Парадная дверь приоткрылась, пока мы с ним совещались, и как только он отъехал, дверь распахнулась настежь и Джоанна сказала:

— Вот и ты наконец-то, а?

— Ты обо мне беспокоилась? — спросил я, входя и закрывая двери.

Джоанна прошла в гостиную, и я проследовал за ней. На спиртовке стояла кофеварка, и Джоанна собственноручно приготовила кофе, пока я угощался виски с содовой.

— Беспокоилась о тебе? Нет… конечно, нет. Я думала, ты решил остаться в городе и устроить кутеж.

— Я и устроил кутеж… или что-то в этом роде.

Я усмехнулся, а потом расхохотался. Джоанна поинтересовалась, над чем это я смеюсь, и я рассказал ей все.

— Но, Джерри, ты, должно быть, сошел с ума, совершенно сошел с ума!

— Похоже, да.

— Но, дорогой мальчик, нельзя делать по-

добные вещи — во всяком случае, в подобных городишках. Завтра же об этом будет знать весь Лимсток!

— Наверное, так. Но, в конце концов, Меган всего лишь ребенок.

— Она не ребенок. Ей двадцать. Ты не можешь возить двадцатилетнюю девушку в Лондон и покупать ей одежду без того, чтобы не разразился жуткий скандал. Ради бога, Джерри, тебе, кажется, придется на ней жениться!

Джоанна наполовину смеялась, наполовину была серьезна. И именно в этот момент я сделал очень важное открытие.

— Черт побери все, — сказал я. — Я не я буду, если я этого не сделаю… Точно, я был бы рад!

На лице Джоанны появилось забавное выражение. Она встала и сказала сухо, направляясь к двери:

— Да, я всегда знала, что когда-нибудь…

Она оставила меня — со стаканом в руке, — ошеломленного открытием.

Я не знаю, как обычно чувствует себя мужчина, вознамерившийся сделать предложение руки и сердца. В романах его горло пересыхает, воротничок его душит, и он пребывает в жалком состоянии от сильного волнения. Я ничего по-

добного не ощущал. Обнаружив неплохую идею, я лишь хотел реализовать ее как можно скорее. Я не видел какой-то особой нужды в том, чтобы смущаться и беспокоиться.

Я прибыл в дом Симмингтонов около одиннадцати. Я позвонил и, когда Роза открыла дверь, спросил мисс Меган. И лишь понимающий взгляд Розы заставил меня впервые слегка оробеть.

Роза проводила меня в маленькую дневную гостиную, и, ожидая там, я в тревожном волнении понадеялся, что Меган не слишком тут досталось.

Когда дверь открылась и я обернулся, я мгновенно почувствовал облегчение. Меган совершенно не выглядела испуганной или расстроенной. Ее головка все так же напоминала блестящий каштан, и над ней витал дух гордости и достоинства, которым она обзавелась вчера. На Меган снова была старая одежда, но она ухитрилась заставить это барахло выглядеть совсем иначе. Просто потрясающе, что делает с девушками сознание собственной привлекательности. Я вдруг обнаружил, что Меган повзрослела.

Полагаю, мне следовало и в самом деле чуть поволноваться, тогда я не начал бы разговор со слов: «Привет, зубастый карась!» При любых

обстоятельствах это с трудом сошло бы за приветствие влюбленного.

Похоже, это устроило Меган. Она усмехнулась и сказала:

— Привет!

— Послушайте, — сказал я, — надеюсь, вы не получили нагоняй за вчерашнее?

Меган заявила самоуверенно:

— О *нет!* — Потом поморгала и добавила неопределенно: — Впрочем, полагаю, что получила. Я имею в виду, они много чего говорили, и, кажется, они думают, что все это очень странно, — но вы же знаете, каковы люди и как они суетятся по-пустому.

— Я пришел с утра, — сказал я, — потому что я хочу сделать предложение. Видите ли, вы мне невероятно нравитесь, и я думаю, я вам тоже нравлюсь…

— Ужасно! — сказала Меган с восторгом.

— И нам жутко хорошо вместе, так что, я думаю, было бы неплохо, если бы мы поженились.

— Ох, — сказала Меган.

Она выглядела удивленной. Только и всего. Не испуганной. Не потрясенной. Всего лишь слегка удивленной.

— Вы имеете в виду… Вы действительно хотите

жениться на мне? — спросила она таким тоном, каким спрашивают, желая окончательно прояснить вопрос.

— Больше всего на свете, — ответил я, и я именно это и имел в виду.

— Вы хотите сказать, что вы меня любите?

— Я вас люблю.

Ее глаза смотрели на меня спокойно и серьезно. Она сказала:

— Я думаю, вы самый замечательный человек в мире. Но я вас не люблю.

— Я вас заставлю полюбить меня.

— Не пойдет. Я не хочу, чтобы меня *заставляли.* — Она помолчала и добавила серьезно: — Я не гожусь вам в жены. Я умею ненавидеть, а не любить. — Она произнесла это с каким-то напряжением.

Я сказал:

— Ненависть долго не живет, а вот любовь — да.

— Так ли это?

— Я в это верю.

Снова наступило молчание, потом я сказал:

— Значит, нет?

— Именно — нет.

— И вы не позволяете мне надеяться?

— Какой смысл позволять?

— Никакого, наверное, — согласился я. — К тому же совершенно излишне — потому что я все равно буду надеяться, позволите вы или нет.

Да, такие вот дела.

Я отправился восвояси, слегка ошеломленный, а пристальный взгляд Розы преследовал меня.

Роза очень многое успела сказать, прежде чем я сбежал. Что она ничего подобного не чувствовала с того ужасного дня! Что она бы здесь ни за что не осталась, если бы не дети и если бы не было так жаль бедного мистера Симмингтона. Что она тут не останется, если не найдут быстро другую горничную, — да не похоже, чтобы им это удалось, ведь в доме произошло убийство! Что, конечно, мисс Холланд настолько добра, что обещала помогать в домашней работе тем временем. О да, она очень добра и услужлива, но ведь это потому, что надеется в один прекрасный день стать хозяйкой дома! Мистер Симмингтон, бедняга, совершенно ничего не замечает, но каждому ясно, что вдовец, бедное беспомощное создание, может стать жертвой злонамеренной женщины. А мисс Холланд уж очень старается надеть башмаки покойной хозяйки!

Хотел бы я знать, была ли хоть капля правды

в том, что она говорила. В самом ли деле Элси Холланд предполагает, что это возможно — стать второй миссис Симмингтон? Или она просто порядочная девушка и старается изо всех сил, присматривая за обездоленным хозяином дома?

В любом случае результат мог быть неплохим. Почему бы и нет? Маленькие сыновья Симмингтона нуждаются в матери — а Элси очень приличная девушка… если исключить то, что она до неприличия красива — пункт, который оценит любой мужчина, даже такая фаршированная рыба, как Симмингтон!

Я думал обо всем этом, наверное, потому, что хотел выбросить из головы мысли о Меган.

Можно предположить, что я отправился просить Меган выйти за меня замуж, пребывая в нелепо самодовольном настроении, и что я получил по заслугам, — но это не совсем так. Я пошел потому, что чувствовал уверенность, был убежден в том, что Меган принадлежит мне, что мое главное дело — присматривать за ней, и сделать ее счастливой, и уберегать ее от опасности, и что это единственно верный путь для меня; и потому, что я надеялся — она тоже чувствует, что мы с ней принадлежим друг другу.

Но я не сдался. О нет! Меган была моей женщи-

ной, и я намеревался заполучить ее.

После минутного раздумья я отправился в контору Симмингтона. Осуждение ее поступка могло ничего не значить для Меган, однако я предпочел бы расставить все по своим местам.

Симмингтон был свободен; обо мне доложили; меня проводили в кабинет.

По сжатым губам и особой сдержанности манер я понял, что мне сейчас не слишком-то рады.

— Доброе утро, — сказал я. — Боюсь, мой визит — совершенно личный, а не по какому-то официальному поводу. Я изложу кратко. Осмелюсь предположить, вы догадываетесь, что я люблю Меган. Я просил ее выйти за меня замуж, а она отказалась. Но не скажу, чтобы на этом дело и кончилось.

Я увидел, как изменилось выражение лица Симмингтона, и до смешного легко прочел его мысли. Меган дисгармонировала с его домом. Симмингтон был — я в этом уверен — вполне добрым человеком, и у него никогда не возникало мысли отказать в доме дочери его покойной жены. Но, выйди она за меня замуж, он бы испытал немалое облегчение. Мороженая камбала оттаяла. Симмингтон одарил меня бледной, осторожной улыбкой.

— Если откровенно, Бартон, я не думал ни о чем подобном. Я знаю, вы проявили к ней немалое внимание, но мы как-то привыкли считать ее ребенком.

— Она не ребенок, — коротко сказал я.

— Нет-нет, я не о годах.

— Она может пребывать в том возрасте, в каком ей вздумается быть, — сказал я, слегка рассердившись. — Она несовершеннолетняя, я знаю, но станет совершеннолетней через месяц или два. Я позволил себе сообщить вам о своих намерениях. Я состоятелен и веду вполне благопристойную жизнь. Я буду о ней заботиться и сделаю все для ее счастья.

— Конечно… конечно. Однако она вам отказала.

— Она передумает со временем, — сказал я. — И именно поэтому я подумал, что лучше с вами поговорить об этом.

Он сообщил, что оценил мой поступок, и мы расстались вполне дружески.

Выйдя, я налетел на мисс Эмили Бэртон. В ее руках была корзинка для покупок.

— Доброе утро, мистер Бартон, я слышала, вы вчера были в Лондоне.

Да, она уже все слышала. Ее глаза, подумал я,

были очень добрыми, но в то же время полны любопытства.

— Я ездил повидать своего доктора, — сказал я.

Мисс Эмили улыбнулась. Но эта улыбка мало что общего имела с улыбкой Маркуса Кента. Она пробормотала:

— Я слышала, Меган чуть не попала под поезд. Она прыгнула в вагон, когда поезд уже тронулся.

— С моей помощью, — пояснил я. — Это я затащил ее внутрь.

— Как вам повезло! Ведь вполне мог произойти несчастный случай.

Просто потрясающе, в какое дурацкое положение может поставить мужчину кроткая, любопытная старая дева!

Я был спасен от дальнейшей пытки яростной атакой миссис Дан-Кэлтроп. При ней тоже шла на буксире бесцветная старая дева, а сама миссис была переполнена руководящими советами.

— Доброе утро, — сказала она. — Я слышала, вы купили Меган какую-то приличную одежду? Весьма разумно с вашей стороны. Это характеризует вас как человека, думающего о чем-то действительно полезном. Я давно уже тревожусь об этой девочке. Девушки с мозгами так склонны к идиотизму, не правда ли?

С этим потрясающим утверждением она нырнула в рыбную лавку.

Мисс Марпл, оставшаяся со мной, сказала, насмешливо поблескивая глазами:

— Миссис Дан-Кэлтроп весьма замечательная женщина, не так ли? Она почти всегда права.

— Из-за этого ее боятся, — заметил я.

— Искренность всегда имеет такой эффект, — сказала мисс Марпл.

Миссис Дан-Кэлтроп вынырнула из рыбной лавки и присоединилась к нам. В руках она держала огромного красного омара.

— Вы когда-нибудь видели что-либо, столь несходное с мистером Паем? — спросила она. — Весьма мужествен и красив.

Я немножко нервничал перед встречей с Джоанной, но, придя домой, обнаружил, что тревожиться не стоило. Джоанны не было дома, и она не вернулась к обеду. Это весьма разобидело Патридж; подавая на стол филейную вырезку — главный козырь обеда, — она сказала кисло:

— Мисс Бартон уверяла, что *будет* к обеду.

Я съел обе порции, пытаясь тем искупить ошибку Джоанны. И все-таки я хотел бы знать, где моя сестра. С недавних пор она вела себя очень загадочно.

Было половина четвертого, когда Джоанна ворвалась в гостиную. Я слышал, как у дома остановился автомобиль, и был уже готов увидеть Гриффитса, но машина отъехала, и Джоанна вошла одна.

Лицо ее было очень красным, и она выглядела расстроенной. Я понял — что-то случилось.

— В чем дело? — спросил я.

Джоанна открыла рот, снова его закрыла, вздохнула, свалилась в кресло и уставилась перед собой.

Потом сказала:

— У меня был совершенно жуткий день.

— Что случилось?

— Я занималась невероятными вещами. Это было ужасно…

— Но что…

— Я всего лишь вышла погулять, просто погулять… Я пошла на другую сторону холма, на вересковую пустошь. Я прошла несколько миль… мне так кажется. Потом я провалилась в яму. Там неподалеку ферма… такое, знаешь, забытое богом местечко. Я хотела пить и решила узнать, нет ли у них молока или еще чего-нибудь. Поэтому я вошла во двор, и вдруг дверь открылась и появился Оуэн.

— Ну?..

— Он думал, что это районная медсестра. Там женщина рожала ребеночка. Он ждал медсестру, и еще он ей просил передать, чтобы она привела второго врача. Там… там дела шли очень плохо.

— Ну?..

— И он сказал *мне:* «Заходите, поможете. Лучше, чем никого». Я сказала, что не могу, а он спросил: что я имею в виду? Я сказала, что никогда ничего подобного не делала, что ничего не знаю… Тогда он поинтересовался, какого же черта мне тут нужно. И потом — он был *ужасен*. Он наорал на меня. Он сказал: «Вы женщина, да? Я полагаю, вы можете постараться, чтобы помочь другой женщине». И еще он говорил, что я врала ему, что меня интересует медицина и что я хотела быть медицинской сестрой… «Одна болтовня, похоже! Вы ничего этого не имели в виду, а здесь все происходит *на деле*, и вы должны поступить как порядочный человек, а не как бессмысленная игрушка для кретинов!..» И я делала совершенно невозможные вещи, Джерри. Держала инструменты, и кипятила их, и подавала ему разные штуки. Но он спас ее и маленького. Оуэн какое-то время думал, что не сможет его спасти. О боже!.. — Джоанна спрятала лицо в ладонях.

Я созерцал ее с немалым удовольствием и мысленно снимал шляпу перед Оуэном Гриффитсом. Он сумел сунуть Джоанну носом в реальность.

Я сказал:

— Там, в холле, письмо для тебя. От Пауля, я думаю.

— А?

Она помолчала с минуту, потом сказала:

— Я же понятия не имела, Джерри, *чем* доктора занимаются. Ну и нервы у них должны быть!

Я сходил в холл и принес Джоанне письмо. Она вскрыла его, глянула небрежно на текст и отложила.

— Он был… в самом деле… просто прекрасен! Это дело, которое он выбрал… в этом деле его никто не превзойдет! Он был груб и ужасен *со мной* — но он был прекрасен!

Я с удовольствием отметил пренебрежение к письму. Очевидно, Джоанна излечилась от Пауля.

Все всегда происходит неожиданно.

Я был поглощен делами Джоанны и своими собственными и весьма смутился на следующее утро, когда в телефонной трубке раздался голос Нэша:

– *Мы поймали ее*, мистер Бартон!

Я был так поражен, что чуть не выронил трубку.

— Вы хотите сказать…

Он перебил:

— Вас там не могут подслушать?

— Нет, думаю, нет… Ну, может быть…

Мне показалось, что тяжелая кухонная дверь чуть качнулась, приоткрываясь.

— Может быть, вы бы лучше приехали в участок?

— Да. Я сейчас буду.

Я появился в полицейском участке, по-моему, уже в следующее мгновение. Во внутреннем помещении сидели Нэш и сержант Паркинс. Нэш лучился улыбкой.

— Это была долгая погоня, — сказал он. — Но она подошла к концу.

Он перебросил через стол письмо. В этот раз оно целиком было отпечатано на машинке. Было оно — для писем такого рода — довольно мягким.

«Бесполезно надеяться, что вам удастся надеть башмаки усопшей. Весь город смеется над вами. Уезжайте немедленно. Потом может оказаться слишком поздно. Это предупреждение. Помните, что случилось с той, другой девушкой. Уезжайте и не возвращайтесь…»

Заканчивалось письмо несколькими сдержанными ругательствами.

— Оно пришло утром мисс Холланд, — сказал Нэш.

— Забавно думать, что до сих пор она ни одного не получила, — сказал сержант Паркинс.

— Кто его написал? — спросил я.

Восторг поблек на лице Нэша. Лейтенант вдруг стал выглядеть усталым и озабоченным.

Он сказал спокойно:

— Мне очень жаль, потому что это будет тяжелым ударом для порядочного человека. Возможно, правда, что он уже сам кое-что подозревает.

— Кто его написал? — повторил я.

— Мисс Айми Гриффитс.

Нэш и Паркинс, с ордером, днем отправились в дом Гриффитса.

По приглашению Нэша я пошел с ними.

— Доктор, — сказал Нэш, — очень вас любит. У него здесь немного друзей. Я думаю, что если это для вас не слишком мучительно, то вы могли бы помочь ему справиться с потрясением.

Я сказал, что пойду. Не то чтобы мне нравилось это поручение, но я думал, что смогу быть полезным.

Мы позвонили у двери, спросили мисс Гриф-

фитс, и нас провели в гостиную. Там были Элси Холланд, Меган и Симмингтон — они пили чай.

Нэш повел себя весьма осмотрительно. Он спросил у Айми, не может ли сказать ей несколько слов наедине.

Она встала и подошла к нам. Мне кажется, я заметил слабый отсвет озабоченности в ее глазах. Но если это и так, все тут же исчезло. Она была совершенно спокойна и радушна.

— Что-то хотите мне сказать? Надеюсь, речь не пойдет о нарушениях правил дорожного движения моими скаутами?

Она провела нас из гостиной — через холл — в маленький кабинет.

Когда я закрывал за собой дверь гостиной, я заметил, как резко дернулась голова Симмингтона. Я предположил, что его юридическая практика не раз заставляла его сталкиваться с полицейскими делами и он что-то заметил в поведении Нэша. Он привстал.

Но это и все, что я заметил до того, как дверь захлопнулась и я отправился следом за всеми. Нэш изложил дело. Он был очень спокоен и корректен. Он сообщил, что вынужден просить Айми пойти с ним. Он предъявил ордер на арест и прочел вслух предписание. Я сейчас не помню

точную юридическую формулировку. Речь пока шла о письмах, а не об убийстве.

Айми Гриффитс вскинула голову и разразилась лающим хохотом:

— Что за смехотворная чушь! Чтобы я написала пачку неприличных гадостей вроде тех! Вы, должно быть, сошли с ума. Я не писала ни слова такого сорта!

Нэш достал письмо, адресованное Элси Холланд. Он спросил:

— Мисс Гриффитс, вы отрицаете, что написали вот это?

Если она и заколебалась, то лишь на долю секунды.

— Разумеется, отрицаю. Я это в первый раз вижу.

Нэш сказал тихо:

— Я должен сообщить вам, мисс Гриффитс, что вас видели печатающей это письмо на машинке в Женском институте между одиннадцатью и половиной двенадцатого позавчера вечером. Вчера вы зашли на почту с пачкой писем в руках….

– *Этого* я не отправляла.

— Да, *вы* не отправляли. Пока на ваши письма ставили штемпеля, вы незаметно уронили это письмо на пол, чтобы кто-нибудь, ничего не по-

дозревая, нашел его и отправил.

— Я не…

Дверь открылась, и вошел Симмингтон. Он резко сказал:

— Что здесь происходит? Айми, если здесь что-то дурное, вы должны иметь юридического представителя. Если вы доверяете мне…

Тогда она сломалась. Закрыла лицо руками и упала на стул. И воскликнула:

— Уйдите, Дик, уйдите! Только не вы! Только *не вы*!

— Вам нужен адвокат, дорогая девочка.

— Не вы!.. Я… мне этого не вынести.

Он что-то понял, похоже. И тихо сказал:

— Я приглашу Мидмэя из Эксамптона. Подойдет?

Она кивнула. Теперь она всхлипывала.

Симмингтон вышел из комнаты. В дверях он столкнулся с Оуэном Гриффитсом.

— Что такое? — стремительно спросил Оуэн. — Моя сестра…

— Мне жаль, доктор Гриффитс. Очень жаль. Но у нас нет альтернативы.

— Вы думаете, она… она ответственна за эти письма?

— Боюсь, в этом нет сомнений, сэр, — сказал

Нэш. Он повернулся к Айми: — Простите, вы должны сейчас пойти с нами, мисс Гриффитс. У вас будут все возможности для встречи с адвокатом, вы знаете.

Оуэн вскрикнул:

— Айми?!

Айми отстранила его, не взглянув в его сторону. Она сказала:

— Не говори со мной. Не говори ничего. И ради всего святого, *не смотри* на меня!

Они вышли. Оуэн стоял, словно заснув. Я подождал немного, потом подошел к нему.

— Если я могу быть чем-то полезен, Гриффитс, скажите.

Он произнес словно во сне:

— Айми? Я в это не верю.

— Это может быть ошибкой, — неуверенно предположил я.

Он медленно сказал:

— Она никогда бы не могла написать *такие* письма. И вообще я в это не верю. Я *не могу* в это поверить.

Он тяжело опустился на стул Я постарался быть полезным, найдя порцию крепкой выпивки и принеся ему. Он проглотил напиток, и ему, кажется, полегчало.

Он сказал:

— Я поначалу никак не мог взять этого в толк. Теперь все в порядке. Спасибо, Бартон, но вы ничего не можете сделать. *Никто* ничего не может сделать.

Открылась дверь, и вошла Джоанна. Она была очень бледна. Джоанна подошла к Оуэну и взглянула на меня.

Она сказала:

— Уйди, Джерри. Это мое дело.

Выходя за дверь, я увидел, как она опустилась на колени возле его стула.

Глава 8

Я не в состоянии связно изложить события последующих двадцати четырех часов. Какие-то детали всплывают в памяти вне всякой связи с остальными.

Я помню, как Джоанна вернулась домой, очень бледная и измотанная, и как я попытался подбодрить ее, спросив:

— Чей ты теперь ангел-хранитель?

И как она улыбнулась жалкой, кривой улыбкой:

— Он говорит, что я ему не нужна, Джерри. Он *очень* гордый и холодный!

И я сказал:

— Моя девушка говорит мне то же…

Мы сидели молча какое-то время, и наконец Джоанна произнесла:

— В семье Бартонов нынче никто не нуждается!

Я сказал:

— Не обращай внимания, милая, у нас есть мы сами.

А Джоанна откликнулась:

— Так или иначе, Джерри, сейчас меня это не

слишком утешает…

Оуэн явился на следующий день и принялся грубо льстить Джоанне. Она так прекрасна, изумительна! Как она пришла к нему, как она сказала, что согласна выйти за него замуж — если, конечно, он этого хочет! Но он не может этого допустить. Нет, она слишком хороша, слишком очаровательна, чтобы оказаться втянутой во всю ту мерзость, которая начнется, как только газеты доберутся до этих новостей.

Я любил Джоанну и знал, что она принадлежит к тому типу людей, которые прекрасно справляются с трудностями, но мне наскучило все это напыщенное суесловие. Я несколько раздраженно посоветовал Оуэну не быть черт знает каким великодушным.

Я отправился на Верхнюю улицу и обнаружил, что все языки болтают без передышки. Эмили Бэртон утверждала, что она никогда всерьез не доверяла Айми Гриффитс. Жена бакалейщика со смаком объясняла — она всегда замечала, что у мисс Гриффитс странный взгляд…

Следствие по делу Айми было закончено, как я узнал от Нэша. При обыске в доме были обнаружены изрезанные страницы из книги Эмили Бэртон — в кладовке под лестницей, запрятанные

в рулон старых обоев.

— Очень хорошее место, — уважительно сказал Нэш. — Вы не можете угадать, когда любопытствующая прислуга сунет нос в письменный стол или запертый ящик, а эта кладовка для хлама набита прошлогодними теннисными мячами и старыми обоями, и открывают ее только для того, чтобы запихнуть туда еще что-нибудь.

— Даме, похоже, очень понравился этот тайник, — сказал я.

— Да. Преступное воображение редко бывает богатым. Кстати, вспомним о погибшей девушке: мы обнаружили один факт в дополнение того дела. В лаборатории доктора мы нашли большой тяжелый пестик. Могу держать пари на что угодно, именно им девушку и оглушили.

— Довольно неудобная вещь, чтобы носить ее с собой, — заметил я.

— Не для мисс Гриффитс. Она в тот день ходила к скаутам, но по дороге собиралась занести цветы и овощи в ларек на Ред-Кросс, так что при ней была чудовищно огромная корзина.

— Вы не нашли вертел?

— Нет, и не надеюсь. Она, может быть, и безумна, но не настолько, чтобы держать окровавленный вертел в доступном для нас месте, когда все,

что и нужно-то было сделать, — это помыть его и вернуть в кухонный ящик.

— Полагаю, — допустил я, — вы не можете отыскать абсолютно все.

В дом викария новости доходили в последнюю очередь. Старая мисс Марпл была очень огорчена всем этим. Она весьма горячо говорила со мной:

— Это *неверно*, мистер Бартон! Я убеждена, что это неверно.

— Боюсь, это достаточно верно. Они, знаете ли, устроили там засаду. Ее *видели*, когда она печатала это письмо.

— Да-да, возможно, это она сделала. Да, *это* я понимаю.

— И те книжные страницы, из которых составлялись письма, тоже найдены — там, где она их спрятала, в ее доме.

Мисс Марпл уставилась на меня. Потом очень тихо сказала:

— Но это ужасно… воистину *безнравственно*.

К нам стремительно подошла миссис Дан-Кэлтроп и поинтересовалась:

— В чем дело, Джейн?

Мисс Марпл ответила:

– *Что-то* там должно быть. Но я такая старая и невежественная и, боюсь, слишком глупа…

Я был изрядно смущен и обрадовался, когда миссис Дан-Кэлтроп увела свою подругу.

Тем не менее я снова встретился с мисс Марпл в тот день. Гораздо позже, когда уже шел домой.

Она стояла у мостика, неподалеку от дома миссис Клит, и разговаривала с Меган.

Я хотел увидеть Меган. Я весь день мучился желанием увидеть ее и ускорил шаг. Но пока я спешил к ним, Меган круто повернулась и пошла в противоположном направлении.

Это рассердило меня, и я хотел догнать ее, но мисс Марпл загородила мне дорогу.

— Я хочу поговорить с вами, — сказала она. — Нет, не ходите сейчас за Меган. Это было бы неразумно.

Я уже готов был очень резко возразить, но мисс Марпл обезоружила меня, сказав:

— Эта девушка очень смелая… необычайно смелая.

Я еще рвался пойти за Меган, но мисс Марпл сказала:

— Не пытайтесь повидаться с ней сейчас. Я знаю, что говорю. Ей сейчас нужно сохранить свою храбрость.

В утверждении старой девы было нечто, бросившее меня в озноб. Казалось, она знает что-то

такое, о чем я и не догадываюсь.

Я был испуган, но почему — не знал.

Я не пошел домой.

Я вернулся на Верхнюю улицу и принялся бесцельно прогуливаться туда-сюда. Я не знаю, чего я ждал, о чем я думал…

Меня остановил ужасный старый зануда полковник Эплибай. Он, как обычно, осведомился о моей очаровательной сестре, а потом сказал:

— Как насчет того, что сестрица Гриффитса оказалась совсем чокнутой? Говорят, это она писала те анонимки, из-за которых чуть ли не у каждого была масса неприятностей. Невозможно даже и поверить, но, говорят, это чистая правда.

Я сказал, что это, в общем, верно.

— Ну-ну… Должен сказать, наша полиция немало сил потратила на все это. Дайте им время, только и всего, дайте им время. Забавное дело — этот фокус с анонимками… эти высушенные старые леди всегда такими вещами интересуются. Хотя мисс Гриффитс была бы неплоха, будь ее зубы немного покороче. Но в наших краях нет прилично выглядящих женщин… кроме этой девочки, гувернантки Симмингтонов. На нее стоит посмотреть. Приятная девушка и всегда так признательна, если для нее сделают хоть

какую мелочь… Я как-то недавно проезжал мимо, когда она выводила детей на пикник или что-то в этом роде. Мальчики шалили в вереске, а она вязала и пожаловалась, что — вот досада! — у нее кончилась шерсть. Я говорю: «Ну, позвольте, я вас отвезу в Лимсток? Я все равно хотел купить себе удочку. На это и понадобится-то всего десять минут, и я тут же привезу вас обратно». Она сомневалась: «Как же оставить мальчиков?» Я говорю: «Кто их обидит? Почему бы и не оставить их одних, нечего опасаться!» В общем, я ее отвез, подбросил к лавке, привез назад, только и всего! Уж как она меня благодарила! Признательна и все такое. Милая девушка!

Я сумел наконец сбежать от него.

И как раз после этого я увидел мисс Марпл в третий раз. Она выходила из полицейского участка.

Откуда приходят к людям страхи? Где они формируются? Где они прячутся, прежде чем напасть?

Только одна короткая фраза, услышанная и замеченная, но оставленная без внимания: «Заберите меня отсюда… здесь так страшно… чувствую такую злость…»

Почему Меган сказала это? Что заставило ее злиться?

В смерти миссис Симмингтон не могло быть ничего такого, что заставило бы Меган чувствовать злобу.

Почему ребенок ощутил это? Почему? Почему?

Может быть, потому, что она боялась какой-то ответственности?

Меган? Невозможно. Меган не может иметь никакого отношения к тем письмам — к тем грязным, непристойным письмам.

Оуэн Гриффитс знал случай на севере — школьница…

Что говорил инспектор Грэйвс?

Что-то насчет *инфантильного сознания…*

Невинные леди средних лет на операционных столах бормочут слова, которые они едва ли могут знать. Маленькие мальчики мелом пишут на стенах непристойности.

Нет-нет, только не *Меган*.

Наследственность? Дурная кровь? Бессознательное проявление какой-то фамильной ненормальности? Ее несчастье, но не вина; проклятие, наложенное на нее предыдущим поколением?

«Я не гожусь вам в жены. Я умею ненавидеть, а не любить».

О, моя Меган, мое маленькое дитя. Только не *это*! Что угодно, кроме этого. Да еще эта старая

дева… она подозрительна. Она сказала — у девочки есть смелость. Смелость совершить… *что?*

Это была всего лишь мозговая горячка. Она прошла. Но я хотел видеть Меган. Я ужасно хотел ее видеть.

В половине десятого этим вечером я вышел из дома и пошел в городок — прямиком к дому Симмингтона.

Именно тогда *новая* мысль полностью завладела моим сознанием. Мысль о женщине, которую никто ни на мгновение не принял во внимание. (Или Нэш учитывал и ее?)

До дикости неправдоподобно, до дикости невероятно, и до сегодняшнего дня я бы тоже сказал — невозможно. Но это не так. Нельзя сказать — *невозможно*.

Я прибавил шаг. Потому что стало просто необходимо увидеть Меган немедленно.

Я вошел в калитку Симмингтонов и приблизился к дому. Ночь была темной, небо затянули облака. Начал накрапывать дождик. Ничего не было видно вокруг.

Я заметил полоску света в одном из окон. Маленькая гостиная?

Поколебавшись мгновение-другое, я, вместо того чтобы подойти к парадной двери, повернул

и очень тихо подкрался к окну, скрывшись за большим кустом и пригнувшись.

Свет пробивался сквозь неплотно задернутые портьеры. Нетрудно было заглянуть внутрь через щель.

Сцена была удивительно мирной и домашней. Симмингтон в большом кресле; Элси Холланд, склонившая голову, трудолюбиво латающая разорванную мальчишечью рубашку.

Мне было так же хорошо слышно, как и видно, поскольку верхняя часть окна была открыта.

Элси Холланд говорила:

— Я действительно думаю, мистер Симмингтон, что мальчики достаточно большие для школы с пансионом. Но мне ненавистна даже мысль, чтобы расстаться с ними. Я так люблю их обоих.

Симмингтон сказал:

— Я думаю, относительно Брайана вы, возможно, и правы, мисс Холланд. Я решил, что в следующем семестре он начнет учиться в Уинхэйзе — это моя старая приготовительная школа. Но Колин еще слишком мал. С ним я бы предпочел подождать до будущего года.

— Да, конечно, я понимаю, что вы имеете в виду. И Колин, возможно, несколько отстает…

Такой домашний разговор… такая домашняя

сцена… и золотая головка, склонившаяся над шитьем.

Открылась дверь, и вошла Меган.

Она очень прямо стояла в дверном проеме, и я мгновенно осознал, что она как-то напряжена и взвинчена. Кожа на ее лице была сухой и натянутой, а глаза сверкали решимостью. Этим вечером в ней не было ни робости, ни детства.

Она заговорила, обращаясь к Симмингтону, но никак его не называя (и я вдруг сообразил, что никогда не слышал, чтобы она как-то его называла. Был ли он для нее отцом, или Диком, или кем-то еще?):

— Я бы хотела поговорить с вами, пожалуйста. Наедине.

Симмингтон выглядел удивленным и, как я себе представил, не слишком-то обрадовался. Он нахмурился, но Меган стояла на своем с необычной для нее решимостью.

Она повернулась к Элси Холланд и сказала:

— Вы не против, Элси?

— О, конечно! — Элси Холланд вскочила. Она выглядела испуганной и немного взволнованной.

Она направилась к двери, и Меган отодвинулась, когда Элси проходила мимо нее. На

мгновение Элси остановилась в дверях, оглядываясь через плечо. Ее губы были сжаты, она замерла, вскинув одну руку, а другой прижимая к себе шитье.

Я задержал дыхание, внезапно ошеломленный ее красотой.

Теперь, когда я вспоминаю ее, я часто вижу ее именно такой — замершей мгновенно, в несравненном, бессмертном совершенстве, вызывающем мысли об античной Греции.

Затем она вышла, закрыв дверь.

Симмингтон спросил весьма раздраженно:

— Ну, Меган, в чем дело? Чего ты хочешь?

Меган подошла вплотную к столу. Она стояла там, глядя на Симмингтона. Я снова был поражен решительным выражением ее лица и еще чем-то в ней… совершенно новым для меня.

Затем ее губы раскрылись и произнесли нечто, пробравшее меня до мозга костей.

— Мне нужны деньги, — сказала она.

Эта просьба отнюдь не улучшила настроения Симмингтона. Он резко сказал:

— Неужели ты не могла подождать до утра? В чем дело, ты думаешь, тебе слишком мало выдают на расходы?

«Прекрасный человек, — подумал я даже то-

гда, — готовый выслушать разумные доводы, хотя и не откликающийся на эмоциональные взрывы».

Меган сказала:

— Я хочу много денег.

Симмингтон выпрямился в кресле. Он холодно сказал:

— Через несколько месяцев ты станешь совершеннолетней. Тогда те деньги, которые завещала тебе бабушка, будут тебе выданы опекуном.

Меган сказала:

— Вы не понимаете. Я хочу получить деньги от *вас*. — Она продолжала, говоря все быстрее: — Никто мне не рассказывал слишком много о моем отце. Просто не хотели, чтобы я знала о нем. Но я знаю, что он попал в тюрьму, и знаю почему. За шантаж!

Она помолчала.

— Ну а я — его дочь. И возможно, я на него похожа. В любом случае я требую дать мне денег, потому что, если вы этого не сделаете… — Она остановилась, а потом продолжила очень медленно и четко: — Если вы этого не сделаете, *я расскажу, что вы проделали с таблетками в тот день в комнате моей матери: я это видела.*

Наступило молчание. Затем Симмингтон про-

изнес совершенно неживым голосом:

— Я не знаю, что ты имеешь в виду.

— Я думаю, вы знаете, — сказала Меган.

И она улыбнулась. Это не была добрая улыбка.

Симмингтон встал. Подошел к письменному столу. Достал из кармана чековую книжку и выписал чек. Он осторожно промокнул чек и вернулся. Протянул чек Меган.

— Ты уже взрослая, — сказал он. — Я могу понять твои чувства и желание купить что-нибудь особенное из нарядов и прочего. Я не знаю, о чем ты говоришь. Я не стану обращать на это внимание. Но вот тебе чек.

Меган взглянула на чек, потом сказала:

— Спасибо. Мы это продолжим.

Она повернулась и вышла из комнаты. Симмингтон уставился ей в спину, потом на закрытую дверь, потом он повернулся, и, когда я увидел его лицо, я совершенно инстинктивно рванулся вперед.

Меня остановили самым экстравагантным образом. Большой куст, который я заметил у стены, перестал быть кустом. Руки лейтенанта Нэша обвились вокруг меня, и голос лейтенанта Нэша зашипел прямо мне в ухо:

— Тихо, Бартон! Ради всего святого!

Затем, с бесконечной осторожностью, он дал сигнал к отступлению, и его рука принудила меня последовать за ним.

Обогнув дом, он выпрямился и отер лоб.

— Конечно, — сказал он, — вы *могли* вломиться туда!

— Девочка в опасности, — сказал я требовательно. — Вы видели его лицо? Мы должны забрать ее оттуда.

Нэш крепко сжал мою руку:

— Вот что, мистер Бартон, извольте *слушаться*!

Что ж, я слушался. Мне это не нравилось, и все же я уступил. Но я настоял на том, чтобы остаться здесь, и я поклялся безусловно выполнять приказы.

Таким образом, я вместе с Нэшем и Паркинсом вошел в дом через заднюю дверь, которая была уже отперта. И я ждал вместе с Нэшем на лестничной площадке, спрятавшись за бархатной портьерой, скрывающей окно в нише, пока часы в доме не пробили два. Открылась дверь спальни Симмингтона, и он прошел через площадку в комнату Меган.

Я не вздрогнул и не шевельнулся, потому что знал, что сержант Паркинс — там, в комнате,

скрытый распахнутой дверью; я знал, что Паркинс добрый человек и прекрасный специалист, но я не был уверен в том, что сумею сохранить спокойствие и не взорваться.

И, ожидая там, с глухо колотящимся сердцем, я увидел Симмингтона, выходящего из комнаты с Меган на руках и несущего ее вниз по лестнице; а мы с Нэшем крались за ним на благоразумной дистанции.

Симмингтон внес Меган в кухню, удобно устроил ее голову в газовой духовке и открыл газ как раз в тот момент, когда Нэш и я вошли в кухонную дверь и включили свет.

И это был конец Ричарда Симмингтона. Он сломался. Он и не пытался бороться. Он знал, что проиграл и погиб.

Наверху я сел у постели Меган, ожидая, когда она очнется, и обстоятельно проклиная Нэша.

— Откуда вы знаете, что с ней все в порядке? Это был слишком большой риск!

Нэш был совершенно откровенен:

— Всего лишь немного снотворного в молоке, которое она всегда пьет перед сном. Ничего больше. Само собой разумеется, он не мог рискнуть отравить ее. Насколько это его касалось, дело закончилось с арестом мисс Гриффитс. Он не мог

позволить себе иметь в доме какую-то таинственную смерть. Никакого насилия, никакого яда. Ну а эта непонятная девушка вроде зациклилась на самоубийстве матери и в конце концов пошла и сунула голову в газовую духовку — что ж, люди только и скажут, что она никогда не была вполне нормальной и что потрясение от смерти матери ее добило.

Я сказал, глядя на Меган:

— Уж очень долго она не приходит в себя.

— Вы слышали, что говорил доктор Гриффитс? Сердце, пульс — все в абсолютном порядке; она всего лишь спит и проснется естественным образом. Это снотворное он дает множеству своих пациентов, он так говорит.

Меган шевельнулась. Что-то пробормотала. Лейтенант Нэш деликатно вышел из комнаты.

Вскоре Меган открыла глаза:

— Джерри.

— Привет, милая.

— Я все правильно сделала?

— Ты могла бы стать шантажисткой уже в колыбели!

Меган снова закрыла глаза. Потом прошептала:

— Вчера вечером я… я писала тебе… на случай,

если… если что-нибудь будет не так. Но я так захотела спать к концу… Оно там.

Я прошел через комнату к письменному столу. В затрепанном маленьком блокноте я нашел незаконченное письмо Меган.

Оно начиналось так:

«*Мой дорогой Джерри, я читала моего школьного Шекспира, тот сонет, который начинается со слов:*

Ты насыщаешь взгляд, как тело — хлеб,

Как влага освежающая — землю…

И я поняла, что все-таки люблю тебя, потому что именно это я чувствую…»

— Как видите, — сказала миссис Дан-Кэлтроп, — я была совершенно права, вызвав специалиста.

Я уставился на нее. Мы все находились в доме викария. Снаружи хлестал дождь, а здесь горел чудесный огонь в камине, и миссис Дан-Кэлтроп блуждала по комнате, зверски избивая диванную подушку и водрузив ее затем — из каких-то собственных соображений — на фортепиано.

— Но когда? — спросил я, удивленный. — И кто это был? Чем он занимался?

— Это отнюдь не «он», — ответила миссис Дан-Кэлтроп.

Широким жестом она указала на мисс Марпл.

Мисс Марпл уже закончила пушистое вязанье, и теперь при ней был клубок хлопковых ниток, а она орудовала крючком.

— Вот мой эксперт, — сказала миссис Дан-Кэлтроп. — Джейн Марпл. Посмотрите на нее хорошенько. Я вам говорю: эта женщина знает все проявления человеческой безнравственности лучше, чем кто-либо иной.

— Я не думаю, что тебе следует излагать все подобным образом, — пробормотала мисс Марпл.

— Но это так!

— Любой станет разбираться в человеческой натуре, живя круглый год в деревне, — безмятежно сказала мисс Марпл.

Затем, почувствовав, видимо, чего от нее ждут, она отложила крючок и прочитала лекцию об убийстве — в мягкой манере старой девы.

— Все самое главное в этом случае просто лежало на поверхности. Большинство преступлений, видите ли, до глупости примитивны. И это было таким же. Все было весьма разумно и неприкрыто — и совершенно понятно; хотя и неприятно, конечно.

— Весьма неприятно!

— Решение действительно было совершенно очевидным. *Вы* все это видели, вы знали, мистер

Бартон.

— Ничего я не знал!

— Знали. Вы всё полностью мне и показали. Вы видели отлично все отношения между фактами, но вы не сумели поверить своим глазам и понять, что все это означает. Начать с этой навязчивой фразы — «Нет дыма без огня». Она вас раздражала, и вы совершенно верно определили, что это было на самом деле — дымовая завеса. Ложный след, видите ли; вы смотрели не туда, куда надо, — на анонимные письма, но вся суть в том, что *не было* анонимных писем!

— Но, дорогая мисс Марпл, я могу вас уверить — они *были*. Я сам их получал.

— О да, но они не были настоящими. Милая Мод была в смятении из-за них. Даже в таком мирном Лимстоке вполне хватает сплетен, и могу вас уверить — любая *женщина*, живущая здесь, знает их и пользуется ими. Но мужчина, видите ли, не интересуется сплетнями, особенно такой нелюдимый, логичный человек, как мистер Симмингтон. А настоящая женщина, пиши она такие письма, могла бы сделать их куда более конкретными. Так что, если бы вы не обратили внимания на дым и пошли бы к огню, вы бы знали, где его искать. Вы почти добрались до истинного значе-

ния происшедшего. А ведь в результате всех этих писем случилось только одно — умерла миссис Симмингтон.

Но тогда естественным было бы подумать: кто мог хотеть смерти миссис Симмингтон? И конечно, первым человеком, о котором думают в таком случае, боюсь, является *муж*. Можно, конечно, спросить: каковы причины? Каков мотив? Например, другая женщина?

И первое, что я услышала, — в доме есть очень привлекательная молодая гувернантка. Все ясно, не так ли? Мистер Симмингтон, весьма сухой, сдержанный, бесчувственный человек, устал от ворчливой, невротичной жены, и вот неожиданно появляется молодое сияющее создание.

Боюсь, вы знаете, что подобные люди, влюбившись в определенном возрасте, плохо переносят эту болезнь. Это совершеннейшее безумие. А мистер Симмингтон, насколько я могла разобраться, никогда не был действительно *хорошим* человеком — он не был очень добрым, или очень нежным, или способным сочувствовать, — все его качества были отрицательными… Так что он и не способен был справиться со своим безумием. А в таком городишке лишь смерть жены могла разрешить его проблему. Видите ли, он хотел же-

ниться на девушке. Она весьма респектабельна — и он такой же. Кроме того, он очень привязан к своим детям и не хотел никуда их отсылать. Он хотел, чтобы при нем оставалось все: его дом, его дети, его респектабельность и Элси. А ценой, которую он должен был за все это заплатить, оказалось убийство.

Он выбрал, я думаю, очень разумный путь. Он хорошо знал из своей юридической практики, как скоро подозрение падает на мужа, если жена умирает неожиданно, и знал о возможности эксгумации при подозрении на отравление. Поэтому он подготовил смерть, которая показалась бы случайной кому бы то ни было. Он создал не существующего на деле сочинителя анонимных писем. И умно было заставить полицию подозревать *женщину*. Все эти письма *действительно* были женскими письмами — он их весьма ловко списал с прошлогодних анонимок, это тот случай, о котором вам рассказывал доктор Гриффитс. Я не хочу сказать, что он оказался несообразителен и повторил какое-то письмо буквально, но он использовал фразы и выражения оттуда, перемешивая их, и окончательным результатом стало то, что письма были идентифицированы как написанные женщиной — полусумасшедшей

закомплексованной особой.

Он знал все полицейские приемы — насчет отпечатков пальцев, исследования шрифта и так далее. Он долго готовил свое преступление. Все конверты он надпечатал заранее, до того, как передал машинку в Женский институт, и он очень давно вырезал страницы из книги в «Литтл Фюрц», ожидая хозяйку в гостиной в какой-то из дней. Люди так редко заглядывают в книги проповедей!

И наконец, основательно подготовив свое фальшивое Ядовитое Перо, он принялся за дело. Прекрасный день, когда гувернантка с детьми и его приемная дочь должны были уйти, а у прислуги — выходной. Он же не мог предвидеть, что маленькая горничная Агнес поссорится со своим кавалером и вернется домой.

Джоанна спросила:

— Но что она *видела*? Вы знаете?

— Я не могу знать. Я могу только предположить. И я предполагаю, что она не видела ничего.

— То есть все мы попали пальцем в небо?

— Нет-нет, дорогая, я хотела сказать, что она простояла у окна кладовой весь день, ожидая, когда придет ее молодой человек попросить прощения, и она буквально не видела ничего. Никто

не подходил к дому — ни почтальон, ни кто-либо другой. Довольно долго, очень медленно доходило до нее, что это очень странно, потому что очевидно было — миссис Симмингтон *получила* анонимное письмо в тот день.

— А разве она его не получала? — спросил я в замешательстве.

— Ну конечно же нет! Как я говорила, это преступление очень простое. Муж несчастной женщины всего лишь положил цианид на место одной из тех таблеток, которые она принимала днем, потому что после еды у нее обострялся ишиас. Все, что Симмингтону нужно было сделать, — это прийти домой раньше Элси Холланд или одновременно с ней, позвать жену, не получить ответа, подняться в ее комнату, бросить крошку яда в тот стакан с водой, из которого она запивала таблетки, бросить заготовленное анонимное письмо на каминную решетку и вложить в руку жены обрывок бумаги со словами: «Я не смогу…»

Мисс Марпл повернулась ко мне:

— Вы были совершенно правы и насчет этого клочка бумаги тоже, мистер Бартон. Люди не пишут предсмертные письма на оборванных клочках бумаги. Они берут *лист* бумаги, а очень

часто еще и конверт. Да, обрывок бумаги был ошибкой, и вы знали это.

— Вы меня слишком высоко оцениваете, — сказал я. — Ничего я не знал.

— Но вы действительно *знали*, мистер Бартон. Иначе почему на вас произвела такое впечатление записка вашей сестры, оставленная у телефона?

Я медленно повторил:

— «Передайте, что *я не смогу* пойти в пятницу...» Я понял! «Я не смогу...»?!

Мисс Марпл просияла улыбкой.

— Вот именно! Мистер Симмингтон случайно натолкнулся на записку и увидел в ней определенную возможность. Он оторвал лишние слова и получил то, что хотел, — подлинную записку, написанную рукой его жены.

— А какие еще блестящие озарения меня посетили? — спросил я.

Мисс Марпл моргнула раз-другой, глядя на меня.

— Знаете ли, вы меня вывели на след. Вы объединили все эти факты для меня — в определенной последовательности, — и вершиной всего было то, что вы сказали мне наиважнейшую вещь: Элси Холланд ни разу не получала

анонимок.

— А знаете, — сказал я, — прошлой ночью я подумал, что это *она* писала письма, а иначе почему она ни одного не получила?

— О нет, дорогой… Те, кто рассылает анонимки, почти всегда пишут их и самим себе. Это нечто вроде… ну, излишнего возбуждения, я полагаю. Нет-нет, факт был интересен по *совершенно* другой причине. Это, видите ли, просто продемонстрировало слабость мистера Симмингтона. Он не мог заставить себя написать грязное письмо девушке, которую он любит. Это очень интересная сторона человеческой натуры — и в каком-то смысле делает честь Симмингтону, — но этим же он выдал себя.

Джоанна спросила:

— И он убил Агнес? Но, похоже, это было совершенно бессмысленно.

— Возможно, и так, но чего вы не можете представить, дорогая (не говоря уж об убийстве), — так это того, что после всего свершившегося вам все видится преувеличенным. Нет сомнений, он слышал, как девушка звонила Патридж, говоря, что она тревожится со дня смерти миссис Симмингтон и что есть тут нечто, чего она не понимает. У него не было выбора — ведь глупая, дурная

девчонка *что-то* видела, что-то знала.

— Но он же весь тот день был в своей конторе?

— Я предполагаю, он убил ее до того, как ушел. Мисс Холланд была то в гостиной, то на кухне. Он вышел в холл, открыл и захлопнул входную дверь, как будто выйдя из дома, и проскользнул в маленькую гардеробную. Когда в доме осталась одна лишь Агнес, он, вероятно, позвонил в колокольчик у входа, вернулся в гардеробную, подкрался к Агнес и ударил ее по голове, когда она открывала дверь, а потом, запихнув труп в кладовку, поспешил в контору, запоздав так немного, что никто не мог его ни в чем заподозрить. Видите ли, ведь никто не подозревал *мужчину*.

— Грязная скотина, — сказала миссис Дан-Кэлтроп.

— Вам его не жаль, миссис Дан-Кэлтроп? — поинтересовался я.

— Ничуть. А что?

— Просто я рад это слышать, только и всего.

Джоанна сказала:

— Но почему — Айми Гриффитс? Я знаю, полиция нашла пестик из аптеки Оуэна и вертел тоже. Похоже, не так-то легко оказалось для мужчины вернуть этот вертел в кухонный ящик. А

угадайте, где они были? Лейтенант Нэш сказал мне — я его встретила, когда шла сюда. В одном из этих заплесневелых ящиков с документами в его конторе. В том, где документы покойного сэра Джаспера Харрингтона.

— Бедный Джаспер, — сказала миссис Дан-Кэлтроп. — Он был моим кузеном. Такой неисправимый старый мальчишка! Он был бы поражен!

— Разве не было безумием держать у себя эти вещи? — спросил я.

— Может быть, еще большим безумием было бы, если бы он все это выбросил, — возразила миссис Дан-Кэлтроп. — Ведь ни у кого же не было подозрений насчет Симмингтона.

— Он ударил ее не пестиком, — сказала Джоанна. — Там была еще гиря от часов, с волосами и кровью на ней. В полиции думают, что он стащил пестик тогда, когда арестовали Айми, и тогда же подбросил страницы из книги в их дом. И вот это меня снова возвращает к тому же вопросу. Как насчет Айми Гриффитс? Ведь полицейские действительно *видели*, как она писала то письмо.

— Да, конечно, — сказала мисс Марпл. — Она написала *это* письмо.

— Но почему?

— О, дорогая, наверное, вы догадываетесь, что

мисс Гриффитс всю жизнь была влюблена в Симмингтона.

— Бедняжка! — машинально произнесла миссис Дан-Кэлтроп.

— Они всегда были хорошими друзьями, и, я полагаю, после смерти миссис Симмингтон, возможно… ну… — Мисс Марпл деликатно кашлянула. — А потом начались сплетни насчет Элси Холланд, и, я предполагаю, ее это очень задело. Она думала о девушке как о кокетке, намеренной завладеть привязанностями Симмингтона и совершенно недостойной его. И потому, я думаю, она поддалась искушению. Почему не добавить еще одно анонимное письмо — и заставить девушку уехать? Ей это показалось совершенно безопасным, и она думала, что проделала все очень хитро.

— Ну вот, — сказала Джоанна, — конец истории?

— Я бы предположила, — медленно сказала мисс Марпл, — что, когда мисс Холланд показала это письмо Симмингтону, он мгновенно понял, кто написал его, и увидел неплохую возможность отвести опасность от себя. Не слишком благородно… да, не слишком благородно, но, видите ли, он был напуган. Полиция все равно не успокоилась

бы, пока не поймала анонимщика. Когда он отнес письмо в полицию и выяснил, что они видели Айми пишущей это письмо, он почувствовал, что ему выпал единственный шанс из тысячи — покончить со всей историей разом.

Его с семьей в тот день пригласили на чай в дом Гриффитсов, и, выходя из конторы, он сунул в портфель страницы, вырезанные из книги, чтобы спрятать их под лестницей. Спрятав их, он нанес последний штрих. Это выглядело как повторение действий, проделанных с телом Агнес, а практически это выполнить было для него очень легко. Когда он провожал Айми и полицейских, то минуты-двух, когда он проходил через холл, было вполне достаточно.

— Все равно, — сказал я, — есть одна вещь, которую я не могу вам простить, мисс Марпл, — то, что вы втянули во все это Меган.

Мисс Марпл отложила в сторону работу, за которую было снова взялась. Она посмотрела на меня сквозь очки, и ее глаза были строгими.

— Милый молодой человек, но ведь *что-то* нужно было делать. Доказательств против этого очень умного и беспринципного человека не было. Мне нужен был помощник, кто-то очень храбрый и умный. И я нашла человека, которого

искала.

— Это было очень опасно для нее.

— Да, это было опасно, мистер Бартон, но мы приходим в этот мир не для того, чтобы прятаться от опасности, когда жизнь нашего ближнего поставлена на карту. Вы понимаете меня?

Я понял.

…И было утро на Верхней улице.

Мисс Эмили Бэртон вышла от бакалейщика, неся свою корзинку для покупок. Щеки ее были розовыми, глаза сияли.

— О, дорогой мистер Бартон, я ужасно взволнована. Подумать только, я действительно еду путешествовать!

— Я надеюсь, вам это понравится.

— О, я уверена! Я бы никогда не отважилась отправиться сама. Это выглядит так *чудесно*, что все именно так повернулось. Я уже давно чувствовала, что должна расстаться с «Литтл Фюрц», потому что я *так* стеснена в средствах, но мне невыносима была мысль, что здесь поселится *посторонний*. Но теперь вы купили усадьбу и собираетесь жить здесь с Меган — а это совсем другое дело. И еще милая Айми после этого ужасного испытания не знает, что ей делать, да и ее брат намерен жениться (как приятно думать, что

вы *оба* останетесь с нами!), и она соглашается ехать со мной! Мы намерены путешествовать долго. Мы даже, может быть, — мисс Эмили понизила голос, — *объедем вокруг света!* И Айми такая замечательная и такая практичная. Я действительно думаю — а вы? — что все повернулось *к лучшему*.

На какое-то мгновение я подумал о миссис Симмингтон и Агнес Вуддел — в могилах на церковном кладбище — и захотел узнать, согласились ли бы они с этим мнением, а потом вспомнил, что кавалер Агнес не слишком-то любил ее, а миссис Симмингтон не слишком-то была добра к Меган, так какого черта?! Все мы умрем в свое время! И я согласился со счастливой мисс Эмили, что все к лучшему в этом лучшем из миров.

Я пошел по Верхней улице, вошел в калитку Симмингтонов, и Меган вышла встретить меня.

Это не была романтическая встреча, потому что громадная староанглийская овчарка, вышедшая вместе с Меган, чуть не свалила меня с ног плохо рассчитанным прыжком.

— Правда, он восхитителен? — спросила Меган.

— Немножко великоват. Он что, наш?

— Да, это свадебный подарок от Джоанны. Нам прислали премилые свадебные подарки, правда? Тот пушистый свитер, насчет которого мы не могли сообразить, откуда эта штука, — от мисс Марпл, и очень красивый чайный сервиз «Корона Дерби» — от мистера Пая, и Элси прислала мне тостер…

— В ее духе, — мимоходом заметил я.

— И она помолвлена с дантистом и очень счастлива! А… а я?

— Масса свадебных подарков! Не забывай, что если ты передумаешь, тебе придется отослать их обратно.

— Я не передумаю. Что же еще нам прислали?.. О да, миссис Дан-Кэлтроп прислала египетского скарабея.

— Оригинальная женщина, — отметил я.

— О! Но ты же не знаешь главного! *Патридж* только что преподнесла мне подарок. Это самая отвратительная чайная скатерть, какую ты вообще мог видеть. Но я думаю, что Патридж *должна* теперь меня любить, потому что она сказала, что вышивала эту скатерть собственными руками!

— Полагаю, там узор из кислого винограда и чертополоха?

— Нет, она вся в узоре из бантиков[3].

— Милая, милая, — предупредил я, — Патридж *идет!*

Меган втащила меня в дом. И сказала:

— Вот только одного я не могу взять в толк. Кроме ошейника и поводка для собаки, Джоанна прислала еще один ошейник и поводок. Как ты думаешь, зачем это?

— Это, — сказал я, — маленькая шутка Джоанны.

[3] Примечания: 3

Бант — символ любви и прочного союза.

ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО

Глава 1
Необычное объявление

По утрам (за исключением воскресенья), с половины восьмого до половины девятого, Джонни Батт, пронзительно свистя, разъезжал по поселку Чиппинг-Клеорн; перед каждым домом или коттеджем он останавливался, слезал с велосипеда и клал в почтовый ящик газеты, которые хозяева выписывали у киоскера с Хай-стрит. Полковнику Истербруку с женой он привозил «Таймс» и «Дейли грэфик», мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд — «Дейли телеграф» и «Ньюс кроникл», а мисс Блэклок — «Телеграф», «Таймс» и «Дейли мейл».

Ну, а по пятницам он доставлял в вышеупомянутые и прочие дома Чиппинг-Клеорна еще и «Норс-Бенхэм ньюс энд Чиппинг-Клеорн гэзет», которую местные жители называли попросту «Газетой».

И каждую пятницу, бегло проглядев заголовки в других изданиях («НАПРЯЖЕННОСТЬ В МИРЕ НАРАСТАЕТ!», «СЕГОДНЯ СОСТОЯЛАСЬ АССАМБЛЕЯ ООН», «ПОЛИЦИЯ НАПАЛА НА СЛЕД УБИЙЦЫ БЕЛОКУРОЙ МАШИНИСТКИ!»,

«ЗАБАСТОВКА НА ТРЕХ ШАХТАХ», «ДВАДЦАТЬ ТРИ ЧЕЛОВЕКА СТАЛИ ЖЕРТВАМИ ПИЩЕВОГО ОТРАВЛЕНИЯ В ОТЕЛЕ „СИСАИД“ и проч.), большинство жителей Чиппинг-Клеорна нетерпеливо разворачивали „Газету“ и с головой уходили в изучение местных новостей. Быстренько пробежав глазами раздел писем, в которых пышным цветом расцветали жгучая ненависть и вражда, девять подписчиков из десяти принимались изучать частные объявления. Здесь вперемешку печатались объявления о сдаче домов в аренду, о найме домработниц, о собаках, домашней птице и садовом инвентаре — короче, все то, что могло заинтересовать членов маленькой общины Чиппинг-Клеорна. Пятница, 29 октября, не была исключением из правил…

Смахнув со лба прелестные пепельные кудряшки, миссис Светтенхэм развернула «Таймс», окинула томным взором левую страницу, где освещались последние события, и, как обычно, решила, что, даже если в мире случилось нечто из ряда вон выходящее, «Таймс» все равно сумеет это затушевать и замазать. Сделав сей глубокий вывод, она проглядела хронику рождений, свадеб и смертей (особенно ее интересовали последние!), после чего с чувством исполненного долга

отложила «Таймс» в сторону и жадно потянулась к «Чиппинг-Клеорн гэзет». Когда чуть погодя ее сын Эдмунд вошел в комнату, миссис Светтенхэм уже была погружена в изучение местных новостей.

— Доброе утро, дорогой, — сказала миссис Светтенхэм. — Знаешь, Смедли продают свой «Даймлер». Он тридцать пятого года — совсем старый, да?

Сын в ответ что-то буркнул, налил себе кофе, взял парочку копченых рыбешек, уселся за стол и развернул «Дейли уоркер», прислонив газету к подносу с гренками.

— «Щенки бульдога», — прочитала вслух миссис Светтенхэм. — Право, не понимаю, как можно в наше время прокормить такую большую собаку!.. Та-ак, Селина Лоренс опять дала объявление насчет повара… По-моему, это пустая трата времени. Надо же, она даже адреса не указала, только индекс!.. М-да… роковая ошибка, скажу я вам… прислуге теперь — вынь да положь — нужен точный адрес, все хотят устроиться в приличное место… «Искусственные зубы…» Не понимаю, почему нынче на них такой спрос? Это же так дорого! «Прекрасный лук. Наш особый сорт». Якобы по сходной цене… «Девушка ищет интересную

работу, не прочь попутешествовать». Тоже мне, оригиналка выискалась! Все не прочь попутешествовать! «Таксы»… Лично мне таксы никогда не нравились. Не потому, что порода немецкая, в конце концов, теперь это не суть важно, а просто не нравились — и все тут!.. Да-да, миссис Финч?

Дверь приоткрылась, и на пороге показалась мрачная особа могучего телосложения в потертом бархатном берете.

— Доброе утро, мэм, — рявкнула особа. — Можно убираться?

— Нет-нет, подождите. Мы еще не позавтракали, — заволновалась миссис Светтенхэм. — Вернее, позавтракали, но не совсем, — добавила она заискивающе.

Метнув грозный взгляд на сидевшего с газетой Эдмунда, миссис Финч презрительно фыркнула и удалилась.

— Я же только сел, — начал было Эдмунд, но мать не дала ему договорить:

— И, пожалуйста, не читай эту жуткую газету, Эдмунд! Миссис Финч ее терпеть не может.

— Не понимаю, какое дело миссис Финч до моих политических убеждений…

Но миссис Светтенхэм не слушала его.

— Тем более что эта газета для рабочих, а ты

не рабочий, — продолжала она. — Ты вообще не работаешь.

— Ну, знаете ли… это уж слишком! — возмутился Эдмунд. — Как же не работаю?! Я ведь пишу книгу!

— Имеется в виду настоящая работа, — пояснила миссис Светтенхэм. — А миссис Финч, сынок, нам очень даже нужна. Вот обидится она, уйдет от нас — кого мы вместо нее найдем?

— А мы дадим объявление в «Газете», — усмехнулся Эдмунд.

— Да ты что?! Это бесполезно! Да, милый, в наши дни не прожить без старенькой нянюшки, которая готовила бы нам еду и вела хозяйство!

— А почему у нас ее нет? Что ж ты так оплошала и не обеспечила меня вовремя? И о чем ты только думала, мама?!

— Но, дорогой, у тебя была индийская няня.

— О, как ты недальновидна, мамуля! — пробормотал Эдмунд.

Миссис Светтенхэм вновь углубилась в светскую хронику:

— Продается сенокосилка, б/у. Любопытно… Боже милостивый, что за цена!.. Снова таксы… «Напиши или позвони, я в отчаянии. Макака». Какое нелепое прозвище!.. Кокер-спаниель…

Эдмунд, помнишь Сьюзи? Она была прямо как человек. Все понимала… «Продам буфет в стиле шератон[4]. Подлинник, семейная реликвия. Миссис Лукас. «Дайс-Холл». Ну и врушка! Можно подумать — и впрямь настоящий Шератон! — миссис Светтенхэм презрительно хмыкнула и продолжала читать:– «Дорогая, все было ошибкой. Любовь до гроба. В пятницу, как обычно. Х.». Наверное, влюбленные поссорились. А может, это воровской пароль? Как по-твоему, Эдмунд? Снова таксы! Ей-богу, люди помешались на таксах! Будто других собак нет! Вот у твоего дяди Саймона, сынок, были манчестерские терьеры. Такие грациозные крошки! Мне лично нравится, когда у собак длинные лапы… Дама, уезжающая за границу, продает двухместный катер… А почему ни описания, ни цены?… Свадьба… хотя нет, УБИЙСТВО… Что?! Впервые слышу… Эдмунд, Эдмунд, ты только взгляни: «ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО, КОТОРОЕ ПРОИЗОЙДЕТ В ПЯТНИЦУ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ, В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ В „ЛИТТЛ-ПЭДДОКСЕ“. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ! ДРУЗЬЯ, СПЕШИТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ!»

---

[4] Примечания: 4

Шератон — стиль мебели, изготовлявшейся в Англии в начале XIX века Томасом Шератоном.

— Что такое? — Эдмунд оторвался от газеты.

— Но ведь пятница, двадцать девятое, — это сегодня!

— Ну-ка дай сюда. — Сын взял у матери газету.

— Да, но что бы это значило? — Миссис Светтенхэм сгорала от любопытства.

Эдмунд в задумчивости почесал переносицу.

— Не знаю… Наверно, они решили устроить вечеринку, затеять игру в убийство или что-то в том же духе.

— А-а, — с сомнением в голосе откликнулась миссис Светтенхэм. — Но что за странная манера давать такие объявления! Совершенно не похоже на Летицию Блэклок, я всегда считала ее на редкость здравомыслящей женщиной.

— Может, на нее подействовали развеселые юнцы, что поселились у нее в доме?

— Слишком мало информации в заметке. Сегодня… Как ты думаешь, нам стоит пойти?

— Здесь сказано: «Друзья, спешите принять участие!»

— Однако эта новая мода приглашать гостей страшно беспардонна! — решительно изрекла миссис Светтенхэм.

— Хорошо, мама, не ходи.

— И не пойду! — воскликнула миссис Свет-

тенхэм.

Они помолчали.

— Неужели тебе действительно хочется съесть эту последнюю гренку, Эдмунд?

— Ах, мама, а я-то думал, что мое правильное питание для тебя важнее, чем то, когда эта старая мымра Финч уберет со стола!..

— Тс-с, дорогой, она может услышать!.. А что такое «игра в убийство»?

— Точно не знаю. Кажется, к твоей одежде прицепляют клочки бумаги… или нет, наверное, их все-таки тянут из шапки. Один участник игры становится сыщиком, другой — жертвой, потом гасят свет и кто-нибудь хлопает тебя по плечу. Ты вопишь, падаешь и притворяешься мертвым.

— М-да… звучит увлекательно.

— А по-моему, чертовски скучно. Я не пойду.

— Глупости, Эдмунд! — решительно возразила миссис Светтенхэм. — Раз я собираюсь идти, значит, и ты пойдешь вместе со мной. И нечего тут обсуждать!

— Арчи, — сказала миссис Истербрук мужу, — ты только послушай!

Полковник Истербрук не обратил на нее внимания, поскольку возмущенно пыхтел, читая статью в «Таймс».

— Вся беда этих деятелей в том, — изрек он, — что они не имеют об Индии ни малейшего понятия. Ни малейшего!

— Конечно, милый, конечно.

— Иначе они не писали бы такой ерунды.

— Да-да, Арчи, послушай: «ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО, КОТОРОЕ ПРОИЗОЙДЕТ В ПЯТНИЦУ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ, В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ В „ЛИТТЛ-ПЭДДОКСЕ“. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ! ДРУЗЬЯ, СПЕШИТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ!»

Миссис Истербрук умолкла и с торжествующим видом посмотрела на мужа.

Тот взглянул на нее снисходительно, но без особого интереса.

— Да это просто «игра в убийство», — пояснил он.

Миссис Истербрук ойкнула.

— Хотя, — полковник приосанился, — эта игра может быть довольно забавной, если ее как следует провести. Но для этого нужен специалист. Сначала тянут жребий. Один из игроков назначается убийцей. Кто именно — не объявляется. Потом гасят свет. Убийца выбирает жертву. Она должна сосчитать до двадцати и закричать. Тогда игрок, назначенный сыщиком, начинает рассле-

дование. Он допрашивает всех по порядку: где они были, что делали, пытается вывести убийцу на чистую воду. Да, хорошая игра, если только сыщик… м-м… имеет представление о работе в полиции.

— Как ты, например, Арчи. Сколько потрясающих дел было в твоем округе!

Полковник Истербрук снизошел до улыбки и самодовольно покрутил ус.

— Да уж, Лаура… Пожалуй, я мог бы их кое-чему научить.

— Напрасно мисс Блэклок не попросила тебя о помощи.

— Так вокруг нее теперь вертится этот молокосос! — хмыкнул полковник. — Кем он там ей доводится? Племянником?… Наверно, он ее и подбил. Это ж надо додуматься — дать такое объявление!.. Забавно!

— Оно напечатано в разделе светской хроники. Мы могли бы и не заметить. Как по-твоему, это приглашение, Арчи?

— Хорошенькое приглашение! На меня, во всяком случае, рассчитывать нечего.

— Ну, Арчик! — голос миссис Истербрук стал заискивающе-плаксивым.

— Все равно нужно предупреждать заранее.

Они же знают, что я могу быть занят!

— Но ведь ты не занят, милый, правда? — промурлыкала миссис Истербрук. — Арчи, я считаю, что пойти помочь бедной мисс Блэклок — твой долг. Она наверняка рассчитывает на твою помощь. Ты же столько знаешь про работу в полиции, про суды… Если ты ей не поможешь, у них ничего не получится. Ведь соседей надо выручать!

Миссис Истербрук склонила набок головку, тряхнула крашеными светлыми кудряшками и широко распахнула голубые глазки.

— Ну, коли так, то, конечно, Лаура, я не против… — Полковник Истербрук снова с важным видом покрутил ус и снисходительно глянул на свою пышнотелую женушку. Миссис Истербрук была моложе его по крайней мере лет на тридцать. — Раз ты так считаешь, Лаура… — протянул он.

— Но ведь это действительно твой долг, Арчи! — торжественно отчеканила миссис Истербрук.

«Чиппинг-Клеорн гэзет» принесли и в «Боулдерс» — так назывались три симпатичных соединенных друг с другом коттеджа, где обитали мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд.

— Хинч!

— Чего, Мергатройд?
— Ты где?
— В курятнике.
— Ой!

Осторожно ступая по высокой мокрой траве, мисс Эми Мергатройд пробралась к подруге. Та, облачившись в вельветовые штаны и военный китель, старательно растирала руками корм для кур и бросала его в таз, в котором дымилось довольно неаппетитное варево из картофельных очистков и капустных кочерыжек. Мисс Хинчклифф обернулась. Волосы ее были подстрижены коротко, по-мужски, кожа на лице задубела. На миловидной толстушке по имени мисс Мергатройд была юбка из твида и растянутый пуловер ярко-синего цвета. Кудрявые волосы растрепались и напоминали птичье гнездо. Мисс Мергатройд слегка запыхалась.

— Тут в «Газете», — взволнованно выдохнула Мергатройд. — Только послушай… Как это понимать? «ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО, КОТОРОЕ ПРОИЗОЙДЕТ В ПЯТНИЦУ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ, В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ В „ЛИТТЛ-ПЭДДОКСЕ“. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ! ДРУЗЬЯ, СПЕШИТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ!»

У нее перехватило дыхание, и она умолкла,

ожидая авторитетного заключения подруги.

— Рехнуться можно, — изрекла мисс Хинчклифф.

— Да, конечно, и все-таки… Что бы это значило, а?

— Как что? Выпивон! — хмыкнула мисс Хинчклифф.

— То есть, по-твоему, это приглашение?

— Выясним, когда придем, — сказала мисс Хинчклифф. — Шерри-бренди наверняка будет паршивый. Послушай, ты бы сошла с травы, Мергатройд. Стоишь тут в домашних тапочках. Ты же промокнешь.

— О господи! — Мисс Мергатройд уныло воззрилась на свои ноги. — Да, кстати, сколько сегодня яиц?

— Семь. Эта проклятая птица по-прежнему высиживает цыплят. Надо будет загнать ее в курятник.

— Странная манера приглашать гостей, правда? — сказала Эмми, и в ее голосе проскользнули мечтательные нотки.

Однако подруга была сделана из более жесткого теста. Раз она нацелилась на борьбу с непокорной курицей, то никакие, даже самые загадочные, объявления не могли сбить ее с намеченного

курса.

Мисс Хинчклифф с трудом прохлюпала по грязи и бросилась в атаку на пеструю наседку. Та возмущенно закудахтала.

— Надо будет завести уток, — подытожила мисс Хинчклифф. — С ними куда меньше хлопот.

— Какая прелесть! — воскликнула за обедом миссис Хармон, обращаясь к мужу. — У мисс Блэклок намечается убийство.

— Убийство? — немного удивленно переспросил муж. — Когда?

— Сегодня днем… Вернее, вечером, в половине седьмого. Ах, что за невезение, милый, тебе как раз надо готовиться к конфирмации! А ведь ты обожаешь убийства!

— Право, не понимаю, о чем ты, Банч.

Пухленькая миссис Хармон протянула супругу «Газету»:

— Вот, посмотри. Там, где подержанное пианино и вставные зубы.

— Какое странное объявление!

— А я что говорю?! — радостно подхватила Банч. — Никогда бы не подумала, что мисс Блэклок увлекается подобными играми. Наверняка это затея юных Симмонсов… Хотя вообще-то для Джулии Симмонс затея грубовата. Но тем

не менее факт остается фактом, и тебе, должно быть, очень обидно, что ты не сможешь пойти. Но ничего, я-то пойду обязательно и потом все-все тебе расскажу. Хотя надо признаться, мне это дастся нелегко, я ведь не люблю игр в темноте. Я их ужасно боюсь. Но надеюсь, меня не будут убивать. А то если мне вдруг положат руку на плечо и шепнут: «Ты убита», сердце у меня остановится и я, наверное, умру. Как ты думаешь, я умру?

— Ну что ты, Банч! Ты доживешь до глубокой старости… вместе со мной.

— И мы умрем в один день, и нас похоронят в одной могиле, да? О, это было бы чудесно!

При мысли о такой перспективе Банч засияла.

— Ты прямо-таки лучишься от счастья, — улыбнулся муж.

— А кто на моем месте не был бы счастлив? — смутилась Банч. — У меня есть ты, и Сьюзан, и Эдвард, и все вы во мне души не чаете, и вам не важно, глупа я или умна. И солнышко светит! И у нас такой чудесный просторный дом!

Преподобный Джулиан Хармон оглядел большую полупустую столовую и с сомнением кивнул:

— Хотя для некоторых людей жизнь в таком огромном доме, где гуляют сквозняки, хуже ка-

торги.

— А мне нравятся большие комнаты. В них долго сохраняется благоухание, долетающее к нам из сада. И потом, тут чувствуешь себя вольготно. И вещи можно кидать куда попало, все равно беспорядка не будет заметно!

— Но у нас нет ни бытовой техники, ни центрального отопления. Тебе, наверное, нелегко управляться с хозяйством, Банч.

— Да какое там «нелегко», Джулиан! Я встаю в полседьмого, немножко поверчусь, как белка в колесе, и к восьми у меня уже все готово. И скажи, разве я плохо справляюсь? Полы натерты пчелиным воском, полировка блестит, в кувшинах осенние листья… Нет, на самом деле с большим домом хлопот даже меньше, чем с маленьким. Вытирать пыль и мыть полы легче, потому что не натыкаешься на вещи, как в тесных комнатушках. И спать в большой холодной комнате приятно: свернешься клубочком, так, что только нос из-под одеяла торчит… прелесть как уютно! А чистка картошки и мытье посуды вообще не зависят от размеров дома. Сам посуди, это же прекрасно, что у Сьюзан и Эдварда такая большая пустая комната! Они могут играть сколько им вздумается и в железную дорогу, и в куклы, и им

не нужно убирать игрушки. А еще в большом доме есть где разместить гостей. Взять, к примеру, Джимми Саймеса и Джонни Финча. Беднягам пришлось жить с родителями. А ты сам знаешь, что это несладко. Ты, конечно, преданно любишь свою маму, но, наверно, тебе не очень-то хотелось бы после свадьбы жить с ней и с отцом. Да и мне, признаться, тоже. Я бы чувствовала себя маленькой девочкой.

Джулиан улыбнулся:

— Но ты и вправду до сих пор как маленькая, Банч.

Сам Джулиан Хармон, судя по всему, давно ощущал себя шестидесятилетним. Хотя до этого возраста ему еще оставалось лет двадцать пять.

— Да, конечно, я глупая…

— Ты вовсе не глупая, Банч. Ты очень умная.

— Нет-нет… Я совсем не интеллектуалка. Я, правда, стараюсь… И мне, честное слово, нравится, когда ты говоришь о литературе, истории и о всяких других науках. Хотя, пожалуй, читать мне по вечерам вслух Гиббона все же не стоило, ведь, когда за окном свистит ветер, а тут у нас так тепло и уютно, меня от Гиббона клонит в сон.

Джулиан рассмеялся.

— Но зато тебя я слушать обожаю! Расскажи

мне еще раз про старого священника.

— Да ты давно знаешь все наизусть, Банч!

— Ну, пожалуйста, еще разочек!

— Ладно, — уступил муж. — Старого священника звали Скримгор. Однажды кто-то заглянул в церковь, где он служил, и увидел стоящего на кафедре старика Скримгора, который произносил пламенную проповедь, обращаясь к поденщицам. «Ага! — говорил он, грозя им пальцем. — Я знаю, о чем вы думаете. Вы думаете, что Агасфер — это Артаксеркс Второй. А я скажу вам, что вы ошибаетесь! — восклицал старик и добавлял с неописуемым торжеством: — Агасфер — это Артаксеркс Третий!»

Вообще-то Джулиан не находил в истории ничего особо смешного, но Банч не переставала потешаться. Вот и теперь снова раздался всплеск ее звонкого смеха.

— Ах, старый зануда! Когда-нибудь и ты станешь таким же, Джулиан.

Джулиан смутился.

— Да, я очень переживаю, что мне не всегда удается говорить просто и доходчиво, — сказал он.

— А вот из-за этого я бы на твоем месте не волновалась. — Банч поднялась из-за стола и принялась складывать на поднос грязную по-

суду. — Вчера миссис Батт призналась мне, что ее муж, который раньше в церковь даже не заглядывал и слыл местным атеистом, теперь каждое воскресенье приходит послушать твою проповедь… «А недавно, мадам, — продолжала она, мастерски копируя рафинированную собеседницу, — мой Батт сказал мистеру Томкинсу из Литтл-Ворсдейла, что наш Чиппинг-Клеорн — это культурный оазис. Не то что Ворсдейл, где мистер Гросс говорит с прихожанами, как с несмышленышами. Наш священник — человек высокообразованный, настоящий джентльмен. Еще бы! Он не в каких-нибудь Милчестерах, он в Оксфорде обучался! И нас дарит плодами своей образованности. Он все знает и про Древний Рим, и про Грецию, и про Вавилон с Ассирией! Даже кота своего назвал в честь ассирийского царя», — победоносно закончила Банч. — Видишь, какая о тебе идет слава?… О господи! Мне же надо делать дела, а то я до вечера не управлюсь! Кис-кис-кис, Тиглатпаласар, иди сюда, отведай селедочный хребетик!

Открыв дверь, она ловко придержала ее ногой и юркнула в кухню с полным подносом, громко и не особенно благозвучно распевая песню собственного сочинения:

Что за прелестный, убийственный день,

Как благоухает сирень!

Все сыщики разбежались…

Грохот посуды, вываленной в раковину, заглушил следующие слова, но, выходя из дома, преподобный Джулиан Хармон все же услышал последнюю строку, преисполненную ликования:

И мы на убийство собрались!

Глава 2
Завтрак в «Литтл-Пэддоксе»

В «Литтл-Пэддоксе» завтрак тоже был в самом разгаре. Мисс Блэклок, шестидесятилетняя хозяйка дома, сидела во главе стола. Она была в домашнем платье, с которым совершенно не гармонировало ожерелье из крупного фальшивого жемчуга. Мисс Блэклок читала статью Лейн Норкотт, напечатанную в «Дейли мейл». Джулия Симмонс рассеянно перелистывала «Дейли телеграф». Патрик Симмонс разгадывал кроссворд в «Таймс». Мисс Дора Баннер с головой ушла в местный еженедельник, не замечая ничего вокруг.

Мисс Блэклок тихонько хихикнула. Патрик пробормотал:

— Ага! Значит, не «авторитетный», а «авторитарный» — вот где я ошибся!

И вдруг мисс Баннер закудахтала, как испуганная наседка:

— Летти, Летти, ты видела? Что это?

— В чем дело, Дора?

— Какое странное объявление! В нем написано, что в «Литтл-Пэддоксе» произойдет убийство.

Прямо так и написано, черным по белому…

— Дора, дорогая, не волнуйся… Покажи.

Мисс Баннер послушно протянула газету мисс Блэклок и ткнула дрожащим пальцем в загадочные строчки:

— Вот, смотри.

Мисс Блэклок взглянула. Брови ее поползли вверх. Окинув стол испытующим взором, она громко прочла:

— «ОБЪЯВЛЕНО УБИЙСТВО, КОТОРОЕ ПРОИЗОЙДЕТ В „ЛИТТЛ-ПЭДДОКСЕ“ В ПЯТНИЦУ, ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОГО ОКТЯБРЯ, В ВОСЕМНАДЦАТЬ ЧАСОВ ТРИДЦАТЬ МИНУТ. ТОЛЬКО СЕГОДНЯ! ДРУЗЬЯ, СПЕШИТЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ!» Патрик, это твои выдумки? — вопрошающий взгляд Летиции Блэклок остановился на красивом молодом повесе, сидевшем на противоположном конце стола.

Патрик Симмонс начал поспешно оправдываться:

— Да вы что, тетя Летти?! Как вы могли подумать? И вообще, почему я?

— Потому что с тебя станется, — жестко сказала мисс Блэклок. — Такие шуточки в твоем стиле.

— Шуточки? Господь с вами, тетя Летти!

— Тогда, может, это твоих рук дело, Джулия?

— Разумеется, нет, — ответила Джулия со скучающим видом.

Мисс Блэклок пробормотала:

— Неужели это миссис Хаймес?…

И взглянула на уже опустевшее место за столом.

— Нет, как-то непохоже, что у нашей Филиппы вдруг прорезалось чувство юмора, — откликнулся Патрик. — Она у нас особа серьезная.

— Тогда чья это выдумка? — спросила, позевывая, Джулия. — И вообще, что это означает?

— Наверное, какой-то глупый розыгрыш, — с расстановкой произнесла мисс Блэклок.

— Но зачем? — воскликнула Дора Баннер. — С какой целью? Если это шутка, то очень неумная шутка, дурного тона!

Ее дряблые щеки негодующе затряслись, а подслеповатые глаза возмущенно сверкнули.

Мисс Блэклок улыбнулась:

— Не волнуйся, Банни. Ничего страшного, просто кто-то решил пошутить. Хотелось бы только узнать, кто именно.

— В объявлении говорится «сегодня», — напомнила мисс Баннер, — сегодня в восемнадцать тридцать. Как ты думаешь, что будет?

— Будет смерть, — загробным голосом произнес

Патрик. — Сладкая смерть!

— Прекрати сейчас же! — цыкнула на него мисс Блэклок, а мисс Баннер тихо взвизгнула от ужаса.

— …Но я имел в виду всего лишь торт, который готовит Мици, — снова принялся оправдываться Патрик. — Вы же знаете, мы называем его «Сладкая смерть».

Мисс Блэклок рассеянно улыбнулась.

Однако мисс Баннер не унималась:

— И все-таки, Летти, как ты думаешь?…

Подруга не дослушала. Она старалась казаться беспечной.

— Я знаю только одно, — сухо сказала мисс Блэклок, — в полседьмого к нам пожалует, сгорая от любопытства, добрая половина поселка. Поэтому на твоем месте, Банни, я бы лучше поинтересовалась, есть ли у нас какая-нибудь выпивка.

— А ведь ты волнуешься, Летти!

Мисс Блэклок вздрогнула. Она сидела за письменным столом и рассеянно рисовала на промокашке рыбок. Подняв голову, Летиция посмотрела на встревоженную подругу. Что ей было сказать Доре Баннер? Банни нельзя волноваться, нельзя расстраиваться. Мисс Блэклок помолчала, раздумывая… Они с Дорой Баннер вместе учились

в школе. В те давние времена Дора была светловолосой, голубоглазой глупышкой. Но глупость ее никому не мешала. С Дорой охотно общались, потому что она была веселой, жизнерадостной и хорошенькой. Подруги считали, что ей нужно выйти замуж за симпатичного военного или за сельского присяжного. Дора обладала массой достоинств: она была нежной, заботливой, верной. Но жизнь жестоко обошлась с бедняжкой. Доре пришлось самой зарабатывать себе на хлеб. И хотя она была очень старательной, ее повсюду преследовали неудачи. На долгое время Летиция с Дорой потеряли друг друга из виду. Но полгода назад мисс Блэклок получила письмо, сумбурное и патетическое. Дорино здоровье было подорвано. Она жила в крохотной каморке, пытаясь хоть как-то просуществовать на мизерную пенсию. Ей хотелось бы брать на дом вышивание, но из-за ревматизма она не могла и этого. Банни с умилением вспоминала школьную дружбу… Жизнь, конечно, развела их… но, может быть… вдруг… подруга не откажется ей помочь?

И мисс Блэклок поддалась внезапному порыву. Бедная Дора, бедная, милая, глупенькая, пухленькая Дора! Летиция бросилась к Доре и привезла ее в «Литтл-Пэддокс», сказав, что одной вести

хозяйство тяжело и ей нужна помощница. Жить Доре оставалось недолго — так по крайней мере уверяли врачи. И все же порой мисс Блэклок чувствовала, что взяла на себя непомерно тяжелую ношу. Бедняжка Дора постоянно все путала, портила нервы вспыльчивой домработнице-иностранке, теряла счета и письма, а временами просто доводила мисс Блэклок до белого каления. Бедная, бестолковая старушка Дора, она такая преданная, так искренне хочет помочь, так гордится тем, что она нужна и приносит пользу, но, увы, она так ненадежна!..

— Не надо, Дора. Я же тебя просила, — резко оборвала подругу мисс Блэклок.

— Ой! — виновато заморгала мисс Баннер. — Да, конечно… Я просто забыла. Но… ты ведь действительно…

— Волнуюсь? Отнюдь. По крайней мере, — добавила Летиция, стараясь быть правдивой, — не из-за этого. Ты ведь имела в виду нелепое объявление в «Газете»?

— Да… По-моему, даже если это шутка, она какая-то злобная.

— Злобная?

— Да. От всей этой затеи веет злобой. В общем… нехорошая это шутка, вот что!

Мисс Блэклок задумчиво поглядела на подругу. Кроткие глаза, большой упрямый рот, слегка вздернутый носик. Бедная Дора, от нее с ума можно сойти! Бестолковая, преданная Дора… О господи, сколько же с ней хлопот! А теперь еще и это… Кто бы мог подумать, что у выжившей из ума милашки еще сохранился нюх на нравственные и безнравственные поступки?!

— Что ж, похоже, ты права, Дора, — промолвила мисс Блэклок. — Это дурная шутка.

— Не нравится мне она, совсем не нравится! — с внезапной яростью выпалила мисс Баннер. — Я боюсь! — И неожиданно добавила: — Да и ты тоже боишься, Летиция.

— Вздор! — бодро возразила мисс Блэклок.

— Я уверена, затевается что-то опасное. Это как бомба в конверте…

— Да ладно тебе нагнетать! Просто какой-то недоумок решил сострить.

— Не вижу ничего смешного.

И действительно, ничего смешного тут не было. Лицо мисс Блэклок выдало ее потаенные мысли, и Дора торжествующе воскликнула:

— Я же говорила! Ты тоже так думаешь!

— Но, Дора, дорогая…

Мисс Блэклок не договорила. В комнату, словно

цунами, ворвалась молодая женщина; ее пышная грудь бурно вздымалась под тесным свитером. Широкая пестрая юбка была посажена на корсаж, вокруг головы обмотаны сальные черные косы. Черные глаза метали молнии.

— Я могу вам обращаться, пожалуйста, да?

Мисс Блэклок вздохнула:

— Разумеется, Мици. Что стряслось?

Право же, подчас ей казалось, что лучше самой готовить еду и вести хозяйство, нежели терпеть бесконечные истерики домработницы-беженки.

— Я не ходить вокруг и возле… Я говорить прямо… Я давать предупреждение о уход… и уходить… уходить сейчас!

— Сейчас? Но почему? Тебя кто-то расстроил?

— Расстроил, да! — трагически воскликнула Мици. — Я не хочу умирать! Я уже бежал в Европа. Моя семья — они все умирали… их убивать, всех: и мама, и маленький брат, и моя такая милая маленькая племянница… все, все убивать. Но я убежать, прятаться, прийти в Англия. Я работать. Я делаю работа, какая никогда не делала на моя родина… Я…

— Да-да, ты говорила, — решительно оборвала мисс Блэклок Мици, по сто раз на дню повторявшую одно и то же. — Но все-таки мне непонятно,

почему ты решила уйти именно сегодня?

— Потому что они опять приходить меня убивать!

— Кто?

— Мои враги. Наци! Они узнавать, что я здесь, и приходить убивать. Я об это читаль, да, я читаль газет!

— Ты имеешь в виду нашу «Газету»?

— Вот, здесь написано, — Мици достала из-за спины «Газету». — Видишь, здесь они прямо говорить: «Убийство». Убийство в «Литтл-Пэддоксе». Или это не значит здесь? Сегодня вечер, в половина седьмого. Ай! Я не хочу ждать, когда меня убивать… Нет!

— Но почему ты считаешь, что это про тебя? Мы, например, думаем, что кто-то просто пошутил.

— Пошутил? Разве убивать — это шутка?

— Нет, конечно. Но, дорогая девочка, если бы кто-нибудь захотел тебя убить, он бы не стал давать объявление в газете.

— Да? — Мици призадумалась. — Вы хотите сказать, они никто не хотеть убивать? А может, они хотеть убивать вас, мисс Блэклок?

— В жизни не поверю, что кто-то решил меня убить, — беспечно заявила мисс Блэклок. — И главное, Мици, я совершенно не понимаю, зачем

убивать тебя. Ну, зачем, скажи на милость?

— Потому что они плохие… очень плохие. Я вам уже говорить: и маленький брат, и мама, и моя такая милая маленькая племянница…

— Да-да, конечно, — ловко остановила поток словоизлияний мисс Блэклок. — Но все равно мне не верится, что тебя хотят убить, Мици. Хотя если ты твердо решила уйти, причем предупредив меня за пять минут до своего ухода, я не в силах тебе помешать. Но учти, ты сделаешь огромную глупость, — уже другим тоном произнесла мисс Блэклок и поспешила добавить, заметив, что Мици заколебалась: — Говядина, что прислал к обеду мясник, по-моему, слишком жесткая.

— Я буду готовить гуляш, специальный гуляш.

— Специальный так специальный. А кстати, ты не могла бы сделать сырные палочки? Ну, из того засохшего куска сыра… А то ведь к нам могут сегодня пожаловать гости.

— Сегодня? Что значит «сегодня»?

— То и значит. В половине седьмого.

— Но… это же время, которое написать газета! Кто придет? Зачем придет?

— На похороны, — сказала, подмигнув, мисс Блэклок и добавила, пресекая дальнейшие возражения: — Все, Мици, хватит. Мне некогда. Ступай

и, пожалуйста, поплотнее закрой за собой дверь.

— Так… на некоторое время покой обеспечен, — вздохнула хозяйка дома, когда дверь за ошарашенной Мици захлопнулась.

— Ах, Летти! Ты такая деловая! — восхищенно воскликнула мисс Баннер.

Глава 3
В половине седьмого

— Ну, вроде все, — сказала мисс Блэклок, придирчиво окидывая взглядом двойную гостиную. Ситцевая мебельная обивка с мелкими розочками, золотистые шары хризантем… вазочка с фиалками и серебряная сигаретница на столике возле стены… поднос с напитками на столе посреди комнаты… «Литтл-Пэддокс» представлял собой средний по величине особняк, построенный в стиле ранней Викторианской эпохи. В узкой, продолговатой гостиной вечно царил полумрак, потому что крыша веранды заслоняла солнечный свет; в дальнем конце когда-то были двойные двери, которые вели в маленькую комнатку с окном в нише, но потом двойные двери убрали и заменили бархатными портьерами. Когда же в особняке поселилась мисс Блэклок, она окончательно соединила две комнаты в одну. В каждой половине был свой камин, и, хотя ни один не горел, по комнате разливалось приятное тепло.

— Вы включили отопление? — спросил Патрик.

Мисс Блэклок кивнула:

— Да, тут было так зябко и промозгло! В доме жуткая сырость, поэтому я попросила Ивана затопить перед уходом котел.

— Неужто не пожалели драгоценного кокса? — усмехнулся Патрик.

— Вот именно: драгоценного. Но иначе нам пришлось бы расходовать еще более драгоценный уголь. Сам знаешь, отопительная контора не выделяет ни грамма сверх того, что нам положено на неделю… если только не заявить, что нам не на чем готовить еду.

— Но ведь когда-то были целые горы угля и кокса, и они продавались совершенно свободно? — Джулия сказала так, как будто речь шла не об Англии, а о какой-то диковинной заморской стране.

— Да, и причем по дешевке.

— И кто угодно мог пойти и купить все, что хотел, без карточек и ограничений? Неужели тогда всего было полно?

— Да, дорогая. И топливо было любого сорта и любого качества, а не как сейчас, только камни и сланец.

— Эх, жили же люди! — с завистью произнесла Джулия.

Мисс Блэклок улыбнулась:

— Мне тоже приходят на ум такие мысли, когда я оглядываюсь назад. Но ведь я старуха. И естественно, мое время кажется мне самым лучшим. Но вам, молодым, негоже вести подобные речи.

— Я тогда могла бы не работать, — продолжала, не слушая тетку, Джулия. — Сидела бы себе дома, составляла цветочные букеты и писала письма… Почему тогда писали столько писем? Кому?

— Всем тем, кому ты сейчас звонишь по телефону, — лукаво прищурилась мисс Блэклок. — Хотя мне, честно говоря, не верится, что ты умеешь писать, Джулия.

— Да уж конечно, я не следую «Полному руководству по написанию писем», которое раскопала тут у вас на днях. Это прелесть что такое! Представляете, там даже дают советы, как достойно отказать вдовцу, если он просит твоей руки.

— И тем не менее вряд ли тебе удалось бы всю жизнь пробездельничать. У людей и тогда было много разных обязанностей, — сухо сказала мисс Блэклок. — Впрочем, я мало сведуща в светской жизни. Нам с Банни, — она одарила Дору Баннер нежной улыбкой, — рано пришлось отправиться на биржу труда.

— О да, очень рано! — поддакнула мисс Бан-

нер. — Господи, каких гадких, отвратительных детей мне пришлось обучать! Никогда их не забуду. Летти, правда, оказалась умнее меня. Она проникла в деловой мир, стала секретаршей финансового воротилы…

Внезапно открылась дверь, и вошла Филиппа Хаймес, статная, красивая, спокойная женщина. Она удивленно огляделась по сторонам:

— Здравствуйте! А вы что, гостей ждете? Почему мне ничего не сказали?

— Это невероятно! — воскликнул Патрик. — Филиппа не знает! Бьюсь об заклад: она единственная женщина в Чиппинг-Клеорне, которая ничего не знает!

Филиппа вопросительно взглянула на него.

— Узрим мы вскоре, — Патрик театрально взмахнул рукой, — убийства сцену!

Филиппа Хаймес слегка удивилась.

— Вот это, — Патрик указал на хризантемы, — похоронные венки, а оливки и сырные палочки символизируют поминальное угощение.

Филиппа перевела вопросительный взгляд на мисс Блэклок.

— Это шутка? Вы же знаете, я начисто лишена чувства юмора.

— Да, это очень гадкая шутка! — взволнованно

ответила за Летицию мисс Баннер. — Мне она совершенно не нравится.

— Покажи объявление, — велела ей мисс Блэклок. — А я пойду загоню уток. Уже темно. Им пора домой.

— Давайте я схожу, — предложила Филиппа.

— Что ты, дитя мое! Ты отдыхай, на сегодня твоя работа закончена.

— Тогда давайте схожу я, — вызвался Патрик.

— Нет-нет, ни в коем случае! — решительно возразила мисс Блэклок. — В прошлый раз ты плохо задвинул засов.

— Летти, дорогая, позволь мне пойти! — взмолилась мисс Баннер. — Честное слово, я с удовольствием! Вот только галоши надену и кофту… Ах, куда же она запропастилась?

Но мисс Блэклок, улыбаясь, уже выходила из комнаты.

— Дохлый номер, Банни, — ухмыльнулся Патрик. — Тут энергия бьет ключом. Тетушка не выносит, когда что-нибудь делают за нее. Она везде хочет поспеть сама.

— Да, она очень самостоятельная, — поддакнула Джулия.

— Хотя ты, если не ошибаюсь, не предлагала ей своих услуг, — подколол Джулию брат.

Девушка лениво улыбнулась.

— Ты сам только что сказал, что тете Летти нравится со всем справляться самой. И потом, — она вытянула вперед изящную ногу в тонком чулке, — я же надела свои выходные чулки.

— Смерть в шелковых чулках! — патетически воскликнул Патрик.

— Не в шелковых, кретин, а в нейлоновых.

— Это не так красиво звучит.

— Послушайте, может, кто-нибудь объяснит мне, — жалобно сказала Филиппа, — почему здесь столько говорят о смерти?

Все загалдели, перебивая друг друга, хотели показать ей «Газету», но не смогли — Мици унесла ее в кухню.

Мисс Блэклок вернулась через несколько минут.

— Так, — она бросила беглый взгляд на часы, — значит, у нас все готово. А времени — двадцать минут седьмого. Ну что ж, теперь одно из двух: или сейчас к нам пожалуют гости, или я совершенно не понимаю своих соседей.

— Да, но с какой стати им приходить? — в замешательстве спросила Филиппа.

— Дорогая, неужели ты действительно не в курсе? Впрочем, похоже, что нет. М-да, другую такую

нелюбопытную особу днем с огнем не сыскать.

— Отношение Филиппы к жизни можно выразить одним словом: равнодушие, — гаденьким тоном произнесла Джулия.

Филиппа предпочла промолчать. Мисс Блэклок посмотрела по сторонам.

Мици успела поставить на стол бутылку шерри и три блюда — с оливками, сырными палочками и какими-то миниатюрными печеньицами.

— Патрик, если тебе не трудно, переставь поднос в угол. Вон туда, в нишу. А лучше передвинь весь стол. В конце концов, у нас ведь не званый ужин. Я лично никого не приглашала и не хочу, чтобы было заметно, что я жду гостей.

— Как, тетя Летти?! Вы намерены скрыть вашу прозорливость?

— Ты прекрасно справился с заданием, Патрик. Большое спасибо, дорогой.

— Что ж, будем изображать тихий семейный вечер в домашнем кругу, — сказала Джулия, — а при виде нежданных гостей выразим искреннее удивление.

Мисс Блэклок взяла бутылку шерри-бренди и замерла в нерешительности.

— Да здесь почти полбутылки, — ободрил ее Патрик. — Я думаю, должно хватить.

— Да, конечно. — Мисс Блэклок поколебалась и, слегка покраснев, попросила: — Патрик, пожалуйста… в кладовке, в шкафу, есть новая бутылка. Принеси ее и захвати с собой штопор. Я… то есть мы вполне можем выставить на стол и новую бутылку. А то эта… она уже початая.

Патрик молча исполнил ее просьбу и, вернувшись с новой бутылкой, вытащил из нее пробку. Ставя шерри-бренди на поднос, он с любопытством поглядел на мисс Блэклок.

— Послушайте, а вы, похоже, это принимаете всерьез? — участливо спросил он.

— Еще бы не всерьез! — возмутилась шокированная Дора Баннер. — Нет, Летти, ты даже себе не представляешь…

— Тс-с! — резко оборвала ее мисс Блэклок. — Звонок. Что я говорила? Как видите, мои мудрые пророчества начинают сбываться.

Мици распахнула дверь в гостиную, впуская полковника Истербрука с супругой. У Мици была своеобразная манера объявлять о приходе гостей.

— Тут этот… полковник и миссис Истербрук… заявились, — фамильярно сообщила она.

Полковник, пытаясь скрыть смущение, вел себя разудало.

— Ничего, что мы к вам как снег на голову? — спросил он.

Из угла, где сидела Джулия, раздался тихий смех.

— Вот, проходили мимо и решили заскочить. Промозглый сегодня вечерок. Я смотрю, вы уже затопили. А мы пока не топим.

— Что за прелесть ваши хризантемы! — зашлась от восторга миссис Истербрук.

— Да они слова доброго не стоят! — возразила Джулия.

С Филиппой Хаймес миссис Истербрук поздоровалась особенно сердечно, как бы желая подчеркнуть, что понимает, насколько Филиппа выше обычных сельскохозяйственных рабочих.

— Как поживает садик, миссис Лукас? Вы полагаете, его можно привести в нормальное состояние? Он ведь в полнейшем запустении… всю войну без ухода… да и после войны за ним никто не ухаживал… Противный старикан Эйш только подметал там листья и сажал кое-где капусту.

— Да, сад надо приводить в порядок, — согласилась Филиппа. — Но это недолго.

Мици снова распахнула дверь и выпалила:

— Тут эти… дамы из «Боулдерса»!

— Добрый вечер! — Мисс Хинчклифф двумя

шагами перемахнула комнату и стиснула в своей огромной клешне руку мисс Блэклок. — Я сегодня возьми да и скажи Мергатройд: «А чего бы нам не нагрянуть в „Литтл-Пэддокс“?» Хотелось узнать, как высиживают утят ваши утки.

— Так день укоротился, не успеешь оглянуться, а уже смеркается, да? — с легким волнением защебетала мисс Мергатройд, обращаясь к Патрику. — О, какие прелестные хризантемы!

— Веник! — буркнула Джулия.

— Почему ты не желаешь общаться? — с упреком шепнул ей Патрик.

— О, вы уже затопили! — в устах мисс Хинчклифф это прозвучало как обвинение. — Что-то слишком рано…

— В это время года в доме ужасно сыро, — принялась оправдываться мисс Блэклок.

Патрик просигналил бровями: «Подавать шерри?» Мисс Блэклок послала ответный сигнал: «Пока не надо».

Она поинтересовалась у полковника Истербрука:

— Вам прислали из Голландии луковицы тюльпанов?…

Дверь снова отворилась, и вошла слегка пристыженная миссис Светтенхэм, за спиной кото-

рой маячил хмурый и сконфуженный Эдмунд.

— А вот и мы! — весело воскликнула миссис Светтенхэм и с явным любопытством посмотрела по сторонам. Но тут же смутилась и добавила: — Я просто так решила забежать… хотела спросить, мисс Блэклок, не нужен ли вам котенок. А то наша кошка вот-вот…

— Попадет на родильный стол, — закончил вместо матери Эдмунд. — Результат будет ужасающим. Так что потом не говорите, что я вас не предупреждал.

— Наша кошка прекрасно ловит мышей, — поспешно возразила миссис Светтенхэм. И добавила: — Какие прелестные хризантемы!

— О, а вы, я гляжу, затопили, — пытаясь выглядеть оригинальным, изрек Эдмунд.

— Как же люди похожи на граммофонные пластинки! — прошептала Джулия.

— Последние сводки новостей мне не нравятся! — заявил полковник Истербрук, мертвой хваткой вцепившись в Патрика. — Не нравятся — и точка. Спросите меня, и я отвечу: война неизбежна… неизбежна — и точка!

Дверь опять распахнулась, и вошла миссис Хармон. Пытаясь одеться помоднее, она нацепила поношенную фетровую шляпку, а вместо

домашнего свитера надела какую-то несуразную блузку с рюшечками.

— Хэлло, мисс Блэклок! — лучезарно улыбаясь, воскликнула Банч. — Надеюсь, я не опоздала? Когда начнется убийство?

…Все ахнули. Джулия одобрительно хохотнула, Патрик сморщился, а мисс Блэклок растянула губы в улыбке.

— Джулиан рвал и метал, что не может прийти, — продолжала миссис Хармон. — Он у меня обожает убийства. В прошлое воскресенье это подвигло его произнести прекрасную проповедь… Мне, наверно, не стоит хвалить Джулиана, ведь он как-никак мой муж, но проповедь и вправду удалась, вы не находите? По-моему, она получилась куда лучше остальных его проповедей… А все из-за детектива «Козни смерти». Вы читали? Продавщица книжного магазина в Бутсе отложила для меня экземплярчик. О, там так все запутано, ничего не разобрать! Только думаешь: наконец-то хоть что-то прояснилось, и вдруг на тебе — опять ничего не понятно! А убийств какая уйма! Целых четыре или даже пять, прелесть что такое! Я случайно забыла книжку в кабинете, а Джулиан пришел туда, чтобы подготовиться к проповеди. Решил взглянуть, зачитался и не

смог оторваться до самого конца. В общем, проповедь пришлось составлять наспех, на всякие ученые штучки-дрючки времени уже не хватало… И естественно, получилось в сто раз лучше, чем обычно!.. О боже, я совсем заболталась! Так все-таки, скажите на милость, когда начнется убийство?

Мисс Блэклок взглянула на каминные часы и бодро ответила:

— Если ему суждено начаться, то уже вот-вот. До половины седьмого осталась ровно одна минута. А пока выпейте шерри.

Патрик с готовностью устремился в проход под аркой. Мисс Блэклок подошла к столику, стоявшему возле этого прохода, и потянулась за сигаретами.

— Выпить-то я выпью с удовольствием, — откликнулась миссис Хармон. — Но почему вы сказали «если»?

— А потому что я, — сказала мисс Блэклок, — пребываю в таком же неведении, как и вы. Откуда мне знать…

Тут она осеклась, повернув голову на бой каминных часов. Звук был нежный, мелодичный, похожий на звон колокольчиков. Все тоже замолчали и замерли, глядя на часы, которые отбили

четверть, потом половину. А когда замер последний звук, комната вдруг погрузилась в темноту… Послышались восхищенные вздохи и женский писк.

«Началось!» — в экстазе воскликнула миссис Хармон.

Дора Баннер жалобно захныкала:

— Ой, мне это совсем не нравится!

С разных сторон доносились и другие голоса:

— Какой кошмар! Какой ужас!

— Страшно, аж жуть!..

— У меня мурашки по коже бегают!..

— Арчи, ау!.. Что теперь надо делать?…

— О господи, я, кажется, отдавил вам ногу. Простите, пожалуйста!

Потом с грохотом распахнулась дверь. Яркий свет фонаря забегал по комнате, и хриплый мужской голос скомандовал:

— Руки вверх! А ну руки вверх, кому говорят!

Все сразу почувствовали себя как в кино и восхищенно подняли руки.

— Вот это да! — выдохнула какая-то дамочка. — С ума сойти можно…

И вдруг пистолет заговорил. Он выстрелил дважды. Свист пуль вдребезги разбил всеобщее благодушие. Игра перестала быть игрой. Кто-то

взвизгнул… Человек в дверях обернулся, казалось, заколебался, но грянул третий выстрел, и он упал. Фонарь выпал из его руки и потух. Все опять погрузилось во мрак, а дверь в гостиную медленно, со слабым, негодующим стоном закрылась и защелкнулась.

…В комнате началось вавилонское столпотворение. Все кричали наперебой:

— Свет, включите свет!.. Неужели нельзя найти выключатель?… У кого есть зажигалка?… Ой, не нравится мне это, совсем не нравится!.. Но ведь стрельба была настоящая!.. У него был настоящий пистолет!.. Это грабитель?… Арчи, Арчи, я хочу домой!.. Ради бога, достаньте зажигалку!..

Затем почти одновременно щелкнули две зажигалки и вспыхнуло два маленьких ровных пламени. Все, щурясь, испуганно смотрели друг на друга. Прислонившись к стене, у прохода под аркой стояла мисс Блэклок. Она закрывала лицо руками, и что-то темное струилось у нее между ее пальцами; ничего больше разглядеть при таком слабом освещении было невозможно.

Полковник Истербрук прочистил горло и даже встал ради такого случая.

— Попробуйте нажать на выключатель, Светтенхэм, — приказал он.

Застывший возле двери Эдмунд послушно щелкнул выключателем.

— Или на станции авария, или пробки перегорели, — важно изрек полковник. — Эй, а там что за базар?

За дверью вопил-разрывался женский голос. Вопль становился все истошней, и наконец в дверь забарабанили. Тихо всхлипывавшая Дора Баннер воскликнула:

— Это Мици! Ее убивают!..

— Как же! Дождешься такого счастья! — пробормотал Патрик, а мисс Блэклок сказала:

— Надо достать свечи. Патрик, будь добр…

Но полковник уже открыл дверь. Освещая себе путь зажигалками, они с Эдмундом вышли в холл и чуть не споткнулись о лежавшего на полу человека.

— Похоже, готов, — сказал полковник. — Ну и где ваша горлодерка?

— В столовой, — ответил Эдмунд.

Дверь столовой выходила в холл. Слышно было, как кто-то бьется о стены, воет и визжит.

— Ее заперли, — сказал, наклоняясь в поисках замочной скважины, Эдмунд.

Едва он повернул ключ, Мици выпрыгнула из комнаты, как тигр из клетки. В столовой свет был.

Мици являла собой картину неописуемого ужаса и продолжала визжать. Однако во всей этой ситуации было нечто комическое, потому что в момент нападения она чистила столовое серебро и до сих пор сжимала в одной руке шкурку, а в другой — длинный нож для разделки рыбы.

— Успокойся, Мици, — сказала мисс Блэклок.

— Да-да, перестань кричать! — поддержал ее Эдмунд, но, поняв, что Мици явно не собирается замолкать, подался вперед и влепил ей звонкую пощечину. Мици судорожно глотнула воздух, икнула и умолкла.

— Достаньте свечи, — распорядилась мисс Блэклок. — Они на кухне в шкафу. Патрик, ты знаешь, где у нас пробки?

— В коридоре за посудомоечной? Сейчас посмотрю.

Мисс Блэклок вступила в полосу света, падавшего из столовой, и Дора Баннер чуть не захлебнулась рыданиями. Мици же опять издала душераздирающий вопль.

— Кровь! Кровь! — истошно заголосила она. — Вас стреляли, мисс Блэклок… Вы умирать от теряния крови!

— Не болтай глупостей! — оборвала ее мисс Блэклок. — Я вовсе не ранена. Только ухо слегка

поцарапано.

— Но, тетя Летти, — сказала Джулия, — это действительно кровь.

И правда, белая блузка мисс Блэклок, ее жемчужное ожерелье и руки — все было запачкано кровью.

— Уши всегда сильно кровоточат, — сказала мисс Блэклок. — Помнится, как-то в детстве я потеряла сознание в парикмахерской. Мастер чуть-чуть порезал мне ухо, а крови натекло целое ведро. Однако надо бы зажечь свет…

— У меня есть свеч, — подала голос Мици.

Джулия пошла вместе с ней, и они принесли на блюдцах несколько свечей.

— Так-так, посмотрим-ка на нашего злодея, — сказал полковник. — Опустите свечу пониже, Светтенхэм. Еще ниже, еще…

— Давайте я зайду с другой стороны, — предложила Филиппа.

Она решительно взяла пару блюдец. Полковник Истербрук опустился на колени.

Человек, лежавший на полу, был одет в мешковатый черный плащ с капюшоном. На лице была черная маска, на руках — черные нитяные перчатки. Капюшон сполз, из-под него выбивались всклокоченные светлые волосы. Полковник

Истербрук перевернул незнакомца на спину, пощупал пульс, послушал, бьется ли сердце, и, вскрикнув от отвращения, отдернул руки. Они были липкими и красными.

— Застрелился, — сказал полковник. — Может, это самоубийство, а может, он упал, запутавшись в плаще, и в момент падения пистолет разрядился. Очень плохо видно…

И тут как по мановению волшебной палочки зажегся свет.

Со странным чувством, будто все происходит понарошку, жители Чиппинг-Клеорна, столпившиеся в холле «Литтл-Пэддокса», вдруг осознали, что на их глазах трагически погиб человек. Рука полковника Истербрука покраснела от крови. Кровь все еще текла по шее мисс Блэклок, капая на блузку и юбку, а на полу лежал нелепо растянувшийся незваный гость.

— Похоже, всего одна пробка перегорела… — Вошедший в комнату Патрик осекся.

Полковник потянулся к узкой черной маске, прикрывавшей лицо трупа:

— Давайте-ка взглянем, что это за тип. Хотя мы вряд ли его знаем.

Он сорвал маску. Все вытянули шеи. Мици икнула, судорожно хватая ртом воздух. Остальные

стояли неподвижно, как истуканы.

— Совсем молоденький, — жалостливо протянула миссис Хармон.

А Дора Баннер взволнованно воскликнула:

— Летти, Летти, это же молодой человек из отеля «Спа» в Меденхэм-Уэллсе! Он еще приходил к нам, просил денег, чтобы вернуться в Швейцарию, а ты ему отказала. Наверное, это был лишь предлог, а на самом деле он хотел пробраться в дом и изучить планировку. Господи, он ведь мог убить тебя!..

Мисс Блэклок поспешила взять инициативу в свои руки:

— Филиппа, отведи Банни в столовую и дай ей полрюмки бренди. Джулия, дорогая, сбегай в ванную и принеси мне из шкафчика лейкопластырь, а то я тут все заляпаю. А ты, Патрик, звони в полицию.

Глава 4
Отель «Ройал Спа»

Начальник полиции Миддлшира Джордж Райдесдейл был человеком спокойным. Этот мужчина среднего роста с проницательными глазами под кустистыми бровями имел обыкновение больше слушать, чем говорить. Выслушав же собеседника, он бесстрастно отдавал лаконичные приказы, которые неукоснительно выполнялись.

Сейчас Райдесдейл слушал отчет инспектора Дермота Краддока, которому было поручено расследовать происшествие в «Литтл-Пэддоксе». Вчера ночью Райдесдейл вызвал Краддока из Ливерпуля, куда тот был отправлен для наведения справок по другому делу. Райдесдейл высоко ценил своего сотрудника. Тот не только обладал острым умом и богатым воображением, но еще и отличался дисциплинированностью и терпением (что для Райдесдейла было важнее ума) и мог вести расследование не торопясь, перепроверяя каждый факт и сохраняя способность непредубежденно мыслить до самого конца

следствия.

— Вызов принял констебль Легг, сэр, — сообщил Райдесдейлу Краддок. — Он проявил оперативность и не потерял присутствия духа. А это было нелегкой задачей. Вы только представьте себе десяток людей, галдящих наперебой. Даже эта беженка, которая вообще-то боится полицейских как черт ладана, и та орала. Ей почудилось, что она угодила в ловушку, и бедняга вопила так, что в доме чуть не обрушились стены.

— Вам удалось установить личность покойника?

— Так точно, сэр. Это некий Руди Шерц. Швейцарец. Работал администратором гостиницы «Ройал Спа» в Меденхэм-Уэллсе. Если вы не возражаете, сэр, я сначала поеду туда, а потом в Чиппинг-Клеорн. Там сейчас сержант Флетчер. Он должен встретиться с водителями автобусов, а после отправиться в «Литтл-Пэддокс».

Райдесдейл одобрительно кивнул.

Открылась дверь. Начальник полиции поднял глаза.

— Входите, Генри, — сказал он. — У нас довольно оригинальное дело.

Сэр Генри Клиттеринг, бывший комиссар Скотленд-Ярда, поднял брови.

— Это может заинтересовать даже Вашу Пресыщенность.

— Неправда, пресыщенным я никогда не был! — возмутился сэр Генри.

— Вы уже слышали о последнем писке моды? — спросил Райдесдейл. — Теперь об убийствах оповещают заранее. Краддок, пожалуйста, покажите сэру Генри объявление.

Клиттеринг прочел абзац, в который ткнул пальцем Краддок.

— М-да, действительно оригинально.

— А удалось установить, кто подал объявление? — поинтересовался Райдесдейл у Краддока.

— Судя по всему, это был сам Руди Шерц. Он дал объявление в среду.

— И оно никого не заинтриговало? Неужели человек, который его принимал, не удивился?

— Тощая блондинка, сидящая на приеме объявлений, не обладает способностью к мышлению. По крайней мере мне так показалось, сэр. Она просто сосчитала количество слов и взяла у клиента деньги.

— Но зачем он это затеял? — недоуменно спросил сэр Генри.

— Наверное, чтобы собрать побольше народу, — предположил Краддок. — Вероятно, он

решил собрать местных зевак, крикнуть: «Руки вверх!» и быстренько облегчить их карманы от лишних денег и драгоценностей. Идея довольно оригинальная.

— А что за место этот Чиппинг-Клеорн? — поинтересовался сэр Генри.

— Это большой живописный поселок. Он растянулся на несколько миль. Там есть лавка мясника, лавка зеленщика, булочная, вполне приличный антикварный магазинчик, две чайные. Красивое местечко. Обслуживает автотуристов. Плотность населения высокая. Раньше в коттеджах жили фермеры, а теперь обитают старые девы и пожилые супружеские пары. Большинство домов построено в Викторианскую эпоху.

— Представляю, — сказал сэр Генри. — Божьи одуванчики и отставные полковники. Да, эти люди действительно явятся, увидев объявление в газете, они ужасно любопытны. Эх, много бы я дал за то, чтобы мой собственный божий одуванчик оказался там вчера! Неужели ей не захотелось бы впиться в эту историю своими мелкими дамскими зубками? Это вполне в ее духе!

— Вы о ком, сэр Генри? О своей тетушке?

— О нет, — вздохнул сэр Генри. — Она мне не родственница… Но это самый лучший сыщик

на свете. Природный гений, взращенный на благодатной почве. — Он повернулся к Краддоку. — И вам не стоит пренебрегать божьими одуванчиками, обитающими в этом поселке, мой мальчик. Запомните на всякий случай — вдруг дело окажется запутанным? Старая дева, сидящая на лавочке с вязаньем или обожающая возиться в саду, даст сто очков вперед любому следователю. Она расскажет вам, что могло произойти, и что должно было произойти, и даже что на самом деле произошло. А главное — вы узнаете от нее, почему это произошло!

— Буду иметь в виду, — кивнул инспектор Краддок, стараясь держаться как можно официальнее. Никто никогда бы не догадался, что Дермот Эрик Краддок — крестный сын сэра Генри и на самом деле отношения у них очень близкие и дружеские.

Райдесдейл кратко изложил сэру Генри суть дела.

— В том, что они соберутся в половине седьмого, можно было не сомневаться, — сказал он напоследок. — Но как об этом мог узнать наш швейцарец? И еще одно: откуда у него возникла уверенность, что ему будет чем поживиться?

— Да, улов негустой… Пара старомодных бро-

шек, нитка фальшивого жемчуга, от силы две банкноты, — задумчиво произнес сэр Генри. — Вы не знаете, мисс Блэклок хранит дома много денег?

— Вроде бы нет, сэр. Фунтов пять, не больше.

— Особо не разгуляешься, — заметил Райдесдейл.

— Вы хотите сказать, — подытожил сэр Генри, — что молодчику просто нравились розыгрыши? Вам кажется, это был не грабеж, а маскарад, игра в налетчика? Как в кино? Что ж, вполне вероятно. Вот только как он умудрился застрелиться?

Райдесдейл протянул ему бумагу:

— Предварительное медицинское заключение. Выстрел произведен с близкого расстояния… ожоги… гм… Да, но все равно неясно, что это: самоубийство или несчастный случай. Может, он действительно застрелился, а может, пистолет разрядился случайно, когда молодой человек споткнулся и упал. По-моему, вероятней последнее. — Сэр Генри посмотрел на Краддока. — Надо очень тщательно опросить свидетелей. Пусть точно опишут, что они на самом деле видели.

Инспектор Краддок вздохнул:

— Каждый из них видел что-то свое.

— Меня всегда занимал вопрос, — сказал сэр

Генри, — что видят люди в минуту крайнего возбуждения или нервного потрясения? А еще интереснее то, чего они не замечают…

— Что известно про пистолет?

— Он иностранного производства. В Европе довольно много пистолетов такой марки. Шерц не имел разрешения на оружие. Въезжая в Англию, он не декларировал оружие.

— Прохвост, — сказал сэр Генри.

— Да уж, с какой стороны ни посмотри. Ладно, Краддок, вы свободны. Выясните все, что сможете, о Руди Шерце в отеле «Ройал Спа».

В «Ройал Спа» Краддока сразу повели к управляющему.

Высокий румяный добряк Роулендсон принял его с отменным радушием.

— Счастлив буду помочь всем, чем смогу, инспектор. Поверьте, для меня это полная неожиданность! Никогда бы не поверил… Шерц казался мне таким заурядным парнем, симпатичным, но совершенно обыкновенным. Я и представить его не мог в роли налетчика.

— Он давно работал у вас, мистер Роулендсон?

— Как раз перед вашим приходом я поднял документацию. Руди проработал тут чуть больше трех месяцев. Рекомендации у него были хоро-

шие, все бумаги были в порядке.

— Он вас устраивал?

От Краддока не укрылось, что Роулендсон слегка замялся.

— Д-да, вполне.

Краддок прибегнул к испытанной тактике.

— Ах, мистер Роулендсон, — сказал он, ласково качая головой, — вы ведь не до конца со мной откровенны.

— Я? Э-э… — Управляющий явно был застигнут врасплох.

— Видите? Нет, тут что-то не так. Что именно?

— В том-то и дело, что я не знаю.

— Но у вас возникли какие-то подозрения.

— М-м… да. Я… Но у меня нет доказательств! Мне бы не хотелось, чтобы мои домыслы были записаны и потом использованы против меня.

Краддок любезно улыбнулся:

— Я знаю, на что вы намекаете. Не беспокойтесь. Мне просто необходимо уяснить, что собой представлял этот Шерц. Вы его подозревали. В чем?

— Пару раз у нас возникали сложности со счетами, — промямлил Роулендсон. — В них было включено то, чего включать не следовало.

— Иными словами, вы подозревали Шерца в

том, что он брал деньги за услуги, которые не числятся в прейскуранте гостиницы, а разницу прикарманивал?

— Ну да, примерно так. Вообще-то он не больно осторожничал. Два раза речь шла о весьма крупных суммах. Сказать по совести, я однажды заставил нашего бухгалтера проверить все бухгалтерские книги, предполагая, что он… м-м… ошибся, но, хотя в бумагах действительно были обнаружены некоторые неточности, да и дела бухгалтер вел весьма небрежно, в целом касса оказалась в порядке. Так что я возводил на Руди напраслину.

— А если нет? Что, если Шерц, урывая понемножку то тут, то там, умудрился сколотить приличный капиталец?

— Это было бы возможно, если у Руди существовал еще какой-нибудь источник доходов. Но люди, которые, как вы изволили выразиться, урывают понемножку то тут, то там, обычно нуждаются в деньгах, а получая, сразу же их тратят.

— Значит, если бы Шерцу понадобилось покрыть недостачу, то ему нужно было бы раздобыть денег… Например, кого-нибудь ограбить, да?

— Да. Простите за любопытство, это была его

первая попытка?

— Вероятно. Во всяком случае, проделано все крайне неумело. А кто мог, как говорится, подкинуть ему деньжат? Может, у него была женщина?

— Была одна официантка из гриль-бара. Мирна Харрис.

— Мне хотелось бы с ней побеседовать.

Мирна Харрис оказалась миловидной курносой девушкой с копной рыжих волос. Она была встревожена и напряжена. Ее явно возмущало, что приходится отвечать на вопросы полицейского.

— Я ничего не знаю, сэр. Ни-че-го! Знай я, что он за тип, никогда не стала бы с ним связываться. А так я видела, что он работает в отеле, и думала, будто он нормальный человек. Во всяком случае, мне так казалось. А вообще-то гостиницам следовало бы тщательнее подбирать персонал, особенно иностранцев. С ними нужно держать ухо востро. Он, наверно, был членом одной из шаек, о которых пишут в газетах.

— Мы предполагаем, — сказал Краддок, — что Шерц действовал в одиночку.

— Только подумать, такой спокойный, солидный мужчина! Ни за что не сказала бы, что ворюга! Правда, у меня пропало несколько вещиц,

я только сейчас вспомнила. Брошка с бриллиантиком и небольшой золотой медальончик. Но я даже мысли не допускала, что это Руди.

— Охотно верю, — кивнул Краддок. — Кого угодно можно ввести в заблуждение. А вы хорошо его знали?

— Да как вам сказать…

— Но вы были с ним в дружеских отношениях?

— О да, именно в дружеских, не больше! Ничего серьезного между нами не было. Я не доверяю иностранцам. Кто знает, что у них на уме? Вспомните, как вели себя поляки во время войны! Да и янки, надо сказать, ничуть не лучше. В жизни не признаются, что женаты, а когда правда выйдет наружу, уже поздно. Руди любил пускать пыль в глаза, но я не особо верила его байкам.

Краддок встрепенулся:

— Пустить пыль в глаза? Любопытно… Я вижу, вы можете нам помочь, мисс Харрис. Пожалуйста, расскажите поподробней, как он пускал пыль в глаза.

— Ну, он это… распинался, какие у него богатые предки в Швейцарии, какие они важные птицы. Но это как-то не вязалось с тем, что он постоянно сидел без денег. Правда, Руди говорил, что не смог вывезти капиталы из Швейцарии, потому что на

таможне были ограничения. Не знаю, может, он и не врал, но вообще-то шмотки у него были не ахти… Я имею в виду одежду. В ней не было настоящего шика. Поэтому я думаю, большинство его россказней — чистый треп. И о восхождении на Альпы, и о том, как он вызволял людей с ледника. А самому дурно стало, когда мы поднялись на нашу горку в Боулдерсе. Ха! Тоже мне — Альпы!

— Вы часто общались?

— Д-да… Он был такой обходительный… знал, как… ну это, в общем, как ухаживать за девушкой. В кино всегда покупал билеты на лучшие места. И даже цветочки дарил иногда. И потом, он классно танцевал… просто классно!

— А он когда-нибудь упоминал про мисс Блэклок?

— Про ту, что иногда приезжает сюда пообедать? Она еще останавливалась однажды в гостинице… Нет, кажется, нет. Я вообще-то понятия не имела, что он с ней был знаком.

— А он не говорил про Чиппинг-Клеорн?

Краддоку почудилось, что во взгляде Мирны Харрис промелькнула настороженность. Но, может быть, он ошибся?

— Нет… Правда, он как-то спросил про автобусы… Ну, про расписание… Но я не уверена, что ему

было нужно именно в Чиппинг-Клеорн. Толком не помню. Это было давно.

Больше инспектор от нее ничего не добился. Руди Шерц вел себя обычно. Накануне налета она его не видела. И понятия не имела — ни малейшего, она особенно на это упирала! — что Руди Шерц проходимец.

«И вероятно, — решил Краддок, — Мирна говорила правду».

Глава 5
Мисс Блэклок и мисс Баннер

«Литтл-Пэддокс» оказался примерно таким, каким представлял его себе инспектор. Взгляд его задержался на цыплятах и утках, а также на том, что еще совсем недавно было очаровательным цветочным бордюром. Теперь там цвело лишь несколько астр — этакий последний, предсмертный всплеск пурпурной красоты. На лужайках и тропинках виднелись явные следы запустения.

Краддок сделал вывод, что у хозяев нет денег на садовника, но цветы здесь любят: клумбы разбиты со вкусом. Дом нуждался в покраске. Впрочем, сейчас большинство домов нуждается в покраске…

Едва машина инспектора остановилась у парадного входа, из-за угла вынырнул сержант Флетчер. Выправка у него была гвардейская. А еще он обладал способностью вкладывать уйму значений в коротенькое слово «сэр».

— А, вот вы где, Флетчер!

— Сэр, — откликнулся сержант.

— Какие новости?

— Только что закончили осмотр дома, сэр. Такое впечатление, что Шерц не оставил отпечатков пальцев. Впрочем, неудивительно — он же был в перчатках. Следов взлома нет ни на дверях, ни на окнах. Наверное, парень приехал на автобусе из Меденхэма и пришел сюда к шести часам. Черный ход, как я понял, заперли в половине шестого. Он, судя по всему, прошел через парадный. Мисс Блэклок уверяет, что эта дверь не запирается допоздна, пока все не лягут спать. Но служанка сказала, что парадная дверь целый день была заперта. Однако она может и не то еще заявить. Очень уж она темпераментная, вы сами убедитесь. Беженка с материка.

— Тяжко с ней?

— Сэр! — с чувством произнес сержант Флетчер.

Краддок усмехнулся. Флетчер продолжал рапортовать:

— Освещение везде исправно. Нам пока не удалось выяснить, что он натворил со светом. Из строя вышла лишь проводка в гостиной и в холле. Конечно, сейчас бра и лампы не делают на одной пробке, но в доме сохранена старинная система освещения и планировки. Даже не представляю, как он мог намудрить с пробками, ведь

они находятся возле чулана. Добраться до них можно только из кухни. Но тогда бы его увидела служанка…

— А если она была с ним заодно?

— Не исключено. Оба иностранцы… Я, например, ни единому ее слову не верю, ни единому!

Краддок поймал на себе испуганный взгляд больших черных глаз, которые смотрели на него из крайнего окна возле входа в дом. Лицо, расплющенное об оконное стекло, было почти неразличимо.

— Это она?

— Так точно, сэр.

Лицо исчезло.

Краддок позвонил в дверь. Ждать пришлось достаточно долго. Наконец дверь отворила хорошенькая девушка со скучающим выражением лица.

Краддок представился. Девушка одарила его холодным взглядом очень красивых орехово-карих глаз.

— Проходите. Мисс Блэклок вас ждет.

В длинный узкий холл выходило невероятное количество дверей. Молодая женщина распахнула одну, расположенную по левую сторону:

— Тетя Летти, к вам инспектор Краддок. Мици

открывать не пожелала. Она в своем репертуаре: заперлась на кухне и орет благим матом. Обеда, насколько я понимаю, нам сегодня не видать как своих ушей. Мици не любит полицейских, — пояснила девушка Краддоку и удалилась, прикрыв за собой дверь.

Инспектор двинулся навстречу хозяйке «Литтл–Пэддокса». Перед ним была высокая энергичная шестидесятилетняя женщина. Пепельные слегка волнистые волосы красиво обрамляли умное, решительное лицо. Проницательные серые глаза, волевой подбородок, левое ухо перевязано… Косметикой мисс Блэклок не пользовалась, одета была в простой, но ладно скроенный пиджак, юбку и свитер. На шее красовалось старомодное ожерелье. Оно совершенно не сочеталось с деловым костюмом. Сей отголосок Викторианской эпохи намекал на некоторую сентиментальность, однако внешне она никак больше не проявлялась.

Позади хозяйки дома стояла другая женщина, примерно того же возраста. На ее круглом лице было написано усердие, а непослушные волосы выбивались из-под сеточки. Краддок без труда угадал в этой женщине Дору Баннер, которую констебль Легг обозначил в докладной запис-

ке как компаньонку, а устно добавил, что она «немножко того».

Мисс Блэклок сказала приятным, хорошо поставленным голосом:

— Доброе утро, инспектор! Познакомьтесь, это моя подруга мисс Баннер, она помогает мне вести хозяйство. Присаживайтесь, пожалуйста. Надеюсь, вы не курите?

— Исключительно в нерабочее время.

— И напрасно, надо вообще бросить.

Краддок окинул комнату профессиональным взглядом. Типичная сдвоенная гостиная викторианских времен. Два продолговатых окна на одной половине. На другой — окно-«фонарь» в выступе стены. Стулья, диван, посреди комнаты — стол, на нем в большой вазе розы, на окне другая ваза… обстановка аккуратная, милая, но довольно ординарная. Из общей картины выпадала только маленькая вазочка с увядшими фиалками. Краддоку показалось странным, что мисс Блэклок терпит у себя в комнате увядшие цветы, но он решил, что недосмотр произошел из-за пережитого потрясения.

— Если я не ошибаюсь, несчастье произошло здесь? — спросил он.

— Да.

— О, видели бы вы нашу комнату вчера вечером! — воскликнула мисс Баннер. — Все было вверх дном! Столы перевернуты, у одного ножка отлетела… темень, суматоха… кто-то бросил зажженный окурок и подпалил мебель. Люди, особенно молодежь, сейчас так наплевательски относятся к вещам!.. Хорошо хоть фарфор не расколотили!

Мисс Блэклок мягко, но решительно осадила подругу:

— Дора, это, конечно, неприятно, но, ей-богу, ты заостряешь внимание на мелочах. Давай лучше отвечать на вопросы инспектора.

— В таком случае, мисс Блэклок, я сразу перейду к делу. Перво-наперво мне хотелось бы узнать, когда вы впервые увидели Руди Шерца?

— Руди Шерца? — Мисс Блэклок приподняла брови. — Так вот как его звали. А я думала… Впрочем, не важно. Впервые я увидела его, приехав в Меденхэм за покупками. Это было… дай бог памяти… недели три тому назад. Мы с мисс Баннер обедали в ресторане отеля «Ройал Спа» и уже собирались уходить, как вдруг меня кто-то окликнул. Я обернулась и увидела этого молодого человека. Он сказал: «Простите, вы случайно не мисс Блэклок?» И добавил, что я, наверно, его не

помню, но он сын владельца гостиницы «Альпы» в Монтре. Во время войны мы с сестрой прожили там целый год.

«Отель „Альпы“, Монтре», — мысленно взял на заметку Краддок. А вслух поинтересовался:

— И вы вспомнили этого юношу?

— Нет. У меня не было впечатления, что я встречала его раньше. Но ведь юноши, работающие в гостиницах, все на одно лицо. Однако мы с сестрой прекрасно провели время в Монтре, хозяин гостиницы обслуживал нас безукоризненно, и я постаралась быть с молодым человеком поприветливее… выразила надежду, что ему нравится у нас в Англии. Он ответил, что да, нравится, отец послал его сюда на полгода изучать гостиничный бизнес. Все это выглядело вполне нормально.

— А когда произошла ваша следующая встреча?

— Ну… дней десять назад он внезапно объявился у нас в «Литтл-Пэддоксе». Я очень удивилась. Он извинился за беспокойство и объяснил, что я — единственная, кого он тут знает. Ему срочно понадобились деньги, у него тяжело заболела мать.

— Но Летти денег не дала! — с придыханием сказала мисс Баннер.

— Не дала, потому что все это было шито бе-

лыми нитками, — решительно заявила мисс Блэклок. — Я увидела, что он человек пропащий. Одни обещания вернуть долг по возвращении в Швейцарию чего стоили! Ведь отец спокойно мог прислать деньги телеграфным переводом! Владельцы гостиниц все друг друга знают… Короче, заподозрила молодого человека в растрате. — Мисс Блэклок помолчала и сухо добавила: — Вы, вероятно, сочтете меня жестокой, но я долго работала секретаршей одного крупного финансиста и привыкла с большой осторожностью относиться к просьбам одолжить деньги. Мне не раз доводилось выслушивать такие душещипательные истории. Меня поразило лишь то, — задумчиво прибавила она, — что этот Шерц так легко сдался. Он тут же ушел, без единого возражения. Как будто на самом деле вовсе не ожидал получить денег.

— Теперь, задним числом, вам кажется, что его просьба была лишь предлогом для того, чтобы проникнуть в дом?

Мисс Блэклок уверенно кивнула.

— Когда я провожала его до дверей, он отпустил несколько замечаний насчет комнат. Сказал: «Какая милая гостиная!» Это было явное лукавство, ведь наша гостиная — тесная, темная комна-

тушка. Нет, ему просто хотелось туда заглянуть! А потом он опередил меня и начал открывать дверь, приговаривая: «Я сам». Наверно, хотел попробовать, легко ли она отпирается. Хотя вообще-то мы, как и все местные жители, не запираемся до самой темноты. Так что к нам может войти кто угодно.

— Но черный ход, насколько я понял, был заперт?

— Да. Перед приходом гостей я пошла закрыть уток.

— Дверь тогда была на замке?

Мисс Блэклок задумалась.

— Не помню. Кажется, да. Но я точно помню, что заперла ее, когда вернулась.

— Это было примерно в четверть шестого?

— По-моему, да.

— А парадная дверь была заперта?

— Обычно ее не запирают допоздна.

— Тогда Шерц мог преспокойно проникнуть через главный вход. А мог и проскользнуть через черный, пока вы загоняли уток. Он уже изучил планировку дома и, вероятно, понял, где можно спрятаться. Например, в шкафах. В общем, с этим мне, кажется, ясно.

— А вот мне совсем неясно, — внезапно сказала

мисс Блэклок. — Зачем, скажите на милость, парню понадобилось врываться в дом и ломать нелепую комедию с налетом?

— Вы храните дома деньги, мисс Блэклок?

— Нет… Разве это деньги: пять фунтов в письменном столе и пара фунтов в кошельке?

— А драгоценности?

— Несколько колечек и вот эти камеи, — она указала на ожерелье. — Согласитесь, инспектор, что устраивать на мой дом налет — это полный абсурд.

— Да не был он никаким грабителем! — вскричала мисс Баннер. — Сколько раз тебе повторять, Летти?! Он мстил! Мстил за то, что ты не дала ему денег. И стрелял именно в тебя… целых два выстрела сделал!

— Так-так, — обрадовался Краддок. — Вот мы и подошли к вчерашнему вечеру. Как развивались события, мисс Блэклок? Постарайтесь только рассказывать поточнее и поподробнее.

Мисс Блэклок призадумалась.

— Каминные часы пробили половину седьмого. Помнится, я еще сказала, что, если грядут какие-то события, они на носу. И тут как раз начали бить часы. Все умолкли и молча слушали. Часы пробили две четверти, и вдруг совершенно

неожиданно погас свет.

— Какие лампы погасли?

— Погасли бра. В этой и в той комнате. Большая люстра и ночники не были включены.

— А перед тем как свет погас, вы видели вспышку или шум?

— Вроде нет.

— Была, была вспышка! — встряла Дора Баннер. — И треск был. Очень опасный!

— Ну а потом, мисс Блэклок?

— Потом распахнулась дверь…

— Какая именно? Их тут две.

— Вот эта. Другая не открывается. Она ложная. Так вот, открылась дверь, и вошел человек в маске и с пистолетом. Зрелище было совершенно невероятное, но, конечно, тогда я решила, что это просто глупая шутка. Он что-то сказал… что — не помню…

— Руки вверх! Стрелять буду! — театрально воскликнула мисс Баннер.

— Да, кажется, что-то в этом духе, — неуверенно кивнула мисс Блэклок.

— И все подняли руки?

— О да! — сказала мисс Баннер. — Все до единого. Мы ведь думали, это игра.

— Я лично не подняла, — заявила мисс Блэк-

лок. — Все выглядело глупо, дико глупо. Меня это раздражало.

— А что было потом?

— Свет фонаря слепил глаза. А потом… потом я не поверила своим ушам. Над головой у меня просвистела и ударилась в стену пуля. Послышался чей-то визг, я почувствовала острую боль в ухе и услышала второй выстрел.

— Кошмар! — вставила мисс Баннер.

— А потом что произошло, мисс Блэклок?

— Толком не знаю… От боли и нервного потрясения у меня закружилась голова. А он, человек в маске, повернулся… как будто споткнулся обо что-то… и тут прогремел третий выстрел. Фонарь упал, началась сутолока. Все впотьмах натыкались друг на друга.

— Где вы стояли, мисс Блэклок?

— Она стояла у столика и держала вазочку с фиалками, — опять вылезла вперед мисс Баннер.

— Да, я действительно была здесь, — мисс Блэклок подошла к маленькому столику возле прохода под аркой. — Но в тот момент я держала в руках сигаретницу.

Инспектор Краддок осмотрел стену за ее спиной. На ней явственно виднелись две дырки от пуль. Сами пули уже изъяли и отправили на экс-

пертизу, чтобы определить, из какого пистолета они были выпущены.

— Вы чудом избежали смерти, мисс Блэклок, — бесстрастно произнес Краддок.

— Он стрелял в нее! — воскликнула мисс Баннер. — Именно в нее! Я его видела. Он высвечивал лица фонарем, пока не обнаружил Летти, а когда обнаружил, то прицелился и выстрелил. Он хотел тебя убить, Летти!

— Дора, милая, это все твои фантазии!

— Он стрелял именно в тебя, — упрямо повторила Дора. — Хотел тебя застрелить, а когда промахнулся, покончил с собой. Я уверена, что все было именно так.

— А мне кажется, ему и в голову не могла прийти мысль о самоубийстве, — возразила мисс Блэклок. — Не из той он был породы.

— Выходит, мисс Блэклок, вы до самого последнего момента, вплоть до выстрелов, считали происходящее шуткой?

— А как же иначе?

— И кто, по-вашему, выступал в роли шутника?

— Сначала ты подумала на Патрика, — напомнила подруге Дора Баннер.

— На Патрика? — резко спросил инспектор.

— Да, это мой юный племянник, — так же резко ответила мисс Блэклок и продолжала, раздосадованная поведением Доры: — Прочитав объявление, я заподозрила, что это розыгрыш Патрика, но он категорически все отрицал.

— И ты заволновалась, Летти, — напомнила мисс Баннер. — Ты волновалась, хотя прикидывалась спокойной. И, между прочим, правильно делала, что волновалась! В газете говорилось: «Объявлено убийство», и действительно было объявлено убийство, ТВОЕ УБИЙСТВО! Если бы он не промахнулся, тебя уже не было бы в живых. Что бы мы без тебя делали?

Произнося эти слова, Дора Баннер задрожала. Лицо ее сморщилось, она готова была разрыдаться.

Мисс Блэклок ласково потрепала ее по плечу:

— Все хорошо, милая Дора, не волнуйся. Тебе вредно волноваться. Это было ужасно, но все уже позади. Ради меня, возьми себя в руки, Дора, — добавила она. — Ты моя опора, все наше хозяйство на тебе держится. Да, кстати, если я не ошибаюсь, сегодня должны привезти белье из прачечной…

— О да, Летти, как хорошо, что ты напомнила! Интересно, они привезут пропавшую наволочку? Надо будет записать, чтобы не забыть… Сейчас

пойду узнаю.

— И унеси фиалки, — велела мисс Блэклок. — Ненавижу увядшие цветы!

— Они увяли? Какая жалость! Я же только вчера их сорвала. Совсем не постояли… О господи, да я забыла налить воды! Только представь себе! Все время что-то забываю. Ладно, пойду выяснять про белье. А то ведь они с минуты на минуту приедут…

И Дора Баннер, повеселев, ушла.

— У Банни слабое здоровье, — сказала мисс Блэклок, — ей вредно волноваться… Что еще вы хотели узнать, инспектор?

— Кто, кроме вас, живет в доме и что это за люди?

— Сейчас здесь живут два моих дальних родственника — Патрик и Джулия Симмонсы.

— Дальние родственники? Вы же сказали, племянники…

— Нет, на самом деле мы — дальняя родня, хотя они и называют меня тетей Летти. Их мать приходится мне троюродной сестрой.

— Они всегда проживали с вами?

— Нет, что вы! Они тут только два месяца. До войны ребята жили на юге Франции. Потом Патрик служил во флоте, а Джулия, по-моему,

работала в каком-то министерстве. Они жили в Льяндудно. А когда война окончилась, их мать написала мне письмо, попросила сдать им пару комнат… Джулия проходит практику в милчестерской больнице — она будущий фармацевт, — а Патрик учится на инженерном факультете в милчестерском университете. Вы же знаете, от нас до Милчестера от силы десять минут на автобусе… ну, так вот… я их с радостью приняла. Для меня одной дом слишком велик. Ребята вносят небольшую сумму за жилье и питание, и мы с ними прекрасно уживаемся. Я люблю общаться с молодежью! — добавила мисс Блэклок с улыбкой.

— Кроме них, у вас живет миссис Хаймес, верно?

— Да, она работает помощницей садовника в «Дайас-Холле» у миссис Лукас. Миссис Лукас попросила меня выделить Филиппе комнату. Филиппа — очень хорошая женщина. Ее мужа убили в Италии. У нее восьмилетний сын, школьник. Мы с ней договорились, что он приедет сюда на каникулы.

— У вас есть прислуга?

— Пять раз в неделю по утрам приходит делать уборку миссис Хиггинс из поселка; еще у меня ра-

ботает беженка с неудобопроизносимым именем, она готовит еду. Поладить с ней непросто. Боюсь, вы в этом убедитесь на собственном опыте. У Мици что-то вроде мании преследования.

Краддок кивнул, припомнив еще одно важное замечание констебля Легга. Сказав, что Дора Баннер «с приветом», а Летиция Блэклок — «нормальная», он припечатал Мици метким определением «лгунья».

Будто прочитав мысли инспектора, мисс Блэклок сказала:

— Только, пожалуйста, не относитесь к бедняжке с предубеждением! Я уверена, что в любой лжи всегда есть доля правды. Взять хотя бы ее россказни о всяческих преступлениях. Они росли как снежный ком, и теперь Мици кажется, что все ужасы, о которых сообщают газеты, происходили с ней или с ее близкими. Но с другой стороны, она действительно много перестрадала, и на ее глазах действительно убили какого-то родственника. Я считаю, что большинство перемещенных лиц вполне заслуженно нуждаются в повышенном внимании и заботе; судьба обошлась с ними жестоко, и, чтобы вызвать к себе сочувствие окружающих, они частенько преувеличивают и привирают. Хотя, конечно, Мици кого угодно

сведет с ума, — добавила со вздохом мисс Блэклок. — Порой она нас просто бесит, мрачная, подозрительная, вечно у нее дурные предчувствия, обижается на ровном месте. Но мне ее все равно жалко! — Летиция улыбнулась. — Тем более что, когда Мици в хорошем настроении, она готовит превосходно.

— Постараюсь ей не докучать, — пообещал Краддок. — Скажите, а кто та девушка, которая открыла мне дверь? Это Джулия Симмонс?

— Да. Если хотите, можете с ней поговорить. Патрика сейчас дома нет, Филиппы тоже. Она на работе в «Дайас-Холле».

— Спасибо, мисс Блэклок. С вашего позволения, я переговорю с мисс Симмонс.

Глава 6
Джулия, Мици и Патрик

Джулия с таким хладнокровием вошла в комнату и уселась в кресло, в котором до нее сидела Летиция Блэклок, что Краддок почувствовал прилив раздражения. Она устремила на него ясный взгляд и застыла в ожидании расспросов.

Мисс Блэклок тактично ретировалась.

— Расскажите, пожалуйста, о вчерашнем вечере, мисс Симмонс, — попросил инспектор.

— О вчерашнем вечере? — пробормотала Джулия, глядя на него пустыми глазами. — О, мы спали как убитые. Наверно, это была реакция на случившееся.

— Я имел в виду время с шести часов.

— Ах, вот что… Ну, пришли эти скучные людишки…

— Кто именно?

Она снова устремила на него ясный взгляд.

— А вы не знаете?

— Вопросы задаю я, мисс Симмонс, — мягко сказал Краддок.

— Ах, извините! На меня повторения навевают

тоску! На вас, очевидно, нет… В общем, пришли полковник Истербрук с женой, мисс Хинчклифф, мисс Мергатройд, миссис Светтенхэм с Эдмундом Светтенхэмом и миссис Хармон, жена пастора. Они приходили по очереди. Хотите знать, что они говорили? Все твердили, как попугаи: «Я смотрю, вы уже затопили» и «Какие прелестные хризантемы!».

Краддок закусил губу, сдерживая смех. Здорово она их скопировала!

— Единственным исключением оказалась миссис Хармон. Она просто прелесть! Примчалась в шляпе набекрень и в ботинках с развязанными шнурками и спросила без обиняков, когда начнется убийство. Все страшно смутились: они-то прикидывались, что заскочили случайно! А тетя Летти сухо сказала — она всегда так разговаривает, — что это произойдет довольно скоро. Потом зазвонили часы, а потом свет погас, дверь распахнулась, и человек в маске скомандовал: «Руки вверх, кому говорят!» Или что-то в этом роде… Как в плохом боевике. Ей-богу, все выглядело дико нелепо. А потом он два раза выстрелил в тетю Летти, и стало совсем не смешно.

— Где находились в тот момент собравшиеся?

— Когда погас свет? Кто где. Миссис Хармон

сидела на диване, Хинч, то есть мисс Хинчклифф, стояла напротив камина… Какая же она все-таки мужеподобная!

— Все находились в этой комнате или кто-то был в дальней?

— Большинство, по-моему, было здесь. Патрик пошел в ту комнату взять шерри. Полковник Истербрук, если не ошибаюсь, отправился за ним, хотя я не уверена. Мы, как я уже говорила, стояли здесь.

— А вы сами где были?

— Кажется, у окна. Тетя Летти пошла за сигаретами.

— Они лежали на столике под аркой?

— Да. И тут погас свет, и началась эта пошлая комедия.

— У мужчины в руках был яркий фонарь. Как он с ним обращался?

— Как? Да светил на нас. Совсем ослепил. Совершенно ничего не было видно.

— Пожалуйста, постарайтесь вспомнить как можно точнее, мисс Симмонс: он держал фонарь неподвижно или шарил им по комнате?

— Шарил, — медленно произнесла Джулия. Томности ее заметно поубавилось. — Как прожектором в дансинге. Сначала свет ударил мне

прямо в глаза, потом заплясал по комнате, а затем раздались выстрелы. Два хлопка.

— А потом?

— Мужчина обернулся… Откуда-то послышался вой Мици, похожий на вой сирены… фонарь упал, и раздался третий выстрел. А потом дверь закрылась… знаете, так медленно, с жалобным скрипом… дико страшно… и мы очутились впотьмах. Что делать, никто не знал, а бедняжка Банни визжала как резаная… А Мици, та прямо наизнанку выворачивалась.

— Вы полагаете, что налетчик покончил жизнь самоубийством или застрелился нечаянно? Например, споткнулся, а пистолет разрядился?

— Понятия не имею. Я ведь считала происходящее глупой шуткой… до тех пор пока не увидела окровавленное ухо тети Летти. Но с другой стороны, даже если стреляешь просто так, чтобы игра была более правдоподобной, все равно нужно целиться очень тщательно, чтобы ни в кого не попасть, да?

— Конечно. А вы думаете, налетчик видел, в кого стреляет? Я хочу сказать, фигура мисс Блэклок хорошо освещалась фонарем?

— Откуда мне знать? Я не на нее смотрела, а на него.

— Я вот к чему спрашиваю… Как вам кажется, он целился именно в нее?

Джулию, похоже, поразила эта мысль.

— Вы клоните к тому, что он хотел поймать на мушку именно тетю Летти? Вряд ли… Разве мало других способов убить человека? Какой смысл собирать для этого всех друзей и соседей? Зачем усложнять себе жизнь?… Он мог в любое время выстрелить в нее из-за изгороди, так сказать, действуя в старых добрых ирландских традициях, и ищи его — свищи.

«Да, — подумал Краддок, — это вполне исчерпывающий ответ на предположение Доры Баннер».

— Благодарю вас, мисс Симмонс, — вздохнул он. — Я пойду побеседую с Мици.

Краддок с Флетчером застали Мици на кухне. Она раскатывала тесто для печенья и встретила их настороженно. Черные волосы лезли ей в глаза, лицо было угрюмо, а темно-красный свитер и ярко-зеленая юбка некрасиво обтягивали расплывшуюся, бесформенную фигуру.

— Почему вы входить на мой кухня, мистер полицай? Вы из полиции, так? Везде, везде преследования! Говорят, Англия другой, но нет, тот же самый. Я знаю, вы приходил мучить меня, заставлять говорить, но я молчать, слышите?

Молчать! Можете снимать мои ногти, подносить горящий спичка к моя кожа, можете делать меня еще более ужасно, но я не буду сказать ничего. Я ничего не говорить! Можете посылать меня назад в концентрационная лагеря, я все равно…

Краддок задумчиво посмотрел на нее, выбирая тактику. Потом со вздохом сказал:

— Ладно, надевай шляпу, пальто, и пошли.

— Что вы сказать? — испуганно вскинулась Мици.

— Надевай шляпу, пальто и пошли. Я не захватил с собой машинки для сдирания ногтей и прочих пыточных агрегатов. Они в отделении. У вас есть наручники, Флетчер?

— Сэр! — с чувством явной благодарности воскликнул сержант.

— Но я не хотеть ходить с вас! — в ужасе отпрянув, взвизгнула Мици.

— Тогда ты будешь вежливо отвечать на вежливо заданные вопросы. Если хочешь, мы пригласим адвоката.

— Юристы? Мици не любить юристы. Мици не хотеть юристы! — Служанка отложила скалку в сторону, вытерла руки об одежду и села на стул. — Что вы хотеть узнать?

— Расскажи о вчерашнем вечере.

— Вы сам хорошо знать.

— Я хочу услышать от тебя.

— Я пытаться уйти. Она вам это сказать? Когда я видеть, что в та газета говорят об убийство, я хотел уходить. Она не разрешать. Она очень жестокий, ей все плевать. Она сделать меня оставаться. Но я знала, что будет. Знала, что меня убивать.

— Но тебя же не убили.

— Нет, — неохотно признала Мици.

— Хорошо. Теперь расскажи, что произошло.

— Я была очень нервный. О, я была такой нервный! Весь вечер. Я слушиваться. Около меня ходить разный люди. Один раз мне казаться, кто-то крался в холл… но это только миссис Хаймес вошла в черный дверь, чтобы не делать грязный главная лестница, так она объяснять. Очень ей важно! Она сама наци, этот ее белый волос, синие глаза, такая выше все, смотрит на меня как на грязный… грязный…

— Бог с ней, с миссис Хаймес!

— Кто она думает она есть? Может, она учиться дорогой университет, как я? Может, она иметь диплома экономист? Нет, она просто наемный рабочий. Копать земля и косить трава, и каждая суббота ей платить столько денег! Как она может

называться леди?

— Я же сказал: бог с ней! Давай дальше.

— Я брать шерри, стаканы и маленькое печенье, которое готовить днем, очень вкусный, и ходить гостиная. Звонить дверь, я ходить открывать… Потом еще ходить, и еще. Я все открывать и открывать. Очень унизительный занятия, но я его делать. Потом возвращаться чулан и начинать чистить серебро, я думала, это удобно, потому что, когда приходить убивать, я буду иметь нож для туша, очень острый и очень большой.

— Ты весьма предусмотрительна.

— А потом вдруг я слушать, как стреляли. Я думала: это случилось. И начала бежать столовой. Эта другая дверь, ее нельзя открывать. Я стояла, слушивалась, и тогда был третий выстрел, и тяжелая шум здесь, в холле. Я вертеть ручка дверь, но ее запирать с та сторона. Я… как это… в мышеловка. Я чуть с ума не сходить. Я кричать, кричать и бить дверь. Потом в конец ее открывать и давать меня выходить. Я приносить свечи, много свечи… потом свет зажигали, и я видела кровь… кровь! Ай! Я не первый раз видеть кровь. Мой маленький брат… я видеть, как его убивали… я видеть кровь на улица… людей застрелять, они умирать… Я…

— Все ясно, — прервал ее инспектор Краддок. — Большое спасибо.

— А теперь, — с пафосом продолжила Мици, — можете меня арестовать и носить тюрьма.

— Не сегодня, — сказал Краддок.

Когда Краддок с Флетчером шли через холл к выходу, парадная дверь распахнулась, и они чуть не налетели на высокого красивого юношу.

— Легавые! Чтоб мне пусто было! — воскликнул он.

— Мистер Патрик Симмонс?

— Так точно, инспектор. Вы ведь инспектор, а он сержант, да?

— Совершенно верно, мистер Симмонс. Не могли бы вы уделить мне несколько минут?

— Я невиновен, инспектор. Клянусь, невиновен!

— Не валяйте дурака, мистер Симмонс. У меня нет времени, мне еще нужно поговорить с кучей народу. Что это за комната? Мы можем тут посидеть?

— Это кабинет, но здесь никто не работает.

— А мне говорили, вы на занятиях, — протянул Краддок.

— Я понял, что не могу сосредоточиться на математике, и вернулся домой.

Инспектор держался официально: потребовал, чтобы Патрик назвал свое полное имя и возраст, сообщил об отношении к военной службе.

— А теперь, мистер Симмонс, пожалуйста, опишите вчерашний вечер.

— Мы заклали упитанного тельца. Я хочу сказать, Мици самолично изготовила мятные печенья, а тетя Летти откупорила новую бутылочку шерри…

— Новую? — прервал его Краддок. — А что, была старая?

— Да. Целых полбутылки. Но тете Летти эта чем-то не приглянулась.

— Она нервничала?

— Да не больно-то. Она весьма рассудительная женщина. Это старуха Банни всех взвинтила — весь день каркала.

— Значит, мисс Баннер действительно обуревали дурные предчувствия?

— Да, она здорово помотала нам нервы.

— Мисс Баннер восприняла объявление всерьез?

— Еще как всерьез! До смерти перепугалась!

— Мисс Блэклок поначалу заподозрила вас в причастности к публикации объявления. Почему?

— А меня тут всегда обвиняют во всех смертных грехах!

— Вы хотите сказать, что непричастны к публикации объявления?

— Я? Да ни с какого бока!

— И вы никогда прежде не видели Руди Шерца, не общались с ним?

— Нет.

— Но подобные шутки в вашем духе, не так ли?

— Кто вам сказал? Все из-за того, что меня дернул однажды черт подложить Банни в постель яблочный пирог. А потом я еще послал Мици открытку, в которой написал: «Осторожно! Гестапо напало на ваш след!»

— Расскажите о случившемся.

— Когда я вышел в маленькую комнату, чтобы принести шерри, вдруг погас свет. Я обернулся и увидел в дверях какого-то типа. Он рявкнул: «А ну руки вверх!» Все разохались, развопились, а я стоял и прикидывал, как бы половчее сбить его с ног. Но он вдруг принялся палить из пистолета, а потом повалился на пол; фонарь упал, и опять стало темно. Тут полковник Истербрук начал драть свою луженую глотку: «Свет! Свет!..» А где я ему возьму свет? Разве моя зажигалка долго

протянет? Эти проклятые новинки — сплошное надувательство.

— Как вам показалось, налетчик целился именно в мисс Блэклок?

— Откуда я знаю? Думаю, он пальнул просто так, шутки ради, а потом понял, что заигрался.

— И покончил жизнь самоубийством?

— Почему бы и нет? У него физиономия мелкого жулика, такие легко впадают в панику.

— Вы твердо уверены, что раньше его не видели?

— Да, твердо.

— Благодарю вас, мистер Симмонс. Я хотел бы опросить всех остальных, кто был здесь вчера. В каком порядке это лучше сделать?

— Так, дайте сообразить… Наша Филиппа — миссис Хаймес, работает в «Дайас-Холле». Ворота почти напротив наших. А от «Дайас-Холла» ближе всего до Светтенхэмов. Спросите — вам любой покажет дорогу.

Глава 7
… и другие

«Дайас-Холл» сильно пострадал во время войны. Там, где раньше росла спаржа, теперь радостно зеленели сорняки, среди которых, как свидетели преступления, с превеликим трудом пробивались жалкие, тощие пучочки спаржи. Зато вьюнки, крестовник и прочее безобразие чувствовали себя в усадьбе вольготно.

Часть огорода, правда, уже была приведена в порядок, и там Краддок обнаружил унылого старика, который задумчиво опирался о заступ.

— Вы небось миссис Хаймес разыскиваете? Уж и не знаю, где ее сыскать. Она все поперек делает. Ничьих советов не слушает. Я к ней с чистой душой, да что толку? Нынешние девчонки никого не слушают, никого. Думают, раз штаны надели и уселись на трактор, так им никто не указ! Но тут настоящий садовник нужен. А эту премудрость в один день не одолеешь. Да, настоящий садовник — вот кто тут нужен.

— Пожалуй, — поддакнул Краддок. Но старику почудился в его замечании укор.

— Да сами посудите, что я один могу? Тут всегда работало трое взрослых и один парнишка. Столько и сейчас нужно. Ведь не всякий будет горбатиться, как я. Бывает, с восьми утра до глубокой ночи вкалываю. С восьми!

— С фонариком приходится работать?

— Так я ж не про сегодняшний день говорю. Я про лето.

— А-а, — протянул Краддок. — Ну, ладно, пойду искать миссис Хаймес.

— А чего это она вам понадобилась? — поинтересовался старикан. — Вы ведь из полиции, да? Она что, в какую-то историю влипла или это из-за «Литтл-Пэддокса»? Там, говорят, налетчик в маске вломился с пушкой в комнату и хотел грабануть, а народу было — яблоку негде упасть! Эх! До войны такого не бывало. А все из-за дезертиров. Ишь головорезы, рыщут по стране, как волки! И почему только военные их не прижучат?

— Сам не знаю, — пожал плечами Краддок. — Наверное, налет вызвал в поселке много пересудов, да?

— Еще бы! И куда мы катимся? Так Нед Баркер сказал. А виной всему, считает он, девчонка, что готовит для мисс Блэклок. Отвратительный у нее характер, она точно замешана, так он сказал. Нед

говорит, что она коммунистка или даже хуже, а нам такие тут не нужны. А Марлен, она в баре за стойкой торчит… ну вы понимаете, о чем я… она уверяет, будто бы у мисс Блэклок есть что-то очень ценное. Нет, не то, про что вы сейчас подумали. Я-то лично такого мнения, что с мисс Блэклок взять нечего, разве что ее фальшивые побрякушки. А Марлен вдруг возьми да и скажи: «А вдруг они настоящие?» А Флорри, дочка старика Беллеми, ей в ответ: «Пустое». Это же… как она их обозвала?… Бижутерия, во как! Бижутерия… Ничего себе название для простых побрякушек! Но мы-то с вами знаем, что это обычные стекляшки. Небось и то, что девчонка Симмонс носит, этот ее золотой плющ и собачки, — тоже бижутерия. В нынешние времена редко у кого увидишь настоящее золото, даже обручальные кольца — и те делают из какой-то серой платиновой дряни. Сколько бы эта дрянь ни стоила, все равно вид убогий, такое мое мнение.

Старик Эйш перевел дух и продолжил:

— Мисс Блэклок дома денег не держит. Джим Хиггинс клялся и божился, что это так. А кому еще знать, как не ему, если его жена ходит в «Литтл-Пэддокс» прибираться? Она все про всех знает. В каждую дырку свой нос сует, честное слово!

— И что же, по словам мужа, считает миссис Хиггинс?

— А то, что тут Мици замешана. Ну и норов у девчонки, скажу я вам! Спеси-то сколько, спеси! Недавно прямо в глаза назвала миссис Хиггинс батрачкой.

Краддок еще немного постоял, пытаясь (он привык быть аккуратным даже в мыслях) разложить по полочкам сведения, добытые у старого садовника. Картина деревенских сплетен была исчерпывающей, но вряд ли что-то могло ему пригодиться. Он уже собрался уходить, как вдруг старик ворчливо произнес:

— Она небось яблоки собирает. Молодым это сподручней…

Так все и оказалось. Сперва Краддок увидел стройные ноги в бриджах, легко скользящие по стволу дерева. А потом перед ним предстала и сама Филиппа Хаймес, раскрасневшаяся, растрепанная, испуганная.

«Из нее вышла бы прекрасная Розалинда», — машинально подумал Краддок. Инспектор был большим поклонником Шекспира и некогда имел успех в роли меланхолического Жака из «Как вам это понравится». Спектакль был поставлен для сиротского приюта.

Однако в следующий миг мнение Краддока изменилось. Для Розалинды Филиппа Хаймес была, пожалуй, холодновата. Правда, она была красива типично английской красотой, но все же облик у нее был слишком современный, в XVI веке идеал красоты был иным. Нет, Филиппа — просто хорошо воспитанная, невозмутимая англичанка.

— Доброе утро, миссис Хаймес! Извините, что напугал вас. Я инспектор полиции Краддок из Миддлширского округа. Хотел поговорить с вами.

— Насчет вчерашнего?

— Да.

— А это надолго? Может, нам... — Она нерешительно огляделась.

Краддок кивнул на поваленное дерево.

— Разговор сугубо конфиденциальный, — любезно пояснил он, — но я вас надолго не задержу.

— Спасибо.

— Несколько протокольных вопросов. Когда вы вчера вернулись с работы?

— Примерно в половине шестого. Я задержалась минут на двадцать, потому что поливала в оранжерее цветы.

— Через какую дверь вы вошли в дом?

— Через черный ход. Если идти мимо уток и

курятника, то можно немного срезать путь. И не испачкать крыльцо. Я ведь порой прихожу такая чумазая!

— Вы всегда ходите этим путем?

— Да.

— Дверь была заперта?

— Нет. Летом она всегда нараспашку. Осенью ее прикрывают, но тоже не запирают. Мы часто через нее ходим. Войдя, я ее заперла.

— Точно?

— Абсолютно.

— Хорошо, миссис Хаймес. Что вы сделали, когда вошли в дом?

— Сняла грязные башмаки, поднялась наверх, помылась и переоделась. Потом спустилась вниз и обнаружила, что у них там в самом разгаре подготовка к приему гостей. Я ведь понятия не имела об этом странном объявлении.

— Теперь, пожалуйста, расскажите, что происходило во время налета.

— Ну… свет погас…

— Вы где стояли?

— У камина. Я искала зажигалку, думала, ее забыли там… Ну вот… Свет погас… все захихикали. Потом дверь распахнулась настежь, и кто-то направил на нас фонарь, прицелился и приказал

поднять руки вверх.

— И вы подняли?

— Нет. Я думала, это шутка… И потом, я устала и не видела никакой необходимости задирать руки кверху.

— Вам все это показалось скучным?

— В принципе да. Но тут пистолет вдруг выстрелил. Грохот был такой, что затряслись стены, и вот тут-то я испугалась. Фонарь описал круг, упал и погас. И сразу же послышался визг Мици. Она визжала как резаная.

— Свет вас ослепил?

— Не то чтобы очень. Но он был довольно сильным. На секунду фонарь высветил мисс Баннер, она была как призрак, такая белая, рот раскрыт, глаза выпучены, вот-вот выскочат из орбит.

— Налетчик держал фонарь неподвижно?

— Нет, он шарил им по комнате.

— Словно кого-то выискивал?

— Н-нет, не сказала бы.

— Ну, а что произошло потом, миссис Хаймес?

Филиппа призадумалась.

— Потом начались суета и неразбериха. Эдмунд Светтенхэм и Патрик Симмонс зажгли зажигалки и вышли в холл, мы пошли за ними, кто-то открыл дверь в столовую… там свет горел… Эд-

мунд влепил Мици пощечину, и она прекратила вопить, после чего жить стало немного легче.

— Вы видели труп?

— Да.

— Вы знали покойного? Может, встречали его когда-нибудь?

— Нет. Никогда.

— На ваш взгляд, его смерть — случайность или самоубийство?

— Понятия не имею.

— Когда он приходил к мисс Блэклок, вы его видели?

— Нет. Кажется, это произошло ближе к полудню, когда я уже ушла из дому.

— Благодарю, миссис Хаймес. И еще один вопрос. У вас есть драгоценности: кольца, браслеты?

Филиппа покачала головой.

— Только обручальное кольцо и пара дешевых брошек.

— Насколько вам известно, в доме ценностей не было?

— Нет. Максимум, что там есть, — это столовое серебро, да и то — ничего особенного.

— Еще раз благодарю.

Идя обратно по огороду, Краддок столкнулся

нос к носу с грузной, краснолицей, туго затянутой в корсет дамой.

— Доброе утро! — воинственно выпалила она. — Что вам тут понадобилось?

— Вы миссис Лукас? Позвольте представиться: инспектор полиции Краддок.

— Ах, вот оно что!.. Извиняюсь. Вообще-то я терпеть не могу, когда в мой сад приходят чужие и отрывают садовника от дела. Но, как я понимаю, это ваша работа.

— Так точно.

— Вы мне скажите, неужто у нас повторится то безобразие, что случилось вчера у мисс Блэклок? Это что, шайка орудует?

— Нет, миссис Лукас, к счастью, это не шайка.

— Нынче столько ограблений! А полиция спит.

Краддок промолчал.

— Вы уже говорили с Филиппой Хаймес? — поинтересовалась хозяйка.

— Она свидетель, мне нужны ее показания.

— А подождать до часу, конечно, было нельзя? Почему бы не допросить Филиппу в ее время, а не в мое?

— Я спешу в управление.

— Теперь ни в ком не найти сочувствия. Равно как и добросовестного отношения к работе.

Опаздывают, перекуры устраивают по полчаса… В десять — перерыв. В дождь не работают. Если нужно подстричь лужайку, так обязательно что-то случится с газонокосилкой. С работы норовят улизнуть на пять-десять минут раньше.

— А из рассказа миссис Хаймес я понял, что вчера она вместо пяти ушла в двадцать минут шестого.

— Ну, может быть. Надо отдать ей должное — миссис Хаймес неплохо справляется, хотя бывает, что ее не сразу найдешь в саду. Конечно, она рождена для другого, Филиппа из приличной семьи, таким бедным юным вдовам всегда хочется чем-то помочь. Но и с ней не все слава богу. Школьные каникулы длятся целую вечность, а по контракту ей полагается в каникулы дополнительное свободное время. Я пыталась ей объяснить, что сейчас появились чудесные летние лагеря, где детки прекрасно отдыхают и даже не вспоминают про родителей. И вообще, что за привычка приезжать домой на каникулы?!

— Но миссис Хаймес вашу идею не оценила?

— Нет, она такая упрямая! А ведь я именно сейчас решила подстричь травку на теннисном корте и обновить разметку. Старик Эйш ни одной прямой линии провести не в состоянии. Но со

мной никто не считается.

— Осмелюсь предположить, что во время каникул миссис Хаймес получает меньше обычного.

— Конечно! А чего еще она хочет?

— Уверен, что ничего, — сказал Краддок. — До свидания, миссис Лукас.

— Это был кошмар! — радостно сообщила миссис Светтенхэм. — Сущий кошмар! По-моему, газетам следует более осмотрительно принимать объявления. Я сразу подумала: странно, очень странно… Я ведь так тебе и сказала, правда, Эдмундик?

— А что вы делали, когда погас свет? — поинтересовался инспектор.

— О, как вы напоминаете мне мою старую нянюшку! «Где был Моисей, когда погас свет?» Ответ: «Конечно же, в темноте!» Как вчера вечером. Все стояли и ломали голову, не зная, что произойдет. А потом аж дух захватило: темень — хоть глаз выколи, представляете, как мы переволновались?! А тут еще дверь открывается — и на пороге темная фигура с пистолетом… Ослепительный свет и грозный голос: «Кошелек или жизнь!» Это был лучший миг в моей жизни! Ну, а через минуту начался кошмар. У меня над ухом свистели настоящие пули! Как на войне.

— Вы сидели или стояли, миссис Светтенхэм?

— Так… дайте подумать… где я была? С кем я разговаривала, Эдмунд?

— Откуда мне знать, мама?

— Может, я спрашивала у мисс Хинчклифф, стоит ли в холода поить кур рыбьим жиром? Или то была миссис Хармон?… Нет, она только вошла… Кажется, я все-таки говорила полковнику Истербруку, что атомная станция в Англии, на мой взгляд, представляет собой громадную опасность. Ее следовало устроить на необитаемом острове, а то, не дай бог, утечет радиация.

— Значит, вы не помните, где находились?

— Разве это так важно, инспектор? Ну, я, наверное, стояла у окна… или у камина, потому что часы били у меня над ухом, я хорошо помню. Какой же это был упоительный миг! Вот-вот что-то случится!

— Вы сказали, что свет фонаря ослеплял. Он бил вам в глаза?

— Прямо в глаза. Я ничего не видела.

— Налетчик водил фонарем по сторонам или держал его неподвижно?

— Ей-богу, не помню. Что он делал, Эдмунд?

— Он довольно медленно шарил фонарем по комнате, высвечивая нас поодиночке, как будто

хотел разглядеть каждого повнимательней. Наверное, не боялся, что мы на него набросимся.

— Вы можете точно указать свое местонахождение, мистер Светтенхэм?

— Я разговаривал с Джулией Симмонс. Мы стояли посреди большой гостиной.

— А остальные тоже были там или кто-то прошел в дальнюю комнату?

— По-моему, туда пошла Филиппа Хаймес. Она стояла у дальнего камина. Если не ошибаюсь, она что-то искала.

— На ваш взгляд, третий выстрел был случайностью?

— Не знаю. Незнакомец резко повернулся, потом согнулся и упал, но вообще-то царила такая сумятица… Вы должны понять, практически ничего не было видно. А потом эта беженка истошно завопила.

— Это вы отперли столовую и выпустили ее?

— Да, я.

— А дверь точно была заперта снаружи?

Эдмунд поглядел на Краддока с любопытством.

— Ну, разумеется. Уж не думаете ли вы, что…

— Я просто хочу внести ясность. Спасибо, мистер Светтенхэм.

В обществе полковника и миссис Истербрук ин-

спектору пришлось провести немало времени.

— Психологический подход — единственно верный путь в наше время! — вещал полковник. — Преступника надо понять. В данном конкретном случае, правда, все ясно как день… по крайней мере для человека с моим опытом. Почему наш приятель затевает комедию? Опять-таки обратимся к психологии. Он хочет заявить о себе… привлечь к себе внимание. В отеле «Спа» его не замечают, а может, даже презирают за иностранное происхождение. Не исключено, что его отвергла любимая девушка и он решил привлечь ее внимание. Кто сейчас кумир кино? Гангстер, супермен. Превосходно — он станет суперменом, пойдет на разбой! Маска? Есть. Пистолет? Есть. Но ему нужна публика. Что ж, раз нужна, значит, он ее получит. И он собирает зрителей. А в кульминационный момент и сам подпадает под власть роли… Он уже не простой грабитель. Он убийца. Он палит… наугад…

Инспектор ухватился за последнее слово:

— Вы сказали: «Наугад…» Вам кажется, он стрелял не в какого-то конкретного человека? Например, в мисс Блэклок…

— Помилуйте, инспектор! Да он просто разрядил пистолет. Именно наугад! И это его отрезвило.

Пуля в кого-то попала… на самом деле обошлось пустяковой царапиной, но он-то этого не знал! Он пришел в себя и понял, что дурацкий розыгрыш оборачивается страшной правдой. Он кого-то ранил или даже убил! И в панике он наставляет пистолет на себя! — Полковник Истербрук выдержал паузу, с чувством прокашлялся и довольно добавил:– Ясно как божий день. Как божий день!

— Удивительно! — ахнула миссис Истербрук. — Откуда ты все знаешь, Арчи?!

В ее голосе звучало страстное восхищение.

Инспектор Краддок тоже подумал, что это удивительно, но особого восторга не испытал.

— А где вы стояли, полковник, когда началась стрельба?

— Рядом с женой, возле круглого стола, на нем еще были цветы.

— Я схватила тебя за руку, да, Арчи? Я до смерти перепугалась. И как пить дать умерла бы, если бы не схватилась за тебя.

— Ах, ты, мой бедный котеночек! — игриво отозвался полковник.

Мисс Хинчклифф сидела на земле за свинарником.

— Прелестные создания — свиньи! — сказала она, почесывая розовую спину поросенка.

— Шикарно откормлен, да? К Рождеству будет отличный бекон. Зачем пожаловали, инспектор? Я же вчера заявила вашим людям, что ничего не знаю про этого парня. Не знаю и не видела, чтобы он рыскал в округе. Наша мисс Мопп говорит, он из большой гостиницы, что в Меденхэм-Уэллсе. Почему ж тогда не грабанул кого-нибудь там, если уж ему приспичило? Мог найти добычу и покрупнее.

Спорить с этим было трудно.

Краддок начал допрос:

— Где вы находились во время инцидента?

— Инцидента? Тоже мне! Вот на войне были инциденты!.. Значит, где я стояла, когда началась пальба? Вы это хотели спросить?

— Да.

— Облокотилась о камин и молила бога, чтобы мне поскорей дали выпить, — выпалила мисс Хинчклифф.

— Грабитель стрелял наугад или в кого-то целился?

— Вы хотите сказать, в Летти Блэклок? Почем я знаю? Разве теперь припомнишь, как оно все было? Я только запомнила, что свет потух и фонарь замельтешил, ослепляя нас, а когда грохнули выстрелы, я подумала, что если это чертов бол-

ван Патрик балуется, то он добалуется — кого-то можно и задеть!

— Вы подумали на Патрика Симмонса?

— А на кого еще? Эдмунд Светтенхэм у нас ученый, книжки пишет и плоскими шутками не увлекается, а старый полковник Истербрук таких вещей вообще не понимает. Ну, а Патрик — сорвиголова. Хотя сейчас мне неловко, что я на него грешила.

— Ваша подруга тоже подозревала Патрика Симмонса?

— Мергатройд? Да вы лучше у нее самой спросите. Хотя навряд ли вам удастся добиться чего-нибудь путного. Она в саду. Позвать? — Мисс Хинчклифф повысила свой и без того зычный голос и оглушительно рявкнула: — Мергатройд! Ау!

— Иду! — донесся слабый крик.

— Поторопись… полиция! — проревела мисс Хинчклифф.

Мисс Мергатройд прибежала бодрой трусцой, слегка запыхавшись. Подпушка юбки у нее оторвалась, волосы выбились из-под нелепой сеточки, а круглое добродушное лицо сияло.

— Вы из Скотленд-Ярда? — спросила она, переведя дух. — Вот уж не думала, что вы приедете, а

то сидела бы дома.

— Мы пока не сообщали о случившемся в Скотленд-Ярд, мисс Мергатройд. Я инспектор Краддок из Милчестера.

— Очень мило с вашей стороны, — не к месту ляпнула мисс Мергатройд. — Что, нашли какие-нибудь улики?

— Инспектор пришел по твою душу. Где ты была в момент преступления? — сказала мисс Хинчклифф, подмигивая Краддоку.

— О господи! — разинула рот Мергатройд. — Ну, конечно. Я должна была подготовиться. Алиби, мое алиби! Так-так, сейчас… значит… я была там же, где и все!

— Но не со мной, — заявила мисс Хинчклифф.

— Разве, дорогая? Ну да, точно. Я любовалась хризантемами. По правде сказать, они были довольно чахлые. А потом все произошло, только на самом деле я не поняла, что произошло… то есть я хочу сказать, что я не подозревала, что это что-то такое… У меня и в мыслях не было, что пистолет настоящий. И потом, в темноте было так страшно, и все кричали. Я все поняла не так. Я думала, убили ее… в общем, беженку. Я решила, ей перерезали горло. И не знала, что это он… то есть я даже не подозревала, что это мужчина. Ведь я

только голос слышала. Представляете, он попросил: «Поднимите, пожалуйста, руки вверх».

— Да просто: «Руки вверх!» — поправила ее мисс Хинчклифф. — Без всяких «пожалуйста».

— Мне сейчас так стыдно вспоминать, что пока Мици не закричала, я прямо-таки наслаждалась. Только стоять в темноте было очень неудобно, и я ушибла мозоль. Чуть не умерла. А что еще вы хотели спросить, инспектор?

— Ничего, — сказал инспектор Краддок, задумчиво глядя на Мергатройд.

Ее подруга расхохоталась:

— Он записал тебя на пленку.

— Но, Хинч, — возразила мисс Мергатройд, — я ведь только хотела рассказать все, что знаю!

— А ему не это от тебя нужно, — заявила мисс Хинчклифф. Она посмотрела на инспектора: — Ежели вы делаете это по географическому принципу, то следующим номером будет пастор. Кто знает? Может, вам и удастся там что-нибудь выудить. Миссис Хармон кажется совершенно безмозглой, но подчас мне кажется, что она совсем не глупа. Вдруг ей есть что сообщить вам?

Провожая взглядом удалявшихся инспектора с сержантом, Эми Мергатройд глубоко вздохнула.

— Ну как, Хинч, я ужасно себя вела? Я так вол-

новалась!

— Отнюдь, — улыбнулась мисс Хинчклифф. — Ты держалась молодцом.

Инспектор Краддок с умилением оглядел просторную, бедно обставленную комнату. Она напомнила ему родной дом в Кумберленде. Линялый ситец, большие ветхие стулья, много цветов… книги, разбросанные где попало, спаниель в корзинке. Да и сама миссис Хармон, ее открытое лицо и забавная рассеянность показались ему симпатичными.

Миссис Хармон простодушно заявила:

— От меня вам никакого проку не будет, потому что я зажмурилась. Ненавижу, когда мне светят в глаза. А когда раздались выстрелы, я зажмурилась еще крепче. И молилась, да-да, молилась, чтоб убили как можно тише. Мне не нравится, когда стреляют.

— Стало быть, вы ничего не видели, — улыбнулся инспектор. — Но слышать-то что-нибудь слышали?

— Шума, конечно, было много. Двери открывались и закрывались, все кричали, несли какую-то чушь и ахали. Мици ревела почище паровозного гудка, а бедняжка Банни дико верещала. И все толкались и падали друг на друга. Но я открыла

глаза, только когда поняла, что выстрелов больше не будет. Все уже вышли в холл, принесли свечи. А потом зажегся свет, и все сразу стало как обычно… то есть не совсем как обычно, но мы опять были мы, а не какие-то странные люди в темноте. Ведь в темноте люди совсем другие, да?

— Мне кажется, я понимаю, о чем вы говорите, миссис Хармон.

Миссис Хармон улыбнулась.

— Он лежал там, — сказала она, — и был так похож на ласку… такой розовый и удивленный… Он был совсем мертвый, а рядом валялся пистолет. Нам это показалось такой нелепостью…

Инспектору — тоже. Все происходящее его тревожило.

Глава 8
На сцену выходит мисс Марпл

Краддок положил на стол начальника отпечатанный на машинке текст допросов. Тот держал в руках телеграмму, только что полученную от швейцарской полиции.

— Выходит, в полиции он был на заметке, — сказал Райдесдейл. — Впрочем, я так и думал.

— Да, сэр.

— Подделка драгоценностей… та-ак… махинации с бухгалтерскими книгами… чеками… Полный прохвост.

— Да, сэр, мелкий жулик.

— Вот-вот. Но малое влечет за собой большое.

— Будем надеяться, сэр, что вы окажетесь правы.

Начальник полиции поднял глаза на подчиненного:

— Вы чем-то обеспокоены, Краддок?

— Да, сэр.

— Но чем? Все ясно как божий день. Или нет?… Посмотрим-ка, что нам расскажут свидетели.

Он придвинул к себе рапорт и быстро прогля-

дел текст.

— Как обычно, масса несовпадений, противоречий. Воспоминания разных людей о стрессовой ситуации всегда разнятся. Но в целом картина ясна.

— Да, сэр, но не совсем. Я вам больше скажу: она неверна.

— Тогда обратимся к фактам. В пять часов двадцать минут Руди Шерц садится в автобус, отправляющийся из Меденхэма в Чиппинг-Клеорн, и прибывает туда в шесть часов. Его запомнили кондуктор и два пассажира. От автобусной остановки он идет пешком по направлению к «Литтл-Пэддоксу», беспрепятственно проникает в дом, вероятно, через парадный вход. Преступник вооружен, он стреляет дважды, одна из пуль слегка задевает мисс Блэклок. Третьим выстрелом он убивает себя. За недостатком улик невозможно определить, сделал он это намеренно или случайно. Я с вами согласен, причины самоубийства кажутся неубедительными. Но, в общем-то, мы с вами не призваны отвечать на вопрос: «Почему?» Коллегия присяжных решит, признавать это самоубийством или квалифицировать как несчастный случай. Но каким бы ни был вердикт присяжных, нам нет до этого дела. Мы можем

поставить точку.

— То есть принять психологические теории полковника Истербрука, — мрачно пошутил Краддок.

Райдесдейл улыбнулся:

— Но в конце концов, у полковника, должно быть, богатый опыт. Меня, правда, тошнит от модных ученых словечек, однако нельзя сбрасывать психологию со счетов.

— И все же у меня чувство, что картина неверна, сэр.

— У вас есть основания полагать, что кто-то из Чиппинг-Клеорна лжет?

Краддок поколебался.

— Мне кажется, иностранка знает больше, чем говорит. Хотя, возможно, у меня предубеждение.

— Вы думаете, она была сообщницей? Впустила его в дом? Подговорила?

— С нее станется. Но тогда в доме есть какие-то ценности: деньги или украшения. А это вроде бы не так. Мисс Блэклок, во всяком случае, решительно все отрицала. И обитатели «Литтл-Пэддокса» — тоже. Остается предположить, что в доме были ценности, о которых никто не подозревал…

— Сюжет для бестселлера.

— Да, конечно, это звучит смешно… И послед-

нее: мисс Баннер почему-то уверена, что Шерц покушался именно на жизнь Блэклок.

— Но из ваших отзывов о мисс Баннер и из ее собственных показаний следует, что она…

— Согласен, сэр, — торопливо вставил Краддок, — она ненадежный свидетель. На редкость внушаема. Ей можно вбить в голову любую чушь… но любопытно, что это ее собственные домыслы, не чьи-то чужие, а ее собственные. Остальные с ней не согласны. Она, может, впервые в жизни поплыла против течения.

— А с какой стати Руди Шерцу было убивать мисс Блэклок?

— В том-то и суть, что я не знаю. И мисс Блэклок тоже не знает… или она более искусная лгунья, чем кажется на первый взгляд. И никто не знает. Так что, судя по всему, это неправда.

Инспектор Краддок вздохнул.

— Не унывайте, — утешил его начальник полиции. — Я приглашаю вас пообедать со мной и с сэром Генри. Продегустируем лучшие блюда, которые может предложить отель «Спа» в Меденхэм-Уэллсе.

— Спасибо, сэр. — Краддок был несколько удивлен.

— Видите ли, мы получили письмо… — Райде-

сдейл осекся, потому что в комнату вошел сэр Генри Клиттеринг. — А вот и Генри.

Держась на сей раз неофициально, сэр Генри сказал:

— Привет, Дермот!

— У меня для вас кое-что есть, — сообщил начальник полиции.

— Да? И что же?

— Письмецо от старой киски. Она остановилась в «Ройал Спа». Пишет, что может помочь нам в чиппинг-клеорнском деле.

— Ну, что я вам говорил?! — победоносно изрек сэр Генри. — Эти старушки — настоящий клад. Все слышат. Все видят. И, наперекор старинной притче, любят позлословить.

Развернув письмо, Райдесдейл пожаловался:

— Почерк как у моей бабушки. Пишет как курица лапой, да еще подчеркивает через каждые два слова. Значит, так… сначала длинное и нудное вступление про наше драгоценное время, которое она не хочет отнимать… но, возможно, ее наблюдения нам пригодятся… еще что-то в том же духе… Кто она вообще такая?… Джейн Мапл… нет, Марпл, Джейн Марпл.

— Разрази меня гром! — воскликнул сэр Генри. — Неужто она? Джордж, да это ж моя собственная,

единственная и неповторимая киска! Лучшая из всех кисок на свете. Но с какой стати она очутилась в Меденхэм-Уэллсе вместо того, чтобы мирно поживать у себя дома в Сент-Мэри-Мид? И главное, поспела вовремя! Как раз к убийству! Да, убийство объявлено снова — на потеху мисс Марпл!

— Что ж, Генри, — язвительно произнес Райдесдейл, — я буду рад увидеть эталон сыщика. Пообедаем в «Ройал Спа» и встретимся с вашей протеже. Краддок, правда, смотрит на наше свидание весьма скептически.

— Напротив, — возразил из вежливости Краддок. Но про себя подумал, что порой его крестный отец, право же, несет ахинею.

Мисс Марпл была примерно такой, какой ее себе представлял Краддок. Правда, гораздо более благообразной и старой. Вид у нее был очень дряхлый: волосы белее снега, румяное лицо иссечено морщинами, а взгляд голубых глаз кроток и невинен. Старушка куталась в шерстяную ажурную шаль и вязала. Как потом выяснилось, детскую косыночку.

При виде сэра Генри она пришла в неописуемый восторг, а когда ее представили начальнику полиции и инспектору, страшно смутилась.

— Вот удача так удача, сэр Генри… Сколько лет, сколько зим! Ох, меня совсем ревматизм замучил. Особенно в последнее время. Конечно, я не могла бы себе позволить поселиться в таком шикарном отеле. Цены здесь запредельные, но Раймонд, мой племянник Раймонд Уэст, может, вы его помните…

— Это имя знает каждый.

— Да, его умные книжки пользуются большим спросом. Последняя, на мой взгляд, кошмарнее всех остальных, но, наверное, так частенько бывает, да? Так вот, милый мальчик настоял на оплате всех моих расходов. А его очаровательная супруга тоже делает карьеру, она художница. Рисует по большей части кувшины с увядшими цветами и сломанные расчески на подоконниках. Не решаюсь ей признаться, но вообще-то я до сих пор обожаю Блер Лейтон и Альму Талема. Впрочем, я заболталась… Это ж надо, сам начальник полиции пожаловал! Право, не ожидала… Боюсь, я отнимаю у вас время…

«Старушенция совсем того», — с неприязнью подумал инспектор Краддок.

— Пойдемте в кабинет управляющего, — предложил Райдесдейл. — Там удобнее разговаривать.

Кутаясь в шаль и прихватив с собой спицы, мисс Марпл взволнованно засеменила за ними в приемную мистера Роулендсона.

— Итак, мисс Марпл, что вы хотели нам рассказать? — спросил начальник полиции.

Мисс Марпл изложила суть дела неожиданно кратко:

— Чек. Он его переправил.

— Кто «он»?

— Молодой человек, сидевший тут за конторкой. Он вроде бы инсценировал налет и застрелился.

— Вы говорите, он подделал чек?

Мисс Марпл кивнула.

— Вот, посмотрите. — Она вынула чек из сумки и положила на стол. — Сегодня утром его прислали из банка вместе с остальными счетами. Можете сами убедиться: тут было написано «семь фунтов», а он сделал из них семнадцать, поставил единичку и приписал «дцать». Изящно проделано. А чтобы было не подкопаться, поставил кляксу и запачкал все слово. Мастерская работа, нечего сказать! Я полагаю, у него была богатая практика. Чернила те же самые, потому что я выписывала чек прямо за конторкой. Должно быть, он частенько проделывал это раньше, вы

не находите?

— Но на сей раз не на ту нарвался, — заметил сэр Генри.

Мисс Марпл кивнула:

— Да. Со мной у него вышла осечка. Слишком уж я неподходящая кандидатура. Молодая замужняя женщина, занимающаяся бизнесом, или влюбленная девушка выписывают чеки на самые разные суммы и никогда не проверяют чековых книжек. Но старуха, считающая каждый пенс и закосневшая в своих привычках, — это плохой вариант. Я никогда не выписываю чеков на семнадцать фунтов. Двадцать — круглая цифра. Я откладываю двадцать фунтов на прислугу и книги. А на карманные расходы обычно отвожу семь. Раньше было пять, но с тех пор цены так подскочили!

— А не напомнил ли он вам кого-нибудь? — подсказал сэр Генри, и в его глазах промелькнул озорной огонек.

Мисс Марпл улыбнулась и покачала головой:

— Ах, вы баловник, Генри! Ну, конечно, напомнил — Фреда Тайлера из рыбной лавки. Тот всегда приписывал к счету лишний шиллинг. А поскольку рыбы мы едим много и счета бывали довольно длинными, люди никогда их не пере-

проверяли, и он всякий раз клал себе в карман по десять шиллингов. Немного, но вполне достаточно, чтобы приобрести пару галстуков и сводить в кино Джесси Спрегг, продавщицу из драпировочной мастерской. Эти молодчики так и норовят урвать везде, где только можно!.. Ну вот, стало быть, в первую же неделю моего пребывания здесь я обнаружила ошибку в счете. Я указала на нее юноше, он рассыпался в извинениях, вид у него был очень расстроенный, но я подумала: «Жуликоватые у тебя глаза, дорогуша». Для меня жуликоватые глаза, — пояснила мисс Марпл, — это когда человек смотрит прямо на тебя и даже не моргнет.

Краддок одобрительно кивнул.

— Руди Шерц вообще был неблагонадежен, — сказал Райдесдейл. — Как удалось выяснить, он стоял на учете в швейцарской полиции.

— Значит, на родине ему припекло, и он по фальшивым документам приехал сюда? — спросила мисс Марпл.

— Именно так, — подтвердил Райдесдейл.

— Его частенько видали с рыжей официанткой из гриль-бара, — сказала мисс Марпл. — К счастью, ее сердце, как мне кажется, не разбито. Ей просто хотелось чего-нибудь новенького, а он

имел обыкновение дарить цветы и шоколадки, чего от английских парней не дождешься… Она рассказала вам все, что знала? — спросила мисс Марпл, неожиданно повернувшись к Краддоку. — Или не совсем?

— У меня нет полной уверенности, — осторожно произнес Краддок.

— Думаю, вам не придется долго ждать, — ободрила его мисс Марпл. — Девушка очень встревожена. Сегодня утром принесла мне вместо селедки лососину и забыла про молоко. А ведь она отличная официантка. Да, она встревожена. Но надеюсь, — тут простодушные голубые глазки мисс Марпл с чисто женским восхищением окинули ладную фигуру и красивое лицо инспектора Краддока, — надеюсь, вы сможете войти к ней в доверие и она выложит вам все, что знает.

Инспектор покраснел, а сэр Генри одобрительно хмыкнул.

— Это может быть очень важно, — сказала мисс Марпл. — Вдруг он открыл ей, кто это был?

Райдесдейл удивленно воззрился на старушку:

— В каком смысле?

— О, я совсем не умею выражать свои мысли! Я имела в виду, кто его подбил.

— Вы считаете, что швейцарца подговорили?

Мисс Марпл сделала большие глаза:

— Безусловно. Сами посудите, что он был за человек? Смазливый юнец, который норовит урвать помаленьку то тут, то там, подделывает чеки на мелкие суммы… может, порой крадет недорогие украшения, когда постояльцы гостиницы оставляют их на видном месте, или стащит немножко денежек из чужого ящика. Этого ему вполне хватает на карманные расходы, на одежду и на девушек. И чтобы такой молодец среди овец вломился в дом, терроризировал столько людей и вдобавок в кого-то выстрелил! Да никогда в жизни! Не тот он был тип. Это нелепо.

У Краддока перехватило дыхание. То же самое говорила Летиция Блэклок. И жена пастора. Нелепо… И вот теперь старая киска сэра Генри повторила их слова, и в голосе ее прозвучала непоколебимая уверенность.

— В таком случае, может быть, вы нам поведаете, — с неожиданной злостью сказал он, — что же на самом деле там стряслось?

Мисс Марпл удивленно повернулась к инспектору.

— Откуда мне знать? Я читала газетные сводки, но из них мало что почерпнешь. Конечно, можно строить домыслы, но это же не достоверные

факты.

— Джордж, — обратился сэр Генри к Райдесдейлу, — если дать мисс Марпл прочесть показания свидетелей из Чиппинг-Клеорна, это будет против правил?

— Против, — сказал Райдесдейл, — но я пришел сюда не для того, чтобы соблюдать правила. Пусть прочтет. Мне хочется узнать ваше мнение, мисс Марпл.

Старушка ужасно смутилась.

— Боюсь, вы напрасно доверяете сэру Генри. Он слишком добр ко мне и переоценивает мои мелкие наблюдения. На самом деле у меня нет никаких талантов, совершенно никаких… кроме, может быть, определенного знания человеческой природы. Я нахожу, что люди обычно бывают излишне доверчивы. А я, увы, имею склонность верить в наихудшее. Это неприятное свойство характера, но оно мне не раз пригодилось.

— Прочтите, — сказал Райдесдейл, подав ей листы с машинописным текстом. — Это не отнимет у вас много времени. Кроме всего прочего, свидетели — люди вашего круга… Вы можете знать кого-нибудь похожего на них. Может, вам удастся заметить что-нибудь важное… А то дело вот-вот будет закрыто. Давайте перед тем, как поставить

точку, послушаем мнение любителя. Не скрою, наш Краддок не удовлетворен исходом расследования. Он, как и вы, считает, что это нелепо.

Все молча ждали, пока мисс Марпл прочтет показания. Наконец она отложила записи в сторону.

— Очень интересно, — вздохнув, начала она. — Какие разные вещи люди говорят… и думают. Что они видят… или думают, что видят. Да, очень сложно делать выводы, ведь почти все невероятно банально, а какую-то небанальную вещь выявить очень трудно, она как иголка в стоге сена.

Краддок был разочарован. На мгновение он вдруг поверил сэру Генри, до небес превозносившему эту смешную старушенцию. Поверил, что она может подметить какую-нибудь важную деталь, ведь старики часто бывают необычайно проницательны. Ему, к примеру, ничего не удавалось утаить от старой тетушки Эммы. Он долго не понимал, в чем дело, и наконец тетка призналась, что, когда он собирается соврать, у него начинает дергаться нос. Однако мисс Марпл способна лишь наводить тень на плетень. Он почувствовал прилив раздражения и довольно грубо сказал:

— Факты остаются фактами. Несмотря на разнобой в деталях, в целом свидетельские показания совпадают. Люди видели человека в маске, державшего пистолет и фонарь; он открыл дверь, приказал поднять руки вверх, и, как бы они ни передавали его слова: «Руки вверх!» или «Кошелек или жизнь!» — это зависит от того, какая фраза ассоциируется у них с налетом, — все они видели налетчика, это главное.

— Но на самом деле, — мягко возразила мисс Марпл, — они не могли ничего увидеть.

У Краддока дух захватило. Старушка попала не в бровь, а в глаз! Значит, все-таки она проницательна! Он ее провоцировал, но она не поддалась на провокацию. Да, факты пока оставались фактами, но мисс Марпл вслед за Краддоком поняла, что люди, видевшие налетчика в маске, на самом деле не могли его видеть.

— Если я правильно представляю себе картину происшедшего, — щеки мисс Марпл порозовели, а глаза заблестели от удовольствия, — света не было ни в холле, ни на лестничной площадке?

— Не было, — подтвердил Краддок.

— Значит, если человек встал в дверях, направив яркий свет на людей в комнате, никто не мог ничего увидеть, кроме этого света, не так ли?

— Так. Я проверял.

— И, утверждая, что они видели мужчину в маске, очевидцы невольно описывают свои впечатления уже после, когда свет зажегся. А это лишнее подтверждение того, что Руди Шерц был, так сказать, подставным лицом.

Райдесдейл уставился на нее с таким изумлением, что мисс Марпл покраснела еще сильнее.

— Не знаю, удачно ли я выразилась… Насколько я понимаю, подставное лицо — это человек, обвиняемый в преступлении, которое на самом деле совершено кем-то другим, — пробормотала она. — По-моему, Руди Шерц оказался именно таким человеком. Он был глуповат, корыстолюбив и, вероятно, необычайно легковерен.

Райдесдейл спросил, терпеливо улыбаясь:

— Уж не считаете ли вы, что его подговорили устроить пальбу в комнате, битком набитой людьми?

— Я думаю, ему сказали, что это шутка, — спокойно ответила мисс Марпл. — И наверняка щедро заплатили за то, что он опубликует объявление, выяснит планировку усадьбы, а потом в назначенный час явится в маске и черном плаще, распахнет дверь, взмахнет фонарем и прикажет: «Руки вверх!»

— И выстрелит?

— О нет, нет! — покачала головой мисс Марпл. — У него и пистолета-то с собой не было!

— Но все говорят… — начал Райдесдейл и осекся.

— Вот именно, — кивнула старушка. — На самом деле пистолета в его руках никто не видел. И не мог увидеть. А у меня сложилось впечатление, что его и не было. Я думаю, после того как парень скомандовал: «Руки вверх!» — кто-то бесшумно подошел к нему в темноте и выстрелил дважды через его плечо. Руди до смерти перепугался, оглянулся, и тогда тот, другой, застрелил его. А потом бросил пистолет рядом с трупом.

Все завороженно уставились на старушку.

— Это лишь одна из версий, — мягко сказал сэр Генри.

— Но кто сей мистер Икс, подкравшийся к Шерцу в темноте? — спросил начальник полиции.

Мисс Марпл кашлянула.

— Вам… вам следует выяснить у мисс Блэклок, кто хотел ее смерти.

«Один — ноль в пользу Доры Баннер, — подумал Краддок. — О, это вечное состязание инстинкта и интеллекта!»

— Значит, по-вашему, это преднамеренное

покушение на мисс Блэклок? — уточнил Райдесдейл.

— Судя по всему, да, — подтвердила мисс Марпл. — Впрочем, есть одна нестыковка… Но сейчас меня интересует не это. Сейчас нужно узнать, не проболтался ли он кому-нибудь. Человек, вступивший в переговоры с Руди Шерцем, безусловно, требовал, чтобы Шерц держал язык за зубами, и если парень все-таки проболтался, то только своей девушке, Мирне Харрис. Ей он вполне мог намекнуть о том, кто сделал ему такое необычное предложение.

— Я сейчас же допрошу ее, — сказал Краддок, вскакивая со стула.

— Сделайте милость, инспектор, — кивнула мисс Марпл. — У меня сразу на душе полегчает. Ведь когда она расскажет вам все, что ей известно, она будет в гораздо большей безопасности.

— В безопасности?… Ах да, понимаю…

Краддок вышел из комнаты.

Начальник полиции сказал вежливо, но с явным сомнением:

— Мисс Марпл, вы заставили нас задуматься.

— Простите меня, пожалуйста, простите! Как мило с вашей стороны, что вы не в претензии! Но, понимаете, у меня такая мать… Из-за любого

пустяка начинает сходить с ума. А ведь действительно могло показаться, что я пособница преступления. О господи, слова-то какие страшные! — Мирна Харрис тараторила без умолку. — Поймите, я боялась, что вы мне не поверите. Но я, честное слово, считала эту затею шуткой!

Инспектор Краддок вновь повторил заверения, благодаря которым ему удалось сломить сопротивление Мирны.

— Я все скажу. Но вы не будете меня привлекать, да? Просто из-за мамы… Короче, все началось, когда Руди отменил свидание. Мы хотели сходить в кино, а он вдруг заявил, что не сможет. Поэтому я говорила с ним очень сухо, ведь, в конце концов, это была его идея. Еще не хватало, чтобы иностранцы так со мной обращались! А он сказал: «Я не виноват». А я: «Знаю я твою песенку». А он: «Вот уж будет потеха!» И добавил, что внакладе не останется, и пообещал мне в подарок часы. «Что значит потеха?» — спросила я. А он в ответ: «Ты смотри, никому ни слова… Тут в одном месте будет вечеринка, и мне нужно сыграть роль налетчика». И показал объявление, такое забавное, просто умора! Вообще тон у него был довольно презрительный. Он сказал: дескать, все это детские шалости, но очень похоже на англи-

чан. Они никогда по-настоящему не взрослеют. Я, конечно, возмутилась: «С какой стати ты нас так поносишь?» Мы немножко поцапались, но потом помирились. Сэр, надеюсь, вы меня понимаете? Когда я прочитала о налете и мне стало ясно, что дело-то вовсе не шуточное и Руди кого-то застрелил, а потом наложил на себя руки… Я не знала, что делать! И мне показалось, если я скажу, что была в курсе, все решат, что я и во всем остальном замешана. Но ведь это действительно казалось шуткой! И Руди тоже, могу подтвердить под присягой. А я даже не подозревала, что у него есть пистолет. Он ничего не говорил про оружие.

— Кто устраивал вечеринку? — спросил Краддок.

— Об этом он не сказал. Да, наверное, никто его и не подговаривал. Он сам во всем виноват.

— Неужели он не назвал имен? Может, хотя бы намекнул, кто это — мужчина или женщина?

— Нет, сказал только, что будет потрясающий сюрприз. И добавил: «Вот уж посмеюсь, когда увижу их физиономии!»

«Однако долго смеяться бедняге не пришлось», — подумал Краддок.

— Все это голословно, — заявил Райдесдейл по пути в Меденхэм. — Гипотеза ничем не подтвер-

ждена. Может, отбросим ее как досужие домыслы старой девы?

— Я бы поостерегся, сэр.

— Но где доказательства? Некий таинственный Икс вдруг вырастает в темноте за спиной у швейцарца. Откуда он взялся? Кто он такой? Где был до этого момента?

— Он мог пройти через черный ход, — предположил Краддок, — как прошел тот же Шерц. Или… прийти из кухни.

— Вы хотите сказать, она могла прийти из кухни?

— Не исключено, сэр. Беженка не внушает мне доверия. Неприятная особа. Все ее вопли и истерики могут оказаться чистым притворством. Она вполне могла подговорить парня, впустить его в дом, все обстряпать, застрелить его, примчаться обратно в кухню, схватить столовое серебро и замшу и начать ломать комедию с воплями.

— Против всего этого один-единственный факт: мистер… как бишь его… Эдмунд Светтенхэм вполне определенно показал, что ключ торчал в замке с наружной стороны и он повернул его, чтобы выпустить служанку. Может, в той половине дома есть еще какая-нибудь дверь?

— Да, есть дверь, ведущая к черному ходу и на

кухню, она расположена прямо под лестницей, но, похоже, дверная ручка сломалась недели три тому назад и ее до сих пор не удосужились починить. А когда ручка сломана, дверь открыть невозможно. Так мне сказали в «Литтл-Пэддоксе» и, наверное, сказали правду. Штырь и две ручки лежат на полочке в холле, за дверью, на них толстый слой пыли. Но профессионал, естественно, сумел бы открыть и эту дверь.

— Запросите досье на иностранку. Проверьте, все ли у нее в порядке с документами. Но мне все равно кажется, что это умозрительные теории.

Райдесдейл опять испытующе взглянул на подчиненного. Тот спокойно ответил:

— Знаю, сэр. Конечно, если вы считаете, что дело пора закрывать, мы его закроем. Но я был бы вам весьма признателен, если бы смог поработать над ним еще немного.

К его удивлению, шеф спокойно и одобрительно произнес:

— Молодец!

— Надо проверить пистолет. Если гипотеза верна, он Шерцу не принадлежал. Тем более что никто не может определенно сказать, был у Шерца пистолет или нет.

— Он германского производства.

— Я знаю, сэр. Но в Англии сейчас полно иностранных пистолетов. Американцы привозили с войны трофейное оружие, англичане от них тоже не отставали. Вряд ли нам это поможет.

— Пожалуй. Какие еще соображения?

— Должен быть мотив преступления. Если теория мисс Марпл хоть отчасти верна, значит, случившееся в пятницу не было шуткой или обычным налетом. Кто-то пытался убить мисс Блэклок. Почему? Сдается мне, что если кто и может ответить на сей вопрос, то только она сама.

— Насколько я понял, она восприняла эту идею без энтузиазма?

— Она восприняла без энтузиазма идею, что ее пытался убить Руди Шерц. И была совершенно права. Но теперь ситуация изменилась.

— Почему?

— Убийца может сделать еще одну попытку.

— Которая, конечно же, подтвердила бы правильность вашей гипотезы, — сухо сказал Райдесдейл. — Кстати, вы бы позаботились о мисс Марпл.

— О мисс Марпл? В каком смысле?

— Если не ошибаюсь, она хочет поселиться в Чиппинг-Клеорне у священника и два раза в неделю ездить в Меденхэм-Уэллс на лечение.

Вроде бы миссис… как бишь ее… короче, жена пастора — это дочь старой подруги мисс Марпл. У нашей киски настоящая спортивная хватка. Жизнь у нее, должно быть, довольно скучная, и старушка не прочь пощекотать нервишки, занявшись расследованием убийства… которое, может быть, все же действительно имело место.

— Мне бы не хотелось, чтобы она приезжала в Чиппинг-Клеорн, — озабоченно произнес Краддок.

— Что, будет путаться под ногами?

— Не в этом дело, сэр. Мисс Марпл — симпатичная пожилая леди. Будет очень жалко, если с ней что-нибудь случится… разумеется, если в нашей гипотезе и вправду есть доля истины.

Глава 9
Немного о двери

— Простите, что снова побеспокоил вас, мисс Блэклок.

— Ничего страшного! Раз следствие затянулось еще на неделю, значит, вы рассчитываете получить какие-то дополнительные сведения?

Инспектор Краддок кивнул.

— Выяснилось, что Руди Шерц вовсе не был сыном владельца отеля «Альпы» в Монтре. Судя по всему, он начал свою карьеру с санитара в бернской больнице. В бытность его санитаром у многих пациенток пропадали недорогие украшения. Потом Шерц работал под другой фамилией официантом на одном из небольших зимних курортов. Специализировался на подделке счетов: в дубликате указывал услуги, которых не значилось в оригинале. Разницу, естественно, прикарманивал. Дальше работал в одном цюрихском универмаге. В тот период воровство среди продавцов превысило средний уровень. И похоже, Шерц обворовывал не только покупателей.

— Вот как? Значит, он был нечист на руку?

— мрачно осведомилась мисс Блэклок. — И я не ошиблась, подумав, что раньше его не видела?

— Не ошиблись. Скорее всего ему на вас указали в гостинице, а он прикинулся вашим знакомым. Родная полиция начала ему докучать, и, приехав в Англию с кучей поддельных документов, Шерц устроился на работу в «Ройал Спа».

— Подходящее местечко для поживы, — холодно процедила мисс Блэклок. — Отель очень дорогой, в нем останавливается много зажиточных людей. И кое-кто из них легкомысленно относится к счетам.

— Да, — сказал Краддок, — там можно собрать неплохой урожай.

Мисс Блэклок нахмурилась:

— Хорошо, это понятно. Но зачем Шерцу понадобилось приезжать в Чиппинг-Клеорн? Неужели он рассчитывал взять с нас больше денег, чем с клиентов отеля?

— Вы абсолютно уверены, что в доме нет никаких ценностей?

— Абсолютно. Мне ли не знать! Смею вас заверить, инспектор, что у нас нет неизвестной картины Рембрандта или чего-нибудь в том же роде.

— Тогда ваша подруга мисс Баннер права. Вы-

ходит, Шерц покушался на вашу жизнь.

Мисс Блэклок устремила на него тяжелый взгляд.

— Давайте говорить начистоту. Неужели вы серьезно думаете, что этот юноша пришел меня убивать, предварительно дав объявление в газете, из-за которого к нам сюда сбежалась половина поселка?

— Но он, может, не хотел, чтобы так случилось, — перебила Летицию Дора Баннер. — Наверное, он просто хотел пригрозить тебе и для этого выбрал такую страшную форму. Я, например, так и поняла. «Объявлено убийство…» Я сразу же всеми фибрами души почуяла беду… Если бы он замышлял тебя убить, он бы выстрелил и убежал, и никто бы не узнал, кто он такой.

— Вполне возможно, — согласилась мисс Блэклок, — но…

— Я чувствовала, что это не шуточное объявление, Летти! Я так тебе и сказала. А вспомни Мици! Она тоже перепугалась!

— Кстати, Мици! — подхватил Краддок. — Мици… Расскажите мне поподробней об этой молодой особе.

— Вид на жительство и документы у нее в порядке.

— Не сомневаюсь, — сухо сказал инспектор. — Бумаги Шерца тоже были — не подкопаться.

— Но зачем Руди Шерцу понадобилось меня убивать?

— За его спиной мог стоять кто-то другой, — сказал Краддок. — Вам это в голову не приходило?

Он употребил слова «за спиной» метафорически, хотя у него и промелькнула мысль, что если гипотеза мисс Марпл верна, то выражение имеет и прямой смысл. Однако мисс Блэклок и бровью не повела. Взгляд ее оставался скептическим.

— И все-таки, — сказала она, — зачем меня убивать?

— Ответа на этот вопрос я от вас и добиваюсь, мисс Блэклок.

— Но что мне вам ответить? Вздор! Врагов у меня нет. С соседями, смею думать, я всегда жила в мире. Ничьих тайн я не ведаю. Да это нелепая мысль! А намеки, что здесь замешана Мици, тоже абсурд. Ведь мисс Баннер сказала, что, прочитав объявление в газете, Мици до смерти перепугалась и тут же хотела от нас съехать.

— Это могло быть ловким маневром. Она прекрасно знала, что вы ее не отпустите.

— Ну конечно, если что-то втемяшить в голову, то на любое возражение всегда найдется контр-

аргумент. Однако уверяю вас, если бы Мици вдруг ни с того ни с сего воспылала ко мне лютой ненавистью, она просто подсыпала бы мне чего-нибудь в еду и не стала бы ломать комедию… По-моему, у полиции предубеждение против иностранцев. Мици, может, и лгунья, но не убийца. Можете запугивать ее и дальше, но если она в порыве гнева потребует расчет или запрется у себя в комнате, закатив истерику, вы будете сами готовить нам обед. Миссис Хармон придет сегодня к нам с пожилой женщиной, которая приехала к ней погостить. Они придут к вечернему чаю, и я просила Мици испечь миниатюрное печенье, но боюсь, вы выбьете ее из колеи. Неужели вам больше некого подозревать?

Краддок отправился на кухню, задал Мици те же вопросы, что и в прошлый раз, и получил те же самые ответы. Да, она заперла входную дверь сразу после четырех. Нет, она не всегда так делает, но в тот вечер она нервничала из-за «ужасный объявления». Запирать черный ход не имело смысла, потому что мисс Блэклок и мисс Баннер собирались закрыть уток и покормить цыплят, а миссис Хаймес должна была вернуться с работы.

— Миссис Хаймес показала, что заперла дверь в половине шестого.

— А вы верить… да-да, вы верить…

— Почему бы и нет?

— Что вам разница, что я думаю? Мне вы не верить.

— Считай, что я даю тебе шанс войти ко мне в доверие. Итак, ты считаешь, что миссис Хаймес не запирала черный ход?

— Она очень стараться, чтобы не запирать.

— Не понимаю, о чем ты?

— Тот парень работать не один. Нет, он знать, куда ходить, знать, что, когда приходить, дверь будет открытый, о, такой удобно открытый!

— Что ты хочешь сказать?

— А какой польза, что я говорить? Вы не слушать. Вы сказать, что я бедная беженка, я не говорить правда. А этот английский леди с белый волосы, о нет, она никогда не говорить ложь. Она такой английский, такой честный. И вы верить она, а не я. Но я могла рассказать немного вещи. О да, могла!

Мици с чувством швырнула кастрюлю на плиту.

Краддок колебался, не зная, стоит ли придавать значение словам Мици. Ведь это вполне могло оказаться просто потоком желчи.

— Мы принимаем во внимание все, что нам

сообщают, — наконец сказал он.

— Но я ничего не говорить. Зачем? Вы как везде. Преследоваете и презираете бедный беженцы. Если я говорить, что неделя назад, когда этот парень приходить за деньги к мисс Блэклок и она его гонять домой… если я говорить, что потом я слушать, что он разговаривать с миссис Хаймес… да-да, с ней около оранжерея, вы опять утверждать, что я придумать?

«Вполне вероятно», — подумал Краддок, но вслух возразил:

— Ты не могла слышать их разговор.

— Нет, могла! — торжествующе взвизгнула Мици. — Я ходить собирать крапива, из она делать такой хороший суп. Хозяева не согласные, но я им не говорить, готовить, и все. Вот я ходить и слышать, как они беседовали. Он сказать: «Но как я могу прятаться?» А она: «Я покажу». А потом еще: «Четверть шестого». А я думать: «Ага, так ты себя держать, моя леди! Идешь с работа и бежишь к мужчина. Несешь его в дом. Наверно, мисс Блэклок это не очень любить. Она быстро выгонять такой женщин». Я думала, я буду смотреть и слушать, а потом рассказывать все мисс Блэклок. Но сейчас понимать, что думать неправильный. Она с ним планировать не любовь, она с ним

планировать грабить и убивать. Но вы говорить, я все придумывать. Злая Мици, говорить вы. Я буду садить ее тюрьма.

Краддок призадумался. Мици могла и сочинять. Но могла и не сочинять. Он осторожно спросил:

— А ты уверена, что она разговаривала именно с Руди Шерцем?

— Конечно. Он выходил, я видела, что он пойти по дорожка к оранжерея. А я тогда, — вызывающе добавила Мици, — выходила смотреть, если вырастала молодой крапива.

«Любопытно, — подумал Краддок, — что за молодая крапива может вырасти в октябре?» Но он понимал, что Мици просто наспех выдумала отговорку, скрывая свои шпионские намерения.

— А больше ты ничего не слышала?

Мици посмотрела на него удрученно.

— Эта мисс Баннер с ее длинный нос звать: «Мици! Мици!» И я должна уходить. Она такой вредный! Все лезет. Говорит, будет научить меня готовить. Ее готовление! В эти блюда везде, везде вода!

— А почему ты в прошлый раз умолчала об этом? — строго спросил Краддок.

— Потому что не помнить… Я не думать… Я только потом решить, что они иметь план… он

и она.

— А ты уверена, что это была миссис Хаймес?

— Уверен. Она воровка, эта миссис Хаймес. Она воровает и показывает воры хорошие дом. Что она получать за работа в саду, для такой женщин мало. Нет! Ей надо ограбливать мисс Блэклок, которая был с ней такой добрый. Она плохой, плохой женщин, эта миссис Хаймес.

— А если, — сказал инспектор, — мне донесут, что не Филиппу, а тебя видели с Руди Шерцем? Тогда как?

Но сие предположение впечатлило Мици куда меньше, нежели надеялся Краддок. Служанка презрительно фыркнула и потрясла головой.

— Это ложь, ложь, ложь! Говорить ложь о человек нетрудно, но в Англия это надо доказывать. Так мне сказать мисс Блэклок. Это правда или она обманывать? Я не разговаривать воры и убийцы. Никакой английский полицейский не может так обвинять. Но как я могу готовить еда, если вы здесь всегда говорить, говорить, говорить!.. Уходите из моя кухня, пожалуйста. Я хочу сейчас очень осторожный соус.

Краддок послушно вышел. Его подозрения относительно Мици начали развеиваться. Слишком уж убежденно она говорила про Филиппу

Хаймес. Конечно, Мици вполне могла оказаться лгуньей. Так оно и было, по мнению Краддока. Но в ее рассказе, вероятно, все же была доля правды. Он решил побеседовать с Филиппой Хаймес. В первый раз она показалась ему спокойной, хорошо воспитанной молодой женщиной. Он не подозревал ее в причастности к преступлению.

Краддок в задумчивости шел по коридору и по рассеянности попытался открыть не ту дверь. Спускавшаяся с лестницы мисс Баннер поспешила его поправить:

— Не туда. Та дверь не открывается. Вам нужна следующая слева. Запутаться можно, да? Тут столько дверей!

— Многовато, — согласился, оглядываясь, Краддок.

Мисс Баннер любезно перечислила:

— Первая ведет в гардеробную, за ней — дверь в чулан, дальше — в столовую, это по нашей стороне. А по той — фальшивая дверь, в которую вы сейчас пытались войти, потом настоящая дверь в гостиную, потом дверь в кладовку с фарфором, дверь в маленькую оранжерейку и в конце — черный ход. Запутаться можно. Особенно в этих двух: они так близко друг от друга. Я тоже часто толкалась в фальшивую дверь. Ее всегда загора-

живал стол, но его отодвинули.

Краддок машинально отметил про себя тонкую горизонтальную полоску на двери, которую он недавно пытался открыть. Теперь ему было понятно, что полоска — это след от стола.

У него промелькнула смутная догадка.

— Отодвинули? — переспросил он. — Когда?

К счастью, Дора Баннер любой вопрос воспринимала как должное. Словоохотливой старушке все казалось естественным, она была рада сообщить даже самые пустяковые сведения.

— М-м… дайте подумать… да совсем недавно, дней десять назад, от силы две недели.

— А почему его отодвинули?

— Не помню. Кажется, из-за цветов. Филиппа, если мне не изменяет память, поставила их в большую вазу — она великолепно составляет букеты, — но этот букет был такой огромный, что цеплялся за волосы. Поэтому Филиппа предложила: «Давайте отодвинем стол подальше. Цветы будут красивее смотреться на фоне голой стены, а не этой нелепой двери!» Но для этого пришлось снять картину «Веллингтон в Ватерлоо». Я, правда, от нее не в восторге. Мы положили картину под лестницу.

— Но на самом деле дверь не фальшивая? —

спросил Краддок.

— Нет-нет, она настоящая. Эта дверь ведет в маленькую гостиную, но, когда комнаты соединили, две двери стали не нужны, и одну закрыли.

— Закрыли? — осторожно попытался выведать Краддок. — Вы хотите сказать, заколотили? Или просто заперли?

— Кажется, закрыли на ключ и на засов.

Инспектор увидел вверху засов и попробовал его отодвинуть. Засов поддался легко, пожалуй, даже слишком легко…

— А когда эту дверь открывали в последний раз?

— М-м… давным-давно. Все время, что я тут живу, ни разу не открывали, я бы обязательно узнала.

— А ключ где?

— В холле стол, в ящике полно ключей. Наверное, там.

Краддок пошел вслед за мисс Баннер и увидел в глубине ящика связку ржавых ключей. Внимательно осмотрев каждый ключ, он взял один, с виду отличавшийся от остальных, и вернулся к двери. Ключ сразу вошел в замочную скважину и легко повернулся. Инспектор толкнул дверь, она бесшумно открылась.

— Осторожней! — воскликнула мисс Баннер. — С той стороны к двери может быть что-нибудь прислонено. Мы ведь ее никогда не открывали.

— Неужели? — хмыкнул инспектор. Лицо его омрачилось. — Мисс Баннер, эту дверь открывали совсем недавно. Замок и петли смазаны.

Старушка уставилась на него, глупо разинув рот:

— Но кто мог это сделать?

— Это мне предстоит выяснить, — сурово ответил Краддок. А про себя подумал: «Икс, проникший в дом с улицы? Как бы не так! Икс был здесь, в доме. Икс был в тот вечер в гостиной».

Глава 10
Пип и Эмма

На сей раз мисс Блэклок слушала Краддока более внимательно. Она была умной женщиной и сразу поняла суть дела.

— Да, — спокойно согласилась она, — это меняет картину… Никто не имел права открывать ту дверь. Но насколько я знаю, никто и не пытался.

— Поймите, — настаивал инспектор, — когда свет погас, человек, сидевший в комнате, вполне мог проскользнуть в ту дверь, подкрасться к Шерцу сзади и выстрелить в вас.

— И никто его не заметил, не услышал?

— Никто. Вы же помните, когда погас свет, все засуетились, закричали, начали толкаться. А потом виден был лишь свет фонаря.

Мисс Блэклок сказала с расстановкой:

— И вы верите, что кто-то из этих заурядных людей, из моих милых соседей, пытался меня убить? Но почему именно меня? За что, скажите на милость!

— По-моему, это вопрос не ко мне, мисс Блэклок.

— Но я не могу на него ответить, инспектор. Уверяю вас.

— Хорошо, начнем сначала. Кто получит наследство после вашей смерти?

Слегка поколебавшись, мисс Блэклок ответила:

— Патрик и Джулия. Доре Баннер я завещала обстановку и небольшой годовой доход. Но, в общем-то, мне особо нечего оставить. Когда-то у меня были вклады в немецких и итальянских ценных бумагах, но они обесценились, да и налоги нынче высокие, а проценты низкие, так что убивать меня не имеет смысла, поверьте… Большую часть денег я положила в банк год назад.

— Но кое-какие средства у вас все же имеются, и ваши племянник с племянницей ими завладеют.

— Вы полагаете, меня пытались убить Патрик с Джулией? Не верю. Да они и не нуждаются в деньгах.

— Вы это точно знаете?

— Нет, только с их собственных слов… Но я решительно отказываюсь подозревать ребят! Может, когда-нибудь и появится смысл убивать меня, но не сейчас.

— Что вы имеете в виду, мисс Блэклок? — на-

сторожился инспектор.

— А то, что когда-нибудь — кстати, может, и довольно скоро — я разбогатею.

— Любопытно. Вы не могли бы пояснить?

— Разумеется. Вы, должно быть, не в курсе… Видите ли, двадцать с лишним лет назад я была секретаршей и близким другом Рэнделла Гедлера.

Интересный поворот! Рэнделл Гедлер был в свое время крупным финансовым воротилой. Его дерзкие спекуляции и экстравагантные выходки были незабываемы. Гедлер умер, если Краддока не подводила память, году так в 1937-1938-м.

— Вы были еще маленьким, — сказала мисс Блэклок. — Но, наверное, слышали о нем.

— О да! Он ведь был миллионером?

— Миллиардером, хотя его капиталы были нестабильны. Большую часть денег Рэнделл всегда вкладывал в какое-нибудь рискованное предприятие.

Летиция оживилась, глаза ее заблестели. В памяти инспектора мелькнуло смутное воспоминание…

«ОГРОМНОЕ СОСТОЯНИЕ ПЕРЕЙДЕТ К ВЕРНОЙ СЕКРЕТАРШЕ», или что-то подобное.

— За последние двенадцать лет, — подмигивая

инспектору, сказала мисс Блэклок, — у меня были веские основания убить миссис Гедлер, но вам это открытие вряд ли принесет пользу.

— Простите, пожалуйста… но миссис Гедлер… м-м… не выражала недовольства тем, что ее супруг так распорядился капиталом?

Мисс Блэклок была искренне позабавлена:

— Это излишняя деликатность. Вы ведь хотите узнать, была ли я любовницей Рэнделла, правда? Отвечаю: нет, не была. Рэнделл, насколько я понимаю, никогда не был в меня влюблен. А я и подавно! Он любил Белль, свою жену, и продолжал любить до самой смерти. Думаю, его шаг объясняется благодарностью. Видите ли, инспектор, давным-давно, когда Рэнделл был еще новичком в мире бизнеса, он вдруг оказался на грани банкротства. Речь шла всего о нескольких тысячах фунтов. Он сделал важный ход, страшно рискованный и дерзкий, как все его планы, но у него не хватило денег, чтобы завершить комбинацию. Я его выручила. У меня были кое-какие сбережения. Я верила в Рэнделла и отдала ему все до последнего пенса. План удался. Через неделю Рэнделл сказочно обогатился. После этого он стал обращаться со мной как с младшим партнером. Эх, чудесные были времена! Я была на седьмом

небе от счастья. А потом мой отец умер, и сестра осталась беспомощной калекой. Мне пришлось все бросить и ухаживать за ней. Через пару лет умер и Рэнделл. За время работы у него я скопила достаточно денег и не ждала никакого наследства. Но была до глубины души тронута и очень горда, да-да, горда, когда выяснилось, что если Белль умрет раньше меня (а она из тех хрупких созданий, о которых говорят, что они не жильцы), то я буду единственной наследницей босса. Думаю, бедняга действительно не знал, кому завещать свои миллионы. Белль — прелесть! Узнав о завещании мужа, она пришла в восторг. Белль — прекрасная, добрая женщина. Живет в Шотландии. Я не виделась с ней много лет, мы только посылаем друг другу открытки на Рождество. Перед войной мы с сестрой поехали в санаторий в Швейцарию. Там сестра умерла от туберкулеза. А я вернулась в Англию всего год назад.

— Итак, вы можете разбогатеть. Скоро?

— От сиделки, ухаживающей за Белль, я знаю, что бедняжка быстро угасает. Конец может наступить буквально через пару недель. Но теперь деньги не имеют для меня такой цены, — печально добавила мисс Блэклок. — Запросы у меня скромные. Мне вполне хватает того, что у меня

есть. Раньше я бы с радостью тряхнула стариной и поиграла на бирже, но теперь… Так что согласитесь, инспектор, если бы Патрик с Джулией хотели убить меня из-за денег, с их стороны было бы безумием не выждать несколько недель.

— Так-то оно так, мисс Блэклок, но что будет, если вы умрете раньше миссис Гедлер? К кому тогда перейдет наследство?

— Никогда не задумывалась… Наверное, к Пипу и Эмме.

На лице Краддока отразилось изумление. Мисс Блэклок улыбнулась:

— Думаете, старушка сбрендила? Повторяю: если я умру раньше Белль, деньги, судя по всему, достанутся законным наследникам, или как там у вас называется на вашем юридическом языке… а попросту — детям Сони, единственной сестры Рэнделла. Он с ней разругался. Она вышла замуж за человека, которого Рэнделл считал отпетым негодяем.

— А он действительно был негодяем?

— Еще каким! Но женщинам нравился. Он был то ли грек, то ли румын… как же его звали, дай бог памяти? А! Стэмфордис, Дмитрий Стэмфордис.

— Когда Соня вышла замуж, Рэнделл вычеркнул ее из завещания?

— Нет. Соня и так уже была очень богата. Рэнделл успел поместить на ее имя крупную сумму денег, обставив это дело так, чтобы муж не мог до них добраться. Но адвокаты уговорили его указать наследника на тот случай, если Белль меня переживет, и он, наверное, назвал Сониных детей. Больше ему ничего в голову не пришло, а он был не из тех, кто завещает свои капиталы благотворительным организациям.

— Значит, у Сони родились дети…

— Да, Пип и Эмма. — Мисс Блэклок улыбнулась. — Звучит, конечно, забавно. Я знаю о них только с Сониных слов. Спустя какое-то время после свадьбы она в письме попросила Белль передать Рэнделлу, что брак у нее очень счастливый, а недавно родились близнецы, и она назвала их Пипом и Эммой. Насколько мне известно, больше писем не приходило. Но, конечно, от Белль вы получите более исчерпывающие сведения.

Мисс Блэклок позабавил ее собственный рассказ. Однако инспектору было не до смеха.

— Значит, — сказал он, — если бы вас в тот вечер убили, то по крайней мере два человека получили бы огромное наследство. Вы ошибались, мисс Блэклок, сказав, что ваша смерть никому не нужна. Минимум два человека в этом жизненно

заинтересованы. Сколько сейчас лет братцу с сестрицей?

Мисс Блэклок задумалась.

— Дайте сообразить… Двадцать второй год… Нет, мне трудно припомнить… Думаю, лет двадцать пять — двадцать шесть. — Она резко посерьезнела. — Инспектор, я надеюсь, вы не думаете, что…

— Я думаю, что кто-то пытался вас убить. И что этот человек или эти люди могут повторить свою попытку. Вы должны вести себя очень осторожно, мисс Блэклок, постарайтесь. Одно убийство было подготовлено, но сорвалось. Очень может быть, скоро будет совершено и второе покушение на вашу жизнь.

Филиппа Хаймес выпрямилась и откинула прядь волос со вспотевшего лба. Она пропалывала цветочный бордюр.

— Инспектор?

Филиппа вопросительно поглядела на Краддока. Он, в свою очередь, присмотрелся к ней более внимательно. Ничего не скажешь, красивая девушка. Чисто английский тип: пепельные локоны, продолговатое лицо, упрямый подбородок, упрямый рот. Филиппа была чем-то удручена, обеспокоена. Но пристальный взгляд голубых

глаз был абсолютно непроницаем. Да, эта девушка умеет хранить тайны.

— Извините, что снова отвлекаю вас от работы, миссис Хаймес, — сказал Краддок, — но мне не хотелось дожидаться, пока вы придете на обед. И потом, я решил, что нам проще побеседовать вдали от «Литтл-Пэддокса».

— Я вас слушаю, инспектор.

А в голосе ни тени волнения или интереса! Но зато проскользнула тревога… Или ему почудилось?

— Сегодня утром мне было сделано одно заявление. Относительно вас.

Филиппа приподняла брови.

— Миссис Хаймес, вы решительно утверждаете, что незнакомы с Руди Шерцем?

— Да.

— И вы впервые увидели его уже мертвым?

— Разумеется. Я никогда его раньше не видела.

— У вас не было с ним разговора в оранжерее «Литтл-Пэддокса»?

— В оранжерее?

Краддок был почти уверен, что в голосе Филиппы промелькнул страх.

— В оранжерее, миссис Хаймес.

— А кто это сказал?

— Мне сообщили, что у вас был разговор с Руди Шерцем. Он спросил, где ему спрятаться, а вы пообещали показать надежное место и назвали вполне определенное время: четверть седьмого. Как раз в четверть седьмого Руди Шерц должен был добраться от автобусной остановки до усадьбы в день налета.

На миг воцарилось молчание. Потом Филиппа презрительно хмыкнула. Вид у нее был озадаченный.

— Я знаю, кто вам сказал, — процедила она сквозь зубы. — По крайней мере догадываюсь. Это ложь, очень глупая, неуклюжая и злобная. Почему-то Мици ненавидит меня больше всех остальных.

— Значит, вы отрицаете свой разговор с Шерцем?

— Естественно! Я ни разу в жизни не встречалась с Руди Шерцем. Да меня и дома в то утро не было! Я была здесь, на работе.

— Простите, в какое утро? — вкрадчиво спросил инспектор.

Секундная заминка. Потом глаза моргнули.

— Каждое утро. Я прихожу сюда каждое утро. И не ухожу раньше часа дня, — отбрила инспектора Филиппа и презрительно добавила: — Зря вы

слушаете Мици. Она постоянно врет…

— Итак, мы имеем взаимоисключающие показания двух девушек, — сказал Краддок сержанту Флетчеру. — Кому верить?

— Все считают, что беженка рассказывает байки, — откликнулся Флетчер. — Я тоже по опыту знаю, что иностранец соврет не дорого возьмет. Да и по всему видно, что она миссис Хаймес терпеть не может.

— Значит, на моем месте вы предпочли бы поверить миссис Хаймес?

— Если б не появилось каких-то веских улик, сэр.

У Краддока таких улик не было… Ничего, кроме слишком пристального взгляда голубых глаз и слов «в то утро», невольно сорвавшихся у Филиппы с языка. А ведь он не говорил ей, когда состоялся разговор в оранжерее: утром или днем…

Впрочем, о приходе молодого швейцарца, выклянчивавшего денег якобы на возвращение домой, вполне могла упомянуть мисс Блэклок (а если не она, то мисс Баннер). И Филиппа Хаймес предположила, что разговор состоялся именно утром.

Но все же Краддока не покидало чувство, что

в голосе Филиппы промелькнул страх, когда она переспросила: «В оранжерее?»

Он решил повременить с выводами.

В саду у пастора было чудесно. Несмотря на осень, неожиданно распогодилось. Краддок нежился в шезлонге, который принесла энергичная Банч. Сама она умчалась в школу на родительское собрание. Мисс Марпл, тепло укутанная шалями и большим пледом, сидела рядом с Краддоком и занималась вязанием. Припекающее солнышко, безмятежный покой, размеренное мелькание спиц в руках мисс Марпл — все это навевало на инспектора сон. Но в глубине его души все время копошился страх, как в повторяющемся ночном кошмаре, когда смутная тревога растет, растет и наконец перерастает в ужас…

Инспектор отрывисто произнес:

— Вам не следовало сюда приезжать.

Спицы мисс Марпл замерли в воздухе. Она задумчиво посмотрела на Краддока ясными голубыми глазами, похожими на фарфоровые:

— Намек понятен. Вы очень добросовестный юноша. Но все в порядке. Отец Банч (он, кстати, был пастором нашего прихода, такой образованный человек) и ее мать (поистине выдающаяся женщина, очень сильная духом) — оба мои ста-

ринные друзья. И совершенно естественно, что, оказавшись в Меденхэм-Уэллсе, я решила погостить у Банч.

— Возможно, — сказал Краддок. — Но, пожалуйста, прошу вас, не надо ничего разведывать! Я чувствую, что это небезопасно.

Мисс Марпл чуть заметно улыбнулась.

— Боюсь, — сказала она, — что любопытство — неотъемлемая черта старух. И если я не стану разведывать да вынюхивать, это куда больше бросится в глаза. Мы же всегда выискиваем общих знакомых, выспрашиваем о них: за кого вышла замуж дочь такого-то, что слышно про такого-то… А это, доложу вам, очень помогает.

— Помогает? — тупо переспросил инспектор.

— Да, помогает выяснить, те ли это люди, за кого они себя выдают, — сказала мисс Марпл и добавила: — Ведь именно это вас беспокоит, не правда ли? И действительно, все так изменилось после войны. Взять хотя бы Чиппинг-Клеорн. Он удивительно похож на мой Сент-Мэри-Мид! Пятнадцать лет назад я знала наперечет всех жителей. Отцы и матери, бабушки и дедушки этих людей жили там всю жизнь. Если приезжал кто-то новый, он привозил рекомендательные письма, а если нет, то непременно оказывался

чьим-нибудь однополчанином, или выяснялось, что он плавал на одном корабле с кем-нибудь из местных жителей. Если же появлялся кто-то совсем новый, действительно чужак, он приезжал, чтобы поселиться, оседал в поселке, и все стремились узнать его подноготную, навести о нем справки.

Мисс Марпл сокрушенно покачала головой.

— Теперь все наперекосяк. Везде полно пришлых, людей без роду без племени. Большие дома проданы, коттеджи перестроены. Люди приезжают без рекомендаций, и им приходится верить на слово. Они стекаются в Англию со всего света. Из Индии и Гонконга, из Китая… Кто-то обитал во французском захолустье, или в Италии, или на каких-нибудь экзотических островах. Там им удалось подкопить деньжат, и они могут поселиться в Англии и жить тут припеваючи. Поэтому теперь никто ничего не знает о своих соседях. Вы можете приехать с юга Франции или провести большую часть жизни на Востоке. О вас судят с ваших же собственных слов. Не так, как раньше, когда человека звали в дом, лишь получив о нем хорошие отзывы от своих старинных друзей.

А ведь именно это и угнетало Краддока! Он никого не знал. Личность людей, с которыми сейчас

ему приходилось иметь дело, подтверждалась продовольственными карточками и новехонькими удостоверениями, на которых не было ни фотографий, ни отпечатков пальцев, а стояли только номера. Заполучить такое удостоверение мог кто угодно, и отчасти поэтому порвались тончайшие нити, некогда связывавшие английское общество. В городе никто и не рассчитывал на тесное знакомство со всеми своими соседями. Но теперь и в поселках никто никого не знал, даже если ему и казалось, что знает… Смазанная дверь недвусмысленно указывала на то, что в гостиной Летиции Блэклок в злополучный вечер был человек, лишь прикидывающийся добрым соседом… Вот почему Краддок так волновался за мисс Марпл, старую и слабую, но очень проницательную женщину.

— Можно запросить данные на этих людей, — сказал Краддок.

Однако задачка была не из легких. Индия, Китай, Гонконг, южная Франция… Теперь все не так просто, как лет пятнадцать тому назад. Теперь появилось достаточно много людей, живущих по чужим удостоверениям, «позаимствованным» у тех, кто нашел «случайную» смерть в больших городах. Есть целые шайки, покупающие и подде-

лывающие удостоверения и продовольственные карточки; сотнями расплодились мелкие мошенники. На проверку свидетелей, проходящих по делу об убийстве в «Литтл-Пэддоксе», уйдет много времени, а его-то как раз и нет, ведь вдова Рэнделла Гедлера уже одной ногой в могиле.

Встревоженный и усталый Краддок, которого вдобавок разморило на осеннем солнышке, плюнул на конспирацию и поведал мисс Марпл о Рэнделле Гедлере, Пипе и Эмме.

— Нам известны всего лишь имена этих близнецов, — пожаловался он напоследок. — А может, даже не имена, а прозвища. Их вообще может не оказаться на белом свете. А может, они вполне благонадежные люди и живут где-нибудь в Европе. Но с другой стороны, они могут быть сейчас и в Чиппинг-Клеорне, то ли поодиночке, то ли вместе… Близнецам лет по двадцать пять. Кому из нашей веселой компании сейчас столько же? Кто там у нас? Этот ее племянник с племянницей, или кем они там ей доводятся… Интересно, сколько они не виделись с мисс Блэклок до своего последнего появления в «Литтл-Пэддоксе»?

— Давайте я выясню? — вызвалась мисс Марпл, глядя на инспектора невинными глазами.

— Нет, мисс Марпл, прошу вас, не надо…

— Но это очень просто, инспектор, не волнуйтесь. Тем более что это не вызовет подозрений, ведь я — лицо неофициальное. А если выяснять будете вы, они насторожатся. Вы же не хотите, чтобы они насторожились?

«Пип и Эмма, — вертелось в уме у Краддока. — Пип и Эмма…»

Близнецы становились его навязчивой идеей. Импозантный повеса и миловидная девушка с холодным пристальным взглядом…

Он сказал:

— В ближайшие двое суток мне, надеюсь, удастся получить о них какие-то сведения. Я собираюсь в Шотландию. Миссис Гедлер, если она в состоянии говорить, наверняка знает о них предостаточно.

— Пожалуй, это разумно, — с сомнением в голосе произнесла мисс Марпл. — Вы предупредили мисс Блэклок, что ей следует быть осторожней?

— Предупредил. И потом, я оставляю тут своего человека. — Краддок старался не встречаться взглядом с мисс Марпл, поскольку в ее взгляде явственно читалось, что от полицейского мало проку, если опасность притаилась в семейном кругу. — Не забывайте, — добавил он, наконец взглянув старушке в глаза, — я вас предупредил.

— Поверьте, инспектор, — заявила мисс Марпл, — я могу позаботиться о себе.

Глава 11
Мисс Марпл приходит к чаю

Если Летиция Блэклок и проявила некоторую рассеянность, когда миссис Хармон со своей гостьей пришли к вечернему чаю, то мисс Марпл, та самая гостья, вряд ли это заметила, поскольку видела хозяйку дома впервые в жизни.

Старушка с места в карьер принялась мило сплетничать. Она оказалась большой любительницей историй о грабителях.

— Они куда угодно могут проникнуть, моя дорогая, — уверяла она хозяйку. — Куда угодно! Сейчас появилось столько американских новинок — разных приспособлений против воров! Но я придерживаюсь старых добрых традиций. Крючок и «глазок»! Замок воры могут взломать, засов засовом, но перед медным крючком и «глазком» они бессильны. Вы когда-нибудь пробовали?

— Боюсь, мы плохо разбираемся в замках и засовах, — бодро ответила мисс Блэклок. — У нас, честно говоря, нечем поживиться.

— А цепочку на входную дверь пробовали? — не унималась мисс Марпл. — Прислуга может

спокойно приоткрывать дверь, чтобы понять, кто к вам пожаловал, а грабителям цепочка не дает возможности вломиться в дом.

— Пожалуй, нашей Мици эта идея пришлась бы по душе.

— Страшный был налет, да? — поинтересовалась мисс Марпл. — Банч мне рассказывала…

— Я чуть не умерла! — воскликнула Банч.

— Да, мы все переволновались, — призналась мисс Блэклок.

— Просто чудо, что он споткнулся, а пистолет выстрелил! Грабители пошли нынче такие кровожадные! А как ему удалось пробраться в дом?

— Боюсь, мы плохо запираем двери.

— О, Летти! — воскликнула мисс Баннер. — Я забыла тебе сказать, что инспектор сегодня утром вел себя как-то странно. Он требовал открыть вторую дверь — ту, которая не открывается. Потом выспросил все про ключ и заявил, что дверь недавно смазали. Хотя я лично ума не приложу зачем, ведь… — Банни слишком поздно заметила, что подруга делает ей знаки, и замерла с разинутым ртом. — О, Летти, я… прости… я хотела сказать… извини меня, Летти… Господи, какая я глупая!

— Ничего-ничего, — утешила Банни мисс Бл-

эклок, но было заметно, что она раздражена. — Только, сдается мне, инспектор не погладит нас по головке, если об этом пойдут всякие слухи… А я и не знала, что ты видела его эксперименты. Но вы… надеюсь, вы меня понимаете, миссис Хармон?

— О да, — сказала Банч. — Не бойтесь, мы не пророним ни звука… Однако хотелось бы знать, зачем он…

Жена пастора впала в глубокую задумчивость. Мисс Баннер ерзала на стуле с несчастным видом. Наконец ее прорвало:

— Я все время болтаю что-то не то. Боже, какая мука тебе со мной жить, Летти!

Мисс Блэклок поспешно ответила:

— Ты для меня величайшая радость, Дора. Тем более что в таком маленьком местечке, как Чиппинг-Клеорн, невозможно хранить тайны.

— Что верно, то верно, — подтвердила мисс Марпл. — Слухи распространяются самыми невероятными способами. Конечно, прежде всего от прислуги, хотя сомневаюсь, чтобы это был единственный источник сплетен, ведь в наши дни слуг очень мало. Правда, люди нанимают домработниц, и в каком-то смысле это еще хуже, ведь приходящие домработницы могут за день

обойти полпоселка и разнести уйму сплетен.

— Вот оно что! — вдруг вскричала миссис Хармон. — Я поняла! Ну, конечно, раз та дверь тоже открывается, значит, кто-то мог пробраться в темноте в гостиную и устроить налет… только никто этого, естественно, не сделал, потому что налетчик был из «Ройал Спа», так? Опять ничего не понятно, — снова сникла она.

— Стало быть, это случилось здесь? — спросила мисс Марпл и добавила извиняющимся тоном: — Наверное, вы считаете меня чересчур любопытной, мисс Блэклок, но, право, это потрясающая история! Сенсация, как в газетах, а произошло со знакомыми!.. Мне так не терпится услышать ваш рассказ и представить себе, как все было… надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду…

Тут же последовал пространный и сбивчивый рассказ Банч и мисс Баннер, изредка прерывавшийся уточнениями мисс Блэклок.

На середине повествования вошел Патрик. Он с удовольствием поддержал компанию и даже исполнил роль Руди Шерца.

— А тетя Летти стояла тут… в углу, у прохода под аркой. Станьте там, тетя Летти.

Мисс Блэклок послушно выполнила распоряжение племянника, после чего мисс Марпл

продемонстрировали следы от пуль.

— Потрясающе! Прямо-таки божественное спасение! — изумилась старушка.

— В тот момент я как раз собиралась предложить гостям сигареты. — Мисс Блэклок указала кивком на большую серебряную сигаретницу, лежавшую на столе.

— Люди так неосторожно курят! — нахмурилась мисс Баннер. — Теперь никто не ценит хорошую мебель, не то что в старые времена. Вы только посмотрите на эту жуткую подпалину! Кому сказать — положили сигарету прямо на стол! Позор!

Мисс Блэклок вздохнула:

— Боюсь, мы слишком много заботимся о вещах.

Мисс Баннер любила вещи Летиции так страстно, будто они были ее собственными. Миссис Хармон считала это очаровательным, ведь при этом у Банни не было ни тени зависти.

— Миленький столик! — вежливо похвалила мисс Марпл. — А какая прелестная на нем лампа!

И опять мисс Баннер восприняла похвалу так, словно это она, а не мисс Блэклок, была владелицей лампы.

— Правда, восхитительно? Дрезденский фар-

фор. У нас таких две. Вторая, кажется, в кладовке.

— Ты все в доме знаешь, Дора… или думаешь, что знаешь, — добродушно улыбнулась мисс Блэклок. — Ты заботишься о моих вещах больше, чем я сама.

Мисс Баннер зарделась.

— Да, я люблю красивые вещи, — сказала она вызывающе, но с оттенком грусти.

— У меня, — заметила мисс Марпл, — немного вещей, но они мне тоже очень дороги. С ними связано столько воспоминаний! И с фотографиями, кстати говоря, тоже. Сейчас люди мало фотографируются. А я коллекционирую снимки моих племянников и племянниц с тех самых пор, когда они еще лежали в пеленках. Так забавно наблюдать, как ребятишки взрослеют!

— У вас есть и моя жуткая карточка, мне там три года, — напомнила Банч. — Я стою рядом с фокстерьером, такая косоглазая.

— Наверно, у тетушки Летти куча ваших фотографий, — сказала мисс Марпл, поворачиваясь к Патрику.

— О, мы всего лишь дальние родственники, — промямлил юноша.

— По-моему, Элеонора когда-то присылала мне

одну твою детскую фотографию, Пат, — сказала мисс Блэклок. — Но боюсь, она не сохранилась. Я даже не помнила, сколько у твоей мамы детей и как их зовут, пока она не написала, что вы приедете.

— Еще одна примета времени, — закивала мисс Марпл. — Сейчас люди часто даже незнакомы со своими более молодыми родственниками. В старые добрые времена, когда так чтились семейные связи, это было невозможно себе представить!

— В последний раз я видела мать Пата и Джулии на свадьбе тридцать лет назад, — сказала мисс Блэклок. — Она была очаровательной девушкой.

— И поэтому у нее такие очаровательные детки! — ухмыльнулся Патрик.

— У вас такой красивый старинный альбом, — вставила Джулия. — Помните, тетя Летти, мы его смотрели на днях. Какие там шляпки!

— Да, мы тогда были модницами! — вздохнула мисс Блэклок.

— Не горюйте, тетя Летти, — сказал Патрик. — Когда лет тридцать спустя Джулия наткнется на свою юношескую фотографию, вряд ли она будет выглядеть, как свежая роза.

— Вы нарочно это делали? — спросила Банч у мисс Марпл по пути домой. — Нарочно завели

разговор про фотографии?

— Да, моя милая. И, как видишь, выяснились прелюбопытные вещи: Блэклок не знает в лицо ни одного из своих племянников. Думаю, инспектора Краддока это заинтересует.

Глава 12
Утренние хлопоты в Чиппинг-Клеорне

Эдмунд Светтенхэм осторожно присел на садовую тачку.

— Доброе утро, Филиппа!

— Здравствуйте!

— Вы очень заняты?

— Умеренно.

— А что вы делаете?

— А вы не видите?

— Нет. Я не садовник. По-моему, вы просто играете с землей.

— Я сажаю салат.

— Вот как? Сажаете, значит…

— Вы что-то хотели? — холодно спросила Филиппа.

— О да. Я хотел вас увидеть.

Филиппа метнула на него взгляд исподлобья.

— Не надо сюда приходить. Миссис Лукас это не понравится.

— Она не разрешает вам иметь поклонников?

— Не говорите глупостей.

— А что? Поклонник… Прекрасное слово! Ве-

ликолепно передает мое отношение к вам. Я вас уважаю… держусь на почтительном расстоянии… но не отступаю.

— Пожалуйста, Эдмунд, уходите. Вам незачем сюда приходить.

— А вот и неправда! — торжествующе провозгласил Эдмунд. — Вовсе даже есть зачем! Миссис Лукас позвонила сегодня моей матушке по телефону и сказала, что у нее полно кабачков.

— Целая пропасть.

— А потом она спросила, не хотим ли мы поменять горшочек меда на кабачки.

— Но это неравный обмен! Сейчас кабачки — бросовый товар, их везде хоть отбавляй.

— Конечно! Поэтому миссис Лукас и позвонила. В прошлый раз, если мне не изменяет память, она предложила обменять сливки — представляете, сливки! — на зеленый салат. В разгар сезона! Салат тогда шел по шиллингу за пучок.

Филиппа ничего не ответила.

Эдмунд сунул руку в карман и извлек крошечный горшочек меда.

— Так что вот мое алиби. В самом широком и неоспоримом смысле этого слова. Если миссис Лукас ухитрится протиснуть свой пышный бюст в дверь подсобки, я скажу, что явился по поводу

кабачков. А это весьма уважительная причина!

— Может быть.

— Вы читали Теннисона?[5] — как бы между делом осведомился Эдмунд.

— Кое-что, немного.

— Зря, зря. Теннисон скоро снова войдет в моду. Даже теперь по радио читают по вечерам «Королевские идиллии», а не этого бесконечного Троллопа[6] Троллоп всегда казался мне невыносимо напыщенным. Конечно, в небольших дозах его можно выносить, но когда тебя им пичкают!.. Так вот о Теннисоне… Вы читали «Мод»?

— Когда-то давно.

— Там есть такие строчки. — Эдмунд с нежностью поглядел на Филиппу. — «Непрочно-порочное, холодно-совершенное, великолепное ничто». Это ваш образ, Филиппа.

— Странный комплимент!

— Вовсе не комплимент. Я думаю, Мод запала бедняге в душу так же, как вы мне.

— Не болтайте чепухи, Эдмунд.

— Черт побери, Филиппа, почему вы такая

---

[5] Примечания: 5

Теннисон Альфред (1809–1892) — английский поэт Викторианской эпохи.

[6] Примечания: 6

Троллоп Энтони (1815–1882) — английский прозаик и эссеист.

неприступная? Что таится в этой головке с идеально правильными чертами лица? О чем вы думаете? Что чувствуете? Вы счастливы или несчастны? А может, вы чего-то боитесь? Не знаю, но хоть что-то вы же должны чувствовать!

— Мои чувства касаются только меня, — спокойно сказала Филиппа.

— Нет, и меня тоже! Я хочу, чтобы вы разговорились. Хочу знать, что творится в вашей с виду безмятежной голове. Я имею право знать. Честное слово, имею! Я не хотел в вас влюбляться. Я хотел спокойно сидеть и писать книгу. Прекрасную книгу о том, какие люди несчастные. Ведь так просто разглагольствовать с умным видом о том, какие все люди несчастные. Это быстро входит в привычку. Да-да, я воочию в этом убедился, когда прочел про жизнь Берн-Джонса[7].

Оторвавшись от работы, Филиппа удивленно воззрилась на Эдмунда.

— При чем тут Берн-Джонс?

— При том. Читая про жизнь прерафаэлитов, начинаешь понимать, какое огромное влияние оказывает на людей мода. Прерафаэлиты были такие добрые, веселые, постоянно смеялись,

---

[7] Примечания: 7

Берн-Джонс Эдуард (1833–1898) — английский живописец.

отпускали шуточки и твердили, что жизнь прекрасна. Но все это было данью моде. На самом деле они не были добрее или счастливее нас. А мы ничуть не несчастнее их. Просто тогда так было модно, поверьте. После войны мы помешались на сексе. А теперь начались депрессии. А впрочем, не важно. Почему мы съехали на эту тему? Я же начал говорить про нас с вами. Только у меня язык прирос к нёбу. А все потому, что вы отказываетесь мне помочь.

— Что вам от меня нужно?

— Скажите! Ну, признайтесь же! Это из-за мужа? Вы обожали его, а он умер, и вы спрятались, словно улитка, в свою раковину? Вы так ведете себя со мной из-за него? Что ж, прекрасно, вы его обожали, а он погиб. Но у других женщин тоже погибли мужья, очень у многих, и некоторые женщины тоже любили своих мужей. Они поведают тебе об этом в баре, всплакнут, когда напьются, а потом преспокойно улягутся с тобой в постель, чтобы утешиться. Наверное, так можно утешиться. И вам тоже надо успокоиться, Филиппа. Вы молоды и чертовски милы, и я безумно люблю вас. Ну, расскажите, расскажите мне о вашем треклятом муже!

— А что рассказывать? Мы встретились и по-

женились.

— Вы были очень молоды?

— Да.

— Значит, вы не были счастливы? Продолжайте, Филиппа.

— Да продолжать-то нечего. Мы поженились. Были счастливы, как, наверное, большинство людей. Родился Гарри. Рональд отправился за границу. Его… убили в Италии.

— И остался Гарри?

— Да.

— Гарри мне нравится. Он милый ребенок. И я ему тоже нравлюсь. Мы с ним поладим. Ну так как, Филиппа? Давайте поженимся? Вы сможете по-прежнему садовничать, а я — писать книгу. А в выходные работать не будем, а будем развлекаться. Мы могли бы тактично отделиться от мамы. Она будет подбрасывать нам деньжат, помогая обожаемому сынуле. Я тунеядец, пишу дрянные книжонки, у меня плохое зрение, и я болтлив. Вот худшие из моих недостатков. Может, поженимся, а?

Филиппа подняла глаза. Перед ней стоял высокий, довольно серьезный молодой человек в больших очках. Его светлые, цвета спелой пшеницы волосы растрепались, а глаза смотрели

ободряюще и дружелюбно.

— Нет, — отрезала Филиппа.

— Это ваше окончательное решение?

— Окончательное.

— Почему?

— Вы обо мне ничего не знаете.

— И это все?

— Нет. Вы вообще ничего не знаете.

Эдмунд немного подумал.

— Очень может быть. А кто знает? Филиппа, моя обожаемая Филиппа…

Он осекся. Издалека донеслось быстро приближавшееся тявканье.

— «И болонки на закате — только сейчас всего одиннадцать утра — так резвились и играли… — продекламировал Эдмунд. — „Филиппа, Филиппа, Филиппа!..“ — тявкали они и звали…» Ваше имя не вписывается в размер. Может, у вас есть про запас другое?

— Джоан. Пожалуйста, уходите. Это миссис Лукас.

— Джоан, Джоан, Джоан, Джоан… Лучше, но не намного.

— Миссис Лукас…

— О, черт! — выругался Эдмунд. — Ладно, давайте сюда ваши проклятые кабачки.

…«Литтл-Пэддокс» остался на попечение сержанта Флетчера.

Мици взяла выходной. В нерабочие дни она всегда уезжала в Меденхэм-Уэллс. Мисс Блэклок разрешила сержанту Флетчеру осмотреть дом. Сама мисс Блэклок ушла с Дорой Баннер по каким-то делам в поселок.

Флетчер работал проворно. Кто-то смазал дверь, готовясь незаметно покинуть гостиную, когда погаснет свет. Мици попала бы в гостиную из кухни; ей эта дверь не понадобилась бы, так что Мици можно было исключить из списка подозреваемых. А кого следовало оставить? «Соседи, — решил Флетчер, — тоже исключаются». Он не мог себе представить, как бы они ухитрились смазать дверь в чужом доме. Следовательно, оставались Патрик и Джулия Симмонсы, Филиппа Хаймес и, возможно, Дора Баннер. Симмонсы были в Милчестере. Филиппа Хаймес на работе. Сержанту Флетчеру предоставлялась полная свобода действий. Но в доме все оказалось в полном порядке. Флетчер не обнаружил никаких изъянов ни в проводке, ни в электроприборах, а уж он-то великолепно разбирался в подобных вещах. Отчего погас свет, до сих пор оставалось неясным. При беглом осмотре комнат все тоже

оказалось раздражающе нормальным. В комнате Филиппы Хаймес висели фотографии маленького мальчика с серьезными глазами. Еще был снимок того же ребенка в младенчестве, пачка его писем из колледжа и пара театральных программок. Ящик стола в комнате Джулии ломился от моментальных снимков, сделанных на юге Франции. Купающиеся люди, деревня под сенью мимоз… Патрик хранил какие-то мелочи в память о своей службе во флоте. У Доры Баннер тоже нашлись какие-то безделушки, с виду совершенно невинные.

«И все-таки, — думал Флетчер, — кто-то из домашних смазал ту дверь».

Ход его мыслей нарушил шум внизу. Сержант торопливо подошел к краю лестницы.

По коридору шла миссис Светтенхэм с корзинкой в руке. Она заглянула в гостиную и направилась в столовую, откуда вышла уже без корзинки.

Сержант пошевелился. Половица скрипнула. Миссис Светтенхэм обернулась. Задрав голову, она спросила:

— Это вы, мисс Блэклок?

— Нет, это я, миссис Светтенхэм, — ответил Флетчер.

Миссис Светтенхэм слабо вскрикнула:

— Боже! Как вы меня напугали. Я подумала, снова грабители!

Флетчер спустился к ней по лестнице.

— Похоже, этот дом не особенно защищен от грабителей, — сказал он. — И что, каждый вот так запросто может прийти и уйти, когда ему вздумается?

— Я принесла мисс Блэклок айвы из нашего сада, — объяснила миссис Светтенхэм. — Она хотела сварить айвовое желе, но у нее нет айвы. Я поставила корзинку в столовой. — Миссис Светтенхэм улыбнулась. — Понимаю… Вы хотите узнать, как я вошла? Все очень просто — через черный ход. У нас так принято, сержант. Никому не приходит в голову запирать двери до темноты. Согласитесь, было бы страшно неудобно, если бы нельзя было принести и оставить в доме что-то нужное. Увы, те времена, когда на звонок выходил слуга и справлялся, что вам угодно, миновали. — Миссис Светтенхэм ностальгически вздохнула. — Помнится, в Индии мы держали восемнадцать слуг… восемнадцать! Не считая няни-туземки… А когда я была маленькой, у нас дома всегда вертелись под ногами трое слуг, и при этом мама считала нас нищими, как церковные крысы, потому что

нам было не по средствам нанять кухарку. Должна признаться, сержант, что теперешняя жизнь кажется мне очень странной, хотя, конечно, жаловаться грешно. Шахтерам, например, живется куда хуже, они болеют пситтакозом (кажется, это от птичек передается), и потому беднягам приходится бросать свою шахту и наниматься в садовники, хотя они не в состоянии отличить сорняк от шпината. — Она добавила, направляясь к выходу:– Не смею вас больше задерживать. У вас, наверное, дел невпроворот. Еще что-то должно случиться, да?

— Почему вы так думаете, миссис Светтенхэм?

— Да я просто поинтересовалась. Увидела вас тут и подумала: наверное, все-таки шайка орудует. Вы скажете мисс Блэклок про айву, хорошо?

Миссис Светтенхэм ушла. Флетчера словно обухом по голове огрели. Две минуты назад он считал, что дверь мог смазать только кто-то из домочадцев. Теперь было ясно, что он глубоко заблуждался. Постороннему стоило лишь дождаться, пока Мици уедет в Меденхэм-Уэллс, а Летиция с Дорой Баннер уйдут в поселок. Все было проще простого. И, значит, ни одного из тех, кто присутствовал в тот злополучный вечер в гостиной, исключать было нельзя.

— Мергатройд!

— Да, Хинч?

— Знаешь, я тут все думала, думала…

— И что?

— А то, что чуть башку не сломала. Так вот, Мергатройд, то, что случилось вечером у мисс Блэклок, — сплошная липа.

— Липа?

— Ага. Ну-ка, заколи волосы и возьми в руки совок. Представь себе, что это пистолет.

— Ой! — нервно вскрикнула мисс Мергатройд.

— Да не бойся ты, он не кусается. Теперь иди к двери. Ты будешь грабителем. Встань там. А сейчас ты должна войти на кухню и проделать всю эту фигню. Бери фонарь. Включай.

— Но как же… днем?

— А воображение у тебя на что, Мергатройд? А ну включай, говорю!

Зажав фонарь под мышкой, мисс Мергатройд неуклюже проделала необходимые манипуляции.

— Так, — сказала мисс Хинчклифф, — поехали! Вспомни, как ты в институте благородных девиц играла Гермию из «Сна в летнюю ночь». Теперь у тебя новая роль! Вложи в нее всю свою душу. «Руки вверх!» — вот твой текст, и не надо портить

его никакими «пожалуйста».

Мисс Мергатройд послушно подняла фонарь и, размахивая пистолетом, двинулась к кухонной двери.

— Руки вверх! — пискнула она и раздосадованно добавила: — Ой, как трудно, Хинч!

— Почему?

— Из-за двери. Она не фиксируется, того и гляди ударит, а у меня обе руки заняты.

— То-то и оно, — проникновенно произнесла мисс Хинчклифф, — а ведь дверь в гостиной «Литтл-Пэддокса» тоже постоянно распахивается. Она не совсем такая, как наша, но тоже ходит ходуном. Поэтому Летти Блэклок купила отличный тяжелый фиксатор для стеклянных дверей у Элиота с Хай-стрит. Нет, я на нее не в претензии за то, что она меня обскакала. Правда, старый болван попортил мне немало крови. И вот когда он наконец сбавляет цену с восьми гиней до шести фунтов десяти шиллингов, появляется Блэклок и покупает этот проклятый фиксатор. В жизни не видела стеклянного пузыря такого размера!

— Может, грабитель тоже вставил в дверь фиксатор, чтобы она не открывалась?

— Да в уме ли ты, Мергатройд? Сама посуди, как бы он это сделал? Распахнул бы дверь, ска-

зал: «Простите, минуточку», нагнулся, поставил фиксатор, а потом вернулся бы к ограблению и крикнул: «Руки вверх!»? Попытайся-ка придержать дверь плечом.

— Все равно неудобно, — пожаловалась мисс Мергатройд.

— Вот и я о том же, — кивнула мисс Хинчклифф. — Держать в руках пистолет и фонарь, да еще и дверь придерживать — не слишком ли много для одного человека? А если много, то что из этого следует?

Мисс Мергатройд даже не пыталась строить предположений, а лишь с немым восхищением глядела на подругу, ожидая, когда та ее просветит.

— Мы знаем, что у грабителя был пистолет, поскольку он из него стрелял, — сказала мисс Хинчклифф. — И фонарь, поскольку все его видели, если только это не массовый гипноз… Значит, вопрос надо поставить так: придерживал ли кто-нибудь ему дверь?

— Но кто?

— Да хотя бы ты, Мергатройд. Насколько я помню, ты стояла как раз за дверью, когда погас свет. — Мисс Хинчклифф добродушно рассмеялась. — А ведь ты крайне подозрительная личность,

правда же, Мергатройд? Но кто додумается обратить на тебя внимание? Ладно, давай сюда совок. Слава богу, что это не настоящий пистолет, а то ты бы сейчас застрелилась!

— Странно, очень странно, — бормотал полковник Истербрук, — крайне странно.

— В чем дело, милый?

— Подойди на минутку.

— Что случилось, милый?

Миссис Истербрук выросла в дверях гардеробной.

— Помнишь, я показывал тебе пистолет?

— Да, Арчи, такую мерзкую черную штуковину.

— Вот именно. Сувенир из Азии. Он лежал в этом ящике, помнишь?

— Помню.

— А теперь его тут нет.

— Как странно, Арчи!

— Ты не трогала?

— Да что ты, я даже прикоснуться к нему боюсь!

— Тогда, может, это старая грымза, как бишь ее…

— Нет! Миссис Батт в жизни бы такого не сделала! Спросить у нее?

— Не надо. А то пересуды пойдут всякие… Лучше скажи, когда я тебе его показывал?

— С неделю назад. Ты еще ворчал, что тебе плохо постирали воротнички в прачечной, выдвинул ящик, а там в глубине лежал пистолет, и я спросила, что это такое.

— Точно. С неделю назад. А числа не припомнишь?

Миссис Истербрук задумалась, закрыв глаза. На ее лице читалась напряженная работа мысли.

— Точно! — воскликнула она. — В субботу! Мы еще собирались в кино, но не пошли.

— Гм… А ты уверена, что не раньше? Может, это было в пятницу или даже на позапрошлой неделе?

— Нет-нет, дорогой. Я прекрасно помню. Это было тридцатого, в субботу. Просто после этого несчастья все кажется таким далеким… Я даже знаю, почему запомнила число. Ведь ты показал мне пистолет на следующий день после налета. Я его увидела, и он напомнил мне вчерашнюю пальбу.

— Уф, — сказал полковник Истербрук, — прямо гора с плеч свалилась.

— Но почему, Арчи?

— Да потому, что если бы пистолет исчез перед

налетом, то его мог стащить проходимец Шерц.

— Но откуда ему было знать про пистолет?

— Гангстеры добывают сведения самыми невероятными способами. Они все про всех знают.

— Какой ты умный, Арчи!

— Ха, еще бы! Кое-что повидал на своем веку. Но раз ты точно помнишь, что видела пистолет после налета, тогда все в порядке. Не мог же он тогда стрелять из моего пистолета?

— Конечно, не мог.

— Слава богу! А то пришлось бы заявлять в полицию, отвечать на разные бестактные вопросы. Хочешь не хочешь, а пришлось бы… А я в свое время не удосужился получить разрешение на ношение оружия… После войны было не до законов мирного времени. Я относился к пистолету как к военной реликвии, а не как к огнестрельному оружию.

— Понимаю.

— Но куда же все-таки запропастилась эта проклятая штуковина?

— Может, его взяла миссис Батт? Она, правда, всегда казалась мне порядочной женщиной, но, может, после налета занервничала и решила, что пистолет в доме не помешает? Хотя, конечно, она никогда не сознается. Да я и спрашивать у нее не

буду. Она ведь может обидеться. А как нам без нее обходиться? Дом такой громадный… я одна просто не справлюсь.

— Конечно, — согласился полковник, — миссис Батт лучше ничего не говорить.

Глава 13
Утренние хлопоты в Чиппинг-Клеорне (продолжение)

Мисс Марпл вышла из дома пастора и пошла по узенькому переулку, который вел на главную улицу.

Она шла очень быстро, опираясь на толстую палку преподобного Джулиана Хармона.

Миновав бар «Красная корова» и лавку мясника, старушка приостановилась, чтобы полюбоваться на витрину антикварного магазинчика мистера Элиота. Магазинчик был хитроумно расположен рядом с чайной «Синяя птица» и кафе для того, чтобы богатые автомобилисты, останавливавшиеся выпить чаю и отведать блюдо, подававшееся под уклончивым названием «Домашние пирожки», но окрашенное почему-то в ядовито-шафрановый цвет, не могли устоять перед искушением заглянуть в витрину магазинчика, принадлежавшего предусмотрительному мистеру Элиоту. Оформляя старинную выпуклую витрину, он постарался потрафить любым вкусам клиентов. Тут была пара вещиц ватерфордского

стекла, стоявших на ведерке для льда. Бюро орехового дерева объявлялось невероятно выгодной покупкой, а на столе и в витрине красовались дешевые дверные молоточки, причудливые талисманы, несколько осколков дрезденского фарфора, какие-то жалкие нитки бус, кружка с надписью «Подарок из Танбридж-Уэллса» и несколько серебряных изделий Викторианской эпохи.

Не успела мисс Марпл разглядеть витрину, как мистер Элиот, тучный пожилой паук, уже начал прикидывать материальные возможности новой жертвы.

Но когда он решил, что «Подарок из Танбридж-Уэллса» слишком шикарен для гостьи пастора (ведь мистер Элиот, как и все в округе, знал, кто такая мисс Марпл), она краем глаза заметила мисс Дору Баннер, входившую в «Синюю птицу». И подумала, что столь ветреным утром не помешает выпить чашечку кофе.

В кафе уже подкреплялось несколько дам, подслащивающих себе утреннюю беготню по магазинам. Мисс Марпл, прищурившись, вглядывалась в полумрак «Синей птицы», искусно разыгрывая легкое замешательство. Вдруг у нее над ухом раздался голос Доры:

— Доброе утро, мисс Марпл. Подсаживайтесь ко мне. Я одна.

— Спасибо.

Мисс Марпл благодарно опустилась на неуклюжий синий стул, являвший собой предмет фирменной обстановки «Синей птицы».

— Какой сильный ветер! — пожаловалась она. — У меня ревматизм, я не могу быстро ходить.

Дамы принялись жадно обсуждать тему ревматизма, ишиаса и неврита. Хмурая девица в розовом халате с синими птицами, позевывая, приняла заказ на кофе с пирожными. Вид у нее был устало-терпеливый.

— Пирожные тут объедение, — заговорщическим шепотом произнесла мисс Баннер.

— Меня заинтриговала эта симпатичная девушка, которую мы видели, уходя от мисс Блэклок, — сказала мисс Марпл. — Если не ошибаюсь, она ухаживает за цветами или работает в поле. Как ее зовут? Хаймес?

— Да-да, Филиппа Хаймес. Мы прозвали ее «нашей квартиранткой». — Мисс Баннер с удовольствием посмеялась над собственной шуткой. — Филиппа — приятная девушка, очень спокойная. Настоящая леди, надеюсь, вы меня понимаете…

— Любопытно. Я знавала одного полковника Хаймеса, он служил в индийской кавалерии. Может, это ее отец?

— Она Хаймес по мужу. Вдова. Ее мужа убили в Италии: то ли в Сицилии, то ли еще где-то, не помню. Ваш знакомый мог быть отцом ее мужа.

— А нет ли там легкой интрижки с тем высоким юношей? — лукаво предположила мисс Марпл.

— С Патриком? Вы думаете? Мне кажется, нет…

— Я имела в виду юношу в очках. Я его как-то видела…

— Ах, вы об Эдмунде Светтенхэме! Тс-с… Там в углу сидит его мать, миссис Светтенхэм… Право, не знаю. Вы думаете, Филиппа ему нравится? Он такой странный, порой говорит совершенно несусветные вещи. А его почему-то считают умником, — добавила мисс Баннер с явным неодобрением.

— Ум — еще не все, — изрекла мисс Марпл. — А вот и наш кофе.

Хмурая девица шмякнула на стол поднос. Мисс Марпл и мисс Баннер принялись потчевать друг друга пирожными.

— Как интересно, что вы с мисс Блэклок вместе учились в школе. Вот уж действительно старая дружба.

— О да, — вздохнула мисс Баннер. — Мало кто так верен друзьям, как дорогая мисс Блэклок. Боже, как давно все было! Такая хорошенькая девушка, она так любила жизнь! Как все это печально!

Мисс Марпл вздохнула и покачала головой, хотя абсолютно не понимала, что же здесь печального.

— Жизнь тяжела, — пробормотала она.

— «И бремя печалей на сердце легло», — шепотом продекламировала мисс Баннер, и глаза ее затуманились от слез. — Я часто вспоминаю это стихотворение. Истинное терпение, истинное смирение. Такое мужество и такая стойкость непременно должны быть вознаграждены! Мисс Блэклок достойна величайшего счастья.

— Деньги, — заметила мисс Марпл, — способны очень даже облегчить человеку жизнь…

Она со спокойным сердцем позволила себе этот намек, считая, что мисс Баннер говорит о грядущем изобилии в доме мисс Блэклок. Однако мисс Баннер вдруг резко переменила пластинку.

— Деньги! — с горечью воскликнула она. — Я думаю, по-настоящему понять, что значат для человека деньги, а вернее, их отсутствие, можно только на собственном опыте.

Мисс Марпл сочувственно закивала.

— Я часто слышала, как люди говорят: «Я бы предпочел вообще не обедать, чем обедать без цветов на столе», — продолжала Дора. — Но часто ли они действительно оставались без обеда? Они не представляют себе, что это значит, такое надо испытать… Голод. Каково жить, когда в доме есть только хлеб, банка мясной пасты и остатки маргарина? И ты годами сидишь на таком меню и чуть не сходишь с ума, мечтая о хорошем куске мяса с овощами. А одежда! Латаная-перелатаная, живого места не осталось, а ты все убеждаешь себя, что это не заметно. А поиски работы?! Тебе везде говорят, что ты слишком стара. А когда вдруг наконец подворачивается место, силы уже не те. Ты падаешь в обморок и снова оказываешься на улице. А квартплата! Вечная квартплата… И ведь не заплатить нельзя — иначе выселят! На жизнь остаются жалкие крохи, цены-то кусаются! На одну пенсию не разживешься, совсем не разживешься…

— Понимаю, — сочувственно сказала мисс Марпл.

— Я написала Летти. Случайно увидела ее имя в газете. Там говорилось про благотворительный завтрак в пользу милчестерской больницы.

Прямо черным по белому было написано: «Мисс Летиция Блэклок». И я вдруг вернулась в прошлое. Столько лет ничего о ней не слыхала… Летти работала секретаршей у одного очень богатого человека, наверное, вы знаете — Гедлера. Она была умницей, такие обычно преуспевают… не очень хорошенькая, но с железной волей. И… я подумала, что, может, она меня помнит… ведь она единственная, кого я могла попросить о небольшой услуге. То есть я хочу сказать… друзья детства, они ведь не подумают про тебя плохо, не сочтут попрошайкой, выклянчивающей деньги.

На глаза Доры Баннер навернулись слезы.

— А потом приехала Летти и забрала меня… сказала, ей нужна помощница по дому. Конечно, я очень удивилась… в газетах часто все перевирают… А сколько в ней доброты, сочувствия! И она так хорошо помнит старые времена. Я на все для нее готова, на все. И очень стараюсь быть полезной, но часто путаюсь… память уже не та стала. Я ошибаюсь. Все на свете забываю и говорю глупости. Но она — воплощенное терпение. И что самое трогательное — Летти упорно делает вид, что я ей нужна. Истинная доброта, правда?

Мисс Марпл ласково сказала:

— Да, это истинная доброта.

— Я еще до приезда в «Литтл-Пэддокс» начала волноваться, как я буду жить, если с мисс Блэклок что-нибудь случится? Вокруг столько несчастных случаев, машины носятся как угорелые, никто ни от чего не застрахован, правда? Но, разумеется, я Летти ни слова не говорила, хотя она, наверное, догадывалась. Даже наверняка догадывалась, потому что однажды сказала, что оставит мне небольшой годовой доход и — что для меня куда более ценно — всю свою роскошную обстановку. Я была приятно поражена. Но она сказала, что никто не умеет ценить вещи так, как я, и это истинная правда, я просто из себя выхожу, если на моих глазах бьют фарфор или оставляют на столе следы от мокрых стаканов. Я действительно забочусь о вещах Летти. Тут у нас некоторые, не буду конкретизировать, относятся к ее вещам наплевательски. Или даже еще хуже! О, я вовсе не так глупа, как кажется, — простодушно продолжала мисс Баннер, — и прекрасно вижу, когда Летти обводят вокруг пальца. Кое-кто, не буду называть имен, занимается чистым надувательством. Наша дорогая мисс Блэклок излишне доверчива.

Мисс Марпл покачала головой:

— Вы ошибаетесь.

— О нет! Мы с вами, мисс Марпл, знаем жизнь.

А мисс Блэклок…

Мисс Марпл подумала, что Летиция Блэклок, некогда служившая секретаршей у крупного финансиста, тоже, по идее, должна знать жизнь. Но, вероятно, Дора Баннер имела в виду, что Летти всегда жила в довольстве, а такие люди не видят бездн человеческой души.

— Ох уж этот мне Патрик! — воскликнула мисс Баннер, да так неожиданно, что мисс Марпл подпрыгнула на стуле. — Он, насколько мне известно, минимум дважды вытягивал из нее деньги. Прикинулся, будто попал в передрягу. Залез в долги. В общем, обычная песенка. А Летти чересчур щедрая. На все мои упреки знай отвечает: «Мальчик молод, Дора. В юности можно и побезумствовать».

— Что ж, в этом есть доля истины, — усмехнулась мисс Марпл. — Тем более молодой человек так красив.

— Человек делами красив, — возразила Дора Баннер. — А Патрик очень любит над всеми потешаться. И, подозреваю, любит приволокнуться за девушками. Я, например, для него только объект насмешек, только и всего! Ему и в голову не приходит, что у других людей тоже есть какие-то чувства.

— Молодежь частенько этим грешит, — сказала мисс Марпл.

Мисс Баннер вдруг подалась вперед с таинственным видом.

— Дорогая, вы никому не расскажете? Видите ли… я никак не могу избавиться от ощущения, что Патрик замешан в том… ну, ужасном деле. Я думаю, или он, или Джулия были знакомы с молодым человеком… Летти я, конечно, об этом даже не заикалась, она с меня голову снимет. И потом, неудобно ей такое говорить, ведь Патрик — ее племянник. Но швейцарец-то все-таки застрелился… по идее, Патрик должен испытывать угрызения совести… разве я не права? Конечно, в том случае, если это он его подбил… Короче, я совершенно запуталась… И столько шума о второй двери в гостиную! А меня другое беспокоит. Инспектор сказал, что ее смазали. А я… понимаете, я видела…

Банни запнулась.

Мисс Марпл помолчала, подбирая слова.

— М-да, сложное положение, — наконец произнесла она с сочувствием. — И вы, естественно, не хотите, чтобы дело дошло до полиции.

— Вот именно! — вскричала Дора Баннер. — Я ночью не сплю, все думаю, думаю… Понимаете,

я тут недавно натолкнулась в кустах на Патрика. Я искала яйца… у нас одна курица несет яйца прямо в саду… а он стоял там, и в руках у него были перышко и баночка из-под масла. Он как отскочит, завидев меня, с таким виноватым видом… и говорит: «А я вот как раз стою и голову ломаю: откуда это взялось?» Он, конечно, парень шустрый, сообразительный. Наверно, с ходу придумал, когда я его застукала. Да и вообще, сами посудите, как можно найти такое в кустах, если не искать намеренно, если не знать, что это — там! Но, конечно, я ему ничего не сказала. Просто посмотрела… так на него посмотрела! Ну, вы понимаете…

Дора Баннер взяла кусок розового, как лососина, торта и рассеянно надкусила.

— А в другой раз я случайно услышала их спор с Джулией. Он сказал: «Если б я знал, что ты с этим связана!» А Джулия, такая обычно спокойная, в ответ: «Ну и что ж, братец, ты намерен делать?» Но тут, как назло, скрипнула половица, и они меня заметили. Пришлось спросить с делано веселым видом: «Вы что, ссоритесь?» А Патрик сказал: «Да я уговариваю Джулию не связываться со спекулянтами, торгующими купонами на одежду на черном рынке». Гладко у него полу-

чилось, но я не поверила. Я считаю, что лампой в гостиной орудовал Патрик. Это его рук дело, я ведь прекрасно помню, что там был пастушок, а не пастушка. А наутро…

Она вдруг осеклась и покраснела. Мисс Марпл обернулась и увидела мисс Блэклок. Должно быть, Летиция только что вошла в кафе.

— Попиваем кофеек и чешем язычок, да, Банни? — укоризненно спросила мисс Блэклок. — Доброе утро, мисс Марпл. Не правда ли, холодно сегодня?

— Мы как раз говорили о купонах на одежду, — заторопилась мисс Баннер. — Их катастрофически не хватает. Хорошо, хоть цены на обувь немножко снизились. Но все равно пятнадцать фунтов за зимнее пальто — это чересчур дорого.

Дверь с грохотом распахнулась, и в «Синюю птицу» влетела Банч Хармон.

— Привет, — сказала она. — Я опоздала?

— Нисколько, дорогая, — отозвалась мисс Марпл. — Присаживайся, выпей кофейку.

— Нам пора идти, — сказала мисс Блэклок. — Ты все купила, что нужно, Банни?

Голос ее звучал более милостиво, но в глазах все еще таился упрек.

— Да-да, спасибо, Летти! Я только забегу по пути

в аптеку, куплю аспирин и лейкопластырь.

Когда дверь за ними закрылась, Банч спросила:

— О чем вы говорили?

Мисс Марпл ответила не сразу. Дождавшись, когда официантка примет у Банч заказ, она сказала:

— Очень важно, когда в семье люди друг за друга горой. Очень! Помнишь одно громкое дело? Фамилии, конечно, позабылись, но суть в том, что муж отравил жену. Подсыпал яд в бокал с вином. Однако на суде дочь заявила, что выпила полбокала этого вина. В результате мужа оправдали. Говорят — хотя, может, это всего лишь слухи, — что дочь больше не захотела жить с отцом под одной крышей и никогда не перемолвилась с ним ни единым словом. Но, конечно, отец — это одно, а племянник или дальний родственник — совсем другое. И все-таки никому не хочется, чтобы его родственник угодил на виселицу, не так ли?

— Естественно, — задумчиво протянула Банч.

Мисс Марпл откинулась на спинку стула и сказала вполголоса:

— Как же люди похожи друг на друга.

— Да? А на кого похожа я?

— Ты-то как раз ни на кого. На саму себя. Ты

мне никого особо не напоминаешь. Разве что…

— Ага! — воскликнула Банч.

— Дорогая, я просто подумала о своей горничной.

— О горничной? Из меня вышла бы ужасная горничная.

— Из нее тоже. Она совершенно не умела прислуживать за столом. Устраивала кавардак, клала кухонные ножи вперемешку со столовыми, а ее чепчик (это было очень давно, моя милая, тогда горничные носили специальные чепчики) всегда сидел набекрень.

Банч машинально поправила шляпку.

— А еще что? — в ее голосе звучала тревога.

— Однако я не увольняла эту горничную, потому что у меня с ней были хорошие отношения и вдобавок она меня смешила. Мне нравилось, что она все говорила напрямик. Пришла как-то раз и заявляет: «Не знаю, мэм, может, и я ошибаюсь, но по тому, как Флорри сидит, похоже, она уже не девица». И действительно, Флорри оказалась в интересном положении из-за одного подмастерья в парикмахерской. По счастью, произошло это в старые добрые времена, я с ним поговорила и все уладила. Они сыграли прекрасную свадьбу и жили очень счастливо. Флорри была хорошей де-

вушкой, но слишком любила красивых мужчин.

— Но она никого не убила? — прошептала Банч. — Я про горничную.

— Нет, конечно, — ответила мисс Марпл. — Она вышла замуж за баптистского пастора, у них пятеро детей.

— Совсем как я! — воскликнула Банч. — Правда, пока что у меня только Эдвард и Сьюзан. — И, помолчав, добавила: — А о ком вы сейчас думаете, тетя Джейн?

— Много о ком, — неопределенно откликнулась мисс Марпл.

— Из Сент-Мэри-Мид?

— В основном… Например, я думала о сестре Эллертон, этакой ходячей добродетели. Она ухаживала за одной старой дамой, души в ней не чаяла. Потом старушка отдала богу душу. Сестра Эллертон стала ухаживать за другой, та тоже умерла. От морфия. Все выплыло наружу. Истинная доброта!.. Проделала все с таким добросердечием и, что самое возмутительное, так и не поняла, что поступила дурно. «Им же все равно недолго оставалось жить, — заявила она, — у одной был рак, бедняжка ужасно страдала…»

— Эта сестра Эллертон… она что, убивала из милосердия?

— О, нет, нет! Старушки переводили на ее имя деньги. Она любила деньги. А еще был один молодой человек, племянник миссис Ньюси, она еще держала магазин канцтоваров… Он приносил домой краденые вещи и просил их спрятать. Врал, что купил товар за границей, заморочил тетке голову. А когда полиция заинтересовалась им и начала докапываться до истины, юнец попытался проломить бедняжке череп, чтобы она не смогла его выдать… Не очень приятный юноша, но зато какой красавец! Две девушки были в него влюблены по уши. На одну из них он просадил кучу денег.

— Наверно, на самую противную, — предположила Банч.

— Да, дорогая. А потом была еще миссис Крэй, она торговала шерстью. Миссис Крэй обожала своего сыночка и, как водится, испортила его. Сынок впутался в очень темное дело… Банч, а ты помнишь Джоанну Крофт?

— Н-нет, кажется, нет.

— Ты могла ее видеть, когда мы с тобой ходили в гости. Она обычно гордо восседала с сигарой или трубкой в зубах. Однажды воры пришли грабить банк, а там как раз оказалась Джоанна Крофт. Так вот, она сбила бандюгу с ног и отобрала пистолет.

Суд объявил ей благодарность за мужество.

Банч ловила каждое слово старушки. Складывалось впечатление, что она хочет запомнить все наизусть.

— А помнишь девушку, которая жила однажды летом в Сент-Джин-де-Колин? Такая спокойная… Нет, скорее молчаливая, чем спокойная. Она всем импонировала, но никто не мог сойтись с ней поближе. А потом мы узнали, что у нее муж — фальшивомонетчик. Из-за него она чувствовала себя как бы отрезанной от мира. В конце концов эта девушка стала странноватой. С теми, кто слишком много думает, это порой случается.

— А в ваших воспоминаниях нет какого-нибудь полковника, служившего в Индокитае?

— А как же, милая! В Ларчесе жил полковник Уоген, а в Симла-Лодж — полковник Райт. За ними я ничего дурного не замечала. Но зато мистер Ходсон, управляющий банком, поехал в кругосветное путешествие и женился на женщине, которая годилась ему в дочери. Он и понятия не имел, кто она и откуда… Он верил тому, что она о себе рассказывала.

— А она говорила неправду?

— Да, врала на каждом шагу.

— Здорово! — Банч распрямила пальцы, ко-

торые загибала по ходу рассказа. — Итак, мы имеем преданную Дору, красавца Патрика, миссис Светтенхэм и Эдмунда, полковника и миссис Истербрук. Насчет нее вы, по-моему, попали в точку. Но какой ей резон убивать мисс Блэклок?

— Может быть, мисс Блэклок что-то знает о ее прошлом.

— О прошлом этой выдры? Господи, мало ли что было сто лет назад?!

— А может, и не сто. Ты, Банч, не очень обращаешь внимание на общественное мнение…

— А, я вас понимаю! — До Банч вдруг дошло. — Конечно, если долго бедствуешь, а потом вдруг, как бездомная, дрожащая кошка, обретаешь теплый дом и сметанку на блюдечке, и тебя холят и лелеют, называют котеночком и избавляют от всех неприятностей… Тут на все пойдешь, лишь бы сохранить такую сладкую жизнь… Но должна заметить, вы представили довольно пеструю картину.

— Только ты не всех поставила на свои места, — сказала мисс Марпл.

— Да? А насчет кого я ошиблась? Насчет Джулии? «Джулия томная — особа темная».

— Три шиллинга шесть пенсов! — рявкнула хмурая официантка, неожиданно вынырнув из

полумрака. — И скажите на милость, миссис Хармон, — при этих словах ее грудь заходила ходуном под синими пташками, — почему вы обозвали меня «темной особой»? Да, моя тетка вступила в секту «Особых людей», но я-то всегда была правоверной англиканкой, вам это может засвидетельствовать преподобный Хопкинс!

— Бога ради, простите, — сказала Банч. — Я просто процитировала слова одной песенки. И это вовсе не о вас. Я понятия не имела, что вас зовут Джулия.

— А, ну тогда это просто совпадение, — смягчилась официантка. — Я, конечно, не думала, что вы хотели меня обидеть, но вы тоже поймите… я услышала свое имя и решила, что вы обо мне. А когда человеку кажется, что речь идет о нем, то вполне естественно подойти и послушать. Спасибо!

Она взяла чаевые и удалилась.

— Тетя Джейн, — у Банч округлились глаза, — не надо так расстраиваться. Что с вами?

— Нет-нет, — пробормотала мисс Марпл. — Хотя… Быть не может! Для этого нет оснований…

— Тетя Джейн! Что вы?…

Мисс Марпл вздохнула, но тут же весело улыбнулась.

— Ничего, моя милая.

— Неужто вы догадались, кто убийца? — ахнула Банч. — Ну, скажите, кто?

— Понятия не имею. У меня промелькнула какая-то мысль, но тут же исчезла. Эх, если б я знала! У нас так мало времени. Катастрофически мало.

— Что значит «мало»?

— Пожилая леди из Шотландии может умереть в любую минуту.

Банч изумленно уставилась на мисс Марпл:

— Вы что, и вправду верите в Пипа и Эмму? Вы считаете, что это они… и что они попытаются снова?

— Конечно, попытаются. — Мисс Марпл говорила рассеянно. — Если один раз уже попытались, то почему бы не попробовать снова? Когда решаешь кого-то убить, не будешь останавливаться из-за того, что первая попытка не удалась. Особенно если ты совершенно уверен, что тебя не подозревают.

— Но Пипом и Эммой, — сказала Банч, — могут быть только Патрик и Джулия. И возраст подходящий, и это единственные брат с сестрой!

— Ах, милая, если бы все было так просто! Тут возможны разные варианты. Это может быть жена Пипа, если он женат, или муж Эммы. Кроме

того, у них есть мать… хотя и не прямая наследница, но тоже сторона заинтересованная. Раз Летти Блэклок не видела ее тридцать лет, она вполне может ее не узнать. Пожилые женщины так похожи между собой. Вспомни, как миссис Уизерспун получала пенсию за себя и за миссис Барлетт, хотя миссис Барлетт давным-давно померла… А мисс Блэклок тем более близорука. Разве ты не замечала, как она щурится? И потом, существует еще и отец близнецов, Дмитрий Стэмфордис. По всей вероятности, большой мерзавец!

— Но он ведь не англичанин!

— По происхождению — да. Однако он вовсе не обязательно говорит на ломаном английском или бурно жестикулирует. Я думаю, он вполне достойно сыграл бы роль… ну, скажем, полковника, служившего в Индии.

— Вы так считаете?

— Я ничего не считаю, моя милая, ей-богу, ничего! Я просто вижу, что тут пахнет деньгами. Огромными деньгами! И боюсь, мне слишком хорошо известно, на какие чудовищные преступления идут люди, чтобы заполучить капитал.

— Да, такие люди, как вы описали, пойдут, — сказала Банч. — Но ведь это не принесет им счастья? В конечном итоге не принесет?

— Не принесет, но, как правило, люди об этом не подозревают.

— Вообще-то их можно понять. — Банч улыбнулась кроткой, чуть виноватой улыбкой. — Им кажется, что они станут совсем другими… Даже я иногда поддаюсь искушению. Начинаешь себя убеждать, что, разбогатев, сможешь заниматься благотворительностью… Строишь планы… видишь в своих фантазиях детские приюты, усталых матерей, которым ты будешь помогать… мечтаешь отправить на отдых за границу старушек, которые много поработали на своем веку…

Лицо Банч помрачнело, в потемневших глазах читалось страдание.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказала она. — Вы думаете, я еще порочнее их, потому что по-детски себя обманываю. Люди, желающие денег только для себя, прекрасно знают себе цену. Но начни притворяться, будто хочешь творить добро, и очень скоро внушишь себе, что не будет греха, если ты из-за денег кого-нибудь убьешь…

Но затем взгляд ее прояснился.

— Все-таки я бы не стала! — сказала она. — Нет, честное слово, я бы никого не смогла убить. Даже дряхлого старика, или неизлечимо больного, или самого страшного злодея в мире. Даже како-

го-нибудь шантажиста или… самого последнего подонка. — Банч осторожно выудила из кофейной гущи муху и положила ее на столик обсыхать. — Ведь люди любят жизнь, правда? И мухи тоже. Даже старики или тяжелобольные, которые почти не в состоянии доковылять до ворот, чтобы погреться на солнышке. Джулиан уверяет меня, что такие люди любят жизнь еще сильнее, чем здоровые и молодые. Он говорит, им труднее умирать, они сопротивляются еще отчаяннее, чем мы. Я тоже люблю жить… не просто быть счастливой, развлекаться, весело проводить время, а вообще жить… вставать и чувствовать каждой клеточкой, что я еще здесь, что завод еще не кончился. — Банч осторожно подула на муху, та задрыгала ножками и улетела. — Не волнуйтесь, тетя Джейн, — подытожила Банч. — Я никогда никого не убью.

Глава 14
Экскурс в прошлое

Проведя ночь в поезде, инспектор Краддок сошел на маленькой станции в Хайленде.

Поначалу он был удивлен, что богачка Гедлер, имевшая возможность поселиться в фешенебельном лондонском квартале, купить поместье в Хэмпшире или виллу на юге Франции, почему-то предпочла уединенную жизнь в Шотландии. Ведь она наверняка лишена здесь светского общества и многих развлечений. Неужели она не страдает от одиночества? Или миссис Гедлер настолько больна, что окружающая обстановка ей уже безразлична?

Краддока поджидала машина, большой старомодный «Даймлер» с пожилым шофером. Утро выдалось солнечное, и по пути, все двадцать миль, инспектор любовался очаровательными пейзажами, хотя еще совсем недавно не понимал, почему миссис Гедлер предпочла одинокую жизнь в такой глуши. Он вызвал шофера на разговор, и разговор этот частично объяснил ему, что к чему.

— Мадам тут в детстве жила, сэр. Она ведь последняя в роду. Им с мистером Гедлером было тут лучше всего; он, правда, редко когда мог вырваться из Лондона. Но уж если приезжал, то они резвились, точно малые дети.

Едва на горизонте показались стены средневековой крепости, Краддок ощутил, что время словно поворотилось вспять. Ему навстречу вышел пожилой дворецкий, а когда инспектор умылся и побрился, его провели в комнату с камином, в котором полыхало жаркое пламя, и подали завтрак.

После завтрака появилась высокая пожилая женщина в медицинском халате, назвавшаяся сестрой Маклелланд. Она разговаривала приветливо и держалась очень профессионально.

— Моя подопечная готова принять вас, мистер Краддок. Она очень ждала встречи с вами.

— Я постараюсь ее не волновать, — пообещал Краддок.

— Но все же, наверное, лучше заранее предупредить вас о том, как будут развиваться события, — сказала медсестра. — Сперва вам покажется, что миссис Гедлер чувствует себя нормально. Она будет охотно поддерживать разговор, а потом ее силы резко иссякнут. Тогда вам нужно

немедленно выйти из комнаты и позвать меня. Видите ли, мы практически постоянно держим ее на морфии. Поэтому она весь день находится в забытьи. Готовя миссис Гедлер к вашему приезду, я дала ей сильные стимуляторы. Но как только их действие прекратится, она впадет в полубессознательное состояние.

— Я понимаю, мисс Маклелланд. Если не секрет, каковы прогнозы– я имею в виду ее здоровье?

— Она умирает, мистер Краддок. Ей осталось жить несколько недель. Вы наверняка удивитесь, если я скажу, что на самом деле она умерла много лет назад, но это так. Миссис Гедлер поддерживало только ее неиссякаемое жизнелюбие. Должно быть, странно слышать такое об инвалиде, который пятнадцать лет не выходит из дому, но я не преувеличиваю. Миссис Гедлер всегда была хрупкой, болезненной женщиной, но у нее поразительная воля к жизни. И потом, она потрясающе обаятельна, вы сами убедитесь, — с улыбкой прибавила сестра.

Краддока провели в большую спальню с зажженным камином. На кровати под балдахином лежала старуха. Она была старше Летиции Блэклок всего лет на семь-восемь, но выглядела несравненно более дряхлой.

Ее белые волосы были аккуратно уложены, шея и плечи укутаны бледно-голубой ажурной шалью. Лицо мученицы, но без следов ожесточения, а в выцветших голубых глазах даже мелькает плутовской огонек…

— Любопытно, — сказала она. — Меня нечасто навещает полиция. Я слышала, Летиция Блэклок не сильно пострадала во время покушения? Как там моя дорогая Блэки?

— Прекрасно, миссис Гедлер. Она передавала вам огромный привет.

— Давненько я ее не видела… Мы много лет только обмениваемся поздравительными открытками на Рождество. Я просила Блэки заехать ко мне, когда она вернется в Англию после смерти Шарлотты, но она написала, что спустя столько лет это будет мучительно. И, наверное, была права. Блэки всегда отличалась удивительным здравомыслием… Год назад меня навещала моя школьная подруга, и, о боже, — миссис Гедлер улыбнулась, — мы наскучили друг другу до смерти! Едва иссякли наши «ты помнишь?», как нам не о чем стало говорить. Ужасно неловко!

Краддок решил дать ей выговориться прежде, чем приступать к расспросам. Ему хотелось погрузиться в прошлое, проникнуть в мир Гедлеров

и Летиции Блэклок.

— Наверное, — понимающе взглянула на него Белль, — вы хотите спросить меня о деньгах. Извольте! После моей смерти все деньги, по завещанию Рэнделла, перейдут к Блэки. У Рэнделла, конечно, и в мыслях не было, что я его переживу. Он был крупным, сильным мужчиной, никогда не болел, а я всегда хандрила, хныкала, ко мне постоянно ходили доктора с кислыми минами.

— Вам совершенно не подходит слово «хныкать», миссис Гедлер.

Старая дама усмехнулась:

— Я не в том смысле. Сама я никогда себя особо не жалела. Но считалось само собой разумеющимся, что раз у меня более шаткое здоровье, то я уйду из жизни первой. Однако расчет не оправдался.

— Но почему ваш супруг распорядился деньгами таким образом?

— Вы хотите спросить, почему он оставил их именно Блэки? Нет, вовсе не из-за того, о чем вы скорее всего подумали! — Плутовской блеск в глазах миссис Гедлер стал еще заметнее. — Полицейские всегда все понимают не так! Рэнделл вовсе не был влюблен в Блэки, а она в него. Дело в том, что у Блэки поистине мужской склад ума.

У нее нет женских слабостей. По-моему, она вообще никогда не влюблялась. Косметикой Блэки, правда, немного пользовалась, но только потому, что так принято, а вовсе не из желания быть красивой. — В голосе миссис Гедлер звучала жалость. — Она никогда не понимала, как прекрасно быть женщиной.

Краддок с интересом посмотрел на хрупкое создание, казавшееся совсем маленьким на огромной постели. И вдруг отчетливо понял, что Белль Гедлер действительно наслаждалась — до сих пор! — тем, что родилась женщиной. Она подмигнула инспектору.

— Я всегда считала, — сказала Белль, — что быть мужчиной безумно скучно. — И задумчиво добавила: — По-моему, Рэнделл относился к Блэки как к младшему брату. Он очень ценил ее мнение, она всегда оказывалась права. Блэки не раз выручала его из беды.

— Мисс Блэклок рассказывала, что однажды помогла ему деньгами.

— Да, но я имею в виду нечто большее. Спустя столько лет можно открыть правду. Рэнделл не мог отличить честную сделку от бесчестной. Он был не настолько тонок. Бедняга не мог распознать, где ловкая комбинация, а где обык-

новенное надувательство. Блэки не давала ему сбиться с пути. Летиция Блэклок — удивительно добропорядочна, это одна из ее отличительных черт. Она никогда не совершит бесчестного поступка. Блэки очень, очень хорошая. Я всегда ею восхищалась. На долю девочек выпало тяжелое детство. Их отец был старый деревенский врач, упрямый, как осел, и страшно ограниченный — классический домашний деспот. Летиция порвала с ним, приехала в Лондон и поступила учиться на бухгалтера. Вторая сестра уродилась калекой, у нее было какое-то увечье, она ни с кем не встречалась и вообще не вылазила из дому. Поэтому, когда старик умер, Летиция все бросила и поехала ухаживать за сестрой. Рэнделл рвал и метал, но поделать ничего не мог. Если Летиция считала что-то своим долгом, ее никто не мог переубедить.

— Это произошло задолго до смерти вашего мужа?

— Года за два. Но завещание Рэнделл составил еще до того, как она бросила фирму, и не стал его переписывать. Он сказал мне: «У нас нет детей. Наш малыш умер, когда ему было два года. Так пусть после нашей смерти деньги достанутся Блэки. Она будет играть на бирже и пустит их в

рост». Понимаете, — продолжала Белль Гедлер, — Рэнделл обожал сам процесс делания денег, ему нужны были не капиталы, а острые ощущения, волнения, риск. И Блэки это тоже любила. Она была так же азартна, ее отношение к жизни имело много общего с отношением Рэнделла. Вот только у бедняжки никогда не было обыкновенного человеческого счастья: она не влюблялась, не волновала мужчин, не кокетничала с ними… и семьи у нее не было, и детей — в общем, она не жила по-настоящему.

«Как удивительно, — подумал Краддок, — что женщина, жизнь которой была омрачена тяжелой болезнью, женщина, лишившаяся единственного ребенка, потерявшая мужа, оставшаяся вдовой и много лет прикованная к постели, сохраняет такую доброжелательность и способна так сочувствовать другим».

Миссис Гедлер кивнула:

— Я знаю, о чем вы думаете. Но у меня было все, ради чего стоит жить. Это можно отнять, но оно все-таки было! Я росла хорошенькой, веселой девочкой, вышла замуж за любимого человека, который любил меня всю жизнь. Мой малыш умер, но он все же пробыл со мной два года, и это было прекрасно. Да, физически я много страдала,

но если вы когда-нибудь испытывали что-то подобное, то можете себе представить, как радуешься, когда боль на время отпускает тебя. И все всегда были ко мне добры… Нет, я действительно счастливая женщина!

Краддок обратил внимание на некоторые недоговоренности в рассказе вдовы финансиста.

— Миссис Гедлер, вы сказали, что муж оставил наследство мисс Блэклок, поскольку больше было некому. Но ведь это не так. У него есть сестра.

— Соня? Но они давно поссорились и разорвали отношения.

— Он не одобрял ее брак?

— Да, она вышла замуж за этого… как его…

— Стэмфордиса.

— Да-да, Дмитрия Стэмфордиса. Рэнделл считал его проходимцем. Они с ходу возненавидели друг друга. Но Соня по уши влюбилась в Дмитрия и твердо решила выйти за него замуж. А почему бы и нет? У мужчин на сей счет бывают странные идеи. В двадцать пять лет Соня не была уже глупой маленькой девочкой и прекрасно понимала, на что идет. Наверное, Стэмфордис действительно был самым настоящим мошенником; кажется, его обвиняли в каких-то махинациях. Рэнделл даже подозревал, что он живет под чужой фами-

лией. Соня все знала. Но Рэнделл, естественно, не мог оценить мужского обаяния Дмитрия. Он уверял, что Дмитрий женится на деньгах, но это неправда. Дмитрий тоже влюбился в Соню. Она была красива, очень красива. И характер у нее был волевой. Если бы брак не удался, если бы Дмитрий начал плохо с ней обращаться или изменять ей, Соня порвала бы с ним, бросила его. У нее были деньги, она могла самостоятельно строить свою жизнь.

— Значит, брат с сестрой так и не помирились?

— Нет. Рэнделл с Соней вообще не очень ладили. Она обиделась на то, что он пытался помешать ей выйти замуж, и заявила: «Что ж, отлично! Ты совершенно невозможный человек и больше никогда обо мне не услышишь».

— Но вы о ней все-таки услышали?

Белль улыбнулась:

— Полтора года спустя я получила письмо. Оно пришло из Будапешта, но обратного адреса Соня не указала. Она просила передать Рэнделлу, что бесконечно счастлива, у них с Дмитрием родилась двойня.

— А как назвала детей, не написала?

Белль вновь улыбнулась:

— В письме говорилось, что дети родились

около полуночи и что она собирается назвать их Пипом и Эммой. Но, конечно, Соня могла и пошутить.

— И больше вы о ней ничего не слышали?

— Нет. Она написала, что они всей семьей собираются надолго уехать в Америку. Но больше от нее не было ни слуху ни духу.

— Это письмо не сохранилось?

— Боюсь, что нет… Я прочитала его Рэнделлу, он проворчал: «Она еще будет кусать локти, что вышла за такого подонка». Это были единственные слова в адрес Сони. И мы совершенно о ней забыли, она как-то выпала из нашей жизни.

— Но если вы переживете мисс Блэклок, наследство, по завещанию мистера Гедлера, должно перейти к детям Сони, не так ли?

— О, это моих рук дело! Когда Рэнделл сказал мне о завещании, я возразила: «А представь, что Блэки умрет раньше меня». Рэнделл был поражен. Я сказала: «Да, конечно, Блэки пышет здоровьем, а я этим похвастаться не могу, но бывают же несчастные случаи. Вдруг ей кирпич на голову упадет?» — «Но кому оставить? Больше некому!» — растерялся он. «Почему? У тебя есть Соня», — сказала я. «Чтобы этот прохвост прикарманил мои денежки? — возмутился Рэнделл. — Нет! Ни

за что!» — «Но у них есть дети, Пип и Эмма, а может, и еще кто-нибудь родился», — сказала я. Муж поворчал, но в завещание их вставил.

— И с тех пор, — с расстановкой произнес Краддок, — вы не имели сведений ни о Соне, ни о ее детях?

— Ничего… Может, их и в живых-то уже нет. А может, они где-то далеко…

«Может, даже в Чиппинг-Клеорне», — подумал Краддок.

Белль как будто угадала его мысль, и в ее глазах появилась тревога.

— Нельзя допустить, чтобы они причинили Блэки зло! Блэки хорошая, действительно хорошая… Пожалуйста, оградите ее от беды!..

Голос миссис Гедлер резко ослаб. Вокруг рта и под глазами залегли серые тени.

— Вы устали, — сказал Краддок. — Я, пожалуй, пойду.

Больная кивнула.

— Пришлите ко мне Мэк, — шепотом попросила она. — Я страшно утомилась… — Она слабо шевельнула рукой. — Позаботьтесь о Блэки… с ней не должно случиться плохого… пожалуйста, позаботьтесь о ней!

— Я сделаю все, что от меня зависит, миссис

Гедлер.

Краддок встал и направился к двери.

Ее голос потянулся за ним, словно тонкая нить:

— Вам недолго придется ее охранять… только до моей смерти. Пока я не умру, Блэки будет в опасности… позаботьтесь о ней…

На пороге Краддок столкнулся с сестрой Маклелланд.

— Надеюсь, я не сильно повредил ее здоровью, — смущенно пробормотал инспектор.

— Ничего страшного, мистер Краддок! Я же вас предупреждала: она потеряет силы внезапно.

Позже он спросил у медсестры:

— Скажите… я не успел узнать у самой миссис Гедлер… она не сохранила каких-нибудь старых фотографий?…

— Нет, боюсь, у нее ничего не осталось, — сказала сестра Маклелланд. — Все личные вещи и бумаги мадам были сданы на хранение вместе с обстановкой лондонского дома в самом начале войны. Миссис Гедлер тогда тяжело болела. А склад взорвали. Миссис Гедлер очень расстраивалась из-за того, что потеряла столько семейных реликвий и бумаг. Думаю, что никаких снимков у нее нет.

Тем не менее Краддок считал, что поездка была ненапрасной. Мифические близнецы Пип и Эмма оказались вполне реальными.

«Итак, — принялся рассуждать Краддок. — У нас есть брат с сестрой, которые воспитывались где-то в Европе. Перед свадьбой Соня была богата, но с тех пор деньги в Европе сильно обесценились. За послевоенные годы с ними вообще происходили какие-то странные вещи. Что же получается? Мы имеем дело с сыном и дочерью человека, который был не в ладах с законом. А вдруг они приехали в Англию нищими или почти нищими? Что им тогда делать? Напрашивается естественный вывод: надо разузнать про богатых родственников. Дядя, владевший многомиллионным состоянием, умер. Прежде всего они, вероятно, поинтересуются дядиным завещанием. Вдруг им или их матери что-нибудь перепало? Они отправятся в Соммерсет-Хаус, прочтут завещание и наведут справки про Летицию Блэклок. Затем примутся разузнавать о вдове Рэнделла Гедлера. Выяснится, что она инвалид, живет в Шотландии, но жить ей осталось совсем недолго. Однако, если Летиция Блэклок умрет раньше Белль Гедлер, близнецы завладеют огромными деньгами. Что из этого следует?»

Краддок задумался. Нет, в Шотландию брат с сестрой не поедут. Они скорее выяснят местонахождение Летиции Блэклок и отправятся туда. Но выдадут себя за других!.. А как они поедут: поодиночке или вместе? «Эмма… Хотел бы я знать… Пип и Эмма… Голову даю на отсечение, что один из них или даже оба находятся сейчас в Чиппинг-Клеорне!» — решил Краддок.

Глава 15
«Сладкая смерть»

Мисс Блэклок давала указания Мици:

— Приготовь сандвичи с сардинами и помидорами. И немного лепешек. Они у тебя получаются просто объеденье. Да! И еще хорошо бы испечь твой фирменный торт.

— Мы иметь праздник?

— Да, у мисс Баннер сегодня день рождения. Мы ждем к чаю гостей.

— Когда такой старый, не устраивать рождение. О рождение лучше забыть.

— Ну, а ей забывать не хочется! Мисс Баннер хочет получить подарки. И потом… устроить маленькое торжество очень даже приятно.

— Вы так сказать и тот раз. А что получалось?

Мисс Блэклок с трудом сдержала досаду:

— Теперь такого не случится.

— Почему вы знаете? Я весь день дрожу от страх, а весь ночь закрою дверь и смотрю даже гардероб, если там кто-то есть.

— Очень хорошо, ты таким образом обеспечиваешь свою безопасность, — холодно процедила

мисс Блэклок.

— Вы хотеть, чтобы я готовить… — Мици произнесла слово, звучавшее для английского уха примерно так: «швицебзррр» — очень похоже на шипение разъяренных кошек.

— Да, именно его приготовь! Он такой вкусный!

— Вкусный, да. Но у меня ничего нет для этот торт. Я его не могут приготовлять. Мне нужно шоколад и масло. Много масло, сахар и изюм.

— Возьми масло, которое нам прислали из Америки. И часть изюма, припрятанного на Рождество. А вот тебе плитка шоколада и фунт сахару.

Лицо Мици расплылось в улыбке.

— Хорошо, я приготовлять вкусный торт, очень вкусный! Он будет растопляться в рот. А наверх этот торт я класть шоколадный глазурь!.. У меня хорошо получаться шоколадный глазурь. И еще я писать наверх: «С лучший пожелания». Этот англичане со свой торт как песок… они никогда не кушать торт, как мой. Хороший, скажут они, сладкий… — Ее лицо опять омрачилось. — О, этот мистер Патрик! Он называть мой торт «Сладкий смерть». Мой торт! Я протестовать, чтобы так называть мой торт!

— Но это был комплимент, — возразила мисс Блэклок. — Патрик имел в виду, что ради такого торта можно даже умереть.

Во взгляде Мици сквозило сомнение.

— Я не любить, когда говорят «смерть». Никто не будет умереть, когда кушать мой торт. Наоборот, они будут здороветь…

— Конечно, Мици, конечно!

Мисс Блэклок покинула кухню со вздохом облегчения. Беседа завершилась благополучно. А ведь могло быть иначе, от Мици всего можно ожидать!

В коридоре Летиция встретила Банни.

— О, Летти, наверное, надо сказать Мици, чтобы она начинала делать сандвичи?

— Нет! — решительно воспротивилась мисс Блэклок. — Мици сейчас в хорошем настроении, не надо ее будоражить.

— Но я только покажу ей…

— Дора, прошу тебя, не надо! Выходцы из Центральной Европы не любят, когда им навязывают свое мнение. Они этого просто не переносят!

Дора поколебалась, но тут же ее лицо озарилось безмятежной улыбкой.

— Только что звонил Эдмунд Светтенхэм. Пожелал мне всяческих благ и пообещал принести

в подарок горшочек меда. Не правда ли, мило? И откуда он узнал про мой день рождения?

— Похоже, это знает весь поселок. Да, наверное, ты сама всем и растрезвонила, Дора.

— Что ты, Летти! Я просто как-то невзначай обмолвилась, что завтра мне стукнет пятьдесят девять.

— Шестьдесят четыре, — подмигнула ей мисс Блэклок.

— А мисс Хинчклифф сказала: «Непохоже. А мне, как вы думаете, сколько мне лет?» И всем тогда стало ужасно неловко, ведь мисс Хинчклифф — особа неопределенного возраста. Кстати, она сказала, что по пути занесет нам яиц. А я пожаловалась, что наши куры в последнее время почему-то плохо несутся.

— Выходит, у нас не так уж плохо с угощением на твой день рождения, — подытожила мисс Блэклок. — Мед, яйца, коробка прекрасных шоколадных конфет в подарок от Джулии…

— Хотелось бы мне знать, как она достает такой дефицит?

— Лучше не интересоваться. Скорее всего из-под полы.

— А ты мне подарила чудесную брошку! — Мисс Баннер с гордостью оглядела свою грудь,

на которой красовался маленький листочек с бриллиантиком.

— Нравится? Вот и хорошо. А я никогда не любила побрякушки…

— Я в полном восторге!

— Ну, и прекрасно. Давай теперь покормим уток.

— Ха! — трагически воскликнул Патрик, когда гости сели за стол. — Что я вижу? «Сладкая смерть»!

— Тс-с, — шикнула на него мисс Блэклок. — Не ровен час, Мици услышит! Она жутко злится, когда ты так называешь ее торт.

— Но это же воистину «Сладкая смерть»! Банни, это ваш именинный пирог?

— Да, — лучезарно улыбнулась Дора, — у меня сегодня великолепный день рождения.

Ее щеки ярко пылали с той самой минуты, когда полковник Истербрук вручил ей маленькую коробочку конфет и с поклоном провозгласил: «Сладкое — наисладчайшей!»

Джулия торопливо отвернулась, за что мисс Блэклок выразила ей взглядом неодобрение.

Собравшиеся воздали должное яствам и, отведав на десерт крекеров, поднялись из-за стола.

— Ох, тяжело, — пожаловалась Джулия. — А все

из-за торта. В прошлый раз была аналогичная история.

— Но торт того стоит, — утешил ее Патрик.

— Да, в тортах и пирожных иностранцы знают толк, — изрекла мисс Хинчклифф. — А вот простого пудинга приготовить не могут!

Все вежливо промолчали, хотя губы Патрика дрогнули, как будто его так и подмывало спросить, кто из присутствующих хотел бы сейчас отведать простого пудинга.

— Вы что, наняли нового садовника? — поинтересовалась мисс Хинчклифф у мисс Блэклок, когда они возвратились в гостиную.

— Нет, а почему вы решили?

— Да тут один мужик шнырял возле курятника. Вид у него, правда, был довольно приличный, выправка армейская.

— Ах, вы про этого! — воскликнула Джулия. — Это же наш сыщик.

Миссис Истербрук выронила сумочку:

— Сыщик?! Но… почему?

— Не знаю, — пожала плечами Джулия. — Он тут все время ходит кругами и следит за домом. Наверное, охраняет тетю Летти.

— Какая чушь! — возмутилась мисс Блэклок. — Я могу сама за себя постоять.

— Но ведь все давно кончено! — вскричала миссис Истербрук. — Я как раз хотела спросить, почему полиция не закрывает дело?

— Они не удовлетворены его исходом, — объяснил ее муж. — Вот почему.

— А чего им не хватает?

Полковник Истербрук многозначительно покачал головой, давая понять, что он мог бы поведать куда больше, если бы счел это необходимым. Эдмунд Светтенхэм, испытывавший антипатию к полковнику, заметил:

— Честно говоря, мы тут у них все под подозрением.

— Под подозрением? — ахнула миссис Истербрук.

— Не бери в голову, котеночек, — промурлыкал муж.

— Нас подозревают в том, что мы тут крутимся намеренно, — продолжал Эдмунд, — чтобы при первой возможности совершить убийство.

— Мистер Светтенхэм, умоляю, не надо! — вскричала Дора Баннер. — Я уверена, никто из вас не смог бы убить нашу дорогую, драгоценную Летти!

Все дружно смутились.

— Это шутка, — пробормотал Эдмунд.

Чтобы разрядить обстановку, Филиппа предложила послушать последние известия. Все горячо ее поддержали.

Патрик прошептал Джулии:

— Сюда бы еще миссис Хармон! Сейчас наверняка прозвучал бы ее звонкий голосок: «Но ведь кто-то все-таки ждет случая убить вас, мисс Блэклок?»

— Я рада, что они со старухой Марпл не пришли, — сказала Джулия. — Эта старая грымза везде сует свой нос. По-моему, она обожает копаться в грязном белье. Типичный образчик Викторианской эпохи.

Последние новости вызвали чинное обсуждение ужасов атомной войны. Полковник Истербрук заявил, что Россия представляет собой главную угрозу мировой цивилизации, а Эдмунд возразил, что у него есть несколько совершенно обворожительных русских друзей. Однако его заявление было принято весьма прохладно.

Затем все снова рассыпались в благодарностях хозяйке.

— Ну как, повеселилась, Банни? — спросила мисс Блэклок после ухода последнего гостя.

— О да! Но голова так болит! Наверно, от нервов.

— Скорее от торта, — поправил Дору Патрик. — Меня тоже подташнивает. А вы еще все утро лопали шоколад.

— Я, пожалуй, прилягу, — сказала мисс Баннер. — Выпью аспирин и попытаюсь уснуть.

— Хорошая мысль, — отозвалась мисс Блэклок.

Мисс Баннер отправилась наверх.

— Мне пойти закрыть уток, тетя Летти?

Мисс Блэклок строго посмотрела на Патрика:

— Если дашь честное слово, что хорошо запрешь дверь.

— Запру! Клянусь, что запру!

— Выпейте немножко шерри, тетя Летти, — посоветовала Джулия. — Как говаривала моя нянюшка: «Это утихомирит ваш желудок». Выражение жуткое, но сейчас очень уместное.

— Пожалуй, ты права. Честно говоря, я не привыкла к таким роскошным пиршествам… О, Банни, как ты меня напугала! Что случилось?

— Не могу найти аспирин, — безутешно сказала Банни.

— Он в моей спальне, возле кровати.

— И у меня на трюмо лежит аспирин, — сказала Филиппа.

— Спасибо… большое спасибо. Я возьму, если не найду свой. Но мой где-то здесь, я точно знаю.

Новый пузырек. Куда я его задевала?

— Да в ванной полным-полно пузырьков с аспирином! — нетерпеливо воскликнула Джулия. — Этот дом напичкан аспирином!

— Меня просто раздражает моя рассеянность, я все теряю, — пожаловалась мисс Баннер, поднимаясь обратно по лестнице.

— Бедная старушка Банни, — покачала головой Джулия, поднимая бокал. — Может, стоит дать ей капельку шерри?

— Нет, — покачала головой мисс Блэклок. — Она сегодня перевозбуждена, на нее спиртное не подействует. А назавтра будет худо… Но, по-моему, Банни от души повеселилась.

— Да, она была очень довольна, — кивнула Филиппа.

— Тогда давайте угостим Мици, — не унималась Джулия. — Эй, Патрик! — позвала она брата, услышав его шаги — Патрик вошел через черный ход. — Пригласи сюда Мици.

Мици привели, и Джулия налила ей шерри.

— За лучшего в мире повара! — сказал Патрик, поднимая бокал.

Мици была польщена, но решила, что надо возразить.

— О нет, нет! Я не повар. На родине я делать

умственный труд.

— Значит, ты даром теряла время, — заявил Патрик. — Какой умственный труд сравнится с тортом «Сладкая смерть»?

— О-о! Я говорить… мне не нравится…

— Мало ли что тебе не нравится, моя прелесть? — рассмеялся Патрик. — Я его так прозвал — и точка! Ладно, давайте выпьем за «Сладкую смерть» — и к черту последствия!

— Филиппа, дорогая, я хочу с тобой поговорить.

— Да, пожалуйста, мисс Блэклок… — с легким удивлением отозвалась Филиппа Хаймес.

— Ты ведь немножко расстроена, да?

— Я?

— Мне кажется, в последнее время у тебя расстроенный вид. Что-то случилось?

— Нет… ничего, мисс Блэклок. Что у меня может случиться?

— Не знаю… Я думала, может, вы с Патриком…

— С Патриком? — на этот раз Филиппа удивилась всерьез.

— Значит, нет. Извини, пожалуйста, что я вмешиваюсь… Но вы так часто бывали вместе… Видишь ли, хотя Патрик мне родня, я бы тебе не советовала… Не думаю, что из него получится

хороший муж. По крайней мере в обозримом будущем.

Лицо Филиппы окаменело.

— Я больше не выйду замуж.

— Выйдешь! Когда-нибудь выйдешь, дитя мое. Ты молода. Но не будем об этом. Значит, других поводов для огорчения у тебя нет? Денежных затруднений, например?

— Нет. Все нормально.

— Я знаю, тебя волнует дальнейшая учеба сынишки. Поэтому я решила тебе кое-что рассказать. Я сегодня была в Милчестере у мистера Беддингфелда, это мой адвокат. В последнее время все настолько шатко, что я решила составить новое завещание… на всякий случай! Кроме того, что завещано Банни, все остальное переходит к тебе, Филиппа.

— Что?! — вскинулась Филиппа. Казалось, она напугана до полусмерти и вот-вот упадет в обморок. — Не надо, я не хочу… Правда, не хочу… Что вы… И почему? Почему мне?

— Наверное, потому, — странным тоном произнесла мисс Блэклок, — что больше некому.

— Но ведь у вас есть Патрик и Джулия!

— Да, Патрик и Джулия. — В голосе мисс Блэклок продолжали звучать странные нотки.

— Они ваши родственники.

— Очень дальние. Они не вправе ничего от меня требовать.

— Но… я тоже не хочу… Не знаю, что вы думаете обо мне, но я не хочу…

Во взгляде ее читалась не благодарность, а скорее враждебность. И страх.

— Поверь, я знаю, что делаю, Филиппа. Я к тебе привязалась. И потом, у тебя ребенок. Если я умру сейчас, тебе достанется не так уж и много… но через несколько недель все переменится. — Мисс Блэклок посмотрела на Филиппу в упор.

— Но вы ведь не собираетесь умирать! — запротестовала Филиппа.

— Не собираюсь и не умру, если приму меры предосторожности.

— Меры предосторожности?

— Да. Подумай над этим… И больше не волнуйся.

Мисс Блэклок вышла из комнаты. В коридоре она о чем-то поговорила с Джулией — Филиппа слышала их голоса. Через несколько мгновений Джулия вошла в гостиную. Ее глаза холодно блестели.

— Сыграно просто идеально, Филиппа. Да, действительно, в тихом омуте… Теперь я вижу…

Темная ты лошадка, темная…

— Ты слышала…

— О да! Как, наверное, и было задумано.

— Не понимаю, о чем ты?

— Наша тетя Летти совсем не дура… Но тебе-то теперь не о чем волноваться, Филиппа. Ты неплохо устроилась…

— Джулия!.. Я не хотела… совсем не хотела…

— Врешь! Еще скажи, что ты презираешь деньги. Нет, голубушка, тебе деньги нужны, и даже очень! Но запомни: если кто-нибудь теперь укокошит тетю Летти, ты первая окажешься под подозрением.

— Но я не собираюсь этого делать! Тем более что это просто глупо — убивать ее сейчас, когда… стоит только подождать…

— Ах, вот как?! Значит, ты в курсе насчет этой старой миссис… как там ее… которая скоро загнется в Шотландии? Любопытно… Да, Филиппа, я чем дальше, тем больше убеждаюсь, что ты и впрямь темная лошадка.

— Я не хочу лишать вас с Патриком вашей доли!

— Неужели? Извини, дорогая, но я тебе не верю.

Глава 16
Возвращение инспектора Краддока

По пути домой инспектор Краддок очень плохо спал. Его мучили кошмары. Он все время бегал по серым коридорам старинного замка, тщетно пытаясь куда-то добраться и что-то предотвратить. Под конец ему приснилось, что он проснулся. У Краддока прямо гора с плеч свалилась. Но тут вдруг дверь его купе медленно распахнулась, и Летиция Блэклок, по лицу которой текла кровь, прошептала: «Почему вы не спасли меня? А могли бы, если бы постарались».

Тут уж он проснулся по-настоящему.

Так что Краддок был очень рад, когда наконец добрался до Милчестера. Он не откладывая явился к Райдесдейлу, который внимательно выслушал его рапорт.

— Мы тут тоже продвинулись вперед, правда ненамного, — сообщил Райдесдейл. — Но главное, что Белль Гедлер подтвердила слова мисс Блэклок. Итак, Пип и Эмма… Любопытно.

— Патрик и Джулия Симмонс того же возраста, сэр. Если бы выяснилось, что мисс Блэклок не

видела их с тех пор, когда они были маленькими детьми…

— Наша союзница мисс Марпл уже установила сей факт, — усмехнулся Райдесдейл. — Мисс Блэклок вообще впервые увидела племянников два месяца назад.

— Тогда, сэр, они наверняка…

— Увы, все далеко не так просто, Краддок. Мы проверяли. Их, судя по всему, придется исключить. Патрик служил во флоте. Характеристика, которую на него прислали, безусловно, подлинная… И, кстати, вполне приличная: единственный недостаток, на который там указывается, — это «тенденция к неповиновению». Мы снеслись с Каннами, и разгневанная миссис Симмонс ответила, что, естественно, ее дети сейчас гостят в Чиппинг-Клеорне у своей родственницы Летиции Блэклок. Такая вот петрушка!

— А миссис Симмонс, она настоящая?

— По крайней мере эта дама была миссис Симмонс много лет подряд. Больше я пока ничего не могу вам сказать, — сухо ответил Райдесдейл.

— Что ж, ответ вполне определенный. Хотя… Джулия с Патриком — такие подходящие кандидатуры! И возраст… и то, что мисс Блэклок их никогда раньше не видела. Лучших Пипа и Эмму

не сыскать.

Начальник полиции задумчиво кивнул. Потом пододвинул к Краддоку бумагу:

— Вот, ознакомьтесь, мы тут кое-что раскопали насчет миссис Истербрук.

Брови инспектора поползли вверх.

— Любопытно! Ловко же она обвела старого дурака вокруг пальца! Но, насколько я понимаю, с нашим делом это не связано.

— Очевидно, нет.

— А вот сведения относительно миссис Хаймес…

Брови Краддока снова взметнулись вверх.

— Пожалуй, мне стоит еще разок побеседовать с юной леди, — сказал он.

— Вы считаете, тут есть связь?

— Вполне вероятно. Хотя, конечно, косвенная.

Они помолчали.

— А как Флетчер справляется со своими обязанностями?

— Сержант проявил необычайную расторопность. С разрешения мисс Блэклок он ежедневно прочесывал территорию вокруг дома, но не нашел ничего существенного. Затем стал проверять, кто имел возможность смазать дверь. Он решил выяснить, кто остается дома в отсутствие

служанки. Это оказалось проще, чем мы думали: оказывается, эта беженка почти каждый день идет проветриться и выпить чашечку кофе в «Синей птице». Так что когда мисс Блэклок и мисс Баннер нет дома — а это тоже бывает почти ежедневно, поскольку они ходят собирать ежевику, — путь совершенно свободен.

— Хозяева что, оставляют двери открытыми?

— Раньше оставляли. Сейчас, думаю, нет.

— И что в конечном итоге выяснил Флетчер? Кто бывает в доме в отсутствие хозяев?

— Практически все. — Райдесдейл кивнул на листок бумаги, лежавший перед ним на столе: — Мисс Мергатройд была там с курицей, чтобы посадить ее на яйца. Звучит сложно, но это ее доподлинные слова. Она ужасно волновалась и все время сама себе противоречила, но Флетчер считает, что волнение — еще не доказательство вины.

— Возможно, — допустил Краддок. — Она всегда квохчет.

— Миссис Светтенхэм приходила забрать конину, которую мисс Блэклок оставила для нее на кухонном столе, потому что мисс Блэклок ездила на машине в Милчестер, а когда она ездит на машине в Милчестер, она всегда привозит

конину для миссис Светтенхэм. Как по-вашему, это правдоподобно звучит?

Краддок немного поразмыслил.

— А почему мисс Блэклок не завезла миссис Светтенхэм конину на обратном пути из Милчестера?

— Не знаю почему, но факт тот, что она этого не сделала. Миссис Светтенхэм говорит, что мисс Блэклок всегда оставляет конину на кухонном столе, а миссис Светтенхэм удобнее забирать ее, когда Мици нет дома, потому что Мици иногда ей хамит.

— Звучит вроде логично. Кто там у нас следующий?

— Мисс Хинчклифф. Она утверждает, что в последнее время не заглядывала в «Литлл-Пэддокс». Однако это неправда. Мици видела, как она выходила через черный ход. То же самое засвидетельствовала и миссис Батт. Тогда мисс Хинчклифф дала обратный ход: дескать, может, она и забегала, но не припоминает. А зачем забегала, вообще не помнит — хоть убей. Наверное, просто так.

— Странно.

— Но вполне в ее стиле. Дальше у нас на очереди миссис Истербрук. Она выгуливала своих

драгоценных собачек и по дороге заглянула, чтобы попросить у мисс Блэклок выкройку, но хозяйки не оказалось дома. Миссис Истербрук говорит, что немного ее подождала.

— Ага. А тем временем могла разведать обстановку. Или смазать дверь. А что полковник?

— Занес как-то книгу про Индию, мисс Блэклок изъявила желание ее прочесть.

— Правда?

— По ее словам, она пыталась отбрыкаться, но у нее ничего не вышло.

— Да уж, — вздохнул Краддок. — Если кто-нибудь решит всучить тебе книгу, отбрыкаться бывает трудно.

— Был ли там Эдмунд Светтенхэм, мы не знаем. Он вообще личность загадочная. Говорит, что порой заглядывал туда, разыскивая мать, но в последнее время, кажется, не заходил.

— Всего этого действительно недостаточно, чтобы делать выводы.

— Да.

— Мисс Марпл тоже проявила активность, — продолжил с легкой ухмылкой Райдесдейл. — По донесению Флетчера, когда она пила кофе в «Синей птице», ее приглашали на шерри в «Боулдерс» и на чай в «Литтл-Пэддокс». Еще ста-

рушка восторгалась садиком миссис Светтенхэм и заходила поглазеть на индийские диковинки полковника Истербрука.

— Может, хотя бы мисс Марпл развеет наши сомнения относительно того, настоящий он полковник или ненастоящий?

— Если бы был ненастоящий, она бы уже сказала… Думаю, с ним все в порядке. Хотя все равно придется снестись с Востоком, чтобы в этом удостовериться.

— Ну, хорошо… И все-таки, пока тянется следствие, может, мисс Блэклок согласится уехать?

— Из Чиппинг-Клеорна?

— Да. Прихватила бы с собой верную Банни и отбыла в неизвестном направлении… Почему бы ей, например, не прокатиться в Шотландию, не погостить немного у Белль Гедлер? Там она будет в полной безопасности.

— Предлагаете поселиться у Белль и ожидать ее смерти? Вряд ли Летиция Блэклок пойдет на такой шаг. Какой женщине понравится подобное предложение? Только какому-нибудь бессердечному чудовищу…

— Но тем самым мисс Блэклок спасет свою жизнь.

— Да полно вам, Краддок. Убить человека вовсе

не так легко, как вам кажется.

— Неужели, сэр?

— Нет, конечно, теоретически это несложно. Есть тысяча разных способов. Например, ядохимикаты. Или можно огреть ее чем-нибудь тяжелым, когда она пойдет закрывать на ночь кур, или выстрелить из-за изгороди. Да мало ли что можно изобрести! Однако убить так, чтобы на тебя не пало подозрение, совсем не просто. А наши голубчики прекрасно понимают, что они под подозрением. Оригинальный, тщательно продуманный план провалился. Неизвестному убийце придется изобретать что-то новое.

— Вы правы, сэр, но нельзя сбрасывать со счетов и временной фактор. Миссис Гедлер при смерти. Она может скончаться в любой момент. А значит, убийца не может медлить.

— Верно.

— И еще одно, сэр. Он… или она прекрасно понимают, что мы тщательно проверяем каждого.

— И что это отнимает уйму времени, — вздохнул Райдесдейл. — Связываться с Индией так долго и хлопотно…

— Вот вам и еще одно основание для спешки. Сэр, опасность весьма реальна, поверьте! На карту поставлены огромные деньги. Если Белль

Гедлер умрет…

Краддок осекся, потому что в кабинет вошел полицейский.

— Констебль Легг из Чиппинг-Клеорна на проводе, сэр.

— Давайте его сюда.

Наблюдая за шефом полиции, инспектор увидел, что лицо Райдесдейла вдруг посуровело и окаменело.

— Ладно! — рявкнул в трубку Райдесдейл. — Инспектор Краддок сейчас выезжает!

— Неужели? — Краддок запнулся.

Райдесдейл покачал головой.

— Нет. Это Дора Баннер, — сказал он. — Хотела выпить аспирина и, очевидно, взяла пузырек, стоявший возле постели Летиции Блэклок. В нем оставалось всего несколько таблеток. Мисс Баннер две взяла, а третью оставила. Врач отправил оставшуюся таблетку на экспертизу. Есть предположение, что это вовсе не аспирин.

— Она мертва?

— Ее труп обнаружили сегодня утром. Умерла во сне. Врач говорит, это не естественная смерть, хотя здоровье мисс Баннер было в плохом состоянии. Он подозревает отравление наркотиками. Вскрытие назначено на сегодняшний день.

— Таблетки аспирина у постели Летиции Блэклок… Умен дьявол… очень умен! Патрик рассказывал, что мисс Блэклок выбросила початую бутылку шерри и откупорила новую. Вряд ли ей бы пришло в голову сделать то же самое с аспирином. Кто был в «Литтл-Пэддоксе» вчера и позавчера? Таблетки не могли храниться дольше.

Во взгляде Райдесдейла сквозило уныние.

— Вчера там, — сказал он, — была вся компания. Мисс Баннер праздновала свой день рождения. Любой из присутствующих мог прокрасться наверх и совершить подлог. Ну и, конечно, то же самое мог проделать любой из домочадцев в любое удобное ему время.

Глава 17
Альбом

Уже на выходе из дома священника тепло одетая мисс Марпл взяла у Банч записку.

— Передайте мисс Блэклок, — попросила Банч, — что Джулиан выражает ей свои соболезнования. Он страшно жалел, но прийти никак не мог. У него прихожанин помирает в Лоук-Хэмлете. Если мисс Блэклок не против, Джулиан подойдет после обеда. В записке говорится о подготовке к похоронам. Раз допрос свидетелей назначили на вторник, Джулиан предлагает перенести похороны на среду. Бедная старушка Банни!.. Но вообще-то это на нее так похоже: отравиться аспирином, предназначавшимся для другого человека!.. До свидания, тетечка! Ничего, если вы пройдетесь пешком? Надеюсь, прогулка вас не очень утомит. А мне обязательно нужно отвезти ребенка в больницу.

Мисс Марпл сказала, что прогулка ее не очень утомит, и Банч умчалась.

Дожидаясь мисс Блэклок, мисс Марпл оглядывала гостиную. Все-таки интересно, что имела в

виду Дора Баннер, когда сказала в «Синей птице», что, желая выключить свет, Патрик «орудовал лампой»? Какой такой лампой? И как он мог ею «орудовать»?

Вероятно, Дора подразумевала небольшую лампу, стоявшую на столике возле прохода под аркой. Да-да, она еще упоминала про пастушка с пастушкой, а этот светильник тончайшего дрезденского фарфора был сделан в виде пастуха в голубом кафтане и розовых штанах. В руках пастушок держал подсвечник. Впоследствии из канделябра сделали электрическую лампу. Под большим абажуром из однотонного пергамента фарфоровую фигурку было почти не разглядеть. Что еще говорила Дора Баннер? «Там стояла пастушка, я точно помню. А назавтра…» Да, теперь это явно был пастух.

Мисс Марпл вспомнила, что, когда они с Банч приходили на чай, Дора Баннер обмолвилась, что лампа парная. И это вполне естественно: раз есть пастух, значит, должна быть и пастушка. И в день налета на столе стояла пастушка… а наутро появилась другая лампа — та, что стояла тут до сих пор. За ночь ее успели подменить. И у Доры Баннер были основания считать, что это сделал Патрик.

Но зачем? А затем, что, если бы полиция осмотрела ту лампу, она сразу бы обнаружила, каким образом преступнику удалось выключить свет. Мисс Марпл внимательно оглядела пастушка. Шнур тянулся через стол к розетке. На середине шнура был маленький грушеобразный выключатель. Мисс Марпл это ни о чем не говорило, поскольку в электричестве она разбиралась слабо.

«Где же пастушка? — гадала она. — В нежилой комнате или на свалке… а может, там, где Дора Баннер наткнулась на Патрика, когда он держал в руках перышко и баночку из-под масла? В кустах?»

Мисс Марпл решила высказать свои соображения инспектору Краддоку.

Поначалу мисс Блэклок скоропалительно сделала вывод, что объявление — проделка Патрика. Интуитивные предположения часто оказывались самыми правильными. Мисс Марпл, во всяком случае, в это верила. Когда человека знаешь, интуитивно чувствуешь, на что он способен.

Красавец. Обаятельный. Любимец женщин, и молодых и старых. Наверное, за такого же выскочила в свое время сестра Рэнделла Гедлера. А что, если Патрик Симмонс — это Пип? Но в войну

Патрик был во флоте, и полиция легко может это проверить. Только вот… порой бывают самые невероятные перевоплощения. Стоит только набраться нахальства — и ты горы свернешь.

Дверь открылась, и в комнату вошла мисс Блэклок. Сейчас она выглядела гораздо старше своих лет. Куда подевались ее жизненная сила и энергия?

— Ради бога, извините за беспокойство, — сказала мисс Марпл, — но у пастора умирает прихожанин, а Банч срочно нужно отвезти ребенка в больницу. Пастор передал вам записку.

Она протянула бумажку мисс Блэклок.

— Присаживайтесь, мисс Марпл. Спасибо, что принесли, вы очень любезны.

Мисс Блэклок внимательно прочла, что написал Джулиан Хармон.

— Пастор — чуткий человек. Он не выражает бессмысленных соболезнований… Пожалуйста, передайте ему, что его помощь нам очень пригодится. Ее любимый… ее любимый псалом был…

Голос мисс Блэклок прервался. Мисс Марпл мягко произнесла:

— Я, конечно, человек посторонний, но поверьте, мне тоже очень, очень жаль!

И тут Летиция Блэклок не удержалась и зарыда-

ла. Ее плач был детски-жалобным, в нем звучали безутешное горе и странная обреченность. Мисс Марпл замерла, затаив дыхание. Наконец мисс Блэклок выпрямилась. Лицо ее опухло и пошло пятнами от слез.

— Извините, — сдавленным шепотом сказала она, — на меня просто что-то нашло. Это очень большая утрата. Понимаете, она… она была единственной ниточкой, связывавшей меня с прошлым. Единственной, кто… помнил. Теперь ее нет, я осталась совсем одна.

— О да, я вас понимаю! — кивнула мисс Марпл. — Когда уходит последний, кто помнил тебя в молодости, ты остаешься одинок. У меня тоже есть и племянники, и близкие друзья, но никто из них не помнит меня молодой. А тех, кто помнил, уже нет в живых. Я давно одинока.

Они немного посидели молча.

— Да, вы все понимаете правильно, — вздохнула Летиция Блэклок.

Она поднялась и подошла к письменному столу.

— Сейчас черкну несколько строк пастору.

Летиция взяла ручку негнущимися пальцами и начала медленно выводить каждую букву.

— Совсем артрит замучил, — объяснила она

мисс Марпл. — Бывает, вообще не могу написать ни слова. — Мисс Блэклок заклеила конверт и надписала его. — Если вам не трудно, захватите его с собой.

Неожиданно из коридора донесся мужской голос.

— Это инспектор Краддок, — заволновалась мисс Блэклок.

Она кинулась к зеркалу, висевшему над камином, и торопливо припудрила лицо.

Мрачный и злой Краддок неодобрительно глянул на мисс Марпл:

— И вы здесь!

Стоявшая у камина мисс Блэклок обернулась:

— Мисс Марпл любезно принесла мне записку от пастора.

— Ухожу… я уже ухожу, — засуетилась мисс Марпл. — Не буду вам мешать.

— Вы вчера тут были?

Мисс Марпл нервно сказала:

— Нет, мы с Банч ездили в гости к друзьям.

— Тогда вам нечего мне сообщить.

Краддок недружелюбно распахнул дверь, и мисс Марпл смущенно покинула гостиную.

— Эти старухи везде суют свой любопытный нос, — проворчал инспектор.

— Мне кажется, вы к ней несправедливы, — возразила мисс Блэклок. — Она действительно пришла с запиской от пастора.

— Разумеется! Как же иначе?

— Не думаю, что это праздное любопытство.

— Может, вы и правы, мисс Блэклок, однако мой вам совет: будьте пожестче с теми, кто лезет в чужие дела.

— Да она совершенно безобидная старушка! — воскликнула мисс Блэклок.

«Знала бы ты!.. Эта „безобидная старушка“ опаснее гремучей змеи», — подумал инспектор. Но откровенничать ни с кем не собирался. Убийца поблизости, и чем меньше будет лишней болтовни — тем лучше. А то как бы следующей жертвой не оказалась сама Джейн Марпл.

Убийца где-то здесь, рядом… Но где?

— Не буду тратить время на выражение соболезнований, мисс Блэклок, — сказал инспектор. — Хотя, конечно, мне очень жаль, что мисс Баннер умерла. Мы обязаны были предотвратить ее смерть.

— Как? Не представляю себе…

— Задача, конечно, была не из легких. Но сейчас следует не рассуждать, а действовать, и притом без промедления. Кого вы подозреваете, мисс

Блэклок? Кто дважды покушался на вашу жизнь и вполне может попытаться сделать то же самое и в третий раз, если мы ему не помешаем?

Мисс Блэклок поежилась:

— Не знаю, инспектор… честное слово, не знаю!

— Я был у мисс Гедлер. Она помогла мне по мере сил. Толку, правда, от этого мало. Короче говоря, ваша смерть была бы выгодна нескольким людям. Прежде всего Пипу и Эмме. Патрик и Джулия Симмонс примерно того же возраста, но с ними все более или менее ясно. Однако ограничиваться только ими нельзя. Скажите, пожалуйста, мисс Блэклок, вы бы узнали сейчас Соню Гедлер, если бы увидели ее?

— Соню? Конечно… — Летиция задумалась. — Хотя нет… наверное, нет. Слишком много лет прошло. Целых тридцать! Сейчас Соня — уже пожилая женщина.

— А какой вы ее помните?

Мисс Блэклок немного подумала.

— Она была небольшого роста, смуглой, темноволосой.

— А какие-то особые приметы были?

— Да нет, она ничем особо не выделялась. Разве что была очень веселой… любила смеяться…

— За прошедшие тридцать лет она могла и отсмеяться, — хмыкнул инспектор. — А фотографий у вас нет?

— Сониных? Погодите, дайте подумать. Нет, отдельных нет. Были какие-то общие снимки… в альбоме… Наверное, там есть и Соня.

— Можно взглянуть?

— Конечно. Только надо вспомнить, куда я подевала альбом…

— Мисс Блэклок… а может так оказаться… хотя бы теоретически… что миссис Светтенхэм — это Соня Гедлер?

— Миссис Светтенхэм?! — Мисс Блэклок оторопела. — Но ведь ее муж состоял на государственной службе в Индии, а потом в Гонконге!

— Но это вы знаете только по ее рассказам, не так ли?

— Так, — с запинкой произнесла мисс Блэклок. — В принципе да… Но неужели вы думаете, что миссис Светтенхэм?… О господи, какой вздор!..

— А Соня Гедлер никогда не пыталась играть на сцене? В каких-нибудь любительских спектаклях?

— Как не пыталась? Пыталась. И у нее, между прочим, выходило очень даже недурно.

— Видите? И еще одно настораживающее об-

стоятельство: миссис Светтенхэм носит парик. По крайней мере, — поправился инспектор, — так утверждает миссис Хармон.

— Да-да, мне тоже казалось… Ее пепельные кудряшки выглядят как-то ненатурально. Но все равно это вздор! Миссис Светтенхэм– очень приятная женщина, с ней порой бывает даже забавно.

— Еще есть мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд. Как по-вашему, одна из них может оказаться Соней Гедлер?

— Мисс Хинчклифф чересчур высокая. Она ростом со среднего мужчину.

— А мисс Мергатройд?

— Ну, что вы! Я уверена, что мисс Мергатройд не имеет к Соне никакого отношения!

— Но вы же не очень хорошо видите, мисс Блэклок…

— Да, у меня близорукость. Вы на это намекаете?

— Совершенно верно… А теперь давайте все-таки взглянем на фотографию Сони Гедлер. Пусть прошло много лет, пусть даже она сейчас мало похожа. У нас профессиональный взгляд, мы умеем находить сходство там, где непрофессионал его никогда в жизни не заметит.

— Я постараюсь найти альбом.

— Пожалуйста, поищите его сейчас.

— Как, прямо сию минуту?

— Я был бы вам крайне признателен.

— Ну, хорошо… Дайте подумать… Помнится, я его видела, когда мы наводили порядок в книжных шкафах. Мне тогда помогала Джулия… Она еще потешалась над платьями тех времен… Мы поставили книги на полку в гостиной. А куда дели альбомы и большую подшивку «Арт джорнал»? Ох, совсем память дырявая стала! Может, Джулия помнит? Она сегодня дома.

— Пойду поищу ее, — сказал инспектор и отправился за Джулией.

Внизу девушки не оказалось. Он спросил у Мици, не видела ли она мисс Симмонс, и Мици сердито отрезала, что это не ее забота.

— Я на кухня занимаюсь обед. Я ничего не кушать, кроме то, что сама готовить. Вы слышите, ничего!

Стоя под лестницей, инспектор крикнул: «Мисс Симмонс!» И, не услышав ответа, пошел наверх.

Столкнулись они неожиданно. Джулия выходила из двери, за которой в глубине виднелась спиральная лесенка.

— Я была на чердаке, — сказала она. — Что

случилось?

Инспектор Краддок объяснил.

— А, вы имеете в виду старые альбомы с фотографиями? Да, я прекрасно помню. Мы поставили их в большой шкаф в кабинете. Сейчас поищу.

Джулия спустилась на первый этаж и отворила дверь в кабинет. У окна стоял большой шкаф. Джулия открыла дверцу и выгребла кучу всякой всячины.

— Сколько же тут хлама! Старики никогда ничего не выбрасывают…

Инспектор присел на корточки и взял с нижней полки пару старинных альбомов.

— Эти?

— Да.

Мисс Блэклок тоже вошла в кабинет.

— Ах, вот куда мы их запихнули! А я не могла припомнить.

Краддок положил альбомы на стол и принялся перелистывать. Женщины в шляпах с большими прямыми полями, в юбках, суживавшихся книзу настолько, что трудно было ходить. Под снимками стояли аккуратные подписи, но чернила давно выцвели и были еле видны.

— Должно быть тут, — сказала мисс Блэклок. — Или на второй странице… А может, на третьей?

Другой альбом появился позже, Соня уже вышла замуж и уехала, — она перевернула страницу. — Вот зде…

Она осеклась.

На странице было несколько пустых мест. Краддок склонился пониже, пытаясь разобрать размытую подпись: «Соня… я… Р.Г.» Чуть дальше было написано: «Соня и Белль на пляже». А на противоположном листе: «Пикник в Скейне».

Мисс Блэклок заглянула на следующую страницу. «Шарлотта, я, Соня, Р.Г.»

Краддок встал. Губы его сжались.

— Кто-то отклеил фотографии. И, по-моему, не так давно.

— Когда мы с вами смотрели альбом, фотографии были на месте. Правда, Джулия?

— Я смотрела не очень внимательно, меня в основном интересовали платья. Но похоже, вы правы, тетя Летти, пустых мест в альбоме не было.

Краддок посуровел еще больше.

— Кто-то, — сказал он, — изъял из альбома все фотокарточки Сони Гедлер.

Глава 18
Письма

— Простите, что снова вас беспокою, миссис Хаймес… — произнес Краддок.

— Ничего страшного, — процедила Филиппа.

— Может, лучше пройти в ту комнату?

— Куда? В кабинет? Но там страшный холод. В той комнате нет камина.

— Неважно. Я вас надолго не задержу. И потом, нас там вряд ли смогут подслушать.

— А что, разговор такой важный?

— Не для меня, миссис Хаймес. Для вас.

— Что вы имеете в виду?

— Вы утверждали, что вашего мужа убили на войне в Италии?

— Да. И что?

— А не проще ли было признаться, что он дезертировал?

Филиппа побледнела и стиснула руки:

— Вы до всего докапываетесь, да?

В голосе ее звучала горечь.

— Мы ждем от людей правды, — сухо ответил Краддок.

Она немного помолчала. Потом повторила:

— И что?

— Я вас не понимаю, миссис Хаймес.

— Что вы намерены делать? Растрезвоните на всех углах? Вам это нужно? Зачем? Во имя восстановления справедливости? Или из милосердия?

— А разве никто не знает?

— Здесь — никто. Гарри, — ее голос дрогнул, — мой сын тоже ни о чем не подозревает. И я не хочу, чтобы он знал!

— Позвольте вам заметить, миссис Хаймес, что вы поступаете неблагоразумно. Когда мальчик подрастет, по-моему, лучше сказать ему правду. Если он узнает от кого-то другого, ему будет еще тяжелее. Или вы всю жизнь собираетесь морочить ему голову, рассказывая сказки про отца, павшего смертью храбрых?

— Я не рассказываю. Неужели вы считаете меня законченной лгуньей?! Нет, мы с сыном вообще не говорим на эту тему. Его отец был… убит на войне. В конце концов, какая нам разница?!

— Но ваш муж жив?

— Может быть. Откуда мне знать?

— Когда вы его видели в последний раз, миссис Хаймес?

— Мы не виделись много лет, — поспешно от-

ветила Филиппа.

— Точно? А может, все-таки виделись… недели две тому назад?

— На что вы намекаете?

— Я не поверил, что вы встречались в оранжерее с Руди Шерцем. Но показания Мици довольно убедительны. Поэтому напрашивается вывод, что мужчина, ради которого вы в то утро отпросились с работы, — это ваш муж.

— Я ни с кем не встречалась!

— Наверное, ему нужны были деньги и вы ему дали?

— Говорю вам, я с ним не виделась! И ни с кем в оранжерее не встречалась!

— Среди дезертиров частенько попадаются отъявленные головорезы. Они и ограбить могут, и налет совершить. И нередко у них есть пистолеты, привезенные из-за границы.

— Я понятия не имею, где сейчас мой муж. Мы не виделись много лет.

— Это ваше последнее слово, миссис Хаймес?

— Да, больше мне нечего вам сказать.

Краддок ушел от Филиппы злой и растерянный.

— Вот упрямая ослица! — сердито бурчал он себе под нос.

Он не сомневался, что Филиппа лгала, но переупрямить ее ему не удалось.

Разузнать бы побольше о бывшем капитане Хаймесе! Но сведений было — кот наплакал. Послужной список Хаймеса был плохим, но нельзя же на этом основании считать его преступником!

И уж во всяком случае, Хаймес никак не мог смазать дверь. Это сделал либо кто-то из домочадцев, либо человек посторонний, но тот, кто запросто вхож в «Литтл-Пэддокс».

Краддок в раздумье поглядел на лестницу, и вдруг ему стало интересно, что делала на чердаке Джулия. «Вообще-то чердак, — подумал он, — весьма неподходящее место для такой привереды. Зачем она туда полезла?»

Краддок быстро спустился на первый этаж. Вокруг не было ни души. Он открыл дверь, из которой вышла Джулия, и поднялся по узкой спиральной лестнице.

На чердаке стояли кованые сундуки, старые чемоданы, какая-то мебельная рухлядь… Стул со сломанной ножкой, разбитая фарфоровая лампа, разрозненные столовые сервизы. Краддок подошел к сундуку, открыл крышку. Одежда… Старомодные добротные женские платья. На-

верно, их носили мисс Блэклок и ее покойная сестра.

Он заглянул в другой сундук. Шторы. Взял в руки кожаный портфель. Там хранились бумаги и письма. Старые письма, пожелтевшие от времени. На портфеле были вытеснены инициалы «ШЛБ». Судя по всему, он принадлежал Шарлотте, сестре Летиции. Краддок развернул взятое наугад письмо. Оно начиналось так:

«Дорогая Шарлотта!

Вчера Белль чувствовала себя лучше и смогла отправиться на пикник. Рэнделл Гедлер тоже устроил себе выходной. С созданием предприятия в Эсвогеле все отлично. Льготные акции выше нормы».

Пропустив все остальное, инспектор посмотрел на подпись: «Твоя любящая сестра Летиция».

Он взял другое письмо.

«Милая Шарлотта!

Я хочу, чтобы ты хоть иногда общалась с людьми. Знаешь, ты все преувеличиваешь. На такие недостатки, как у тебя, люди вообще не обращают внимания. Ты напрасно считаешь это уродством».

Краддок вспомнил, что Белль Гедлер тоже упоминала про какое-то уродство Шарлотты

Блэклок. Да, она сказала, что из-за этого Летиции пришлось бросить работу и ухаживать за сестрой. Письма дышали нежностью и любовью к несчастной калеке. Летиция пространно описывала свою повседневную жизнь, рассказывала подробности, которые, по ее мнению, могли заинтересовать сестру. И Шарлотта тщательно хранила ее письма. А вдруг среди них окажутся и старые фотографии?

Краддок внезапно разволновался. Что, если разгадка таится именно здесь? Может, в письмах есть нечто, о чем сама Летиция Блэклок давно позабыла? Ведь письма — это беспристрастная картина прошлого, в них может оказаться ключ к разгадке тайны. Вдруг ему удастся с их помощью напасть на след убийцы? И… найти фотографии Сони Гедлер, о которых не знает тот, кто вынул их из альбома?

Инспектор Краддок аккуратно сложил письма, закрыл чемоданчик и пошел вниз.

Стоявшая внизу Летиция Блэклок воззрилась на него в полном изумлении.

— Так это вы были на чердаке? А я слышала шаги и не понимала, кто…

— Мисс Блэклок, я нашел на чердаке письма. Вы писали их Шарлотте много лет назад. Можно

их взять?

Мисс Блэклок даже побагровела от возмущения:

— Взять? Но зачем? Какой вам от этого прок?

— Там могут быть снимки Сони Гедлер или описание ее характера, какие-нибудь намеки, эпизоды, которые помогут следствию.

— Но это частная переписка, инспектор!

— Знаю.

— А впрочем, вы все равно заберете… Наверно, у вас есть соответствующие полномочия. А если и нет, вы легко их получите. Ладно, берите! Забирайте! Но о Соне там почти ничего нет. Она вышла замуж и уехала всего через два года после того, как я начала работать у Рэнделла Гедлера.

— А вдруг? — упрямо повторил Краддок. — Вдруг что-нибудь есть? Надо попробовать. Уверяю вас, опасность очень реальна.

— Знаю. — Летиция закусила губу. — Банни умерла оттого, что приняла таблетку, предназначавшуюся для меня. Следующей жертвой могут оказаться Патрик или Джулия, Филиппа или Мици, а ведь у них вся жизнь впереди. Они выпьют бокал вина, налитый для меня, или съедят шоколад, посланный мне в подарок. Да, забирайте письма! Прочтите их, а потом можете

сжечь. Они представляли интерес лишь для меня и Шарлотты. Все давно кончено… ушло, кануло в Лету. Никто этого уже не помнит.

Она поднесла руку к ожерелью из фальшивого жемчуга. Краддок подумал, что оно совершенно не вязалось с твидовым пиджаком и юбкой.

— Забирайте письма, — снова сказала Летиция.

На следующий день инспектор зашел к священнику. День выдался пасмурный и ветреный.

Мисс Марпл вязала, придвинув кресло к камину. Банч ползала по полу, занимаясь кройкой материала. Сев, она откинула упавшие на глаза пряди волос и выжидательно посмотрела на инспектора.

— Может, я и нарушаю устав, — сказал Краддок мисс Марпл, — но мне хотелось показать вам это письмо.

Он рассказал, как нашел письма на чердаке.

— Письма очень трогательные. Чувствуется, что мисс Блэклок изо всех сил старалась поддержать в сестре интерес к жизни и поправить ее здоровье. В письмах ясно видна и личность старого отца, доктора Блэклока. Это был настоящий мракобес, убежденный в том, что каждое его слово — истина в последней инстанции. На-

верное, из-за своего упрямства он уморил не одну тысячу пациентов. Старик терпеть не мог новых веяний и не признавал никаких новых методов лечения.

— Я лично за это на него не в претензии, — усмехнулась мисс Марпл. — На мой взгляд, молодые врачи чересчур увлекаются экспериментами. Вырвут тебе все зубы, исследуют сотню разных желез, удалят добрую половину внутренностей, а потом разведут руками и заявят — медицина бессильна. По мне, лучше старые, испытанные средства. Их, в конце концов, можно выбросить в мусорное ведро.

Она взяла письмо, протянутое ей Краддоком. Он сказал:

— Прочтите. Вы лучше понимаете то поколение. Я просто не представляю, как они мыслили, те люди.

Мисс Марпл развернула ломкую бумагу.

«Милая Шарлотта!

Я не писала тебе целых два дня, потому что тут у нас масса сложностей. Соня, сестра Рэнделла (помнишь ее? Она еще заезжала за тобой на машине. Как бы я хотела, чтобы ты побольше бывала на людях!), так вот, Соня объявила о своем намерении выйти замуж за Дмитрия Стэмфорди-

са. Я видела его только один раз. Он импозантный мужчина, но доверия не внушает. Рэнделл Гедлер его терпеть не может, говорит, что он плут и мошенник. Белль (господь с ней!) целый день валяется на диване с безмятежной улыбкой. Соня только внешне кажется бесстрастной, на самом деле темперамент у нее бешеный. Они с Рэнделлом Г. на ножах, вчера я даже боялась, что она его пришибет! Я делаю, что могу: переговорила и с Соней, и с Р.Г. Вроде бы убедила собраться вместе и спокойно все обсудить. Они пришли, и все началось сызнова! Ты даже не представляешь себе, как это меня утомляет. Р.Г. все выяснил. Похоже, Стэмфордис и впрямь не подарок.

Делами сейчас никто, кроме меня, не занимается. Все лежит на мне, и в каком-то смысле это даже неплохо, потому что Р.Г. дал мне свободу действий. Вчера он сказал: «Слава богу, среди нас есть хоть один нормальный человек! Блэки, ты ведь никогда не влюбилась бы в мошенника?» Я ответила, что вообще вряд ли способна влюбиться. Р.Г. сказал: «А давай затеем еще одну игру». Однако подчас он так жутко рискует, что ходит по лезвию бритвы. «Ты твердо решила не дать мне сбиться с пути истинного?» — спросил он меня однажды. А ведь это правда! Я действительно не

даю ему сбиться с пути. Мне просто непонятно, как это люди не видят, что честно, а что — нет. Но Р.Г. совершенно искренне не видит. У него одна мерка: это законно, а это — незаконно. Белль же над всем смеется. Она считает, что страсти вокруг Сониного замужества сильно раздуты. «У Сони есть деньги, — говорит Белль, — почему бы ей не выйти за кого она хочет?» Я сказала, что это может оказаться роковой, непоправимой ошибкой, а Белль возразила: «Если выходишь по любви, это не может оказаться ошибкой… даже если потом будешь раскаиваться». И добавила: «По-моему, Соня только из-за денег не хочет порвать с Рэнделлом. Соня очень любит деньги».

Ну, вот и все на сегодня. Как там папа? Я не прошу тебя передать ему привет, но если ты сочтешь нужным, можешь передать. Не стала ли ты чаще появляться на людях? Послушай меня, голубушка, нельзя быть такой затворницей!

Соня шлет тебе привет. Она только что была у меня в комнате. Знаешь, когда Соня в ярости, она похожа на кошку, выпускающую когти. Наверное, они с Р.Г. снова поругались. Вообще-то Соня подчас бывает невыносимой. Не знаешь, куда деваться под ее холодным пристальным взглядом.

Тысячу поцелуев, моя дорогая! Не унывай. Курс

лечения йодом может дать значительное улучшение. Я выясняла, говорят, это лекарство очень эффективно.

Твоя любящая сестра Летиция».

Сложив письмо, мисс Марпл отдала его Краддоку и задумалась.

— Ну? Что вы о ней скажете? — допытывался инспектор. — Какое у вас впечатление?

— О ком? О Соне? Но ведь по чужим словам о человеке судить трудно… Она самостоятельна… по-моему, это главное. И ей хотелось взять от жизни все самое лучшее.

— Когда Соня впадала в ярость, она становилась похожа на кошку, выпускающую когти, — прошептал Краддок. — Мне это кого-то напоминает.

Он нахмурился.

— Я выясняла, — пробормотала мисс Марпл.

— Нам бы выяснить, что надо, — сказал Краддок.

— А письмо Летиции не напомнило вам о ком-нибудь из жителей Сент-Мэри-Мид? — поинтересовалась Банч. Она говорила невнятно, потому что держала во рту булавки.

— Вроде бы нет, моя милая… — проговорила мисс Марпл. — Правда, доктор Блэклок, отец Летиции, пожалуй, немного напоминает мисте-

ра Кертиса, служителя веслеанской церкви. Он не разрешил дочери поставить пластинку для исправления зубов. Сказал: «Богу угодно, чтобы ее зубы торчали вперед». — «Но вы же стрижете бороду и волосы, — возразила я. — А может, богу угодно, чтобы вы совсем обросли». Но он заявил, что это другое дело. Истинно мужская логика. Впрочем, нам это все ни к чему.

— А мы, между прочим, так и не установили владельца пистолета, — заметил Краддок. — Но Руди Шерц таковым не являлся. Эх, узнать бы, у кого в Чиппинг-Клеорне до налета был пистолет!

— У полковника Истербрука, — отозвалась Банч. — Он держал его в ящичке для воротничков.

— Откуда вы знаете, миссис Хармон?

— От миссис Батт. Она приходит к нам два раза в неделю делать уборку. Миссис Батт сказала, что раз полковник — человек военный, то у него, естественно, есть пистолет. А то вдруг к нему в дом вздумают забраться грабители?

— А когда вы с ней разговаривали?

— Давно. Примерно полгода назад.

— Неужели это полковник Истербрук? — пробормотал Краддок.

— Вся эта история похожа на игру в рулетку на

ярмарке, — сказала Банч. — Рулетка крутится и всегда останавливается на другом месте.

— Ох, не травите душу! — простонал Краддок. — Так, дайте сообразить… однажды полковник Истербрук зашел в «Литтл-Пэддокс», чтобы занести книгу, — сказал он, поразмыслив. — Что ж, пожалуй, он мог тогда смазать дверь. Однако полковник честно признался, что заходил к мисс Блэклок. В отличие от мисс Хинчклифф…

Мисс Марпл осторожно произнесла:

— Видите ли, вы не учитываете, какие сейчас времена, инспектор. Вы служите в полиции. Согласитесь, люди не могут быть до конца откровенными с полицейскими.

— Почему? — изумился Краддок. — Не понимаю, почему, если они не замешаны в преступлении…

— Тетя Джейн имеет в виду масло, — пояснила Банч, ползая по полу и пытаясь выудить завалившийся за ножку стола фрагмент выкройки. — Масло, зерно для кур и сметану… ну, и может быть, кусочек бекона.

— Покажи инспектору записку, которую нам передала мисс Блэклок, — велела ей мисс Марпл. — Написано довольно давно, но все равно читается как первоклассный детектив.

— Куда же она запропастилась? Вы об этой

записке, тетя Джейн?

Мисс Марпл кивнула:

— Да-да.

Она протянула записку инспектору.

«Я все выяснила: в четверг, — сообщала мисс Блэклок. — В любое время после трех. Если будет что-нибудь для меня, оставьте где обычно».

Банч выплюнула булавки и расхохоталась. Мисс Марпл внимательно следила за выражением лица инспектора.

— В четверг местные фермеры сбивают масло, — принялась объяснять Краддоку Банч. — Кто хочет, может приобрести. Мисс Хинчклифф обычно объезжает фермы на машине и закупает у них масло. Она с фермерами на короткой ноге. Может, потому что у нее тоже свиньи? Но загвоздка в том, что купля-продажа не афишируется, все делают вид, что это как бы товарообмен: кто-то получает масло, а взамен дает огурцы, а когда режут свиней, то еще и кусочек свинины. Поэтому-то со скотиной частенько «случается беда», и ее приходится забивать. Ну, вы меня понимаете… И, конечно, полицию в эти дела не посвящают. Думаю, добрая половина таких сделок нелегальна, но никто толком не знает, что законно, а что нет, потому как все ужасно запутано. У меня такое по-

дозрение, что Хинч принесла в «Литтл-Пэддокс» масло или какие-то другие продукты и оставила «где обычно». Кстати, «где обычно» — это значит в мучном ящике под кухонной полкой. Никакой муки там на самом деле нет.

Краддок вздохнул.

— И потом, есть еще купоны на одежду, — добавила Банч. — Их обычно не продают: считается, что это непорядочно. Предпочитают обходиться без денег. Но миссис Батт, миссис Финч, миссис Хиггинс и другие женщины любят красивые шерстяные платья и почти не ношенные зимние пальто, и вместо денег они расплачиваются талонами на одежду.

— Пожалуйста, не продолжайте! — взмолился Краддок. — Все подобные махинации противозаконны.

— Значит, надо отменить эти глупые законы! — заявила Банч, снова набивая рот булавками. — Я, конечно, так не делаю, потому что Джулиану не нравится. Но я в курсе того, что творится вокруг…

Краддок начал впадать в отчаяние.

— Все выглядит так просто и обыденно, — сказал он. — Милые пустячки, невинные забавы. И в то же время уже убиты мужчина и женщина,

и еще одну женщину могут убить прежде, чем я успею принять меры. Выходит, хватит заниматься Пипом и Эммой, надо все силы бросить на поиск Сони. Эх, знать бы, как она выглядит! В письмах было несколько фотографий, но никого похожего на нее я не обнаружил.

— Но откуда вам известно, как она выглядела?

— Мисс Блэклок сказала, что Соня была низенькая, смуглая и темноволосая.

— Вот как? — протянула мисс Марпл. — Любопытно.

— Одна фотография, правда, — продолжил Краддок, — мне смутно кого-то напомнила. Фотография девушки… такая высокая блондинка с пучком волос на затылке. Кто она — бог весть, но уж, во всяком случае, не Соня. Как вы думаете, миссис Светтенхэм была в юности смуглой?

— Вряд ли, — откликнулась Банч. — Она же голубоглазая.

— Честно говоря, я надеялся найти фотографию Дмитрия Стэмфордиса, но не повезло… Ладно, — Краддок взял письмо. — Прошу прощения за то, что тут не оказалось ничего для вас интересного, мисс Марпл.

— Напротив, напротив! — запротестовала мисс Марпл. — Тут столько всего интересного… Да вы

сами вчитайтесь, инспектор… особенно внимательно советую прочесть то место, где она пишет, что Р.Г. выяснил про Дмитрия Стэмфордиса.

Краддок изумленно воззрился на старушку.

Раздался телефонный звонок. Банч встала с пола и вышла из комнаты — телефон, как в домах Викторианской эпохи, был установлен в холле.

— Это вас, — вернувшись, сказала она Краддоку.

Слегка удивленный инспектор вышел, не забыв, однако, поплотнее прикрыть за собой дверь.

— Краддок? Говорит Райдесдейл.

— Слушаю, сэр.

— Я тут изучал досье… Как я понял, Филиппа Хаймес упорно твердила, что не виделась с мужем с тех пор, как он дезертировал из армии?

— Так точно, сэр. Она от всего отпиралась. Но, по-моему, лгала.

— По-моему, тоже. Помните несчастный случай? Дней десять назад? Грузовик сбил человека… его еще отвезли в милчестерскую больницу с сотрясением мозга и переломом тазовых костей.

— Вы имеете в виду парня, что спас ребенка, на которого несся грузовик, а сам угодил под колеса?

— Да. Он был без документов, никто его не хватился. Судя по всему, парень был в бегах. Вчера ночью он умер, так и не приходя в сознание. Но его все-таки опознали. Это дезертир Рональд Хаймес, бывший капитан, служил в Южном Лоамширесе.

— Муж Филиппы Хаймес?

— Да. Между прочим, у него в кармане нашли использованный билет в Чиппинг-Клеорн и довольно приличную сумму денег.

— Деньги, конечно, дала ему жена! Я всегда думал, что Филиппа разговаривала в оранжерее именно с ним. Хотя она категорически все отрицала… Но, сэр, ведь этот несчастный случай произошел до…

— Совершенно верно! — подхватил Райдесдейл. — Хаймеса госпитализировали двадцать восьмого, а налет на «Литтл-Пэддокс» был совершен двадцать девятого. Так что к убийству Хаймес не имеет никакого отношения. Но жена его ничего о несчастье не знала и вполне могла подозревать его в причастности к убийству. Потому-то она и молчала: все-таки он ее муж.

— А парень поступил благородно, не правда ли, сэр? — медленно произнес Краддок.

— Когда спас ребенка из-под колес грузовика?

Безусловно. Храбрец! Дезертировал он, конечно, не из трусости. Ладно, бог ему судья, что было, то быльем поросло. Для человека с подмоченной репутацией это достойная смерть.

— Я рад за Филиппу, — сказал инспектор. — И за ее сына.

— Да, теперь мальчугану не придется краснеть за отца. А молодая женщина найдет себе нового мужа.

— Я тоже об этом подумал, сэр, — кивнул Краддок. — Такая развязка открывает новые перспективы.

— Знаете, раз уж вы находитесь в Чиппинг-Клеорне, вам стоит рассказать о случившемся Филиппе.

— Будет сделано, сэр. Сейчас же иду к ней. Хотя… пожалуй, лучше дождаться ее возвращения в «Литтл-Пэддокс». Наверное, это известие будет для нее большим потрясением… И потом, мне охота еще кое с кем побеседовать.

Глава 19
Воссоздание преступления

— Мне надо идти. Давайте я включу вам настольную лампу, — предложила Банч. — А то здесь темно. Видно, будет гроза.

Она переставила маленькую настольную лампу на другой конец стола, чтобы та лучше освещала вязанье мисс Марпл, которая сидела в просторном кресле с высокой спинкой.

Услышав шуршание шнура по столу, кот подскочил к нему и впился в него зубами.

— Прекрати, Тиглатпаласар, прекрати! Ну, что за разбойник! Вы только поглядите, чуть не перекусил шнур… весь его растрепал. Как ты не понимаешь, дурачина, тебя же дернет током, если ты будешь так безобразничать!

— Спасибо, милая, — сказала мисс Марпл и потянулась к выключателю.

— Нет, она включается не здесь. Надо нажать на маленькую кнопку посередине шнура, такая вот дурацкая система! Подождите, я уберу цветы.

Жена священника подняла вазу с рождественскими розами. Шалун-кот, помахивая хвостом,

вытянул лапу и легонько поскреб когтями руку хозяйки. Из вазы выплеснулось немного воды. Несколько капель попало на растрепавшуюся часть шнура и на самого кота, который с возмущенным шипением соскочил на пол. Мисс Марпл нажала на грушевидную кнопку. В том месте, где шнур намок, что-то вспыхнуло и затрещало.

— О господи! — вскричала Банч. — Она перегорела. И остальные лампы, наверное, тоже. — Банч щелкнула выключателем. — Да. Какая глупость, что все лампы действуют от одной… как ее? Плохой, гадкий Тиглатпаласар — все из-за него! Что с вами, тетушка Джейн? Испугались?

— Ничего-ничего, моя милая. Просто я вдруг поняла то, что должна была понять гораздо раньше…

— Я пойду вкручу пробку и принесу лампу из кабинета Джулиана.

— Не надо, дорогая, не беспокойся. Ты опоздаешь на автобус. Тут достаточно светло. Я просто посижу в тишине и подумаю. Тебе надо спешить, милая, а то не успеешь.

После ухода Банч мисс Марпл еще немного посидела не шевелясь. В комнате было душно, собиралась гроза.

Мисс Марпл пододвинула к себе листок бумаги,

написала слово «лампа» и жирно его подчеркнула. Потом написала еще одно слово.

Ее карандаш заскользил вниз по листу, оставляя за собой лесенку слов и коротких фраз…

В «Боулдерсе», в полутемной гостиной с низкими потолками и окнами с частым переплетом, спорили мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд.

— Вся беда, Мергатройд, в том, — твердила мисс Хинчклифф, — что ты не хочешь попробовать.

— Но, Хинч, хоть убей — я не помню!

— Ну, хорошо. Давай попытаемся мысленно воссоздать ход событий. Пока что сыщики из нас хреновые. Насчет двери я была в корне не права. Ты не придерживала ее, помогая убийце. Суд оправдывает вас, Эми Мергатройд.

Мисс Мергатройд кисло улыбнулась.

— Нам крупно не повезло, что наша домработница — единственная молчаливая женщина на весь Чиппинг-Клеорн, — продолжала мисс Хинчклифф. — Обычно я этому рада, но на сей раз она подложила нам большую свинью. Всей округе известно про вторую дверь в гостиную, а мы узнали о ней только вчера…

— Но мне, например, до сих пор непонятно, как…

— Да очень просто! Тогда, в самом начале, мы

рассуждали правильно. Ты, конечно, не могла бы держать дверь открытой и одновременно шарить фонарем по комнате и палить из пистолета. Поэтому дверь мы из списка исключили, а пистолет с фонарем оставили. Но в том и состояла наша ошибка! Нужно было исключить пистолет.

— Но у налетчика был пистолет! — не сдавалась мисс Мергатройд. — Я его видела своими глазами! Он лежал на полу.

— Да, конечно, но Шерц тогда уже окочурился. Все как на ладони. Шерц из пистолета не стрелял…

— Но тогда кто стрелял?

— А вот это нам и предстоит выяснить. Пока что ясно одно: тот же самый человек положил отравленные таблетки у постели Летиции Блэклок, но по ошибке укокошил несчастную Дору Баннер. Руди Шерц этого сделать не мог, потому что сам дал дуба. Человек, который это сделал, был в гостиной в тот вечер, когда произошел налет, а также, судя по всему, присутствовал на дне рождения. С ходу отпадает одна только миссис Хармон.

— По-твоему, таблетки подложили именно в день рождения?

— Почему бы и нет?

— Но как?

— Ну, в сортир-то мы все ходили, — сказала не отличавшаяся изысканностью манер мисс Хинчклифф. — А я еще зашла в ванную помыть руки, липкие от торта. А наша пампушечка Истербрук пудрила рожу в спальне Блэклок, помнишь?

— Хинч! Ты думаешь…

— Пока не знаю. Если хочешь подложить кому-нибудь таблетки, вряд ли будешь околачиваться в спальне. Но, разумеется, имелась масса других возможностей.

— Мужчины на второй этаж не поднимались.

— В доме есть еще и черный ход. И потом… когда мужчина выходит из комнаты, ты же не бежишь за ним проверять, куда он на самом деле навострил лыжи. Это, в конце концов, бестактно! Ладно, не спорь со мной, Мергатройд. Давай лучше вернемся к первому покушению на Летти Блэклок. Для начала уясни обстановку, ведь тут все будет зависеть от тебя.

— Но, Хинч, дорогуша, ты же знаешь, что я всегда все путаю! — закудахтала Мергатройд.

— Сейчас речь не об опилках, которые у тебя вместо мозгов. Речь о твоих глазах. О том, что ты видела.

— Но я ничего не видела!

— Говорю тебе, Мергатройд: беда в том, что ты даже не хочешь попытаться. Слушай внимательно. Значит, так: кто бы ни был человек, охотящийся на Летти Блэклок, он в тот вечер находился в комнате. Он… я говорю — «он», поскольку так проще, но в принципе это преступление могла бы совершить и женщина, хотя, конечно, мужчина больше подходит, потому что все мужики — свиньи… так вот, он заранее смазал дверь, которая считалась заколоченной. Когда он умудрился это сделать, не спрашивай, ты только собьешь меня с мысли. На самом деле, улучив момент, можно незаметно пробраться в любой дом Чиппинг-Клеорна. Надо только выяснить, где прислуга и куда смотались хозяева. Хорошенько прощупать почву — и дело в шляпе! Ладно, поехали дальше. Он смазал дверь, и теперь она открывается беззвучно. А сейчас давай представим себе тот вечер… Свет потух. Дверь «А» распахнулась настежь. Сутолока, слепящий свет фонаря, крики налетчика… И пока мы пялимся в темноту, Икс (назовем его так) тихонько прокрадывается через дверь «Б» в темный холл, подходит сзади к дураку-швейцарцу, выпускает пару пуль в Летти Блэклок и пристреливает горе-гангстера. Потом бросает пистолет, чтобы такие

тугодумы, как ты, решили, что стрелял швейцарец, и прошмыгивает обратно, успевая занять свое место до того, как зажгут свет. Усекла?

— Д-да… но кто это был?

— Уж если ты, Мергатройд, не знаешь, тогда никто не знает!

— Я? — еле слышно пискнула испуганная Мергатройд. — Но я ничего, совсем ничего не знаю. Честное слово, Хинч!

— Напряги, напряги же опилки, которые ты называешь мозгами. Начнем сначала: кто где был, когда погас свет?

— Не знаю.

— Знаешь! Ты меня до дурдома доведешь, Мергатройд! А где ты сама была, знаешь? Ты стояла за дверью.

— Да-да, помню. Она еще стукнула меня по больной мозоли, когда распахнулась.

— Ты бы лучше к педикюрше сходила, вместо того чтобы ныть. Допрыгаешься до заражения крови. Ладно, идем дальше. Значит, ты стоишь за дверью, а я — у камина, умираю от жажды. Летти Блэклок стоит у стола возле прохода под аркой, достает сигареты. Патрик Симмонс прошел в маленькую комнату, туда, где Летти оставила напитки. Так?

— Да-да.

— Хорошо. Кто-то пошел вслед за Патриком… или намеревался пойти. Какой-то мужик. Проклятие! Не могу вспомнить, кто именно: Истербрук или Эдмунд Светтенхэм. Ты случайно не помнишь?

— Нет.

— Где уж тебе помнить такие вещи? Ладно… потом кто-то еще прошел в маленькую комнату. А, вспомнила! Филиппа Хаймес! Мне это врезалось в память, потому что я обратила внимание на ее прекрасную осанку и подумала, что эта девушка хорошо смотрелась бы верхом на лошади. Филиппа подошла к камину. Зачем — не знаю. И тут потух свет… Итак, фигуры на шахматной доске расставлены. Патрик Симмонс, Филиппа Хаймес и то ли полковник Истербрук, то ли Эдмунд Светтенхэм — точно не установлено — стоят в дальней гостиной. Теперь внимание, Мергатройд! Скорее всего это было их рук дело. Если кто-то намеревался тихонько проскользнуть в дальнюю дверь, он, естественно, заранее занял удобную позицию. Так что, вероятнее всего, это был один из той троицы. И тогда, Мергатройд, от тебя ничего не зависит.

Мисс Мергатройд явно воспряла духом.

— Но с другой стороны, — продолжила мисс Хинчклифф, — может, они были и ни при чем. И тут все зависит от тебя, Мергатройд.

— Но что я могу?!

— Да говорю же, дурья башка: кому еще знать, как не тебе?

— Но я не знаю! Правда не знаю! Я не могла ничего заметить!

— Нет, могла. Ты — единственная, кто мог. Ты стояла за дверью и не смотрела на фонарь, потому что тебе мешала дверь. А значит, ты смотрела на то место, которое фонарь освещал. Всех остальных свет ослепил, а тебя — нет.

— Может, и так, но я все равно ничего не видела, ведь свет мельтешил из стороны в сторону…

— И что освещалось? Фонарь задерживался на лицах, верно? На столах? На креслах?

— Д-да… Мисс Баннер стояла, разинув рот и выпучив глаза. Уставилась в одну точку и часто моргала…

— Ну, вот, наконец-то! — облегченно вздохнула мисс Хинчклифф. — Самое сложное — это заставить тебя шевелить опилками. Ну!

— Но я больше ничего не видела! Честное слово!

— То есть ты хочешь сказать, что видела пустую

комнату? Неужели там не было ни души? Никто не стоял? Не сидел?

— Нет, конечно, были! Миссис Хармон сидела на подлокотнике кресла. Она закрыла лицо руками, совсем как ребенок.

— Так-так, с миссис Хармон и мисс Баннер все ясно. Неужто тебе не понятно, к чему я клоню, Мергатройд? Я не хочу тебе ничего подсказывать, но, понимаешь, когда мы исключим тех, кого ты видела, мы сможем подойти к самому главному: кого ты не видела. Поняла? Кроме столов, кресел, хризантем и прочей дребедени, в комнате были люди: Джулия Симмонс, миссис Светтенхэм, миссис Истербрук, полковник Истербрук или Эдмунд Светтенхэм… Дора Баннер и Банч Хармон. Ты уже вспомнила Банч и Дору. Отлично! Вычеркни их из списка. А теперь напрягись, Мергатройд, и подумай, кого в комнате не было?

В распахнутое окно стукнулась ветка. Мисс Мергатройд подскочила как ужаленная. Закрыв глаза, она бормотала:

— Цветы на столе… большое кресло… фонарь не дошел до тебя, Хинч… Миссис Хармон… о да…

Зазвонил телефон. Мисс Хинчклифф сняла трубку:

— Алло! Кто это? Со станции?…

Сидя с закрытыми глазами, мисс Мергатройд послушно пыталась воссоздать в памяти тот злополучный вечер. Фонарь медленно двигался по комнате… вот он высветил группу людей… окна… диван… Вот Дора Баннер… Стена… стол с лампой… проход под аркой… внезапный плевок пистолета…

— Этого не может быть! — ахнула мисс Мергатройд.

— Что?! — злобно рявкнула в телефонную трубку мисс Хинчклифф. — Он там с утра? Со скольких? Черт возьми, и вы только сейчас позвонили? Да я натравлю на вас ОБЖОЖ[8]! Что? Недосмотр? И это все, что вы можете сказать?!

Она бросила трубку.

— Это по поводу рыжего сеттера. Оказывается, он торчит на станции с утра… с восьми! Без глотка воды, представляешь? А эти кретины соизволили позвонить только сейчас. Я поеду заберу его.

Она кинулась к двери. Мисс Мергатройд очнулась и пронзительно запищала:

— Хинч, послушай, это невероятно!.. Я ничего не понимаю…

Мисс Хинчклифф выбежала из дома и помча-

---

[8] Примечания: 8

ОБЖОЖ — Общество борьбы против жестокого обращения с животными.

лась через двор к сараю, использовавшемуся в качестве гаража.

— Продолжим, когда я вернусь, — бросила она через плечо. — Я не могу ждать, пока ты соберешься. Ты же, как всегда, в домашних тапочках.

Мисс Хинчклифф завела машину и вырулила из гаража. Мисс Мергатройд проворно подскочила сбоку:

— Но послушай, Хинч, я должна тебе сказать…

— Когда вернусь!

Машина умчалась. Вслед за ней понесся слабый, взволнованный крик Мергатройд:

— Но, Хинч, там ее не было!..

…Над головой собирались густые черные тучи. Мергатройд побежала к веревке, на которой пару часов назад развесила сушиться свитера и шерстяные сорочки.

— Невероятно, совершенно невероятно… — бормотала она, с трудом переводя дух. — Боже милостивый, я же не успею снять белье… А ведь оно почти высохло!

Борясь с неподатливой прищепкой, Мергатройд услышала чьи-то шаги и, повернув голову, радушно улыбнулась:

— Здравствуйте! Идите в дом, а то промокнете.

— Ничего-ничего, я помогу вам.

— О, если вас не затруднит… как ужасно, белье снова намокнет. Наверное, надо бы снять всю веревку целиком, но я не дотягиваюсь.

— Вот ваш шарф. Повязать вам его?

— Да-да, спасибо… Как бы мне дотянуться до той прищепки…

Шерстяной шарф обвился вокруг женской шеи и вдруг резко ее стиснул.

Мисс Мергатройд разинула рот, но из него вырвалось только тихое, придушенное бульканье.

А шарф стягивал шею все туже…

По пути со станции мисс Хинчклифф остановилась, завидев куда-то спешившую мисс Марпл.

— Привет! — крикнула Хинч. — Вы промокнете. Давайте поедем к нам, чайку попьем. Я видела Банч на автобусной остановке. Значит, у пастора никого дома нет. Поехали, составите нам компанию. Мы с Мергатройд пытаемся воссоздать преступление. И даже, кажется, кое до чего додумались. Только будьте поосторожнее с собакой, она волнуется.

— Какая красавица!

— Прелесть, правда? Эти уроды промурыжили ее на станции целый день и до вечера не удосужились мне сообщить. Я им высказала все, что я о них думаю, лоботрясам чертовым!.. Ой!.. Ради

бога, простите за грубость, я выросла в Ирландии, на конюшне…

Малогабаритный автомобиль резко свернул на небольшой задний дворик «Боулдерса». Хинч и мисс Марпл вышли из машины, и их немедленно окружила стая голодных уток и прочей домашней птицы.

— Мергатройд их не покормила! — воскликнула мисс Хинчклифф. — Безобразие, где ее черти носят?

— Трудно в наше время доставать корм? — полюбопытствовала мисс Марпл.

Мисс Хинчклифф подмигнула:

— Я у фермеров свой человек.

Она отогнала уток и пошла за мисс Марпл к коттеджу.

— Надеюсь, вы не сильно промокли?

— Нет, у меня отличный плащ.

— Сейчас зажгу камин, если Мергатройд еще не успела. Эй, Мергатройд, ау! Куда она запропастилась? А собака где? Это ж надо, теперь и она пропала…

Со двора донесся зловещий протяжный вой.

— Черт подери безмозглую псину! — тяжело ступая, мисс Хинчклифф подошла к двери и крикнула: — Ко мне, Душка! Душка!.. Ужасно нелепое

имя, но так уж ее назвали. Мы дадим ей другое. Эй, Душка!

Рыжий сеттер обнюхивал нечто, лежавшее под бельевой веревкой, на которой развевалась на ветру одежда.

— Мергатройд даже не догадалась снять белье. Куда она подевалась, ума не приложу!

Рыжий сеттер снова обнюхал нечто, похожее на кучу тряпья, задрал морду кверху и завыл.

— Что с собакой?

Мисс Хинчклифф размашистым шагом двинулась вперед по траве.

Мисс Марпл внезапно догадалась, что происходит, и побежала за ней.

Они стояли под проливным дождем, и старушка обнимала за плечи свою более молодую спутницу.

Мисс Хинчклифф неотрывно смотрела на подругу, лежавшую на земле, напряженно вглядывалась в ее застывшее, посиневшее лицо.

— Кто бы ни была эта мерзавка, я ее убью, — глухо и бесстрастно сказала мисс Хинчклифф. — Только бы мне до нее добраться!

— До нее? — переспросила мисс Марпл.

Мисс Хинчклифф повернула к ней лицо, искаженное гримасой страдания:

— Да. Я знаю, кто это… Вернее, догадываюсь. Это одна из тех трех баб…

Она еще постояла, глядя на убитую подругу, и пошла к дому. Голос ее стал сухим и жестким:

— Нужно позвонить в полицию. А пока мы их ждем, я вам все расскажу. Наверное, тут есть доля и моей вины. Я превратила это в игру. А убийство — совсем не игра.

— Да, — откликнулась мисс Марпл, — убийство не игра.

— Вы, я вижу, знаете в этом толк? — спросила мисс Хинчклифф, снимая телефонную трубку.

Вкратце обрисовав полицейским картину, она нажала на рычаг.

— Через пару минут они будут здесь… Да, я слышала, что вам уже доводилось участвовать в расследовании уголовных преступлений… Кто-то мне рассказывал… если не ошибаюсь, Эдмунд Светтенхэм… Хотите знать, чем мы тут с Мергатройд занимались?

И мисс Хинчклифф в двух словах пересказала свой разговор с подругой перед отъездом на станцию.

— Она кричала мне вслед, когда я уезжала… Вот почему я знаю, что убийца не мужчина, а женщина. О, если бы я задержалась!.. Если бы выслушала

ее!.. Проклятие! Собака вполне могла поторчать на станции лишних пятнадцать минут.

— Не вините себя, дорогая. Горю все равно не поможешь. Откуда вам было знать, что может случиться?

— Да, конечно… Помнится, что-то слегка стукнуло в оконное стекло. Должно быть, она уже стояла под окном… Она, наверное, пришла к нам в гости, а мы с Мергатройд в тот момент орали друг на друга что было мочи. Вот она и услышала… Она все слышала!

— Да, но вы так и не сказали мне, что именно крикнула подруга вам вслед?

— Всего одну фразу: «Там ее не было…» — Хинч помолчала. — Понимаете? Мы действовали методом исключения, и в нашем списке осталось только три женщины: миссис Светтенхэм, миссис Истербрук и Джулия Симмонс. Значит, одной из трех там не было… Ее не было в гостиной, потому что она проскользнула в другую дверь и очутилась в холле.

— Ага, — откликнулась мисс Марпл, — понимаю.

— Убийца одна из этих трех. Кто — я пока не знаю, но обязательно выясню!

— Простите за назойливость, но она… я имею в

виду мисс Мергатройд, она сказала именно так?

— Как — так?

— Ах, дорогая, как бы это получше объяснить?… Вы сказали: «Там ее не было», сделав ударение на первом слове. Но понимаете, эту фразу можно произнести тремя разными способами. Можно сказать: «Ее там не было». Тогда имеется в виду какой-то определенный человек. Или: «Ее не было там». Так говорят, подтверждая ранее возникшие подозрения. А можно сказать так, как вы сейчас: «Там ее не было». Очень ясно, с ударением — если я не ослышалась — на слове «там».

— Не знаю, — покачала головой мисс Хинчклифф. — Не помню… Да и как я могу припомнить? По-моему… ну да, точно, она сказала: «Там ее не было». Но вообще-то не знаю. А что, это важно?

— Да, — задумчиво промолвила мисс Марпл. — Я думаю, да. Конечно, это неявное указание, но все-таки указание. Пожалуй, порядок слов в данном случае имеет значение. И немаловажное!

Глава 20
Мисс Марпл исчезла

К своему неудовольствию, почтальон в тот день получил указание отнести почту в Чиппинг-Клеорн не только утром, но и в конце рабочего дня. Без десяти пять он принес в «Литтл– Пэддокс» целых три конверта. Один, адресованный Филиппе Хаймес, был надписан детским почерком, два других предназначались для мисс Блэклок. Она распечатала их, когда они с Филиппой пили чай. Из-за проливного дождя Филиппа окончила работу раньше обычного: оранжерею пришлось закрыть, а других дел для нее в «Дайас-Холле» не нашлось.

Мисс Блэклок вскрыла первый конверт. В нем оказался счет за починку котла на кухне. Она сердито хмыкнула:

— Цены у Даймонда запредельные… просто фантастика! Хотя у всех остальных, наверное, не ниже.

Затем она взялась за другое письмо, написанное незнакомым почерком:

«Дорогая тетя Летти!

Вы не возражаете, если я приеду во вторник? Пару дней назад я написала Патрику, но он мне не ответил. Из чего я сделала вывод, что все нормально. В следующем месяце мама поедет в Англию и надеется с Вами повидаться. Мой поезд приходит в Чиппинг-Клеорн в 18.15. Надеюсь, это не причинит Вам неудобств?

Искренне Ваша Джулия Симмонс».

В первый раз мисс Блэклок прочла письмо с неподдельным и простодушным удивлением, но, когда начала читать во второй, лицо ее помрачнело. Она подняла глаза на Филиппу, которая улыбалась, читая каракули сынишки.

— Ты не в курсе, Джулия и Патрик уже вернулись домой?

Филиппа оторвалась от письма:

— Да, они пришли сразу же вслед за мной и пошли наверх переодеться. Бедняги промокли до нитки.

— Не будешь ли ты так добра пригласить их сюда?

— Да, конечно. Сейчас позову.

— Погоди минутку. Вот, прочти.

Мисс Блэклок протянула Филиппе странное послание. Филиппа нахмурилась:

— Ничего не понимаю!

— Я тоже. А пора бы понять. Позови Патрика и Джулию.

Филиппа крикнула, стоя внизу лестницы:

— Патрик! Джулия! Мисс Блэклок хочет с вами поговорить.

Патрик сбежал вниз и вошел в комнату.

— Не уходи, Филиппа, — попросила мисс Блэклок.

— Привет, тетя Летти! — весело улыбнулся Патрик. — Вы меня звали?

— Да. Ты объяснишь мне, что это все означает?

Патрик прочел письмо, и на лице его появилось почти комическое смятение.

— О черт, я же хотел послать ей телеграмму! Ну и осел!

— Насколько я понимаю, письмо прислала твоя сестра Джулия?

— Д-да…

— Тогда позволь поинтересоваться, — мрачно промолвила мисс Блэклок, — кто та юная особа, которую ты привез сюда, выдав за свою сестру и мою родственницу Джулию Симмонс?

— М-м… Понимаете, тетя Летти… дело в том, что… я вам сейчас все объясню! Конечно, зря мы это затеяли… но мы просто хотели пошутить. Если позволите, я вам сейчас все объясню!

— Да-да, изволь. Итак, кто эта юная особа?

— Вскоре после демобилизации я познакомился с ней на вечеринке. Мы разговорились. Я сказал, что собираюсь к вам, и мы… Ну, в общем, мы подумали, что будет здорово, если я возьму ее с собой… Понимаете, Джулия, настоящая Джулия, бредила театром, а мама даже слышать не желала о том, что ее дочь станет актрисой. С ней семь припадков из-за этого случилось. Ну вот, а тут Джулии как раз подвернулась возможность поступить в хорошую труппу, точно не помню где, кажется в Перте, и она решила попытать счастья… Но ей не хотелось волновать маму. Она считала, что пусть мама лучше думает, что ее Джулия живет у вас и, как примерная девочка, учится на фармацевта.

— И все-таки мне хотелось выяснить имя твоей подруги.

В этот момент в комнату с холодным, отчужденным видом вошла Джулия. Патрик с облегчением посмотрел на нее:

— Нас вывели на чистую воду!

Джулия подняла брови. Потом невозмутимо уселась в кресло.

— Ладно, вывели так вывели. Значит, так суждено. Вы очень на меня сердитесь? — Джулия всматривалась в лицо мисс Блэклок с каким-то

холодным, даже ледяным любопытством. — Я бы, на вашем месте, рвала и метала.

— Кто вы такая?

Джулия вздохнула:

— Пожалуй, настал момент внести ясность. Я половинка от Пипа и Эммы. Точнее, имя, данное мне при крещении, — Эмма Джоселин Стэмфордис. Однако мой отец вскоре переменил фамилию. Если не ошибаюсь, он стал Де Курси… Они с мамой разошлись через три года после нашего рождения. Каждый из них зажил своей жизнью. Нас они разделили. Я досталась отцу. Родителем он был никудышным, хотя человеком — весьма обаятельным. Мне пришлось провести несколько затворнических лет в школе при монастыре, когда отец сидел без денег или готовил очередную аферу. Обычно он, не скупясь, платил за мое обучение в первом семестре, а потом пропадал на год или даже на два, оставив меня на попечение монахинь. В перерывах между этим мы с ним чудесно проводили время, вращаясь в разношерстном обществе. Война разлучила нас окончательно. Я понятия не имею, где он сейчас и что с ним. Во время войны у меня было довольно много приключений. Какое-то время я даже участвовала во французском Сопротивлении.

Это было потрясающе! Ну, а в конце концов я поселилась в Лондоне и задумалась о своем будущем. Я знала, что брат моей матери, с которым она вдрызг разругалась, умер, оставив большое наследство. Я прочла завещание, надеясь, что и мне кое-что перепало. Но в завещании об этом не говорилось. Вернее, прямо не говорилось. Я разузнала что могла о дядиной вдове. Судя по всему, ей недолго осталось жить, она держалась только на лекарствах и медленно угасала. Честно говоря, вы показались мне самым подходящим вариантом. Вы должны были получить по наследству огромное состояние, а тратить его, насколько мне удалось выяснить, было особо не на кого. Буду искренней до конца. Я решила попробовать подружиться с вами, войти в доверие. Ведь после смерти дяди Рэнделла столько воды утекло… Во время бури, пронесшейся над Европой, мы с отцом потеряли наши сбережения. Вот я и подумала, что, может, вы пожалеете сиротку, которая осталась одна-одинешенька на белом свете, и назначите ей скромный пенсион.

— Вы на это надеялись? — мрачно усмехнулась мисс Блэклок.

— Да. Я же вас ни разу в жизни не видела… Я рассчитывала приехать и поплакаться вам в

жилетку… А потом вдруг чудом встретила Патрика, он оказался вашим родственником. Я в него влюбилась, он отвечал мне взаимностью. Настоящая Джулия спала и видела себя на сцене, и мне не составило труда убедить ее, что из любви к искусству она должна поселиться в задрипанном гостиничном номере в Перте и попытаться стать новой Сарой Бернар. Пожалуйста, не ругайте Патрика. Он меня пожалел, ведь я была совсем одна… Патрик подумал, что будет здорово, если я приеду сюда под видом его сестры и добьюсь, чего хочу.

— А когда вы морочили голову полиции, он тоже одобрял ваше поведение?

— Не судите меня слишком строго, тетя Летти! Когда случился этот дурацкий налет, а главное — после него, я поняла, что угодила в ловушку. Судите сами: теоретически у меня было достаточно оснований желать вашей смерти. На самом деле я не покушалась на вашу жизнь, но вы можете мне поверить только на слово. Даже у Патрика порой возникали подозрения. А уж если он допускал такие мысли, то что говорить о полиции! Инспектор настроен весьма скептически. Поэтому у меня не оставалось другого выхода: я должна была по-прежнему играть роль Джулии, а после окончания семестра тихо исчезнуть. Откуда мне

было знать, что эта идиотка, настоящая Джулия, поцапается с продюсером и в порыве гнева уйдет из труппы? Она спросила Патрика в письме, можно ли ей приехать сюда, а он, вместо того чтобы ответить: «Не суйся!» — преспокойно про все позабыл.

Джулия метнула на Патрика разъяренный взгляд.

— Болван! Если б вы только знали, как я маялась, уезжая в Милчестер. Ни в какой больнице я, конечно, не работала. Но куда-то мне надо было деваться на это время! Приходилось часами просиживать в кино, смотря по сто раз одни и те же пошлые фильмы.

— Пип и Эмма, — пробормотала мисс Блэклок. — Честно говоря, мне до конца не верилось в их существование, хотя инспектор уверял меня... — Она испытующе посмотрела на Джулию: — Ну, хорошо, значит ты — Эмма. А где Пип?

Взгляд Джулии был чист и невинен.

— Не знаю, — сказала она, — понятия не имею.

— А по-моему, ты опять лжешь, Джулия. Когда ты его видела в последний раз?

Джулия как будто бы немного замешкалась с ответом... Но ее ответ прозвучал внятно и решительно:

— Когда нам обоим было три года, мама забрала его с собой. С тех пор я ни с ним, ни с мамой не встречалась и, где они теперь, не знаю.

— Это все, что ты можешь мне сказать?

Джулия вздохнула:

— Я могу, конечно, сказать, что мне стыдно. Но это будет неправдой. Если бы можно было вернуть все назад, я поступила бы точно так же… Конечно, если не знала бы про налет.

— Джулия, — сказала мисс Блэклок, — я называю тебя так просто по привычке… Ты упомянула про свое участие во французском Сопротивлении…

— Да, я была там целых полтора года.

— Значит, ты умеешь стрелять?

Взгляд голубых глаз снова стал ледяным.

— Да, я стреляю отлично, как первоклассный снайпер. У меня, конечно, нет доказательств, но поверьте, Летиция Блэклок, что это не я в вас стреляла. Потому что я бы не промахнулась.

Напряженную тишину нарушил шум подъехавшей машины.

— Кто это? — встрепенулась мисс Блэклок.

Мици просунула в дверь взъерошенную голову и закатила глаза.

— Снова полицаи! Это преследование! Почему

они не оставлять мы в покой? Я не переносить. Я буду писать премьер-министр. Я буду писать сам король!

Краддок решительно и бесцеремонно отодвинул ее в сторону. Губы его были мрачно сжаты. Все насторожились. Таким его еще никто не видел. Он сурово произнес:

— Убита мисс Мергатройд. Ее задушили меньше часа тому назад. — Взгляд его остановился на Джулии. — Мисс Симмонс, где вы были днем?

— В Милчестере, — осторожно ответила Джулия. — Я только сейчас вернулась.

— А вы? — инспектор перевел взгляд на Патрика.

— Тоже.

— Вы приехали вместе?

— Д-да, — сказал Патрик.

— Нет, — сказала Джулия. — Какой смысл обманывать, Патрик? Инспектор легко выяснит правду. Водители автобусов нас прекрасно знают. Я приехала раньше, на автобусе, который приходит в четыре часа.

— И что вы потом делали?

— Пошла прогуляться.

— В «Боулдерс»?

— Нет, я гуляла по округе.

Инспектор пристально посмотрел на Джулию. Она побледнела, но выдержала его взгляд.

Никто не успел произнести ни слова, потому что зазвонил телефон. Вопросительно взглянув на Краддока, Летиция Блэклок сняла трубку.

— Алло! Кто это? А, здравствуйте, Банч. Что? Нет, ее тут не было. Не знаю… Да, он как раз здесь. — Она отняла трубку от уха. — Инспектор, вас миссис Хармон. Мисс Марпл до сих пор не вернулась, миссис Хармон тревожится.

Краддок в два прыжка перемахнул гостиную:

— Краддок у телефона!

— Инспектор, я волнуюсь! — Голос Банч по-детски дрожал. — Тетя Джейн ушла, я не знаю куда. А тут еще, говорят, мисс Мергатройд убили. Это правда?

— Правда, миссис Хармон. Мисс Марпл как раз была вместе с мисс Хинчклифф, когда они обнаружили труп.

— А, так, значит, она там, — облегченно вздохнула Банч.

— Нет. Она ушла… сейчас скажу когда… примерно полчаса назад. Значит, она еще не дома?

— Нет. А от них до нас ходьбы всего десять минут. Господи, где она?

— Может, зашла к кому-нибудь из соседей?

— Нет, я всех обзвонила, всех до единого! Ее нигде нет. Я боюсь, инспектор.

«Я тоже», — подумал Краддок, а вслух торопливо сказал:

— Я сейчас к вам выезжаю.

— О, пожалуйста… тут лежит листок бумаги. Перед уходом она делала какие-то записи. Я не знаю, есть ли в этом смысл… По-моему, какая-то белиберда…

Краддок положил трубку. Мисс Блэклок тревожно спросила:

— Что случилось с мисс Марпл? Надеюсь, ничего страшного?

— Будем надеяться, что ничего, — с горечью сказал Краддок.

— Она ведь такая старенькая и… слабая.

— Да.

Мисс Блэклок вскочила и прохрипела, рванув на себе жемчужное ожерелье:

— Час от часу не легче. Безумие какое-то, инспектор, просто безумие…

От рывка ожерелье порвалось. Гладкие белые горошины жемчуга раскатились по комнате.

— Мой жемчуг… Мой жемчуг! — вскричала Летиция с таким страданием в голосе, что все изумились.

Она прижала руку к горлу и, всхлипывая, выбежала из комнаты. Филиппа нагнулась за жемчужинами.

— Никогда не видела ее такой расстроенной, — сказала она. — Правда, мисс Блэклок не расстается с ожерельем. Наверное, это подарок какого-то близкого человека. Как вам кажется? Может, ей его подарил Рэнделл Гедлер?

— Может быть, — медленно произнес инспектор.

— А что, если… вдруг они настоящие? — Филиппа кивком указала на блестящие белые горошины.

Краддок положил одну на ладонь и только было собрался презрительно заявить: «Тоже мне настоящие!» — как слова застряли у него в горле.

А действительно, вдруг жемчуг настоящий? Он был таким крупным, таким откровенно фальшивым, что мысль о подделке напрашивалась немедленно. Но Краддок вспомнил, как однажды в ломбарде нитка настоящего жемчуга была приобретена всего за несколько шиллингов.

Летиция Блэклок уверяла его, что в доме нет ничего ценного. Но если жемчуг все-таки настоящий, он стоит безумных денег. А если вдобавок ожерелье окажется подарком Рэнделла Гедлера,

то ему просто цены нет!

Да, жемчуг выглядел фальшивым и, может, действительно был поддельным, но… вдруг он все-таки настоящий?

А почему бы и нет? Летиция может и сама не подозревать этого. А может охранять таким образом свое сокровище, обращаясь с ним, словно с дешевой побрякушкой, цена которой — пара гиней, и то в базарный день. Сколько же стоит это ожерелье, если оно из настоящего жемчуга? Трудно даже себе представить… Ради таких денег вполне можно пойти и на убийство. И если кто-нибудь знал про ожерелье…

Инспектор резко встал. Хватит раздумывать! Мисс Марпл исчезла! Надо идти к пастору.

Банч с мужем ждали его, вид у них был встревоженный и подавленный.

— Ее до сих пор нет, — сказала Банч.

— А уходя из «Боулдерса», мисс Марпл сказала, что идет к нам? — поинтересовался Джулиан.

— Н-нет, — с запинкой ответил Краддок, припоминая обстоятельства своей последней встречи с мисс Марпл. Губы ее тогда были горько сжаты, а обычно ласковые голубые глаза смотрели холодно и сурово.

Горечь… непреклонная решимость сделать…

но что? Пойти… но куда?

— В последний раз, когда я ее видел, она разговаривала с сержантом Флетчером, — сказал Краддок. — Они стояли у ворот. Потом мисс Марпл ушла. Я решил, что она пошла к вам. Надо было отвезти ее на машине, но я закрутился, и она как-то незаметно исчезла. Может, Флетчер что-нибудь знает? Где он?

Однако, когда Краддок позвонил в «Боулдерс», ему ответили, что Флетчера там уже нет, а куда он отправился — неизвестно. Наверное, в Милчестер. Инспектор дозвонился до полицейского управления в Милчестере, но там о Флетчере тоже ничего не знали.

Тогда Краддок вспомнил, что Банч говорила про записи мисс Марпл:

— Где листок? Вы сказали, она что-то написала.

Банч принесла бумажку. Инспектор развернул ее и положил на стол. Заглядывая ему через плечо, Банч вслух повторяла написанные слова. Мисс Марпл писала как курица лапой, разобрать ее почерк было нелегко.

«Лампа». Потом: «Фиалки».

Потом, с отступом: «Где пузырек с аспирином?»

Наибольшие затруднения вызвал следующий

пункт.

— «Сладкая смерть», — наконец догадалась Банч. — А, так называется торт Мици!

— «Выяснять», — прочитал Краддок.

— Выяснять? Интересно, что?… А это что такое? «И бремя печалей на сердце легло…» Зачем тут стихи?!

— «Йод», — прочитал инспектор. — «Жемчуг». Ах, вот как? Жемчуг?! И еще: «Лотти», нет, «Летти». Тут «е» очень похожа на «о». А потом: «Берн». А это что? «Пенсия».

Они озадаченно уставились друг на друга. Краддок перечитал снова:

— «Лампа. Фиалки. Где пузырек с аспирином? Сладкая смерть. Выяснять. И бремя печалей на сердце легло. Йод. Жемчуг. Летти. Берн. Пенсия».

— Это что-нибудь означает? — спросила Банч. — Я хочу сказать, тут какой-то смысл? Я лично не вижу…

— У меня промелькнула смутная мысль, но тут же исчезла. Однако странно, что она включила в свой список жемчуг, — пробормотал Краддок.

— Какой жемчуг? Вы о чем?

— Мисс Блэклок всегда носит жемчужное ожерелье?

— Всегда. Мы даже над ней подтруниваем. Он

так аляповато смотрится, да? Но, наверное, она считает, что это модно.

— А может, причина в другом, — медленно произнес Краддок.

— Что? Неужели вы думаете, что он настоящий? Не может быть!

— А вам часто доводилось видеть настоящий жемчуг такого размера, миссис Хармон?

— Но это же совсем стекляшки!

Краддок пожал плечами:

— Ладно, сейчас не время устанавливать истину. Мисс Марпл куда-то делась. Нужно ее разыскать.

Разыскать, пока не поздно… А если уже поздно? Записи мисс Марпл говорили о том, что она напала на след. Но это опасно, крайне опасно! И куда, скажите на милость, запропастился Флетчер?

Краддок вышел из дома пастора и размашистым шагом направился к машине. Придется прочесывать окрестности… другого выхода нет…

Внезапно из мокрых зарослей лавра раздался голос Флетчера:

— Сэр… Сэр!

Глава 21
Три женщины

Обед в «Литтл-Пэддоксе» закончился. За столом царило неловкое молчание. Патрик переживал из-за того, что впал в немилость у тети Летти, и судорожно пытался завязать разговор, но у него ничего не получалось. Филиппа Хаймес сидела, глубоко задумавшись. Мисс Блэклок же утратила свою обычную жизнерадостность и тоже молчала. Впервые во взгляде ее темных глаз сквозил страх, а руки дрожали. Одна Джулия держалась, как всегда, отстраненно и иронично.

— Прошу прощения, Летти, — сказала она, — что не могу сию секунду собрать вещички и покинуть ваш гостеприимный кров. Полиция мне не позволит. Но надеюсь, я еще недолго буду омрачать ваше существование. С минуты на минуту сюда, вероятно, явится инспектор Краддок с ордером на мой арест и с наручниками. Не понимаю, почему он не сделал этого раньше.

— Он ищет мисс Марпл, — сказала мисс Блэклок.

— Вы думаете, ее тоже убили? — с деланным

любопытством спросил Патрик. — Но почему? Что она могла такого знать?

— Понятия не имею, — уныло ответила мисс Блэклок. — Может, мисс Мергатройд ей что-нибудь рассказала?

— Если мисс Марпл тоже убита, — сказал Патрик, — то, по логике вещей, это мог сделать только один человек.

— Кто?

— Хинчклифф! — В голосе Патрика звучало торжество. — Ведь в последний раз мисс Марпл видели живой именно у Хинчклифф. Я думаю, она так и не покинула «Боулдерс».

— У меня голова разболелась, — пожаловалась мисс Блэклок, сжимая виски. — Ну, зачем, скажи на милость, Хинч потребовалось убивать мисс Марпл? Чушь какая-то!

— И вовсе не чушь, если учесть, что это Хинч убила Мергатройд, — возразил Патрик.

Филиппа вышла из задумчивости и покачала головой:

— Хинч не могла убить Мергатройд.

Но Патрика обуял дух противоречия.

— Нет, могла, если Мергатройд случайно обнаружила, что Хинч — преступница!

— И вообще, когда убили Мергатройд, Хинч

была на станции.

— Она могла совершить убийство до отъезда.

Внезапно мисс Блэклок вскричала так, что все содрогнулись:

— Убийство, убийство, убийство!.. Вы что, не можете поговорить о чем-нибудь другом? Неужели вы не понимаете, что я боюсь? Боюсь! Раньше не боялась, думала, смогу позаботиться о себе… Но как можно противостоять убийце, который постоянно выжидает… выслеживает… тянет время?… О господи!

Она закрыла лицо руками, но уже через пару минут подняла голову и натянуто извинилась:

— Простите… Я… я потеряла самообладание.

— Ничего, тетя Летти, — ласково утешил ее Патрик. — Я позабочусь о вас.

— Ты? — только и молвила Летиция, но с таким разочарованием, что это короткое слово прозвучало как обвинение.

…Все вышеописанное произошло перед обедом, а тут еще Мици подлила масла в огонь, заявив, что отказывается готовить еду.

— Я больше ничего не делать! Я иду своя комната, запираю себя и завтра уйти. Я боюсь… столько людей убивать… Мисс Мергатройд с ее глупое английское лицо… кому нужно убивать мисс Мер-

гатройд? Только маньяк! Значит, здесь явился маньяк. А маньяк все равно кому убивать. Но я не хочу, чтобы меня убивать! В кухня… там тени… я слушаю шорох и думаю: это во дворе. Потом вижу тень около дверь в кладовка и слышать шаги. Я идти в моя комната, запирать дверь и даже класть к ней комод. А утром говорить этот полицейский без душа, что я уезжать. А если он не разрешает, я говорить: «Я буду закричать, и закричать, и закричать, пока вы меня не отпускать».

От этих угроз у всех забегали по коже мурашки: все живо припомнили, как Мици умеет кричать.

— Поэтому я иду своя комната, — повторила Мици, чтобы ее намерение дошло до каждого, и театральным жестом сняла фартук. — Спокойной ночи, мисс Блэклок! Может, утром вы уже не жить. Поэтому до свиданья! На всякий случай.

Мици вышла, и дверь притворилась за ней, как обычно, со слабым, жалобным визгом.

Джулия поднялась.

— Давайте я займусь обедом, — сказала она так, будто речь шла о чем-то само собой разумеющемся. — По-моему, это мудрое решение. Заодно я избавлю вас от неловкости сидеть со мной за одним столом. Раз Патрик вызвался быть вашим защитником, тетя Летти, значит, он будет первым

пробовать каждое блюдо. Я не хочу, чтобы меня обвинили еще и в вашем отравлении.

И Джулия приготовила отменный обед.

Филиппа заглянула в кухню, пытаясь предложить Джулии свою помощь, но та решительно отказалась.

— Джулия, я хочу тебе сказать…

— Сейчас не время для девичьих признаний, — твердо заявила Джулия. — Иди в гостиную, Филиппа.

…Теперь обед закончился, и все, сидя в гостиной, пили кофе за маленьким столиком у камина; похоже, им было нечего сказать друг другу… Они ждали.

В половине десятого позвонил инспектор.

— Я буду через пятнадцать минут. Со мной приедут полковник, миссис Истербрук, миссис Светтенхэм и ее сын.

— Но, инспектор… Я сегодня не настроена принимать гостей.

Казалось, у мисс Блэклок от горя вот-вот случится разрыв сердца.

— Я понимаю ваши чувства, мисс Блэклок, и приношу свои извинения. Но дело не терпит отлагательства.

— Вы нашли мисс Марпл?

— Нет, — сказал инспектор и повесил трубку.

Джулия понесла на кухню кофейный поднос и, к своему удивлению, обнаружила там Мици, которая созерцала груду посуды возле раковины.

Мици разразилась потоком брани:

— Смотри, что ты делать с моя такая прекрасная кухня! Эта сковородка… я использовать ей только для омлет, для омлет! А ты что из нее готовить?

— Я в ней пожарила лук.

— Она разрушилась! Разрушилась! Теперь ее нужно мыть, а я никогда, никогда не мыть моя сковородка для омлет! Я протирать аккуратно газета с сало, и все! А эта кастрюля только для молоко…

— Я понятия не имею, какие кастрюли и для чего ты используешь, — сердито отрезала Джулия. — По-моему, ты хотела спать. Ну, и спала бы себе, чего вскочила? Выметайся, дай мне спокойно помыть посуду.

— Нет, я не разрешаю использовать моя кухня!

— Мици, ты просто несносна!

Не успела рассерженная Джулия выскочить из кухни, как в дверь позвонили.

— Я не открывать, — заявила Мици.

Джулия сказала ей на прощание пару ласковых и пошла к входной двери.

На пороге стояла мисс Хинчклифф.

— Добрый вечер, — хрипло сказала она. — Прошу извинить за вторжение. Надеюсь, инспектор уже позвонил?

— О вашем приходе он нас не предупредил, — пробурчала Джулия, проводя ее в гостиную.

— Он сказал, что, если я не хочу, я могу не приходить. Но я пришла! — отчеканила мисс Хинчклифф.

Никто не выразил ей соболезнований и ни словом не обмолвился о гибели мисс Мергатройд. У энергичной мисс Хинчклифф было настолько скорбное лицо, что все становилось ясно без слов и любые соболезнования были не к месту.

— Зажгите свет, — попросила мисс Блэклок, — и подбросьте в камин угля. Я жутко замерзла. Проходите, мисс Хинчклифф, садитесь поближе к огню. Инспектор обещал приехать через пятнадцать минут. Значит, он вот-вот будет здесь.

— Мици снова спустилась вниз, — сообщила Джулия.

— Да? Мне иногда кажется, что она сумасшедшая, просто сумасшедшая. Но, может, мы тут все безумны?

— Терпеть не могу, когда преступника называют безумцем! — возразила мисс Хинчклифф.

— По-моему, они, наоборот, прекрасно соображают, что к чему, раз могут так холодно и жестоко рассчитать каждый свой шаг!

С улицы донесся шум машины, и вошли Краддок, полковник, миссис Истербрук, Эдмунд и миссис Светтенхэм. Вид у всех был подавленный.

Полковник Истербрук сказал голосом, прозвучавшим как далекое эхо его обычного голоса:

— Ха! Хорошее пламя!

Миссис Истербрук села рядом с мужем, не снимая шубы. Ее лицо, всегда такое очаровательное и немножко кукольное, напоминало сейчас маленькую, облезлую мордочку ласки. Эдмунд был сердит и хмуро озирался по сторонам. Миссис Светтенхэм была напряжена и казалась пародией на саму себя.

— Ужас, правда? — затарахтела она. — Ужас, что творится. Вот уж поистине, молчание — золото. Никто не знает, кто будет следующим… это как чума. Мисс Блэклок, дорогая, вам не кажется, что нам не помешало бы выпить чуточку бренди? Всего по полрюмочки. Я всегда говорила, что бренди — отличная вещь, он так бодрит! С моей, вернее, с нашей стороны, конечно, бестактно, что мы явились к вам без приглашения, но нас

заставил инспектор. Ах, все так чудовищно, ее ведь не нашли! Я имею в виду бедную старушку, которая жила у пастора. Банч Хармон чуть не помешалась от горя. Никто не знает, куда она пропала. К нам не заходила, я ее вообще сегодня не видела. А уж я бы знала, если б она вернулась к пастору, ведь я сидела в гостиной, в глубине дома, а Эдмунд работал в кабинете, у него окна выходят на улицу. Так что какой бы дорогой она ни пошла, мы бы ее увидели… Но я надеюсь, что с нашей дорогой старушкой все в порядке. Господи, хоть бы все было в порядке!

— Мама! — страдальчески сморщился Эдмунд. — Неужели ты не можешь помолчать?

— Конечно, дорогой! С удовольствием помолчу! — Мисс Светтенхэм уселась рядом с Джулией.

Инспектор Краддок встал возле двери. Лицом к нему сидели в ряд три женщины. Джулия и миссис Светтенхэм расположились на диване, а миссис Истербрук притулилась на подлокотнике кресла, в котором восседал ее муж. Краддок их так не рассаживал, но его это вполне устроило.

Мисс Блэклок и мисс Хинчклифф стояли, нагнувшись над камином. Эдмунд застыл возле них. Филиппа отошла в глубь комнаты, в тень.

Краддок сразу перешел к делу.

— Ни для кого не секрет, что мисс Мергатройд убили, — сказал он. — У нас есть основания полагать, что убийца — женщина. По ряду причин мы можем еще больше сузить круг подозреваемых лиц. Я намерен опросить кое-кого из присутствующих дам, что они делали сегодня с четырех до двадцати минут пятого. У меня уже есть сведения о передвижениях одной молодой особы, именующей себя мисс Симмонс. Я прошу ее повторить свои показания. Причем обязан вас предупредить, мисс Симмонс, вы можете не отвечать, если боитесь, что ваши показания будут вменены вам в вину; каждое ваше слово будет запротоколировано констеблем Эдвардсом и может быть использовано в качестве свидетельских показаний на суде.

— Это обязательно говорить, да? — спросила Джулия. Она сильно побледнела, но не потеряла самообладания. — Хорошо, я повторю. С четырех до двадцати минут пятого я гуляла по полям, ведущим к речушке, что возле фермы «Комптон». Потом вышла на дорогу, где растут три тополя. Насколько помню, мне по пути никто не встретился. Мимо «Боулдерса» я не проходила.

— А чем занимались вы, миссис Светтенхэм?

Эдмунд поинтересовался:

— Вы всех нас предостерегаете?

— Нет, — ответил инспектор. — На данный момент только мисс Симмонс. У нас нет оснований предполагать, что любые другие утверждения могут быть инкриминированы, но, разумеется, каждый из присутствующих имеет право на адвоката и может заявить о том, что готов отвечать только в его присутствии.

— О, это глупая трата времени! — вскричала миссис Светтенхэм. — Я уверена, что в двух словах смогу рассказать о том, чем я занималась. Вас ведь это интересует, да? Можно начинать?

— Пожалуйста, миссис Светтенхэм.

— Сейчас. — Миссис Светтенхэм учащенно заморгала. — Конечно, к убийству мисс Мергатройд я не имею ни малейшего касательства. Уверена, что это все знают. Но я живу в обществе и прекрасно понимаю, что полиция вынуждена задавать массу ненужных вопросов и аккуратно записывать ответы. Это необходимо для так называемого «досье». Я права? — Миссис Светтенхэм повернулась к прилежному констеблю Эдвардсу и снисходительно добавила: — Надеюсь, я не слишком тараторю?

Констебль Эдвардс, отличный стенографист, но человек совершенно не светский, покраснел до

ушей и пробормотал:

— Все в порядке, мадам. Хотя можно чуть помедленней.

Миссис Светтенхэм продолжала, делая выразительные паузы там, где, по ее мнению, следовало ставить запятые или точки:

— Конечно, трудно сказать наверняка, ведь у меня отсутствует чувство времени… а когда началась война, половина наших часов вообще встала, а другие спешат, отстают или вовсе не ходят, потому что мы их не заводим… — Миссис Светтенхэм помолчала, дабы в головах присутствующих ярче запечатлелась неразбериха во времени, царящая в ее доме, а затем серьезно заявила: — Пожалуй, в четыре часа я выворачивала пятку на чулке (и по необъяснимым причинам ошиблась, когда вязала не лицевой ряд, а изнаночный). А может, я была во дворе, срезала увядшие хризантемы… Впрочем, нет, это произошло раньше, до дождя.

— Дождь, — напомнил инспектор, — начался в шестнадцать часов десять минут.

— Правда? Это облегчает дело. Значит, тогда я поднялась на чердак и поставила тазик туда, где у нас обычно капает с крыши. На этот раз текло так сильно, что я поняла: водосток снова забит. Я

спустилась, надела плащ и резиновые сапоги. Я позвала Эдмунда, но он не откликнулся. Я решила, что он работает над трудным эпизодом… он же пишет роман… и не захотела его беспокоить. Лучше все сделать самой. Раньше я ведь прекрасно справлялась сама. Тут нет ничего сложного, надо только взять ручку от метлы и привязать ее к такой длинной штуке, которой поднимают окна.

— Вы хотите сказать, — уточнил Краддок, заметив, что его подчиненный пришел в полное замешательство, — что прочищали водосток?

— Да, он был весь забит палой листвой. Мне пришлось порядком повозиться, я насквозь промокла, но все-таки вычистила. Потом вернулась домой, переоделась и приняла душ. От них такой запах, от этих прелых листьев! Потом я пошла на кухню и поставила чайник. Кухонные часы показывали пятнадцать минут седьмого.

Констебль Эдвардс моргнул.

— А значит, — торжествующе завершила свой рассказ миссис Светтенхэм, — что на самом деле было ровно без двадцати пять. Или примерно столько.

— Кто-нибудь видел, как вы прочищали водосток? — спросил Краддок.

— Естественно, нет! — воскликнула миссис

Светтенхэм. — А то я бы живенько их приспособила к работе. Одной ведь так трудно!

— По вашим словам выходит, что, когда начался дождь, вы вышли в плаще и сапогах на улицу и занялись прочисткой водостока, но подтвердить ваши показания некому?

— Можете осмотреть водосток, — нашлась миссис Светтенхэм. — Он такой чистенький, любо-дорого поглядеть!

— Мистер Светтенхэм, вы слышали, как ваша мать звала вас?

— Нет, — сказал Эдмунд. — Я крепко спал.

— А я думала, ты работал, Эдмундик! — укоризненно сказала мать.

Инспектор Краддок повернулся к миссис Истербрук:

— А что скажете вы, миссис Истербрук?

— Я сидела с Арчи в его кабинете, — сказала миссис Истербрук, устремив на Краддока невинный взгляд. — Мы слушали радио, да, Арчи?

Наступила пауза. Полковник Истербрук густо покраснел и взял жену за руку.

— Ты не понимаешь, котеночек, — сказал он. — Я… я должен сказать, инспектор, что вы нас совсем не подготовили. Моя супруга нервничает, она взвинчена и не осознает всей важности…

— Арчи! — с упреком воскликнула миссис Истербрук. — Неужели ты хочешь сказать, что тебя со мной не было?

— Но ведь меня действительно не было, солнышко! Нужно строго следовать фактам. При такой форме допроса это чрезвычайно важно. Я беседовал с Лэмпсоном, фермером из Крофт-Энда, о сетке для цыплят. Было примерно без пятнадцати четыре. Домой я пришел только после дождя. Лаура жарила оладьи.

— А вас тоже не было дома, миссис Истербрук?

Хорошенькое личико еще больше стало похоже на мордочку ласки. Миссис Истербрук явно приперли к стенке.

— Нет-нет, я как раз слушала радио и никуда не выходила. Я выходила раньше. Около… половины третьего. Пошла прогуляться. Неподалеку.

Казалось, она ожидала дальнейших расспросов, но Краддок спокойно кивнул:

— Достаточно, миссис Истербрук. — Он обратился ко всем присутствующим: — Ваши показания будут отпечатаны на машинке. Вы сможете с ними ознакомиться и, если все будет, по вашему мнению, правильно, подписать.

— А почему вы других не допрашиваете? — со злобой вдруг спросила миссис Истербрук. — На-

пример, Хаймес? Или Эдмунда Светтенхэма? Откуда вы знаете, что он спал? Никто ведь его не видел!

— Перед смертью мисс Мергатройд кое-что рассказала, — спокойно ответил Краддок. — В момент налета одного человека в комнате не оказалось, хотя он, по идее, должен был быть там. Мисс Мергатройд перечислила своей подруге имена людей, которых она видела. Путем исключения та пришла к выводу, что был некто, кого она не видела.

— Но никто не мог ничего увидеть, — сказала Джулия.

— Мергатройд могла, — неожиданно подала голос мисс Хинчклифф. — Она стояла за дверью, там, где сейчас стоит инспектор. И была единственной, кто мог видеть происходящее.

— Ага! Вы в этом уверены? — заявила Мици. Она появилась весьма театрально — распахнув дверь с такой силой, что чуть не сбила с ног Краддока. Мици была очень возбуждена. — О, вы не приглашать Мици приходить вместе с другие, да, полицейский — деревянная голова? Конечно, я ведь просто Мици! Мици для кухня! Мици должен сидеть на кухня, там ее место. Но я скажу: Мици видит, как остальные. А может, даже луч-

ше, чем остальные! Да, я много видеть. И кое-что видеть в тот день, день налет. Кое-что видеть, но не поверить и до теперь держать язык… Как это?… За зубы. Я думала, я не буду говорить, что видеть. Пока не буду. Я буду ждать.

— А когда все утрясется, начнешь выманивать денежки? — усмехнулся Краддок.

Мици накинулась на него, как разъяренная тигрица:

— А почему нет? Почему мне нельзя платить, если я великодушно молчать? Особенно если когда-то будут деньги… много, много деньги! О! Я кое-что слышать и знать, что есть вокруг. Я знаю эти Пипэмеры… тайное общество, агент который, — Мици картинно указала на Джулию, — являться она. Да, я хотела ждать и просить деньги… Но сейчас боюсь. Лучше быть в безопасность. Потому что, может, скоро кто-то убьет и меня. Поэтому я скажу, что знать.

— Прекрасно! — скептически отозвался инспектор. — И что же ты знаешь?

— Сейчас сказать, — торжественно продолжала Мици. — Тот вечер я не сидеть в чулан и не очищать серебро. Я в столовой, когда услышать, как ружье стрелять. Смотрю дырка для замок. Холл черный, но ружье опять паф, и фонарь упадать.

Упадать и все светить. И я вижу ее. Я вижу ее рядом с налетчик. Она держать ружье. Я вижу мисс Блэклок!

— Меня? — Мисс Блэклок даже привстала от удивления. — Ты с ума сошла!

— Вздор! — вскричал Эдмунд. — Мици не могла увидеть мисс Блэклок…

— Ах вот как, мистер Светтенхэм? — язвительно прервал его Краддок. — Почему же? Уж не потому ли, что не мисс Блэклок, а вы стояли там с пистолетом?

— Я? Конечно, нет… Что за чертовщина?!

— Вы украли пистолет полковника Истербрука. Вы затеяли всю эту интригу с Руди Шерцем. Преподнесли ему это как шутку. Вы отправились вслед за Патриком Симмонсом в дальнюю комнату, а когда свет погас, тихонько выскользнули через тщательно смазанную дверь. Вы стреляли в мисс Блэклок, а потом убили Руди Шерца. И через пару минут вы уже снова очутились в гостиной, щелкая зажигалкой.

Эдмунд на мгновение, похоже, утратил дар речи. Потом стал брызгать слюной:

— Ваша идея чудовищна! Почему я? Зачем, черт побери, мне это понадобилось?

— А завещание? Если мисс Блэклок умрет рань-

ше миссис Гедлер, наследство получают двое. Небезызвестная парочка: Пип и Эмма. Джулия Симмонс оказалась Эммой…

— И вы решили, что я — Пип? — рассмеялся Эдмунд. — Фантастика! Просто фантастика! Единственное, что у нас может быть общего с Пипом, так это возраст. И я докажу вам, осел вы этакий, что я — Эдмунд Светтенхэм. У меня есть свидетельство о рождении, школьный аттестат, университетский диплом, все необходимые документы!

— Он не Пип, — раздался голос из темного угла. Побледневшая Филиппа Хаймес вышла на свет. — Пип — это я, инспектор.

— Вы?!

— Да. Все почему-то решили, что Пип — мальчик. Джулия, естественно, знала, что у нее не брат, а сестра, но почему-то сегодня днем не сказала этого.

— Из чувства семейной солидарности, — подала голос Джулия. — Меня вдруг осенило, кто ты такая. Раньше я не догадывалась.

— В моей голове родился тот же замысел, что и у Джулии. — Голос Филиппы слегка дрожал. — После того как я… потеряла мужа и война закончилась, я задумалась о будущем. Моя мать

давно умерла. Я выяснила, где живет мисс Блэклок, и… приехала сюда. Нанялась на работу к миссис Лукас. Я надеялась, что, поскольку мисс Блэклок уже в годах и у нее нет родственников, она не откажется помочь. Не мне — я в состоянии работать. Я надеялась, она поможет Гарри получить образование. В конце концов, деньги ведь принадлежали Гедлерам, а у мисс Блэклок нет своей родни, так что ей не на кого их тратить. А потом, — Филиппа заговорила быстрее, как бы понукая себя: хотя она и нарушила обет молчания, слова все равно застревали у нее в горле, — потом, после налета, я испугалась. Все выглядело так, будто я единственная, у кого имелись основания желать смерти мисс Блэклок. Я же не догадывалась, кто такая Джулия, мы с ней не близнецы, а двойняшки и почти не похожи. Мне казалось, что подозрение может пасть только на меня.

Она остановилась, отбросила со лба светлые волосы, и внезапно Краддок понял, что размытый снимок, лежавший в коробке с письмами, был фотографией матери Филиппы. Сходство явно бросалось в глаза. А еще он понял, кого напомнили ему слова про Соню, которая похожа на кошку, выпускающую когти. Именно этот жест он увидел сейчас у Филиппы.

— Мисс Блэклок была ко мне очень добра. Очень, очень добра! Я не пыталась ее убить. Я даже в мыслях не желала ей зла! Но все равно Пип — это я. — Филиппа помолчала и добавила: — Так что не надо больше подозревать Эдмунда.

— Не надо? — переспросил Краддок. В голосе его снова зазвучали едкие нотки. — Эдмунд Светтенхэм обожает деньги. И, наверное, не прочь заполучить богатую невесту. Но она не разбогатеет, если миссис Гедлер умрет раньше мисс Блэклок. А поскольку миссис Гедлер наверняка умрет раньше, ему необходимо что-то предпринять, не так ли, мистер Светтенхэм?

— Это гнусная ложь! — воскликнул Эдмунд.

И вдруг по дому разнесся крик. Он долетел с кухни. Долгий, нечеловеческий крик ужаса…

— Господи, ведь это не Мици? — вскричала Джулия.

— Нет, — покачал головой Краддок. — Это человек, на совести которого три убийства.

Глава 22
Правда

Когда инспектор обвинил Эдмунда Светтен-хэма, Мици тихонько улизнула из комнаты в кухню. Не успела она налить в раковину воды, как появилась мисс Блэклок.

Мици пристыженно покосилась на нее.

— Какая же ты лгунья, Мици! — мило улыбнулась мисс Блэклок. — Разве… разве так моют посуду? Сначала помой серебро. Да налей же ты раковину пополнее! Как можно мыть посуду, если в раковине совсем нет воды?

Мици послушно открыла краны на полную мощность.

— Вы не сердиться, что я так говорить, мисс Блэклок? — спросила она.

— Если бы я сердилась на все твои выдумки, мне пришлось бы беситься с утра до ночи, — ответила мисс Блэклок.

— Тогда я идти к инспектор и говорить, что это выдумка? — спросила Мици.

— Он и без тебя уже в курсе, — любезно откликнулась мисс Блэклок.

Мици закрыла кран, и тут же сильные руки одним рывком сунули ее голову под воду.

— Только я знаю, что ты раз в жизни сказала правду, — злобно проговорила мисс Блэклок.

Мици отбивалась, пытаясь вырваться, но мисс Блэклок оказалась на удивление сильной и удерживала голову девушки под водой.

И вдруг совсем рядом раздался жалобный голос Доры Баннер:

— О Лотти, Лотти… не надо… Лотти!

Мисс Блэклок вскрикнула. Руки ее разжались и выпустили Мици, которая, задыхаясь и отплевываясь, подняла голову. А мисс Блэклок продолжала кричать, потому что на кухне никого не было…

— Дора, Дора, прости меня! Я должна, должна была это сделать…

Не разбирая дороги, мисс Блэклок кинулась в посудомоечную, но путь ей преградил сержант Флетчер, а из шкафчика для веников и половых щеток шагнула раскрасневшаяся мисс Марпл.

— У меня всегда хорошо получалось подражать чужим голосам, — сказала она.

— Вам придется пройти со мной, — заявил Летиции сержант Флетчер. — Я свидетель вашей попытки убить девушку. Впоследствии вам будут

предъявлены и другие обвинения. Должен предупредить, Летиция Блэклок…

— Не Летиция, а Шарлотта, — поправила сержанта мисс Марпл. — Шарлотта Блэклок, вот кто она такая. Под жемчужным ожерельем, которое она носит не снимая, у нее шрам от операции.

— От операции?

— Да. От операции по удалению зоба.

Притихшая мисс Блэклок изумленно посмотрела на мисс Марпл:

— Выходит, вы все знаете?

— Да, с некоторых пор — все.

Шарлотта Блэклок присела к столу и заплакала.

— Зря вы это сделали, — всхлипывая, бормотала она. — Зачем вы говорили Дориным голосом? Я любила Дору. Я действительно ее любила!

Инспектор Краддок и все остальные толпились в дверях. Констебль Эдвардс, помимо прочих своих достоинств, умевший оказывать первую помощь пострадавшим, делал Мици искусственное дыхание. Как только к Мици вернулся голос, она принялась превозносить себя до небес:

— Я все хорошо делать, да? Я умный! И смелый. О, я такой смелый! Меня почти совсем, немного убили! Но я так смелый, что рискую все.

Внезапно мисс Хинчклифф выскочила вперед и набросилась на рыдающую Шарлотту Блэклок. Сержанту Флетчеру с трудом удалось ее оттащить.

— Нет-нет, — пытался он урезонить мисс Хинчклифф, — что вы… не надо…

— Пустите меня! — приговаривала, стиснув зубы, Хинч. — Я ее растерзаю. Это она убила Эми Мергатройд!

Шарлотта Блэклок подняла на нее глаза и всхлипнула:

— Я не хотела ее убивать. Я никого не хотела убивать… так получилось… Но жаль мне только Дору, после Дориной смерти я осталась совсем одна… С тех пор как она умерла, я одна… О Дора, Дора!..

Мисс Блэклок закрыла лицо руками и вновь зарыдала.

Глава 23
Вечер у пастора

Мисс Марпл сидела в кресле с высокой спинкой, Банч примостилась на полу напротив камина, обхватив колени руками. Преподобный Джулиан Хармон подался вперед и впервые смахивал больше на школьника, чем на мудрого старца, много повидавшего на своем веку. Инспектор Краддок курил сигару, потягивал виски с содовой и чувствовал себя вольготно. Другой кружок образовали Джулия, Патрик и Филиппа.

— Я считаю, что это ваша история, мисс Марпл, — сказал Краддок.

— О что вы, мой мальчик! Я лишь капельку помогла вам. Но вы были в курсе всех событий, вы вели расследование и знаете куда больше меня.

— Ладно, рассказывайте вдвоем, — нетерпеливо перебила старушку Банч. — Каждый по кусочку. Только пусть начинает тетя Джейн, потому что мне нравится, как она путано рассказывает. Когда вы в первый раз заподозрили Блэклок, тетя Джейн?

— Трудно сказать определенно, дорогая Банч.

Конечно, мне с самого начала показалось, что самый подходящий человек для организации налета — это мисс Блэклок. О ней единственной было известно, что она общалась с Руди Шерцем. Да и потом, устроить такую заваруху в собственном доме проще простого. Возьмем, к примеру, отопление. Камин зажигать было нельзя: от него был бы свет. Но никто, кроме хозяйки дома, не может распорядиться включить центральное отопление. Не хочу сказать, что я все время об этом думала… Однако порой у меня возникало сожаление, что разгадка не так проста. Впрочем, потом я, как и остальные, была введена в заблуждение, что кто-то покушается на жизнь Летиции Блэклок.

— Наверно, имеет смысл сразу уточнить, что же произошло в действительности, — сказала Банч. — Швейцарец узнал ее?

— Да. Он работал в… — Мисс Марпл нерешительно взглянула на Краддока.

— В клинике доктора Адольфа Коха в Берне, — сказал Краддок. — Кох был всемирно известным специалистом по удалению зоба. Шарлотта Блэклок легла в его клинику на операцию, а Руди Шерц работал там санитаром. Приехав в Англию, он увидел в гостинице даму, бывшую пациентку

Коха, узнал ее и при случае заговорил с ней. Дай он себе труд задуматься, Руди, конечно, не стал бы этого делать, ведь он уволился из больницы, и над его головой сгущались тучи. Впрочем, это произошло спустя некоторое время после выписки Шарлотты, и она могла этого не знать.

— Выходит, он не говорил ей ни о Монтре, ни об отце, хозяине отеля?

— Нет, она все придумала, — сказала мисс Марпл. — Представляете, Шарлотта чувствовала себя в безопасности, и вдруг — на тебе, какое чудовищное невезение! Она встречает человека, который знал ее не как одну из двух мисс Блэклок (к этому она была готова), а именно как Шарлотту Блэклок, больную, которой удалили зоб… Но вы хотели услышать все по порядку. Итак, началось все — надеюсь, инспектор со мной согласится — тогда, когда у Шарлотты Блэклок, милой, очаровательной и беззаботной девчушки, начала увеличиваться щитовидная железа, именуемая в народе зобом. Это разбило ее жизнь, она ведь была очень ранимой девочкой и слишком болезненно относилась к своей внешности. Многие девочки этим грешат, особенно в подростковом возрасте. Если бы мать Шарлотты была жива или если бы отец был более разумным человеком, она

не оказалась бы в столь плачевном состоянии. Но никто не пытался отвлечь ее от грустных мыслей, не заставлял общаться с людьми, вести нормальный образ жизни и не зацикливаться на своем недостатке. Конечно, если бы Шарлотта росла в другой семье, ей бы сделали операцию гораздо раньше.

Однако доктор Блэклок был мракобесом, деспотичным и упрямым. Он не верил в такие операции. И, вероятно, убедил Шарлотту, что ей ничто не поможет, кроме йода и других подобных лекарств. Шарлотта ему верила. Думаю, они с сестрой переоценивали медицинские познания своего папаши. Шарлотта любила отца слащавой, покорной любовью. Отцу, считала она, видней. Зоб рос, становился все безобразнее, и она постепенно замыкалась в себе, теряла связь с людьми. Хотя вообще-то она была очень добрым, привязчивым созданием.

— Странная характеристика для убийцы, — хмыкнул Эдмунд.

— Ничего странного, — возразила мисс Марпл. — Слабые и добрые люди часто оказываются предателями. А если они в обиде на жизнь, это лишает их и тех немногих душевных сил, которыми они обладают. Летиция Блэклок была,

конечно, совсем другой. Белль Гедлер отзывалась о ней очень хорошо, и я полагаю, вполне заслуженно. Она была удивительно цельной натурой и, по ее же собственному признанию, искренне не понимала, как можно не распознать, что честно, а что — нет. Несмотря ни на какие соблазны, Летиция Блэклок не допустила бы мошенничества… Она преданно любила сестру. Чтобы Шарлотта не теряла связи с миром, Летиция писала ей пространные письма, во всех подробностях расписывая свою жизнь. Ее очень беспокоило ужасное душевное состояние Шарлотты. И вот доктор Блэклок умирает. Летиция без колебаний оставляет работу у Рэнделла Гедлера и посвящает себя сестре. Она повезла ее в Швейцарию, чтобы проконсультироваться со швейцарскими докторами по поводу операции. Болезнь оказалась очень запущенной, но, как мы знаем, операция прошла успешно. Зоб удалили, а шрам было легко замаскировать жемчужным ожерельем или бусами.

Потом разразилась война. Вернуться в Англию сестры не могли и остались в Швейцарии, работали в Красном Кресте и других организациях. Время от времени до них доходили вести с родины… Наверное, дошел слух и о том, что

Белль Гедлер долго не проживет. Конечно, любой человек на их месте начал бы строить планы, всем бы хотелось получить громадное состояние. Надеюсь, вам понятно, что это было куда важнее для Шарлотты, чем для Летиции? Впервые в жизни Шарлотта почувствовала себя нормальной женщиной, на которую люди смотрят без отвращения или жалости. Наконец-то она вздохнула свободно… Она верила, что впереди у нее целая жизнь и оставшиеся годы будет чем заполнить! Она сможет путешествовать, купить дом, прекрасное поместье… будет иметь наряды и украшения, посещать театры, концерты… любая ее прихоть теперь может быть исполнена… Она грезила наяву.

И вдруг Летиция, сильная, здоровая Летиция, подхватила простуду. Вскоре эта простуда перешла в воспаление легких, и через неделю Летиция умерла. Шарлотта потеряла не только сестру. Рухнули все ее планы на будущее. Знаете, я думаю, она даже обижалась на Летицию: дескать, с чего бы это ей приспичило умереть именно сейчас, когда они получили письмо о том, что Белль Гедлер долго не протянет?! Подождала бы месячишко, когда все деньги перешли бы к Блэклокам, а там могла бы и помирать… В этом

как раз и проявляется разница между сестрами. Шарлотта не осознавала, что поступает дурно, искренне не понимала. Ведь деньги все равно должны были перейти к Летиции — и перешли бы в ближайшем будущем! — а она считала себя и сестру единым целым.

Наверное, мысль об обмане не приходила ей в голову, пока врач не начал уточнять имя ее сестры. Тут она вдруг осознала, что почти все вокруг воспринимают их как «двух мисс Блэклок», пожилых благовоспитанных англичанок, одевавшихся одинаково и очень похожих друг на друга. (А я уже обращала внимание Банч на то, что пожилые женщины вообще удивительно похожи.) Почему бы, подумала Шарлотта, в таком случае Шарлотте не умереть, а Летиции не остаться в живых? Вряд ли это был стройный замысел, скорее — мгновенный порыв. Но тем не менее Летицию похоронили под именем Шарлотты. «Шарлотта» умерла, а «Летиция» вернулась в Англию. И тут ее природная предприимчивость, не востребованная столько лет, расцвела пышным цветом. Будучи Шарлоттой, она всегда играла вторую скрипку. Теперь она могла развернуться, в ней проявились начальственные задатки Летиции. Мыслили-то сестры очень похоже, а вот

в нравственном плане существенно разнились. Шарлотте, разумеется, пришлось принять меры предосторожности. Она купила дом в совершенно незнакомом месте. Впрочем, ей следовало избегать только кумберлендских знакомых (хотя и в Кумберленде она жила уединенно). Ну и, конечно, ни в коем случае нельзя было встречаться с Белль Гедлер, которая слишком хорошо знала Летицию. Обмануть Белль было совершенно невозможно. Изменение своего почерка Шарлотта объясняла артритом… И все шло как по маслу, ведь Шарлотту знала лишь жалкая горстка людей.

— А если бы она вдруг встретила знакомых Летиции? — спросила Банч. — У той же было полно знакомых!

— Это другое дело. Они бы сказали: «Я тут на днях столкнулся с Летицией Блэклок. Она так изменилась, ее не узнать!»

Но подозрений ни у кого не возникло бы. За десять лет люди сильно меняются. То, что Шарлотта не узнала бы этих людей, было бы списано за счет близорукости, да и потом, она же была в курсе мельчайших подробностей лондонской жизни Летиции и прекрасно знала, с кем сестра там общалась, куда ходила. Шарлотте стоило только перечитать письма сестры, и она мгно-

венно устранила бы любое подозрение, упомянув про какой-нибудь случай или спросив об общем знакомом. Нет, ей следовало опасаться только того, что кто-нибудь признает в ней Шарлотту.

Она поселилась в «Литтл-Пэддоксе», познакомилась с соседями, а получив письмо, умолявшее «дорогую Летицию оказать гостеприимство» и все такое прочее, с удовольствием согласилась на приезд молодых родственников, которых никогда в жизни не видела. Они считали ее тетей Летти и тем самым как бы гарантировали ее безопасность. В общем, все шло превосходно. И вдруг… Она совершает непоправимую ошибку. Ошибку, вызванную исключительно ее добросердечием и сентиментальностью. Получив письмо от школьной подруги, влачившей жалкое существование, Шарлотта поспешила ей на выручку. Возможно, она страдала от одиночества. Тайна отдалила ее от людей. Да и потом, она искренне любила Дору Баннер, та была для нее олицетворением радостных и беззаботных школьных лет. В порыве чувств Шарлотта ответила на Дорино письмо. Представляю, как изумилась Дора! Еще бы: она писала Летиции, а ей ответила Шарлотта! Притворяться перед Дорой Шарлотте и в голову не пришло. Дора была одной из немногочислен-

ных школьных подруг, которым позволялось навещать Шарлотту в годы ее одиночества и страданий. Шарлотта знала, что Дора будет на ее стороне, и рассказала ей об обмане. Дора ее поддержала от всей души. В ее затуманенном мозгу царила жуткая неразбериха, и ей казалось очень даже правильным, что дорогая Лотти не лишится наследства из-за безвременной кончины Летти. За свои безмолвные страдания, которые Лотти переносила так мужественно, она, безусловно, заслуживала награды. И было бы вопиющей несправедливостью, если бы деньги перешли к каким-то самозванцам.

Дора великолепно понимала, что обман не должен раскрыться. Это было для нее ложкой дегтя в бочке меда. Рассказывать о подлоге было нельзя, хотя Дора сама ничего плохого в нем не видела… Дора приехала в «Литтл-Пэддокс», и очень скоро Шарлотта начала осознавать, что совершила роковую ошибку. Нет, дело было вовсе не в том, что жизнь с рассеянной, никчемной Дорой, которая все на свете путала, превратилась для Шарлотты в полный бедлам. С этим она еще могла примириться, ведь Шарлотта действительно любила Дору. Но вскоре подруга стала представлять для нее реальную опасность. Шарлотта с Летицией

всегда звали друг друга полными именами, но Дора признавала только уменьшительные. Она называла сестер «Летти» и «Лотти». И хотя Дора очень старалась привыкнуть называть подругу по-новому, старое имя частенько соскальзывало у нее с языка. Дора могла проболтаться о событиях прошлого, и Шарлотте приходилось все время быть начеку, бороться с Дориной забывчивостью. Это начинало действовать ей на нервы. Однако окружающие не обращали особого внимания на оговорки Доры. Гораздо большая опасность нависла над Шарлоттой, когда в «Ройал Спа» ее встретил Руди Шерц. Ведь он узнал ее и заговорил с ней. Я полагаю, это Шарлотта Блэклок давала Руди Шерцу деньги для покрытия недостач. Но мы с инспектором Краддоком не верим, что, обращаясь к ней с просьбами о деньгах, Руди Шерц замышлял шантаж.

— Он и понятия не имел, чем ее можно шантажировать, — подтвердил Краддок. — Шерц высоко ценил свое обаяние и на собственном опыте уже убедился в том, что обходительный молодой человек способен вытянуть приличные денежки из пожилых дам. Надо только мастерски рассказать им какую-нибудь трогательную историю. Но Шарлотта-то видела все в ином свете!

Вероятно, она решила, что Руди ее хитроумно шантажирует, и боялась, что, когда после смерти Белль история с наследством получит широкую огласку, швейцарец возомнит, будто напал на золотую жилу. А она уже завязла во вранье по уши. Все считали ее Летицией Блэклок: и банкиры, и миссис Гедлер. Так удачно все складывалось, и надо же — появился этот швейцарец, какой-то гостиничный клерк, личность сомнительная, ненадежная и к тому же, судя по всему, шантажист!

Наверное, поначалу Шарлотта просто предавалась фантазиям. За свою жизнь она изголодалась по острым ощущениям, и сперва просто так, для собственного удовольствия, она принялась лелеять планы избавления от Шерца. Но в конце концов замысел оформился, и Шарлотта решила претворить его в жизнь. Она рассказала Руди Шерцу о розыгрыше с налетом, объяснила, что роль «гангстера» должен играть незнакомый мужчина, и пообещала крупный куш за сотрудничество. Тот факт, что Шерц согласился без тени подозрения, лишний раз подтверждает мою гипотезу: ему и в голову не приходило, что Шарлотта его боится. Он считал ее глуповатой старушенцией, охотно развязывавшей тугой кошелек.

Шарлотта поручила Руди поместить объявление в газете, помогла разузнать планировку дома и сказала, где она его встретит в назначенный вечер. Дора Баннер понятия не имела о ее замыслах. И вот настал тот день…

Краддок замолк. Мисс Марпл подхватила нить рассказа:

— Я думаю, она чувствовала себя ужасно. Еще не поздно было отступить… Дора Баннер говорила нам, что Летти боялась. И наверняка Шарлотта была напугана. Напугана своими планами и тем, что они могут провалиться… Но все же она не настолько боялась, чтобы пойти на попятную. Наверно, ей казалось шуткой взять пистолет из ящика для воротничков у полковника Истерброка и спрятать его в корзинке с яйцами или с вареньем. Шуткой было и смазать вторую дверь в гостиной, чтобы она бесшумно открывалась и закрывалась. Да и предложение выставить стол за дверь якобы для того, чтобы букет, составленный Филиппой, смотрелся эффектней, еще можно было воспринять как шутку, игру. Но все дальнейшее на игру уже не походило. Да, конечно, она боялась. Дора Баннер была права.

— И тем не менее Шарлотта довела дело до конца, — сказал Краддок. — Все шло точно по плану.

Едва часы пробили шесть, Шарлотта отправилась «закрыть уток», а на самом деле впустила Шерца, дала ему маску, плащ, перчатки и фонарь. Когда часы начинают бить половину седьмого, она уже стоит у стола возле прохода под аркой и протягивает руку к сигаретам. Все так естественно! Патрик, играя роль хозяина, отправился за напитками. Шарлотта — хозяйка, она угощает гостей сигаретами. Она правильно рассчитала, что бой часов привлечет всеобщее внимание. Так и случилось. Только Дора, преданная Дора, не отрывала глаз от подруги. И она сразу же заявила следствию, что мисс Блэклок взяла со стола вазочку с фиалками. Шарлотта заранее растрепала шнур лампы, почти оголив провод. Остальное произошло в считанные секунды. Сигаретница, ваза и выключатель находились рядом. Она подняла вазочку с фиалками, плеснула водой на оголенный провод и включила лампу. Вода — прекрасный проводник электричества. Тут же произошло короткое замыкание.

— Совсем как у нас, — сказала Банч. — Вы тогда этому поразились, тетя Джейн?

— Да, милая. Я все время ломала голову, пытаясь понять, как погас свет. Мне удалось узнать, что у мисс Блэклок было две лампы и их подме-

нили… возможно, той же ночью.

— Совершенно верно, — подтвердил Краддок. — Когда на следующее утро Флетчер осматривал лампу, она, как и остальные светильники в доме, была в полном порядке — ни обтрепанного шнура, ни сожженных проводов.

— Я поняла, что имела в виду Дора Баннер, заявив, что накануне в гостиной стояла «пастушка», — сказала мисс Марпл, — но допустила ошибку, поверив Доре, обвинявшей Патрика. Забавно, правда? Доре нельзя было верить, когда она рассказывала о том, что слышала, ибо она все преувеличивала или искажала. В голове у нее творилась неразбериха. Но Дора абсолютно достоверно описывала увиденное. А она видела, как Летти подняла вазочку с фиалками… И конечно, когда наша милая Банч пролила немного воды из вазы с рождественскими розами на провод лампы, я сразу догадалась, что проводку могла сжечь только сама мисс Блэклок, поскольку, кроме нее, возле того стола никто не стоял.

— Я потом простить себе не мог! — воскликнул Краддок. — Ведь Дора Баннер упоминала про подпалину на столе, дескать, кто-то положил туда сигарету… Но закурить-то никто не успел!.. И фиалки завяли потому, что в вазе не было воды. Да,

тут Летиция допустила промашку, ей следовало налить новую воду. Но, наверно, она решила, что этого никто не заметит. И действительно, мисс Баннер охотно поверила, что это она с самого начала забыла налить в вазу воды… Мисс Баннер была крайне внушаема. И мисс Блэклок неоднократно пользовалась ее слабостью. Я полагаю, что именно она внушила Банни подозрения насчет Патрика.

— Но зачем же на мне отыгрываться?! — горестно возопил Патрик.

— Вряд ли она намеревалась всерьез дискредитировать вас. Скорее она хотела отвлечь Банни от своей персоны, — пояснил Краддок. — Ну, а остальное нам уже известно. Едва погас свет и поднялся гвалт, мисс Блэклок выскользнула в дверь и подошла сзади к Руди Шерцу, который шарил фонарем по комнате, войдя в роль грабителя. Он и не подозревал, что она стоит позади него в садовых перчатках, с пистолетом. Мисс Блэклок подождала, пока фонарь высветил то место, куда ей надо было прицелиться, то есть стену, возле которой, по мнению всех присутствующих, стояла она, и поспешно сделала два выстрела. А когда Шерц испуганно обернулся, поднесла к его голове пистолет и выстрелила еще раз. Бросив пистолет

возле трупа, она небрежно кинула перчатки на столик в холле и поторопилась занять свое место. Она поранила себе ухо… точно не знаю чем…

— Наверное, маникюрными ножницами, — предположила мисс Марпл. — От малейшего пореза мочки начинается сильное кровотечение. Это был тонкий психологический ход. Кровь, струящаяся по белой блузке, служила бесспорным доказательством того, что стреляли именно в мисс Блэклок и промахнулись лишь чудом.

— Все должно было кончиться успешно, — сказал Краддок. — Уверения Доры Баннер, что Руди Шерц хотел убить Летти, сыграли свою роль. Сама того не подозревая, Дора убедила окружающих в том, что видела, как ранили ее подругу. Случившееся могли расценить как самоубийство или несчастный случай. И дело едва не закрыли. А не закрыли его только благодаря вам, мисс Марпл.

— О нет, что вы?! — решительно возразила мисс Марпл. — Я лишь немножко помогла вам. Но основная заслуга ваша, исключительно ваша, мистер Краддок. Это вы не хотели прекращать дело.

— Мне было не по себе, — сказал Краддок. — Я чувствовал какой-то подвох, но никак не мог понять, в чем дело, пока вы мне не подсказали. И кроме того, мисс Блэклок действительно не

повезло. Я раскрыл секрет второй двери. До того момента наши догадки оставались гипотезой. Но смазанная дверь уже являлась уликой. А напал я на нее совершенно случайно — по ошибке схватился не за ту ручку.

— Я считаю, что вас вело Провидение, инспектор, — сказала мисс Марпл. — Хотя у меня архаичные представления.

— И охота началась снова, — продолжал Краддок. — Правда, тактика немного изменилась. Теперь мы выясняли, у кого есть причины желать смерти мисс Блэклок.

— А кое у кого они действительно могли быть, и мисс Блэклок это понимала, — поддержала его мисс Марпл. — Думаю, она почти сразу же узнала Филиппу. Судя по всему, Соня Гедлер принадлежала к узкому кругу избранных, которым позволялось нарушать уединение Шарлотты. А в старости (вам пока это неведомо, мистер Краддок) гораздо явственней помнишь лица тех, кого видел в молодости, нежели людей, с которыми встречался пару лет назад. Шарлотта помнила Соню примерно в том же возрасте, в каком сейчас наша Филиппа, а Филиппа очень похожа на свою мать. Как ни странно, узнав Филиппу, Шарлотта обрадовалась. Она привязалась к девушке.

Может, таким образом она пыталась заглушить угрызения совести, которые, наверное, все-таки ее мучили. Шарлотта убеждала себя, что, получив наследство, она позаботится о Филиппе, заменит ей мать. И они заживут все вместе: она, Филиппа и Гарри. Думая так, Шарлотта чувствовала себя благодетельницей и была счастлива. Но когда инспектор начал расспрашивать про Пипа и Эмму, Шарлотте стало неуютно. Она не собиралась делать из Филиппы козла отпущения. Ей хотелось, чтобы все ограничилось налетом юного головореза и его случайной гибелью. Насколько она знала (Шарлотта ведь не догадывалась, кто такая Джулия), только Филиппа могла теоретически желать ее смерти. И Шарлотта приложила все усилия, чтобы помешать опознать Филиппу. У нее хватило ума сказать инспектору, что Соня была низкого роста, темноволосой и смуглой. Заодно с фотокарточками Летиции она изъяла из альбома и фотографии Сони, чтобы вы, инспектор, не смогли уловить сходство.

— Надо же! А я думал, что Соня Гедлер — это миссис Светтенхэм, — недовольно пробурчал Краддок.

— Моя бедная мамочка! — пробормотал Эдмунд. — Заподозрить женщину со столь безупречной

репутацией… По крайней мере я всю жизнь верил в ее непорочность…

— Но, конечно, — вернулась к своему рассказу мисс Марпл, — настоящую опасность для Шарлотты представляла только Дора Баннер. С каждым днем старушка становилась все забывчивей и болтливей. Как мисс Блэклок ошпарила ее взглядом, когда мы с Банч пришли к ним на чай. А знаете почему? Дора опять назвала ее Лотти. Мы восприняли это как безобидную оговорку, но Шарлотта не на шутку перепугалась. Так все и шло. Бедная Дора не могла удержаться от болтовни. Когда мы пили кофе в «Синей птице», у меня возникло странное ощущение, будто бы Дора говорит не об одном человеке, а сразу о двух. На самом деле так оно и было. То она говорила о подруге, что она дурнушка, но сильная личность, то тут же расписывала ее как хорошенькую, веселую девушку. Сказав об уме и удачливости Летти, Дора вдруг посетовала на то, что у бедняжки была такая тоскливая жизнь, и процитировала строки «И бремя печалей на сердце легло…». Я еще подумала, что они совершенно не вяжутся с образом Летиции. Зайдя в то утро в кафе, Шарлотта, очевидно, слышала большую часть Дориной болтовни. Наверняка она слышала, как Дора

упомянула про подмену лампы — дескать, это пастушок, а не пастушка. И поняла, что бедная преданная Дора представляет серьезнейшую угрозу для ее спокойствия. Боюсь, наш разговор в кафе окончательно решил участь Доры, простите за патетику. Но, наверное, этим все равно бы кончилось. Ведь пока Дора Баннер была жива, Шарлотта не чувствовала себя в безопасности. Она любила Дору… и не хотела ее убивать… но другого выхода не видела. Очевидно, она убедила себя (как сестра Эллертон, помнишь, Банч?), что поступает милосердно. Бедняжка Банни, ей же все равно осталось жить недолго. К тому же конец может оказаться мучительным… Что самое интересное — Шарлотта из кожи вон лезла, чтобы сделать последний день Банни как можно счастливее. День рождения, гости, особый торт…

— «Сладкая смерть»! — содрогнулась Филиппа.

— Да-да, именно так. Она пыталась устроить подруге сладкую смерть. Гости, любимые кушанья Банни, запрещение говорить о неприятных вещах, чтобы не расстраивать подругу. А потом — таблетки. Бог знает, какая гадость была в пузырьке из-под аспирина, который Шарлотта положила возле своей кровати, чтобы Банни, не найдя нового пузырька, взяла из этого. А впечат-

ление создастся, подумала Шарлотта (и оказалась права), что таблетки предназначались для нее. Вот так Банни и умерла во сне, совершенно счастливая, и Шарлотта вновь почувствовала себя в безопасности. Но она тосковала по Доре Баннер, по ее любви и верности, ей было не с кем поговорить о прошлом… Она горько плакала в тот день, когда я принесла ей записку от Джулиана, и ее горе было искренним. Она убила свою самую близкую подругу…

— Ужасно! — воскликнула Банч. — Как это ужасно!

— Но очень по-человечески, — сказал Джулиан Хармон. — Вы забываете, что убийцы — тоже люди.

— Нет, я лично не забываю, — не согласилась с ним мисс Марпл. — Конечно, они люди. И их часто бывает жаль. Но они очень опасны. Особенно такие слабохарактерные, мягкосердечные убийцы, как Шарлотта Блэклок. Потому что стоит слабому человеку по-настоящему перепугаться, как он звереет от ужаса и теряет самоконтроль.

— Как случилось в истории с Мергатройд? — спросил Джулиан.

— Да, с бедной мисс Мергатройд. Видимо, Шарлотта подошла к дому как раз в тот момент, когда

подруги воссоздавали сцену убийства. Окно оказалось открыто, Шарлотта прислушалась. До того момента ей не приходило в голову, что кто-то еще может представлять для нее опасность. Но мисс Хинчклифф требовала от подруги припомнить увиденное, а такого поворота событий Шарлотта не ожидала. Она ведь думала, что во время налета все смотрели на Руди Шерца! Шарлотта притаилась под окном и подслушивала. Вдруг все обойдется? Но когда мисс Хинчклифф собралась ехать на станцию, Мергатройд вдруг напала на след. Она кричала вслед мисс Хинчклифф: «Там ее не было…» Я недаром просила мисс Хинчклифф припомнить точные слова подруги. Потому что, скажи она: «Ее не было там», смысл утверждения изменился бы в корне.

— Для меня это слишком сложно, — покачал головой Краддок.

Мисс Марпл с готовностью повернула к нему порозовевшее лицо:

— А вы поставьте себя на место мисс Мергатройд. Человек видит очень многое, хотя часто сам об этом не догадывается. Когда я попала в железнодорожную катастрофу, мне врезался в память большой пузырь краски на стене купе. Я могла бы нарисовать его во всех подробностях.

А однажды мне пришлось пережить воздушный налет на Лондон… помню бомбы… осколки… страшное потрясение… но ярче всего мне запомнилась какая-то женщина, она стояла передо мной, и у нее была большая дырка на чулке, а сами чулки были разного цвета. Так что когда мисс Мергатройд перестала думать и попыталась просто вспомнить, что она видела, она припомнила очень многое. Наверное, она начала свой мысленный путь от камина, который сперва осветил фонарь… потом свет прошелся по окнам, выхватывая из темноты фигуры людей… Вот миссис Хармон, она закрыла лицо руками. Мергатройд мысленно идет за фонарем дальше, доходит до мисс Баннер, которая стоит, разинув рот и выпучив глаза… Потом взгляд мисс Мергатройд упирается в пустую стену и стол с лампой и сигаретницей. Звучат выстрелы, и вдруг она вспоминает нечто совершенно невероятное! Она видит стену, возле которой стояла Летиция Блэклок, когда в нее стреляли. Но в тот миг, когда пистолет выстрелил в Летти, там Летти не было… Теперь понятно? Мергатройд подозревала в убийстве трех женщин, на которых ей указала мисс Хинчклифф. Если бы одной из них не оказалось на месте, Мергатройд сделала бы ударение на ме-

стоимении «ее». Она сказала бы: «Этой! Ее там не было». Но она имела в виду место, где кто-то должен был стоять и не стоял — там никого не было. Место было, а человека не было. И Мергатройд не смогла сразу этого осознать. «Как странно, Хинч, — сказала она. — Там ее не было…» Следовательно, она имела в виду Летицию Блэклок.

— Но вы это поняли раньше, — заметила Банч, — когда перегорела лампа. Вы еще написали тогда какие-то слова, да?

— Да, милая. Разрозненные фрагменты вдруг соединились для меня в единое целое, и создалась стройная система.

Банч вкрадчиво произнесла:

— «Лампа»… Теперь мне это понятно. «Фиалки»… Тоже. «Пузырек аспирина»… Вы хотели сказать, что Банни собиралась купить новый пузырек и ей не было нужды брать лекарство Летиции?

— Да, а значит, Летиция должна была украсть и припрятать лекарство Банни. Ведь должно было создаться впечатление, что намеревались убить Летицию Блэклок!

— Ясно. Что там у вас шло дальше? «Сладкая смерть». Да, это не просто торт. Это вообще ведь день рождения. Предсмертный праздник для

Банни. Шарлотта обращалась с ней как с собакой, которую собираются усыпить. По-моему, самое ужасное во всей этой истории — то, что она прикидывалась добренькой.

— Но она действительно была доброй! Последние слова, сказанные Шарлоттой на кухне, — чистая правда. «Я не хотела никого убивать…» Да, она просто хотела заполучить кучу денег, которые ей не принадлежали. И перед этим желанием, которое стало ее навязчивой идеей, как будто деньги могли вознаградить ее за все страдания в прошлом, — так вот, перед этим желанием все остальное отходило на задний план. Люди, затаившие злобу на жизнь, всегда опасны. Они считают, что жизнь им чем-то обязана. Я знавала многих калек, которые страдали гораздо больше Шарлотты и были беднее ее, но умудрялись радоваться жизни. Счастье или несчастье зависит от самого человека. Впрочем, боюсь, что я уклоняюсь от темы. На чем мы с вами остановились?

— Мы вспоминали список, — подсказала Банч. — Что вы имели в виду, написав «выяснить»?

— Уж вам-то, инспектор, — мисс Марпл обратилась к Краддоку, — грех было не заметить. Помните, вы показали мне письмо Летиции? Там дважды встречалось слово «выяснить»,

и оба раза вместо «я» стояло «е». А в записке, которую я попросила Банч показать вам, мисс Блэклок написала «выяснять» с «я». Люди стареют, но их орфография обычно не меняется. Это несоответствие показалось мне тогда весьма существенным.

— Вы правы, — согласился Краддок, — как же я упустил такую деталь!

А Банч продолжала:

— «И бремя печалей на сердце легло…» Но это же слова, сказанные Дорой в кафе! Она подразумевала недуг Шарлотты, а у Летиции, разумеется, никакого недуга не было и в помине. «Йод». Это связано с ее заболеванием?

— Да, милая. Рассказывая про свою жизнь в Швейцарии, мисс Блэклок пыталась создать впечатление, будто ее сестра умерла от чахотки. Но я вспомнила, что в Швейцарии крупнейшие специалисты по щитовидке и самые искусные хирурги. Кроме того, моя гипотеза объясняла, почему Летиция Блэклок не расставалась с этим нелепым жемчужным ожерельем, которое ей совершенно не шло: оно помогало скрыть шрам.

— Теперь понятно, почему она так заволновалась, когда ожерелье порвалось, — сказал Краддок. — В тот момент это выглядело абсолют-

но дико.

— Да, а потом еще я вспомнила, что сестру Летиции звали Шарлоттой и что Дора Баннер несколько раз называла при мне подругу «Лотти» и из-за этого всегда очень расстраивалась.

— А что означают слова «Берн» и «пенсия»?

— Руди Шерц работал санитаром в одной из бернских больниц.

— А «пенсия»?

— Банч, милая, я же тебе рассказывала тогда в «Синей птице»… правда, тогда я еще не знала, чему это соответствует… Помнишь? Миссис Уизерспун получала пенсию за себя и за миссис Барлетт, которая давным-давно умерла. А удалось мошенничество потому, что старушки обычно похожи друг на друга… Ну вот, и в результате у меня создалась стройная картина преступления. Я невероятно утомилась и вышла проветриться, а заодно и подумать, как доказать виновность Шарлотты. Тут-то меня и окликнула проезжавшая на машине мисс Хинчклифф. А чуть позже мы нашли мисс Мергатройд.

Мисс Марпл понизила голос. Возбужденная радость, еще недавно звучавшая в нем, исчезла. Теперь голос звучал сурово и сухо.

— Я знала, что нужно действовать, причем

быстро. Но доказательств не было! И тут у меня возник план, которым я поделилась с сержантом Флетчером.

— Я ему за это такую взбучку устроил! — воскликнул Краддок. — Какое он имел право обсуждать с вами какие-то планы, не доложив мне?!

— Он не хотел, но я его уломала, — заступилась за сержанта мисс Марпл. — Мы отправились в «Литтл-Пэддокс», и я принялась обрабатывать Мици.

— Не представляю, как вам удалось ее уговорить?! — с глубоким вздохом сказала Джулия.

— Пришлось изрядно попотеть, милочка, — улыбнулась мисс Марпл. — Она же привыкла думать только о себе, а тут нужно было сделать кое-что для других. Конечно, я превозносила ее до небес, сказала, что у себя на родине она наверняка была участницей Сопротивления. Она ответила: «Конечно». Тогда я заявила, что у нее героизм в крови, она отчаянно смелая, не боится рисковать и могла бы мастерски сыграть свою роль. Я рассказывала ей про подвиги девушек — участниц Сопротивления; некоторые из них — быль, а некоторые, каюсь, вымысел. И Мици наконец воодушевилась! Мы с ней долго репетировали ее роль, пока она не выучила все назубок.

После чего я велела ей отправляться к себе и до прихода инспектора Краддока не высовывать носа из комнаты. Самая главная беда возбудимых людей в том, что они нетерпеливы и могут испортить все дело.

— Но Мици выполнила свою миссию безукоризненно, — похвалила служанку Филиппа.

— А я все же не понимаю, зачем вы это затеяли, — сказала Банч. — Конечно, меня там не было… — добавила она извиняющимся тоном.

— Наш замысел был довольно сложным и рискованным. Прикинувшись шантажисткой, Мици должна была притвориться, что перепугалась, разнервничалась и решила открыть правду. Сквозь замочную скважину в столовой она будто бы видела, как мисс Блэклок подошла к Руди Шерцу, держа в руке пистолет. То есть девушка якобы видела все, как оно было на самом деле. Конечно, Шарлотта Блэклок могла сообразить, что Мици лжет. Ведь если в замке торчал ключ, значит, в замочную скважину ничего не было видно. Но когда человек в шоке, ему не до рассуждений. Поэтому я надеялась, что Шарлотта поверит.

— Но я — и это немаловажная деталь, — подхватил Краддок, — сделал вид, что воспринимаю ее заявление скептически, и моментально перешел

в наступление, якобы решив открыть свои карты. Я напал на того, кто раньше был вне подозрений, и обвинил Эдмунда…

— А как здорово я сыграл свою роль, оцените! — воскликнул Эдмунд. — Я категорически все отрицал, действуя точно по нашему плану. Только мы не учли, что ты, моя драгоценная Филиппа, вдруг запищишь и поведаешь миру, кто ты такая. Ни инспектору, ни мне не приходило в голову, что ты можешь оказаться Пипом. Им ведь по сценарию должен был оказаться я! На мгновение ты выбила нас из колеи, но инспектор ловко парировал удар и сделал пару грязных намеков на мои мечты жениться на богатой невесте; не исключено, что эти намеки станут впоследствии причиной наших семейных раздоров.

— Не понимаю, зачем вам понадобилось ломать комедию?

— Не понимаешь? А ты встань на место Шарлотты Блэклок. Все наше поведение подсказывало ей, что подозревал или знал правду всего один человек — Мици! У полиции же все были под подозрением. Сейчас легавые решили, что Мици лжет. Но если девушка будет упорствовать, они могут прислушаться к ее словам и воспринять их всерьез. А коли так, то нужно заткнуть Мици

рот!

— Служанка вышла из комнаты и прямиком, как и было велено, отправилась на кухню, — сказала мисс Марпл. — Мисс Блэклок вышла почти сразу же вслед за ней. Она не подозревала, что Мици на кухне не одна. Сержант Флетчер спрятался за дверью в кладовке, а я — в шкафчике для веников. Хорошо, что мои габариты позволили…

Банч внимательно посмотрела на мисс Марпл:

— И что, по-вашему, должно было произойти дальше, тетя Джейн?

— Одно из двух. Либо Шарлотта предложит Мици денег за молчание, и тогда сержант Флетчер это засвидетельствует, либо… либо она попытается убить служанку.

— Но не могла же она надеяться и в этом случае выйти сухой из воды! Тут уж ей было не отвертеться!

— Ах, милая Банч, она уже ничего не соображала. В тот момент Шарлотта Блэклок напоминала огрызающуюся, перепуганную крысу, загнанную в угол. Сама посуди, сколько событий произошло за один день. Сначала Шарлотта подслушивает разговор мисс Хинчклифф и мисс Мергатройд. Потом мисс Хинчклифф уезжает на станцию. Как только она вернется, мисс Мергатройд поделится

с ней своим открытием, что Летиции Блэклок не было в тот вечер в комнате. В распоряжении Шарлотты считанные минуты, ей необходимо заткнуть мисс Мергатройд рот. Времени на разработку приличного плана нет. Остается один выход — грубое насилие. Шарлотта здоровается с бедной женщиной и душит ее шарфом. Потом очертя голову бросается домой переодеться и усаживается у камина, чтобы к приходу домашних все выглядело так, будто она никуда не уходила. Затем происходит неожиданное разоблачение Джулии. Шарлотта в порыве волнения рвет ожерелье и страшно пугается: вдруг окружающие заметят ее шрам? Чуть позже звонит инспектор и говорит, что приедет вместе с соседями. Ни минуты, чтобы подумать, передохнуть… Руки ее уже по локоть в крови, причем последнее убийство уже нельзя трактовать как акт милосердия или же устранение досадной помехи в лице молодого проходимца. Нет, это самое обыкновенное зверство! Но она-то хоть в безопасности? Да, пока вроде бы да. И вот появляется новая угроза — Мици. Надо ее убить, заставить умолкнуть! От страха Шарлотта обезумела. Она больше не человек, она опасный зверь.

— Но зачем вы полезли в шкаф, тетя Джейн? —

недоуменно спросила Банч. — Неужели сержант Флетчер один не мог справиться?

— Так было надежнее, дорогая. И потом, я собиралась в случае чего заговорить голосом Доры Баннер. Это было единственное, что могло сломить Шарлотту Блэклок.

— Так оно и получилось.

— Да, ее это подкосило.

Все притихли, вспоминая пережитое. Наконец Джулия сказала нарочито беззаботным тоном, стараясь разрядить обстановку:

— Мици прямо преобразилась. Вчера она сообщила мне, что устраивается в какой-то дом под Саутгемптоном. — Джулия начала мастерски пародировать кухаркин акцент: — «Я идти туда, и если мне говорят, вы должны регистрировать себя полиция, вы иностранец, я им ответ: „Да, я буду регистрировать себя полиция! Полиция… они меня хорошо знать! Я помогать полиция! Если не я, полиция никогда не арестовать один очень, очень опасный преступник. Я рисковать свою жизнь, потому что я смелый, смелый, как лев… я не боюсь рисковать“. — „Мици, — говорить они, — ты героиня, ты прекрасная, Мици!“ — „Ах, ничего особенный“, — говорить я». — Джулия замолчала. — Ну дальше в том же духе.

— Сдается мне, — задумчиво произнес Краддок, — что скоро Мици поможет полиции не в одном, а в целой сотне дел!

— Она и ко мне подобрела, — подала голос Филиппа. — Даже в качестве свадебного подарка презентовала рецепт «Сладкой смерти». Правда, потребовала, чтобы я ни в коем случае не открывала секрета Джулии, потому что Джулия испортила ее сковороду для омлетов.

— У миссис Лукас, — сказал Эдмунд, — Филиппа больше работать не будет. Белль Гедлер умерла, и Филиппа с Джулией унаследовали гедлеровские миллионы. Миссис Лукас подарила нам серебряные щипцы для спаржи. А я потешу себя тем, что не приглашу ее на свадьбу!

— Они жили долго и счастливо, — процитировал Патрик, — Эдмунд с Филиппой… Ну а что насчет Патрика с Джулией? — нерешительно повернулся он к Джулии.

— Нет, со мной этот номер не пройдет, — заявила она. — Намеки инспектора Краддока — скорее камешки в твой огород, а не в огород Эдмунда. Это ты юноша, мечтающий о богатой невесте. Так что не надейся.

— О, черная неблагодарность! — воскликнул Патрик. — И это после всего, что я для нее сде-

лал!

— Да уж, из-за твоего разгильдяйства я чуть не увидела небо в клеточку, — хмыкнула Джулия. — Никогда не забуду тот вечер, когда пришло письмо от твоей драгоценной сестрицы. Я уж подумала, пиши пропало. Казалось, все, выхода нет. Ну а теперь, — промурлыкала она, — я, наверно, подамся в артистки.

— Как? И ты туда же? — простонал Патрик.

— Да. Поеду в Перт. Посмотрю, может, удастся залучить местечко твоей Джулии. А когда освоюсь, займусь продюсерским бизнесом… буду ставить пьесы Эдмунда.

— А я думала, вы пишете романы, — сказал, обращаясь к Эдмунду, Джулиан Хармон.

— Я тоже так думал, — ответил Эдмунд. — И даже писал. Вполне приличный, кстати говоря, роман. На первых страницах там долго рассказывалось, как небритый мужчина вылезает из постели, как серо на улице и чем пахнет в комнате; потом появлялись отвратительная старуха с отечной мордой и злобная потаскуха, которые вели бесконечные разговоры о мироздании и размышляли о смысле жизни. И вдруг я тоже начал размышлять… Мне пришла в голову забавная мысль… я ее записал… А потом из этого вышла

хорошенькая коротенькая сценка… Получилось простенько, но мило… И не успел я сообразить, что к чему, как закончил уморительный фарс в трех действиях.

— А как называется твоя пьеса? — спросил Патрик. — «Что увидел привратник?»

— Можно, конечно, назвать и так… Но я назвал по-другому: «И слоны забывают…» Скажу больше: пьесу уже приняли к постановке.

— «И слоны забывают…» — прошептала Банч. — Интересно, а на самом деле они умеют забывать?

Преподобный Джулиан Хармон вскочил и виновато пробормотал:

— О господи! Я заслушался… Моя проповедь…

— А все из-за этих проклятых детективов, — сказала Банч. — Только на сей раз детектив не выдуманный, а вполне реальный.

— Произнесите проповедь на тему «Не убий», — шутливо предложил Патрик.

— Нет, — серьезно ответил Джулиан Хармон. — Не хочу…

Банч перебила его, крепко обняла и сказала:

— Я знаю только одно: ты думаешь, что библейский Агасфер — это Артаксеркс Второй, но вообще-то (только это между нами!) он был Артаксерксом Третьим…

И Джулиан Хармон в энный раз не понял, что смешного находит его жена в этой истории.

— Тиглатпаласар жаждет тебе помочь, — сказала Банч. — Он теперь загордился, считает себя неоценимым помощником. Еще бы! Ведь это он подсказал нам, как и почему погас свет!

Эпилог

— Надо выписать газеты, — сказал Эдмунд Филиппе, когда они вернулись в Чиппинг-Клеорн из свадебного путешествия. — Пошли к Тотмэну.

Мистер Тотмэн, грузный мужчина, страдающий одышкой, при виде их расплылся в улыбке:

— Счастлив снова увидеть вас в наших краях! Мое почтение, мадам.

— Мы хотим оформить подписку, — сказал Эдмунд.

— Извольте, сэр. Как поживает ваша матушка? Надеюсь, здорова? Как ей на новом месте в Борнмуте?

— Она в восторге, — сказал Эдмунд, не имевший ни малейшего понятия, так ли это, но, подобно большинству сыновей, предпочитавший думать, что с их любимыми, хотя и надоедливыми предками все в порядке.

— Да, сэр, Борнмут — премилое местечко. Мы ездили туда в отпуск в прошлом году. Миссис

Тотмэн очень понравилось.

— Я рад. Так вот, насчет газет: мы бы хотели…

— А еще я слыхал, вашу пьесу поставили в Лондоне. Говорят, презабавная.

— Да, она имеет успех.

— Вы, говорят, назвали ее «И слоны забывают…». Простите, сэр, но мне всегда казалось, что нет… то есть я хотел сказать, что они не забывают.

— Да-да, вы правы. Я теперь сожалею, что дал ей такое название. Мне многие делают то же самое замечание.

— Но ведь они — я имею в виду слонов — действительно забывают, не так ли?

— Разумеется! Это реальный факт. Как и то, что уховертки — образцовые матери.

— Неужели, сэр? Это ж надо, а я не знал!

— Так вот, насчет газет…

— Наверное, «Таймс»? — Мистер Тотмэн замер, держа наготове карандаш.

— Нет, лучше «Дейли уоркер», — твердо заявил Эдмунд.

— И «Дейли телеграф», — вставила Филиппа.

— И «Нью стейтсмен», — добавил Эдмунд.

— И «Радио таймс», — сказала Филиппа.

— И «Зритель», — подхватил Эдмунд.

— И «Вопросы садоводства», — спохватилась Филиппа.

Они замолчали, переводя дыхание.

— Превосходно, сэр, — закивал мистер Тотмэн. — Ну и, разумеется, выпишем «Газету»?

— Нет, — заявил Эдмунд.

— Нет, — поддержала мужа Филиппа.

— Как?! Простите… Вы… не желаете получать «Газету»?

— Не желаем.

— Конечно, не желаем!

— Вы не хотите получать «Норс-Бенхэм ньюс энд Чиппинг-Клеорн гэзет»?

— Нет.

— Не хотите, чтобы я присылал ее в ваш дом каждую пятницу?

— Да нет же, нет! — воскликнул Эдмунд и добавил: — Теперь ясно?

— О да, сэр… д-да…

Когда за Эдмундом и Филиппой закрылась дверь, мистер Тотмэн, переваливаясь, пошел в гостиную, находившуюся в глубине дома.

— Мамочка, у тебя есть ручка? — спросил он. — А то у меня чернила кончились.

— Я сама запишу, — сказала миссис Тотмэн и схватила книгу заказов. — Что им нужно?

— «Дейли уоркер», «Дейли телеграф», «Радио таймс», «Нью стейтсмен», «Зритель»… погоди, дай припомнить… так, еще «Вопросы садоводства».

— «Вопросы садоводства»… — повторила миссис Тотмэн, деловито записывая. — И, конечно, «Газету».

— Нет, от «Газеты» они как раз отказались.

— Что?

— Они не хотят выписывать «Газету». Так прямо и заявили.

— Вздор! — воскликнула миссис Тотмэн. — Ты просто не расслышал. Естественно, они хотят выписать «Газету». Ее все выписывают. А иначе как узнать, что творится вокруг?